РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС в СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2021

УДК 323.22/.28+324+328.1+329
ББК 66.3(4)/66.3(8)+66.3пр1.1
П50

Ответственные редакторы и составители:
к.и.н. Е. М. Астафьева (ИВ РАН), д.и.н. Д. В. Мосяков (ИВ РАН)

Рецензенты:
д.и.н. Е. А. Канаев (НИУ ВШЭ), к.и.н. Н. С. Скоробогатых (ИВ РАН)

Коллектив авторов:
Д.В. Мосяков (ИВ РАН), А.Ю. Другов (ИВ РАН),
А.А. Симония (ИВ РАН), Н.Н. Бектимирова (ИСАА МГУ),
Е.А. Фомичева (ИВ РАН), Е.В. Кочеткова (ИВ РАН),
В.А. Погадаев (МГИМО), Д.С. Панарина (ИВ РАН),
Е.М. Астафьева (ИВ РАН)

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

П50 **Политические** системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост.: Е. М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 – 470 с.

ISBN 978-5-907543-00-3

Сегодня страны Юго-Восточной Азии – одни из мировых лидеров по темпам экономического роста, масштабам взаимного сотрудничества, они демонстрируют внутреннюю стабильность, организованность в борьбе с пандемией коронавируса COVID-19. Все эти достижения привлекают к ним, к их политическим системам и политическому процессу особое внимание, так как эти элементы власти составляют одну из основ их успеха.

ББК 66.3(4)/66.3(8)+66.3пр1.1

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение *7*

Глава 1. Политическая система Индонезии: между прошлым и будущим *56*

Особенности политической системы современной Индонезии *57*

Конституция Республики Индонезия 1945 г.: поправки начала 2000-х гг. *61*

Религиозный фактор и его влияние на общественную и политическую жизнь *65*

Панча сила – государственная идеология Индонезии *72*

Роль вооруженных сил в политической системе Индонезии *80*

Особенности демократизации и модернизации политического процесса в Индонезии после падения режима «нового порядка» *88*

Глава 2. Особенности политической системы и политических процессов в независимой Бирме/Мьянме *97*

Путь колониальной Бирмы к федеративной парламентской республике *99*

Начало военного правления в Бирме *103*

Новая военная администрация (с 1988 г.) *106*

Военный переворот 1 февраля 2021 года – претензия на Конституционность процесса *112*

Законотворчество Государственного административного совета *115*

Планы реформирования избирательной системы *121*

Судьба военной Конституции 2008 года *125*

Глава 3. Особенности функционирования политической системы в Камбодже в XXI веке.....130

Особенности традиционной политической культуры и ее влияние на формирование современной политической системы.....131

Эволюция политической системы в постколониальный период в XX веке. 136

Особенности процесса демократизации в Камбодже на рубеже веков 143

Особенности политического процесса в Камбодже в 1993-2003 гг. 152

Особенности политического процесса в Камбодже в 2004-2013 гг. 167

Авторитарный регресс в 2013–2020 гг. 181

Глава 4. Политическая система Таиланда: особенности и эволюция.....190

Основные институты политической системы Таиланда.....192

Политическая культура Таиланда 201

Особенности политической системы.....205

Конституция Таиланда.....207

Партии и партийно-политическая система.....213

Глава 5. Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире 225

Кратко о политическом устройстве Филиппинской республики 225

Местные органы самоуправления 230

Особенности филиппинской Конституции 1987 г.....236

Демократия на Филиппинах.....246

Отличительные черты партийной системы на Филиппинах.....254

Некоторые культурные особенности политической системы Филиппин.....266

Глава 6. Социально-политические процессы в Малайзии (после обретения независимости в 1957 г. и до наших дней).....273

Политическая система современной Малайзии и основные политические партии страны.....276

Обретение независимости и принятие Конституции Малайской Федерации.....287

Политическое развитие Малайзии после первых парламентских выборов 1959 г......294

Малайзия после событий 1969 г. и выход из межобщинного кризиса.....300

Внутриполитическое развитие современной Малайзии.....309

Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем.....318

Роль колониальных институтов в формировании социально-политической системы Сингапура.....319

Влияние распада мировой колониальной системы на политические процессы в Сингапуре.....329

Внутриполитическая борьба и межпартийные противоречия в Федерации Малайзия как путь к независимости Сингапура.....353

Политический процесс в Сингапуре через призму парламентских выборов 1965–2020 гг......408

Особенности предвыборной кампании 2020 в условиях пандемии COVID-19.....428

Заключение.....437

Abstracts.....446

Библиография.....451

ВВЕДЕНИЕ[1]

Сегодня страны Юго-Восточной Азии – одни из мировых лидеров по темпам экономического роста, масштабам взаимного сотрудничества, они демонстрируют внутреннюю стабильность, организованность в борьбе с пандемией коронавируса COVID-19. Все эти достижения привлекают к ним, к их политическим системам и политическому процессу особое внимание, так как эти элементы власти составляют одну из основ их успеха. Но, прежде чем начать их изучать, следует определиться с ключевыми терминами предстоящего анализа. Понятие политической системы определяется очень многогранно, и иногда довольно странно, например, у Т. Парсонса, «как "черный ящик", внутреннее устройство которого не так важно, но который взаимодействует с окружающей его политической средой»[2]; примерно то же и у Д. Истона, который представил политическую систему как развивающийся и саморегулирующийся организм, активно реагирующий на поступающие извне импульсы – команды[3]. Есть и намного более конкретные и предметные определения, например, что это организованная на единой нормативно-ценностной основе совокупность отношений полити-

---

[1] **Сведения об авторе:** ***Мосяков Дмитрий Валентинович*** *– доктор исторических наук, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: mosyakov.d@gmail.com*

[2] *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998.

[3] *The Analysis of Political Structure*, New York: Routledge, 1990.

ческих субъектов, осуществляющих власть, или совокупность государственных и негосударственных институтов и норм, в рамках которых проходит политическая жизнь общества, или способ узаконения государственного принуждения, как механизм регуляции взаимоотношений между людьми и даже как совокупность институтов, норм, идей, организаций, их взаимодействий, в процессе реализации политической власти[4]. Есть еще и другие определения, но все они, так или иначе, передают сложность и многосторонность изучаемого нами явления. В любом случае, политическая система рассматривается как сложный механизм, который включает в себя отдельные элементы – подсистемы, каждая из которых охватывает определенную часть политического поля. Такие подсистемы – институциональная, нормативная, функциональная, коммуникативная и культурно-идеологическая не только формируют целостность самой политической системы, но и позволяют посредством выделения и сравнения этих подсистем установить их схожесть и различие, проводить разнообразные сравнения в рамках их упорядоченной совокупности и целостности.

Другим ключевым элементом важным для нашего исследования является определение того, чем собственно является политический процесс – главный движущий фактор развития и функционирования политической системы. Существует несколько определений – по большей части это «совокупная деятельность субъектов политики, благодаря чему обеспечивается функционирование и развитие политической системы»[5]. Под субъектами политики подразумевают деятельность государств, партий, политических движений, отдельных людей, ведущую к измене-

[4] Подробнее см. URL: https://studopedia.ru/10_208065_politicheskaya-sistema.html

[5] URL: https://kartaslov.ru/карта-знаний/Политический+процесс

нию в политической культуре, политическом сознании и поведении людей.

При всей разности подходов и определений есть и общее понимание того, что сущность и содержание отдельно взятого политического процесса определяется исходя из особенностей политической системы и характера политического режима, который мы рассматриваем. То есть в демократическом обществе он будет носить демократический характер, в авторитарном – авторитарный и, соответственно, в тоталитарном – тоталитарный. Но для нас, изучающих основы и способы функционирования современных политических систем в странах Юго-Восточной Азии, более актуальным является не это, а тот несомненный факт, что и само понятие политической системы, и определение политического процесса носят универсальный характер, то есть, вне зависимости от географии, культуры или истории эти термины и то, что они подразумевают, функционирует и в странах Запада, и в странах ЮВА. Собственно, они и составляют механизм власти, который существует практически во всех государствах современного мира. В этом универсальном механизме власти политическая система составляет некую постоянную, а политический процесс – переменную величину, и совместно, посредством их взаимодействия, и происходит процесс самодвижения механизма власти. Следует отметить, что набор подсистем – институциональная; нормативная; функциональная; коммуникативная и другие упомянутые выше, в зависимости от их влияния и формального устройства, формируют ту изменчивую и разнообразную картину, которую мы собственно и можем наблюдать, анализируя политическую ситуацию в тех или иных государствах.

Очевидно, что распределение власти, а также роль и значение некоторых подсистем в странах ЮВА более зна-

чимо, чем на Западе, и наоборот. Так, например, если в странах Запада коммуникативная подсистема обрела свободу и стала сегодня чуть ли не ведущей в определении политического курса, то в Восточной Азии институциональная подсистема сохраняет по большей части свое господствующее положение в рамках принятия тех или иных решений. Но сам этот факт никак не меняет того, что перед нами один и тот же универсальный механизм власти.

В то же время, рассматривая единство такого механизма, построенного по известной парадигме – вызов–ответ, нельзя пройти мимо того факта, что существует и иная точка зрения, которую представляют сторонники так называемого «незападного политического процесса», которые полагают, что есть глубокие различия, и что и политические системы, и политический процесс на Востоке сущностно иные, чем на Западе, что под одними и теми же понятиями и терминами скрываются совершенно разные явления[6].

Если согласиться с такой позицией, то получается, что политические системы и политические процессы в странах Юго-Восточной Азии должны кардинально отличаться и быть принципиально иными, чем их западные аналоги. Они должны служить подтверждением существования в политических системах стран ЮВА «незападного политического процесса» фиксировать тот факт, что универсального общего для Запада и Востока политического поля нет, и оно даже не предвидится. Но такое пред-

[6] Описание незападного политического процесса, можно обнаружить в следующих ключевых работах: *George McT. Kahin, Guy J. Pauker, and Lucian W. Pye*, Comparative Politics in Non-Western Countries // American Political Science Review, XLIX (December, 1955), 1022–41; *Gabriel A. Almond*, Comparative Political Systems // Journal of Politics, XVIII (August, 1956), 391–409; *D. Rustow*, Politics and Westernization in the Near East, Center of International Studies (Princeton, 1965). Из последних - *Non-Western International Relations Theory* / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010.

ставление, как мы увидим далее, не только не соответствует реальной действительности, но и в определенном смысле даже принижает страны ЮВА, как и многие другие страны коллективного Востока.

Дело в том, что большинство адептов различий в устройстве власти на Востоке и Западе постоянно, и подчас априорно, указывают на совершенство западного и несовершенство восточного политических процессов, причем, если источником западного политического процесса являются для них по большей части теоретические работы западноевропейских основоположников современной политической теории, то источником по странам Востока – практическая политика, события, которые происходили в давней и недавней истории восточных обществ и государств. А между теорией и практикой, как говорится, «большая разница», при этом, если объективно сравнивать только принятые и там, и там политические практики, то можно увидеть не столько различия, сколько очень много общего.

На самом деле, дискриминационный подход откровенно несправедлив, так как даже поверхностный анализ устройства и функционирования политических систем стран Восточной Азии и ЮВА показывает логично выстроенные и вполне эффективные политические структуры, которые практически везде от Японии и до Малайзии являют собой сложные синкретические политические субъекты, где причудливо переплетаются элементы западной политической культуры, интегрированные в процессе модернизации, и элементы национального политического видения – некий комплекс идей и представлений, присущих восточным социумам. Но вопрос в том, насколько эта восточность имеет решающее значение и не является ли она лишь внешним обрамлением абсолютно западных, по сути политических, методов и подходов. На

этот вопрос у каждой страны ЮВА, как мы увидим дальше, есть свой, причем общий для них всех, универсальный ответ – действительно национально-традиционные элементы в политической системе и в политическом процессе присутствуют, причем в одних странах как, например, в Лаосе больше, в других, – как в Сингапуре, – меньше, но нигде они не имеют решающего влияния на механизм власти. Он в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, как и на Западе, включает в себя одни и те же элементы – конституцию, конкуренцию политических партий, всеобщие выборы в парламент, с организацией избирательных комиссий и обращением в суды в случае известных манипуляций и подлогов. Такая практика настолько укоренилась в сознании политических элит, что даже в Бирме, не самой передовой в плане демократии стране в ЮВА, военные в 2020 г., прежде чем взять власть в свои руки и арестовать гражданское руководство, обращались в суд, в том числе в Верховный, относительно многочисленных нарушений и подлогов на всеобщих выборах в ноябре 2020 г. – то есть сама парадигма разрешения конфликта первоначально предполагала движение по универсальному и легитимному маршруту.

Этот пример, естественно, не снимает актуальности продолжающихся дискуссий относительно «незападного политического процесса», который продолжает находиться в центре внимания, причем явно преобладают исследования, что такой процесс реально существует. Так, например, вслед за Л. Паем – одним из главных основоположников этой концепции, отечественные авторы – В.В. Марков и Т.А. Шебзухова в своей статье отмечают, что глубокие различия сохраняются, и «описанная Л. Паем структура

незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику»[7].

При знакомстве с проблемой, иногда даже создается ощущение, что для некоторых западных авторов это принципиальный вопрос – ведь если признать, что как такового «незападного политического процесса» не существует, то так любимое ими противопоставление «чистого и правильного, и свободного, и демократического политического процесса Запада», как он описан в многочисленных сочинениях, и «авторитарно-харизматического и не вполне совершенного», как он реализуется на практике на Востоке, теряет свою актуальность. Придется согласиться в таком случае, что совершенного политического процесса нет, и никогда не будет, что «непорочного» западного образца демократии, на который все на Востоке должны равняться в реальности не существует. И на Западе, и на Востоке реальный политический процесс крайне несовершенен, страдает многочисленными изъянами, подлогами, обманом, иногда даже прямыми фальсификациями, причем механизм противостояния этим наруше-

[7] *Марков В.В., Шебзухова Т.А.* Политический процесс в незападных странах: сущность, специфика // Социально-гуманитарные знания, 2012, URL:https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-protsess-v-nezapadnyh-stranah-suschnost-spetsifika/viewer. См. также: *Исаков А.Л.* Незападный тип политических процессов в контексте проявления моделей архаизации // Государственное и муниципальное управление. Ученый записки. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnyy-tip-politicheskih-protsessov-v-kontekste-proyavleniya-modeley-arhaizatsii/viewer; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004; *Виноградов А.* Государственно-политические «коды» Востока и Запада // Социологический журнал. 2001. № 4; *Политический процесс: основные аспекты и способы анализа* / Отв. ред. Е. Мелешкина. М.: Инфра-М; Весь мир, 2001; *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология: Учебник. М.: Юристъ, 2002; *Воскресенский А.Д.* Незапад в дискурсе мирополитической компаративистики // Международные процессы. - 2004. - № 3. - С. 54-63.

ниям посредством обращения в суд очень часто оказывается неэффективным.

Есть и еще одна причина, почему сегодня дискуссии относительно западного и «незападного политического процесса» так важны – очевидно, что страны Востока и, прежде всего, Китай явно перехватывают знамя глобального лидерства у стран Запада, и не исключено, что в ближайшие годы именно они и будут определять цели, пути и механизмы организации власти глобального человечества. В связи с этим принципиально важно отделить их политический опыт, показать неприемлемость и невозможность его заимствования и применения в глобальном масштабе, сохранив в качестве образца «западный храм чистой демократии на холме».

Таким образом, если мы выделяем и противопоставляем западный и «незападный политический процесс», то в отношении будущего мы постулируем высокую вероятность столкновения разных концепций политической власти и способов ее функционирования и, наоборот, если мы утверждаем реальное существование универсального механизма власти с некоторыми региональными, национальными и социо-культурными особенностями, то открывается общее политическое пространство с минимальными угрозами глобальных перемен.

Более того, получает дополнительный смысл весь процесс глобализации 1990-х–2000-х годов, а современная нам и будущая история обретают внутреннее единство и определенную предсказуемость.

Поэтому так важно доказать, что мировая и региональная политика в Юго-Восточной Азии, да и в Азии в целом, сегодня развиваются в рамках общих универсальных понятий, общих организационных структур и механизмов. Понятно, что в настоящем введении полноценно добиться такого результата достаточно сложно, да и не хо-

чется в очередной раз возвращаться и повторять давно заученные аксиомы об идущих еще с античности разделениях на Запад и Восток, когда в одном мире (Запад) доминируют частнособственнические отношения и товарное производство; отсутствует централизованная власть; существует демократическое самоуправление общины, а в другом (Восток) всего этого нет, там община принимает только то, что соответствует нормам общинной этики или традиции, то есть то, что соответствует коллективному, а не индивидуальному опыту как на Западе. Со всеми этими утверждениями спорить нет смысла, но нам интересен опыт сегодняшний, который явно опровергает многие устоявшиеся стереотипы. Вполне актуальной представляется возможность развернуть широкую критику самой концепции «незападного политического процесса», применительно к 20-м годам XXI века и показать, что к сегодняшнему дню для стран Восточной и Юго-Восточной Азии практически все ее положения утратили актуальность и не отражают специфики политических систем и политического процесса.

Одна из причин такого положения видится в том, что ключевые работы по проблематике «незападного политического процесса» написаны были в 50-60-х годы XX века. Это была эпоха, когда «Восток проснулся», словами одного из руководителей тогдашнего СССР Анастаса Микояна. Колониальная система и связанные с ней рычаги управления и контроля над странами Востока (в нашем случае, странами Юго-Восточной Азии) уходили в прошлое, на карте региона появились независимые государства, в которых сразу же началась борьба различных сил за власть и выбор пути независимого развития. В такой ситуации на Западе возникла объективная необходимость оценить характер формировавшихся в этих странах политических систем и найти новые возможности сохране-

ния своего присутствия и влияния на них. Поэтому дискуссии, которые тогда развернулись относительно «незападного политического процесса» носили в целом практический характер и отражали, в первую очередь, то, что реально происходило в освободившихся странах именно в тот период времени. Это важное замечание, так как обычно такого рода концепции встраиваются в общий дискурс по Востоку, а здесь она целиком и полностью основывалась на видении стран Востока, в Европе и США именно в середине 1950-х годов.

Но для нашего исследования более актуален вопрос в том, насколько аргументы, выдвинутые тогда относительно реальности «незападного политического процесса», могут быть справедливы сегодня, остались ли различия между западным и незападным политикумом, зафиксированные тогда, или они ушли в прошлое.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы имеет смысл проанализировать ключевые положения этой концепции, которые были собраны в виде комментируемой системы доказательств в известной статье американского политолога Л. Пая[8].

Прежде чем приступить к анализу аргументов, собранных в статье Л. Пая, следует остановиться на плюсах и минусах самого метода его исследования ситуации в странах Востока. Известно, что в основе его сравнений лежал, так называемый компаративистский подход. Смысл его в общем виде, заключается в сравнении разных поли-

[8] Перевод статьи *Pye L.W.* «The non-western political process». Статья была напечатана в «Journal of politics» и представляла собой обновленную версию доклада, представленного автором на ежегодной конференции Ассоциации политической науки в 1957 г. Перевод выполнен по изданию Comparative polities: A reader / Ed. By Eckshtein H., Apter D. – L.: Collier-Macmillan, 1964. – P. 657–664. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnyy-politicheskiy-protsess

тических культур с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий, свидетельствующих о самобытности рассматриваемых традиций[9]. Американский ученый Б.Г. Питерс в своей работе выделил пять типов сравнительных исследований: сравнительное исследование одной страны; сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран; сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем; статистический, либо описательный анализ данных группы стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития; статистический анализ всех стран, в основе которого стремление выделить модели, либо взаимные связи в рамках политических систем всех типов[10].

Как мы видим, компаративизм – это надежный и вполне достоверный метод сравнительного анализа. Но у него есть и свои ограничения, которые сказываются именно в сфере нашего исследования. Дело в том, что как бы не уточнять и не углублять сравнительный анализ, сводить его к мелким и незначительным деталям, в самом подходе есть существенный изъян, который вызван тем, что исследователю необходимо адекватно понимать обе сравниваемые культуры и явления с ними связанные. Без понимания сравниваемых объектов изнутри у нас никогда не получится объективный анализ и правильные выводы. Но, как показывает жизнь, компаративисты крайне редко оказывались одинаково сильными в понимании разных культур, особенно, культур Востока. Подчас внешние различия, несколько иная психология и другие традиции, и обычаи убеждали их в том, что они

[9] URL: https://shohina-compare.livejournal.com/1542.html
[10] *Peters B.G.* Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.

имеют дело с принципиально иным, чем на Западе явлением. Они твердо знали, что есть западная культура и политика, которую они прекрасно понимали изнутри и есть восточная, которую они представляли себе так сказать извне, практически не имея возможности или не желая вживаться в иную культурную и политическую среду. Получалось, что с одной стороны, они вполне выявляли внутреннюю гармонию, логику и красоту западной политической культуры, а с другой – занимались скорее описанием, а не погружением внутрь восточных культур и традиций. Отсюда постоянное постулирование преимущества западных норм, связанных с демократией, над восточными, которые с демократией связаны не были, а скорее с вождизмом и авторитаризмом. При этом компаративисты подчас просто игнорировали реальные условия жизни восточных социумов, которые объясняли их самобытность – особенности климата и вмещающего ландшафта, их истории и этно-культурного окружения. А ведь все это кардинально отличалось от европейских, и постулировало для выживания социумов совершенно иные политические парадигмы.

Нельзя также пройти мимо еще одной слабости компаративизма – любой сделанный исключительно на его основе сравнительный анализ в принципе очень субъективен, несет в себе взгляд самого автора, тем более, что проявления любой культуры разнообразны и можно всегда взять из этого многообразия те аргументы, которые вам необходимы. Карл Поппер утверждал, что каждая теория — это гипотеза, а потому всегда открыта для возможности опровержения, фальсификации[11].

Те же самые трудности неизбежно возникают и в случае, если вместо компаративистского анализа мы бу-

[11] Логика научного исследования М., 2005.

дем сравнивать разные культуры и политические, в том числе, в их взаимодействии и во взаимовлиянии. С одной стороны, у нас возникает перспектива, так как такой анализ рассматривает взаимодействующие социумы в движении, на определенном временном интервале, то есть это не статичный процесс сравнивания разных элементов с точки зрения их эффективности на данный момент. Но с другой – сравнительный анализ через межкультурный диалог, посредством обмена знаниями между представителями отдельных традиций, и сравнение на основе этих полученных знаний, ставит перед нами те же самые вопросы так и не решенные компаративистами – погруженность в одну традицию и описательность традиции другой, внутренние субъективные неосознанные симпатии и антипатии к тем или иным политическим практикам. В силу этого становится очевидным, что любые компаративистские сравнения и сделанные на основе межкультурного взаимодействия страдают определенными и существенными изъянами, и фактически фиксируют состояние определенного социума в прошлом и в настоящем. Компаративисты легко изучают прошлое, с определенными проблемами – настоящее, но неспособны заглянуть в будущее, так как сравнивать то, чего еще нет, дело неблагодарное и скорее лежит уже в сфере оккультных наук.

В нашем исследовании мы сталкиваемся именно с такой проблемой, когда сравнительный анализ, фиксировавший ситуацию в середине 50–60-х годов прошлого века, не может быть справедливым и адекватным почти семьдесят лет спустя. Ведь за годы, прошедшие с середины прошлого века, мир и в первую очередь большинство стран Восточной и Юго-Восточной Азии оказались втянуты в процесс перемен, вызванный распространением тенденции к глобализации, которая охватила не только

сферу экономики, но социокультурную и политическую сферы. Снижение экспортно-импортных тарифов, унификация в сфере законодательства и права, свободное движение капитала и современных идей и представлений, выход на совершенно иной уровень взаимозависимости – все это привело к тому, что если и была в середине XX века пресловутая «стена» между политическим процессом на Западе и Востоке, то теперь она практически исчезла.

Существенным стало и то, что процесс взаимного сближения охватил, прежде всего, правящие политические, экономические и интеллектуальные элиты стран Восточной и Юго-Восточной Азии и коллективного Запада. И в Сингапуре, и в Гонконге, и в Нью-Йорке, и в Лондоне те, кто себя к ним причисляет, по большей части обучались примерно по одним и тем же программам в университетах и бизнес-школах, читали одни и те же книги, смотрели фильмы и слушали музыку из реально сложившегося глобального поля массовой культуры. Даже в повседневной жизни люди этого круга одевались чаще всего в магазинах одних и тех же модных брендов и работали в рамках примерно одних и тех же профессиональных правил, получали информацию о мире и происходящих событиях из одних и тех же информационных центров. Сегодня мы вполне уверенно можем говорить о глобальной западно-восточной политической и экономической элитах, которые обладают во многом общим видением происходящего в мире и способны оказывать существенное влияние на происходящие процессы.

Если добавить к этому возрастание роли транснациональных корпораций в середине 50-х годов, некоторых из них не было вообще, а другие только начинали свой разбег, то станет очевидной совершенно иная картина мира в ту эпоху. Сегодня же ТНК (причем не только

американские и европейские, но и японские, корейские, китайские), буквально опутали мир своими коммуникациями и интересами, активно действуют в рамках открытых границ и свободного движения товаров и капиталов, формируют новый интегрированный мир XXI века. В 50-е годы прошлого века все это было трудно себе представить, но парадоксально, что инерция заложенных тогда представлений сохраняется и поныне.

У нас нет возможности сделать подробный обзор и критический разбор текстов, постулирующих существование «незападного политического процесса» в нашей действительности. Но у нас есть более простая возможность оспорить ставшие уже аксиоматическими утверждения в стиле Редъярда Киплинга о том, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток и вместе им не сойтись». Дело в том, что в свое время на волне дискуссий о «незападном политическом процессе» американский ученый китайского происхождения Люсьен Пай собрал воедино большинство доказательств, откомментировал их и опубликовал статью, в которой изложил все ключевые доводы сторонников «незападной концепции». Поэтому достаточно критически проанализировать его статью с изложенными там доводами, чтобы составить представление о том, актуален или нет сегодня «незападный политический процесс».

Уже само название его научной статьи «Незападный политический процесс» (*The non-western political process*) показывает, что цель ее заключалась в том, чтобы суммировать большинство тезисов и представлений относительно реальности этого явления. Написана она была в 1957 г., когда со всей очевидностью вне Европы и Америки рушился старый привычный колониальный мир, возникали новые государства, и было крайне актуально и важно понять, насколько надвигавшееся будущее, рождавшееся в Азии, будет копировать западные образцы, или же на свет

появятся принципиально иные политические системы. Л. Пай последовательно изучал этот вопрос, не только выступал, но и активно организовывал дискуссии, с привлечением ведущих политологов, причем всегда отстаивал существование социокультурных особенностей у «западного» и у «незападного» типов политического процесса, связывал их принципиальные различия с культурным «кодом», определяющим политические ориентации и поведение населения в западном и «незападном» мире. Свое видение этой проблемы он изложил в статье, которая состоит из 17 выделенных им аргументов в пользу своей концепции «незападного политического процесса», которые как раз и фиксировали это отличие.

Следует особо отметить, что в критике и этих аргументов, и самой концепции, сформулированной Л. Паем, мы будем рассматривать как исторический опыт, так и приводить конкретные примеры из жизни стран Юго-Восточной Азии, политическая история которых собственно исследуется в настоящей работе.

Перечисление своих аргументов в пользу «незападного политического процесса» Л. Пай начинает с утверждения, что **(1)** «в “незападных обществах” политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений. Базовая структура “незападной” политической жизни – структура общинная, политическое поведение связано с общинной идентификацией. Это заметно в крупных общинных объединениях, где существует несколько этических или религиозных традиций. Общинная структура политической жизни, – отмечал он, – ограничивает влияние политических идей. Реакция на попытку отстоять определенную точку зрения будет, скорее всего, зависеть от социального статуса “защитника”, а не от содержания его взглядов. Таким образом, вряд ли можно говорить о существовании некоего свободного рынка, на ко-

тором политические идеи и теории могли бы соревноваться, а наиболее достойные из них получать поддержку. Политические дебаты в данном случае сводятся к внутриобщинной полемике или к попыткам одной из групп оправдать свою позицию. … любое изменение политической идентификации, – заключает он, – требует смены социальных и личных связей; и наоборот, новые социальные связи обычно влекут за собой перемену политической идентификации».

Справедливость рассуждений Л. Пая относительно того, что по большей части организация азиатских социумов носила общинный характер, возражений не вызывает. Но вопрос в том насколько эта общинность являлась решающей при том или ином выборе политического курса местной элитой уже тогда, в 50-е годы прошлого века, вызывал большие споры. Причина этого в том, что общинная организация азиатских социумов уже в то время оказывалась, под серьезным давлением со стороны урбанизирующихся социальных групп. Именно в разросшихся городах, где общинность ощущалась уже очень слабо и люди оказывались в новой для них социальной среде, и стала решаться азиатская политика.

Поэтому утверждение о том, что общинные связи служат препятствием свободной конкуренции политических идей и теорий уже в 50-е годы прошлого века реальной действительности соответствовало лишь отчасти, исключительно в той сфере – сельской местности, где эти связи господствовали. В городах уже все было иначе, и политическая конкуренция там была очевидной.

Сегодня тезис о решающей роли общинности при формировании политики в странах ВА и ЮВА может быть справедлив отчасти к такой стране как патриархально-бедный Лаос или к непризнанным национально-этническим образованиям в Бирме вроде национальных

автономий шанов, качинов, каренов и монов. Опыт практически всех наиболее успешных стран этого региона показывает, что ядром политического процесса в них выступает, как и в Европе, конкуренция политических партий, которые формируются на широкой социальной основе и обладают всеми качествами универсальных политических организаций – программой, уставом, определенной иерархией политического руководства. Их деятельность в той или иной степени отражает цели и интересы основных социальных групп, определяется собственной идеологией и общественными ценностями. При этом их отличия от западных образцов носят по большей части формальный или ситуативный характер, как говорится, картинки разные, а по сути – практически идентичный процесс.

Следующий тезис Л. Пая связан с тем, что **(2)** политические партии в незападных обществах обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни. «Отсутствие четко выделенной политической сферы, – пишет он, – означает, что нельзя говорить об ориентации политических групп и объединений на особую, политическую сферу деятельности, они ориентированы на какой-либо аспект общинной политики. Попытки создания политических партий, придерживающихся определенного политического курса, заканчиваются либо провалом, либо принятием этой партией некоего всеобъемлющего этического кодекса, который в скором времени полностью затемняет изначальную цель. Обычно политические партии, – заключает он, – отражают интересы некоей социальной подгруппы или же личные интересы влиятельного лидера».

Комментарий к этим размышлениям Л. Пая вполне однозначен: в тот период, когда он формулировал свои тезисы, зафиксированное им явление носило достаточно

распространенный характер, так как действительно, после ухода колонизаторов политические партии и движения в странах Востока, ставили перед собой задачу предложить обществу «некий всеобъемлющий этический комплекс», который стал бы объединяющей программой для освободившихся государств. В качестве примера таких политико-этических комплексов можно привести концепцию Панча Силы в Индонезии, Руконегары в Малайзии, или «Нового порядка» на Филиппинах. Для послевоенного Запада такие всеобщие политико-этические программы остались в прошлом, и были уже нехарактерны западному обществу, хотя до Второй мировой войны и в Германии, и в Италии, и в других европейских странах подобные же общенациональные политико-этические кодексы были крайне распространены.

Справедливость суждений и выводов Л. Пая усиливалась еще и тем, что в странах ЮВА, например, в середине 50-х на волне антизападных настроений, отдельные популярные политические лидеры готовы были экспериментировать в эмпирическом конструктивизме и искать новые незападные формы политической организации. Развивались идеи коллективного представительства, когда какой-нибудь народный конвент, собранный достаточно произвольно, получал бóльшие полномочия, чем национальный парламент (как в Камбодже или Индонезии), или когда президент Сукарно в той же Индонезии предлагал вообще распустить политические партии, «так как они раскалывают нацию»[12]. Здесь важно то, что его предложение поддержано не было, а значит уже тогда политические элиты стран ЮВА не мыслили организацию своей власти вне западных ориентиров, причем такого подхода придерживались и коммунисты, и их идеологические

[12] *Жаров В.А.* Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1985. С. 41.

противники. В рамках прозападного пути речь шла о демократической конкуренции политических партий, в рамках просоветско-китайского – о доминировании одной коммунистической партии, выстроенной по советско-китайским лекалам. Партии уже тогда воспринимались как совершенно естественный и универсальный атрибут всего властного механизма, слабо завязанный на общинность, и поэтому ни тогда, ни позже ликвидировать их в Индонезии не удалось. Сам Сукарно признавался, что «натолкнулся на глухую каменную стену сопротивления со стороны партий, которые хотел распустить, и вынужден был отказаться от этой идеи»[13].

Так что уже в 50-е годы в странах ЮВА политический процесс носил универсальный характер, хотя разглядеть это за пеленой военных переворотов, политических программ, появления и исчезновения политических лидеров, общей нестабильности и переходности было совсем непросто. Сегодня общинные партии, несомненно, существуют, но в Юго-Восточной Азии не они определяют характер и суть политического процесса. С уходом с политической арены харизматичных политиков – лидеров и борцов за независимость, политический процесс в странах ЮВА заметно упростился – также как и в Европе, по сути, он стал переплетением разнообразных интересов социальных групп, сельского и городского населения, специфических интересов элиты. Сложилась довольно мобильная система, способная реагировать на многочисленные вызовы, причем и ее основные структуры, и модель организации, и способ решения проблем, и формулирование целей, по большей части тождественные западным образцам.

[13] The Indonesian Revolution Basic documents and the idea of guided democracy. Jakarta, 1960. P.18.

Л. Пай в качестве различия полагает, **(3)** что «характерной особенностью политического процесса незападных стран является наличие большого числа разного рода клик». «Отсутствие сформировавшейся политической сферы и тенденция политических партий опираться на свое мировоззрение, – пишет он, – способствуют тому, что наиболее структурированными органами принятия решений становятся личные клики. Хотя общие соображения, касающиеся общественного статуса, и определяют границы власти…, структура политических взаимоотношений практически всегда зависит от решений, принятых на персональном уровне. Это происходит из-за того, что социальная структура незападных обществ характеризуется функциональной раздробленностью; индивидуумы и группы не имеют четко определенных обязанностей и ролей и, таким образом, не представляют особенных интересов, которые отличали бы их от других объединений. Не существует какой-либо ясной, четко структурированной модели, – указывает он, – на которую могла бы ориентироваться повседневная политическая деятельность».

Рассуждения Л. Пая относительно того, что решения в странах Востока принимаются исходя из личных предпочтений, или мнения окружающих правителя политических клик совершенно справедливы. И в 50-е годы, да и сейчас можно привести массу примеров таких явлений. Но все дело в том, что он, видимо, забывает, что современный ему восточный авторитаризм был жалкой копией тоталитарно-фашистских режимов в Европе – в Италии или в Германии, существовавших накануне Второй мировой войны. Персонализм и борьбу клик за решение правителя можно рассматривать как общую и для западных, и для восточных социумов болезнь, особенно распространенную среди авторитарных режимов.

Сильный лидер в странах ЮВА действительно был окружен разными группами интересов, которые боролись за преобладающее на него влияние, и он принимал многие решения персонифицировано, исходя из своих собственных целей и задач. Этим политическая власть в ВА и ЮВА отличалась тогда от западных послевоенных демократий. Но дальше страны ВА и ЮВА двинулись тем же путем, которым пошли страны Европы после Второй мировой войны – повсюду стал развиваться процесс становления универсальных политических механизмов, которые были аналогичны западным. Так, по словам Ю.А. Нисневича и А.К. Хахуновой, в странах Востока «несколько позже начался процесс глобализации, который обусловил унификацию и интернационализацию в реформировании госуправления»[14]. Этот же процесс отмечали и на Западе. По словам К. Худа, в странах Востока «государственное управление стало более интернациональным и как явление, и как предмет исследования»[15].

В своем следующим **(4)** тезисе Л. Пай, пишет, что «особенности политической лояльности в незападных обществах предоставляют лидерам политических групп весьма высокую степень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии. Общинная модель функционирования политики и тенденция политических партий выражать некое мировоззрение означают, что политическая лояльность обусловлена, скорее, чувством идентичности с какой-либо определенной группой, а не политическими целями подобной группы. От лиде-

[14] См.: *Нисневич Ю.А., Хахунова А.К.* Методология сравнительного анализа и классификационного распределения систем государственного управления // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 75-96.
[15] *Hood C.* Public Administration and Public Policy: Intellectual Challenges for the 1990s. // Australian Journal of Public Administration. 1989. Vol. 48. No. 4. P. 346–358.

ров ждут максимизации выгоды всех членов группы, а не продвижения каких-либо конкретных политических целей и ценностей», – заключает он.

Л. Пай, как мы видим, раз за разом возвращается к идее общинности, «общинной модели политики» как ключевой для политического процесса на Востоке. Для 50-х годов это была спорная позиция, так как уже была ощутима решающая роль урбанизированного населения в политике, сегодня то, что он защищал тогда, даже не может быть предметом спора. Такое положение сегодня не соответствует реальности, так как «общинная модель политики» реально существует на низшем уровне политической системы, на местах. На уровне общенациональных задач роль общинности по большей части эфемерна.

К общинным связям политики стран ВА и ЮВА апеллируют сегодня исключительно как средству мобилизации своей электоральной поддержки, наравне с обращением к элите, городским слоям, этническим и социальным группам.

Что касается логики власти авторитарных лидеров Востока и Запада, о чем также здесь говорит Л. Пай, то различия минимальны, так как в едином политическом поле используются универсальные политические методы и механизмы. Есть общий механизм авторитарного режима с определенной структурой власти, «красными линиями для политической оппозиции», политической лояльностью, системой подавления, харизмой правителя и апелляциями к мнению народа.

Но можно понять и Л. Пая. В 50—60-е годы прошлого века в странах Восточной и Юго-Восточной Азии происходил расцвет авторитарных режимов. В силу разных причин первоначальный этап становления государственности эти страны проходили в рамках авторитарного правления. Достаточно вспомнить президента Сукарно в

Индонезии, принца Сианука в Камбодже, Фердинанда Маркоса на Филиппинах, Ли Куан Ю в Сингапуре, У Ну, а потом Не Вина в Бирме. К ним можно добавить еще и сплоченную группу таиландских генералов и маршалов – диктаторов от Плэк Пхибунсонгкрама и до Танома Киттикачона.

Только уже за горизонтом работы Л. Пая в странах региона произошли такие перемены, которые привели к почти полному исчезновению авторитарных правителей и переходу к относительно конкурентной демократии. Большую роль в этом сыграли серьезные ограничения власти диктаторов и со стороны влиятельных финансово-экономических групп, и со стороны сформировавшейся интеллигенции, которая заняла ведущие позиции в образовании и средствах массовой информации. Поэтому можно вполне твердо утверждать, что и в Малайзии, и в Индонезии, и на Филиппинах, и вплоть до военного переворота в Бирме, в Таиланде вполне сформировались демократические механизмы власти, которые ни по сути, ни по форме не отличались от своих западных аналогов.

Следующий тезис Л. Пая **(5)** заключается в том, что «в незападном политическом процессе оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений». «Так как лидеры незападных обществ, – пишет он, – обычно видят свое предназначение в реформировании всех сфер жизни, а политические объединения являются носителями какого-либо мировоззрения, то любая предполагаемая замена государственного руководства будет восприниматься как имеющая революционный подтекст. Тот факт, что правящие партии большинства незападных стран готовы провести тотальную модернизацию общества, обостряет политические разногласия, которые чаще всего не ограничи-

ваются локальной проблемой, а ассоциируются с фундаментальными вопросами дальнейшей судьбы общества».

Л. Пай еще указывает, что «подобная ситуация объясняет неудачи попыток создания пользующихся доверием оппозиционных партий. Например, индийская партия Национальный конгресс смогла достичь такой степени идентификации с судьбой всей страны, что оппозиционные партии, с одной стороны, должны предпринимать усилия, чтобы не выглядеть врагами развития Индии, а с другой – не разделять тех же целей, что и правящая партия. Понимание оппозиционными партиями тщетности попыток прийти к власти заставляет их обращаться ко все более радикальным методам, поэтому они действительно могут превратиться в революционные движения».

Сегодня тезис Л. Пая относительно специфики деятельности оппозиционных партий на Востоке, которые не имеют возможности прийти к власти легально, его наблюдения, что политическая борьба выливается в партизанские войны и революционные движения смотрится как откровенная архаика. Возникает ощущение, что, по крайней мере, сам Л. Пай не очень понимал какие высокие ставки стоят перед политическими силами в постколониальном мире, предопределяющие и остроту, и жестокость, и бескомпромиссность борьбы. Ведь правящими элитами решался вопрос выбора будущего пути развития. С одной стороны, перед ними был опыт Китая и СССР, увлекавший их к радикальным реформам, к социалистической и коммунистической перспективам и, соответственно, к вступлению в социалистический лагерь. С другой, был иной путь – следование в русле частнопредпринимательской экономики, демократической политической системы с опорой на страны Запада и прежде всего на США. Проблема выбора пути развития и борьба за этот выбор привели к многочисленным войнам и переворотам, как,

например, это было во Вьетнаме, где в одной части страны власть оказалась в руках коммунистов, а в другой – в руках сторонников сначала союза с Францией, а потом с США. Перевороты генерала Не Вина в Бирме в 1962 г. или отстранение от власти Нородома Сианука в Камбодже в 1970 г., физическое уничтожение миллионов сторонников и членов Компартии Индонезии в 1965 г. – это все были звенья одной и той же цепи.

Но потом острота этого противостояния стала постепенно снижаться, а после распада СССР в 1991 г. исчезла вовсе. Политическая борьба в странах ВА и ЮВА сразу потеряла свой глубокий радикализм и угрозу тотальных перемен. В той же Индонезии политический процесс вошел, и уже многие годы идет, во вполне демократическом русле, в Малайзии демократическим путем по результатам выборов оппозиция недавно прервала многолетнее правление Союзной партии, или та же Бирма, где до последнего времени, казалось, был найден компромисс между армией и гражданскими политиками. Особенно показателен пример Индии, опыт которой Л. Пай приводит в качестве справедливости своих аргументов. Там эпоха безраздельного доминирования ИНК, на которую он ссылается, давно закончилась, и в стране сформировалась развитая многопартийная система, с развитыми демократическими институтами, как и в любом ином демократическом государстве.

Далее для подтверждения реальности «незападного политического процесса» Л. Пай приводит еще один аргумент **(6)**: «Для незападного политического процесса, – пишет он, – характерно отсутствие интеграции его участников; что является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе. В большинстве незападных обществ нет единого политического процесса, в рамках которого реализовалась бы политическая активность всех слоев населения, там существует несколько отдель-

ных и практически независимых друг от друга политических процессов. Наиболее яркий пример – доминирующая урбанизированная государственная политика и традиционный деревенский уровень управления. Конфликты, центральные для одного уровня, практически отсутствуют в другом. Подобная ситуация есть следствие системы коммуникации, существующей в большинстве незападных обществ». Здесь же он отмечает, что «средства массовой информации доступны лишь горожанам и тем, кто вовлечен в политический процесс на государственном уровне. Большинство людей вынуждены пользоваться традиционной устной коммуникацией. Даже в том случае, когда средства массовой информации и достигают деревни (газеты или радиоприемники), они не обеспечивают практически никакой обратной связи. Радио обращается к жителям деревни, но оно не говорит с ними».

Приведенное выше суждение Л. Пая о том, что в странах Востока политика как бы разделена и отсутствует коммуникация между государственным уровнем принятия решений и местным встречается в очень многих публикациях о «незападном политическом процессе». Их авторы любят указывать на то, что в странах Запада политика охватывает весь социум и отражает интересы большинства, а на Востоке единого политического поля не существует – авторитарные клики располагаются наверху и общинная демократия внизу. Не исключаю, что в 50-е годы прошлого века все именно так и было. Но сегодня в странах ВА и ЮВА все уже по-другому: сложилось единое информационное поле, которое фактически исключило раздельность политики наверху и внизу, а политические партии, общественные структуры и неправительственные организации сформировали общее социально-политическое пространство, которое образует цельность социально-политической системы.

Произошедшие перемены в сфере политики и коммуникации также существенно расширили возможности крестьянских социумов влиять на принятие правительством тех или иных решений. Достаточно привести пример Таиланда, где именно крестьяне отдаленных территорий Исана на северо-востоке Таиланда, стали главной движущей силой в поддержку политического движения за реформы, возглавляемого премьер-министром Таксином Чиннаватом. Именно их политическая активность привела к слому традиционной политики, которая концентрировалась в основном в городах, и главными ее участниками были урбанизированные слои населения.

В то же время есть и иной процесс, который существенно влияет на расстановку социальных групп и в западных, и в восточных сообществах. Дело в том, что за годы, прошедшие после выхода статьи, численность и влияние крестьян в странах Востока и Запада сократилась очень существенно, и этот факт вносит определенные ограничения в возможности сельских жителей влиять на принятие тех или иных политических решений. Для того, чтобы убедиться в справедливости этого вывода достаточно провести анализ динамики того, как с 60-х годов прошлого века менялось соотношение сельского и городского населения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В 1960 г. во Вьетнаме было 85,3% сельского населения и 14,7% городского, в Индонезии –85,4% сельского и 14,6% городского, в Китае – 83,8% сельского и 16,7% городского, в Малайзии – 73,4% сельского и 26,6% городского, в Японии – 36,7% сельского и 63,3% городского. Для сравнения в Европе в это время в Бельгии – сельского населения 7,5% на 92,5% городского, в Германии – 28,6% сельского и 71,4% городского, в Англии – 21,6% сельского и 78,4% городского.

Сегодня по данным на 2019 г. картина существенно иная: Вьетнам – сельского населения 63,4% и 36,6% город-

ского, Индонезия – сельского 44% на 56% городского, Китай – 39,7% сельского на 60,3% городского, Малайзия – 23,4% сельского на 76,6% городского, Япония – 8,3% сельского на 91,7% городского. В странах Европы происходил ровно такой же процесс: Бельгия – 2% сельского на 98% городского, Германия – 22,6% сельского на 77,4% городского, Великобритания – 16,3% сельского на 83,7% городского[16].

Как мы видим, доля сельского населения в общем населении ВА и ЮВА и в Европе непрерывно сокращается, причем в некоторых странах очень значительно, чуть ли не в два раза. Этот общий, можно сказать, универсальный социальный процесс, только подтверждает отсутствие существенных различий в путях развития государств Европы и ЮВА. Кстати, в сельском населении стран ЮВА произошли и качественные перемены: сформировался влиятельный слой крестьян, у которых существенно выше стал уровень жизни, образования, информированности и участия в политике. Благодаря этому, отмеченный Л. Паем барьер между политикой верхов и жизнью крестьянского социума в большинстве стран региона просто исчез, либо стал совсем незначительным, отражающим специфику отдельных наиболее отсталых и бедных районов.

В подтверждение своей концепции Л. Пай выдвигает еще один аргумент: он пишет, что **(7)** «незападный политический процесс» «отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков». По его мнению, «массовый характер политики в традиционных обществах подразумевает постоянно растущее число вовлеченных в нее участников и организаций. Этот процесс стимулировался высокими темпами роста городского населения, что значительно увеличило число людей, разбирающихся в госу-

[16] URL: https://svspb.net/danmark/gorod-selo.php

дарственных делах. Для культурной социализации элиты характерно образование системы взглядов, общих для всего городского населения. Появление стремящихся к власти элит, требующих, чтобы к их мнению прислушивались, напрямую зависит от темпов урбанизации. Практически во всех незападных обществах присутствует особый слой горожан, которые, не участвуя в политическом процессе, значительно влияют на поведение правящей элиты самим фактом своего существования».

Очевидно, что тезис Л. Пая о том, что «незападный политический процесс» «отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков» выглядит несколько странно, так как любой политический процесс, и в том числе на Западе, предполагает «рекрутирование новых политиков» и смену лиц в любой системе власти. Я полагаю, что американский ученый имел в виду особую скорость и быстроту того, как это происходило в странах Востока в 50-е годы прошлого века. Тогда в странах ВА и ЮВА выстраивались национальные государства, формировались их политические системы, происходила борьба за выбор пути дальнейшего развития, сталкивались амбиции участников освободительной борьбы. В таком политическом «бульоне» все происходило очень быстро: приходили и уходили в отставку правительства (в Камбодже, например, одно из правительств продержалось у власти только четыре дня), возникали и исчезали политические организации и активисты, слой тех, кто позже станет политической элитой был очень тонок и постоянно пополнялся все новыми лицами.

Но сегодня этот «веселый» период в истории стран ВА и ЮВА остался позади, практически везде сформировались вполне устоявшиеся политические и финансовые элиты, а «рекрутирование» новых политиков во власть происходит также как и в странах Запада – через полити-

ческие партии, государственные структуры, либо общественные организации. Более того, новая правящая элита вполне однозначно демонстрирует свою приверженность универсальным принципам свободы и демократии, и в этом составляет одно целое с коллективным Западом. Так, например, в ключевой для современного развития стран региона – хартии АСЕАН, принятой на саммите в Себу в 2007 г., указывается, что демократическая политическая система, уважение прав и свобод людей должны выступать во всех странах АСЕАН в качестве основы политического механизма власти[17].

Л. Пай также полагает, что **(8)** для «незападного политического процесса» характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений. Социальные перемены, происходящие в большинстве незападных обществ, нарушили преемственность традиций рекрутирования[18] индивидуума в политику. Совсем необязательно, что новые поколения воспримут тех, кто участвовал в антиколониальных революционных движениях, как безусловных лидеров; но революционность их роли будет служить достаточным основанием для признания за ними статуса элиты. «В таких странах, как Бирма и Индонезия, – пишет он, – партии, не принимавшие участия в революции, считают себя несправедливо отстраненными от участия в принятии наиболее важных для страны решений. Они убеждены, что правящая элита должна претендовать на правомочность своего положения на основе незыблемых оснований, а не реальных достижений. Эта проблема, присущая незападным обществам, усугубляется демографическими факторами: там очень высокий уровень рож-

[17] См.: *Мосяков Д.В.* Новые противоречия в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, М., ИВ РАН, Выпуск 11, 2008. С. 44.
[18] *Kahin G., Pauker G., Pye L.* Op. cit. – P. 1024.

даемости, а средний возраст населения большинства незападных обществ – 20–25 лет. Молодое поколение оказывает давление на лидеров; их интересы противоречат интересам правящей элиты, которая намеревается править в течение еще многих лет».

Вся коллизия, относительно разности поколений и противостояния старшего поколения руководителей с поколением молодых, что Л. Пай относит исключительно к «незападному политическому процессу», на самом деле является общей универсальной чертой любого механизма власти как в странах Запада, так и в странах Востока. И там, и там многочисленные новые поколения не собираются ждать, когда старшее и заслуженное поколение руководителей уйдет, и стремятся быстрее прийти к власти. Трудно сказать, что в таком противостоянии есть специфически восточного. Вспомним хотя бы знаменитые молодежные волнения во Франции в 1968 г. Там тоже многочисленные послевоенные поколения требовали перемен, отказывались признавать желание президента Де Голля выдвигаться на новый срок.

Сегодня, как мне представляется, проблема конфликта поколений скорее стоит перед западным, чем незападным социумом. Гендерные, трансгендерные, радикально либеральные и радикально экологические идеи и представления, популярность левых и анархистских взглядов среди молодежи кардинально меняют лицо западного мира. Приходят поколения, которые порывают с прошлым и как в Америке сносят памятники недавним героям под предлогом того, что они не подходят на роль положительного примера для нового общества. В Восточной и Юго-Восточной Азии подобного не происходит, конфликт поколений существует, но такого противостояния власти и молодежи, как это есть на Западе, в странах региона нет. Нет и другого противостояния, подмеченно-

го Л. Паем, когда те, кто боролся за независимость, не допускали к власти тех, кто оставался в стороне. Сегодня ни в Индонезии, ни в Бирме – странах, которые он приводил в качестве примера, такого как раньше разрыва элит не существует, даже несмотря на недавно произошедший переворот и аресты в Бирме. В ВА и ЮВА господствует сложносоставная политическая элита, включающая различные группы интересов, борющихся за власть, каждая из которых при определенных обстоятельствах имеет возможность прийти к власти.

Еще одно отличие «незападного политического процесса» Л. Пай увидел в том, что **(9)** в восточных социумах «практически отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия. Незападные страны, по его словам, постоянно находятся в процессе прерывающихся и вновь возобновляющихся социальных перемен, что исключает вероятность появления некоего разделяемого большинством соглашения о приемлемости тех или иных политических целей и средств. В наиболее значительных незападных государствах существуют граждане, столь хорошо усвоившие западную культуру, что их представления о политике и отношение к ней практически не отличаются от западных стандартов. Но, с другой стороны, жители деревни практически не ощутили на себе влияние Запада. Вряд ли можно ожидать общей оценки политического действия от людей, фактически живущих в разных мирах».

Как мы видим, увеличивая количество аргументов в пользу своей концепции, Л. Пай вновь возвращается к пропасти между политикой верхов и политикой на местах, которые противостоят друг другу и не признают взаимную легитимность. Никто не отрицает, что такое тогда встречалось, причем довольно часто, особенно в годы Первой Индокитайской войны в Камбодже, Вьетнаме и

Лаосе. Коммунисты, опираясь на местную политику, лишили легитимности политику верхов и, в конечном итоге, победили. Но те времена остались в далекой истории, сегодня ничего такого, что было подмечено Л. Паем в странах Восточной и Юго-Восточной Азии уже не встречается. Причина этого в единстве политической элиты, а также политического и информационного поля в целом, которые, как и в странах Запада, пронизывают все общество и исключают возможность успешной альтернативной политики.

Л. Пай обосновывает свою концепцию еще и тем обстоятельством **(10)**, что в «незападных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий». «Западные наблюдатели, – пишет он, – поражены тем, что, несмотря на то, что большинство населения довольно апатично относится к политической деятельности и к тому же имеет далекую от совершенства систему коммуникаций, оно весьма неплохо осведомлено о всех политических событиях. Крестьяне и сельские жители часто и подолгу обсуждают мир политики, который находится за пределами их повседневной жизни, однако они не готовы пользоваться этой информацией для того, чтобы влиять на государственную политику». Далее он отмечает, что «искусство обсуждения политических вопросов вовсе не означает желания участвовать в политической жизни».

Как мы видим, Л. Пая явно не покидает мысль, что сельские жители в странах Востока сильно обделены демократией, что они представляют собой специфическую социальную группу, которая рассуждает о политике, но влиять на нее не может. Мы уже выше выяснили, что это ложное представление, хотя такие же примерно представления бытуют и поныне, что, мол, в странах Востока существует противостояние сельского традиционного мира как

абсолютно консервативной силы и урбанистического прозападного города, что сельским населением легко манипулируют и всё это сильно контрастирует с тем, что происходит на Западе.

Не менее странно выглядят наблюдения Л. Пая о том, что на Востоке «процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий». Я полагаю, что дискуссия в любом случае универсальный метод принятия решений и даже в закрытой уже много десятилетий Северной Корее происходят дискуссии относительно тех или иных решений. Другое дело, они не афишируются и могут стоить проигравшим жизни, но без них механизм принятия решений существовать просто не может, причем и на Востоке, и на Западе.

Сегодня политическая система практически всех стран ЮВА строится на основе политической конкуренции и противостоянии правящей партии и оппозиции. В принципе такое же положение существовало и в 50-е годы. В Индонезии, например, в парламенте были и коммунисты и Машуми – основная исламская партия страны, на Филиппинах борьба разворачивалась между Либеральной партией (правящая в 1946–1954 и 1961–1965) и Националистической партией (у власти в 1954–1961 и с 1965), оппозиция и правящие верхи сталкивались в Камбодже, Таиланде и в Бирме. Так что все эти факты Л. Пай вполне мог бы учесть в своей концепции.

Л. Пай указывает также, что **(11)** в «незападном политическом процессе» очень высока взаимозаменяемость политических ролей. «При исследовании политического процесса возникает такое ощущение, – отмечает он, – что наиболее политически значимые посты не имеют четко определенных функций. Например, роль государственной бюрократии как нейтрального инструмента граждан-

ской администрации может совмещаться с функцией политической партии или группы интересов. Иногда армия выступает в роли правительства. Даже внутри бюрократического и государственного аппарата любой человек может быть официально назначен для выполнения каких-либо определенных функций».

Вполне вероятно, что приведенный выше аргумент Л. Пая о неупорядоченном политическом поле в странах Востока мог соответствовать той ситуации, которая реально существовала там в 50-е годы XX века. Дело в том, что после достижения независимости бюрократического слоя внутри правящей элиты, о котором говорит Л. Пай, в большинстве стран ВА и ЮВА еще не было. Точнее такая бюрократия была, но она теснейшим образом связывалась с колониальными властями, многие ее представители предпочли уехать вместе с колонизаторами, другие в силу своих связей с прошлым были отстранены от своих должностей. На их место пришли не столько функционеры, сколько участники освободительной войны без определенного опыта, но с сильным идеологическим настроем, что превращало их не столько в чиновников, сколько в политических активистов.

Сегодня все это в прошлом и практически во всех странах ВА и ЮВА слой профессиональных чиновников, работающих при всех режимах, реально существует. В одних странах он более подготовленный и эффективный, как, например, в Сингапуре или Таиланде, в других – менее, как, например, в Камбодже и Лаосе, но он самим фактом своего существования вносит элемент стабильности и предсказуемости, то есть и играет ту же самую роль в механизме управления, что и в Европе.

Л. Пай в своей статье утверждает также, что **(12)** «для незападного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп инте-

ресов, обладающих функционально определенной ролью. Хотя в незападных странах число неофициальных политических организаций довольно велико, обычно их интересы распространяются на все сферы жизни, так же как и интересы политических партий или клик. Объединения ради достижения каких-либо конкретных целей встречаются редко. Даже у организаций, созданных по образцу западных групп интересов, таких, как профсоюзы или торговые палаты, как правило, отсутствует четко определенное направление деятельности. Неофициальные объединения, – отмечал он, – стоят на защите всего спектра интересов своих членов в их взаимодействии с государством».

Из этого аргумента, приведенного Л. Паем, следует, что в его понимании «незападный политический процесс» – это много клик, окружающих правителя, но явный недостаток по сравнению с Западом организованных групп интересов, которые формируют гражданское общество. Такой подход не может не вызывать удивления, так как уже в 50-е годы в странах Восточной и Юго-Восточной Азии активно действовали организованные группы интересов – общественные объединения, добивавшиеся «удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на структуры политической власти»[19]. В качестве таких объединений выступали профсоюзы, женские, религиозные, национальные организации, ассоциации торговцев и предпринимателей и многие другие. Это была настолько устоявшаяся практика, что, например, в Камбодже в освободительное движение Кхмер иссарак входили профсоюз работников каучуковых плантаций, ассоциации камбоджийских женщин, революционное объединение студентов, другие структуры гражданского общества. Подобные же структуры действо-

[19] URL: https://studopedia.su/15_61081_gruppi-interesov-sovremennoy-rossii.html

вали практически во всех других государствах региона. Странно, что Л. Пай всего этого не увидел.

Так что даже для 50-х годов прошлого века это был надуманный тезис – в странах Юго-Восточной Азии уже существовали политические и общественные организации, выполнявшие функциональные задачи – лоббировавшие, например, в Индонезии интересы компрадорской буржуазии, а в Бирме – сельских собственников, в Сингапуре – компаний, принадлежавших государству.

Про нынешние времена и говорить нечего, так как социумы наиболее развитых стран ЮВА в результате роста экономики, и связанных с ним социальных перемен, стали такими же дробными, разделенными на сравнительно небольшие группы интересов, как и в Европе. Как и там, существует развитая система ассоциаций, профсоюзов, объединений, выполняющих те же самые задачи, что и на Западе, представляющих их интересы, причем как через партийные структуры, средства массовой информации, так и путем манифестаций и забастовок, как это было, например, в 2016 г. в Камбодже, когда профсоюз рабочих, занятых в текстильном производстве, организовал многотысячные демонстрации и забастовки с требованием повысить зарплату и улучшить условия труда.

Л. Пай не отметил и другое социально-культурное явление, которое, в странах ВА и ЮВА в середине 50-х только начиналось – появление разного рода неправительственных организаций (НПО), которые вскоре стали активно присутствовать в структуре гражданского общества любой страны ЮВА. Они опирались как на поддержку своего государства, так и по большей части на финансирование из-за рубежа. Это особенно касалось разного рода правозащитных и благотворительных структур. Во Вьетнаме, например, такие организации, по мнению М.С. Зеленковой, превратились в непосредственных игро-

ков во вьетнамской политике, где с 1989 г. действует так называемый Координационный комитет народной помощи (*The People's Aid Co-ordinating Committee, PACCOM*), основная цель которого – содействие деятельности иностранных НПО во Вьетнаме, в том числе, развитие связей между иностранными НПО и вьетнамскими госструктурами и муниципалитетами[20]. Примерно те же функции выполняют многочисленные НПО и в Камбодже, и в Лаосе, и в Бирме. В Малайзии и Индонезии велика роль религиозных организаций, мнение которых учитывается при принятии политических решений.

В последнее время в странах ЮВА стал широко распространяться японский опыт, когда добровольные, волонтерские организации становятся самым большим сегментом гражданского общества — таких организаций по всей стране насчитывается около 300 тысяч. Они занимаются решением различных проблем бытового характера: очисткой улиц, ремонтом дорог, поддержкой престарелых, охраной правопорядка, пожарной безопасностью, организацией фестивалей. При этом они находятся в постоянном контакте с государственными органами[21].

В общем, очевидно, что структуры гражданского общества и в странах ВА и ЮВА, и в странах коллективного Запада и в 50-е годы, и ныне носят универсальный характер, и решали одни и те же задачи, и выполняли одни и те же функции.

Л. Пай, полагал также, что **(13)** «лидеры незападных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы… Политик, – считал он, – оказывается не в состоянии оценить реальные воз-

[20] *Зеленкова М.С.* Роль неправительственных организаций во внутриполитической жизни Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016, №32, С. 134-150.
[21] URL: https://www.hse.ru/news/science/73374267.html.

можности тех, кто выступает за определенное решение, и тех, кто находится в оппозиции к нему; ему неведомо количество ресурсов, необходимых для завоевания поддержки сомневающихся. Чаще всего лидеры могут выявить четко сформулированные точки зрения и определить степень их поддержки только внутри элиты и административно-хозяйственной системы. Что касается всего населения, то у лидеров отсутствуют основания считать, что мнения населения по какому-либо конкретному вопросу серьезно разойдутся».

Совершенно очевидно, что в очередной свой аргумент в пользу «незападного политического процесса» Л. Пай пытается выстроить на противопоставлении политиков. На Западе – это человек, четко понимающий, кого он представляет, и чьи интересы отстаивает, а на Востоке – и понять чего хочет большинство народа этот лидер не в состоянии. Сегодня подобные рассуждения выглядят странно. Достаточно любому политику использовать мало-мальски профессиональную группу социологов, и они предоставят вполне адекватный реальности срез интересов общества. Более того, сегодня, впрочем, как и во всех развитых странах, в государствах ВА и ЮВА осуществляется непрерывный мониторинг меняющихся взглядов людей на те или иные события.

Вообще, нельзя не отметить, что представление автора статьи о том, как «делалась» политика на Востоке носит явно поверхностный характер и опирается на впечатления о том, как вели себя на международной арене такие яркие азиатские лидеры как Джавахарлал Неру в Индии, президент Сукарно в Индонезии, Хо Ши Мин во Вьетнаме, Нородом Сианук в Камбодже, маршал Плэк Пхибунсонгкрам в Таиланде или даже президент Ли Сын Ман в Южной Корее. Все они были в определенном смысле популистами, все они действительно как бы парили над об-

ществом и старались выражать интересы всех, мало вникая в подробности существовавших проблем. Для них это было не суть важно, так как они стремились навязать обществу свои цели и задачи, полагая, что лучше простых граждан знают, что тем нужно. Но если разобраться, то мы увидим, что ничего особо необычного или специфически восточного в их действиях не было. В Европе перед Второй мировой войной, то есть за 20 лет до публикации статьи Л. Пая, все было примерно также: авторитарные и полуавторитарные правители навязывали обществу свой дискурс, вне зависимости от мнения простых граждан.

Так что, можно сказать, что Л. Пай как-то забыл о харизматичных, агрессивных, амбициозных и жестоких лидерах Европы 30-х годов. Если бы он вспомнил, то вряд ли бы включил сравнение политиков Востока и Запада как аргумент в пользу своей концепции.

Еще Л. Пай полагает **(14)**, что «аморфный характер политического процесса незападных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросам международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики. Лидеры незападных стран, имеющие дело с недифференцированным обществом, – отмечает он, – рассматривают международный политический процесс как четко структурированный по сравнению с внутриполитическим пространством. Это позволяет им руководствоваться более точными расчетами, занимая ту или иную позицию в мировой политике. Последнее обстоятельство не только порождает стремление лидеров некоторых незападных государств занять в мировой политике место, явно не соответствующее мощи и авторитету их государств, но и позволяет им фокусировать свое внимание на международных отношениях, а не на внутренних проблемах страны».

Вновь какой-то странный аргумент, смысл которого в том, что на Востоке лидеры плохо знают свое социально недифференцированное общество, и поэтому чувствуют себя уверенней во внешней политике, чем во внутренней. Спорить и опровергать Л. Пая здесь бесполезно, так как были политики, которые прекрасно понимали внутренне устройство и запросы общества, достаточно вспомнить Ли Куан Ю, который был очень убедителен именно во внутренней политике, а были лидеры действительно несколько не понимавшие общество, которым управляют, вроде У Ну в Бирме, который лишился власти в результате переворота генерала Не Вина в 1962 г. Можно предположить также, что под аморфным политическим процессом на Востоке Л. Пай имел в виду определенную неразделенность восточного социума на отдельные социальные группы и группы интересов.

Но мне представляется, что совсем не аморфность вынуждала харизматических лидеров стран Востока уделять столько внимания международным проблемам. Они явно искали свой путь развития, подчас не стремились ни в сторону Запада и США, ни в сторону Китая и СССР. Именно поэтому в 1955 г. на Бандунгской конференции возникло движение неприсоединения, сыгравшее впоследствии важную роль в мировой политике.

Л. Пай в своей статье полагал также, **(15)** что «в незападных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики». «Для традиционных обществ, – указывал он, – характерны чрезвычайно высокие показатели эмоциональной и экспрессивной составляющих политики. …. В незападных странах, ключевой проблемой которых является интеграция нации, лидеры довольно часто обращаются к чувствам и символам национального единства, так

как реально существующие политические проблемы могут привести к расколу в обществе. Следует отметить, что государственная власть поощряет использование лидерами символов и лозунгов, традиционно ассоциирующихся с государственной властью и укреплением национального единства».

Еще один довольно странный аргумент. Политики как на Западе, так и на Востоке по большей части экспрессивны и выразительны, иначе они не могли бы быть успешными. Что касается пышных церемоний, то и они не являются элементами специфически восточной политики и культуры. Автору статьи достаточно было вспомнить Европу 30-х, Муссолини и Гитлера, Франко и Салазара, с их военными парадами, демонстрациями счастливых трудящихся, особыми знаками приветствия, пышными приемами. Все это были формы легитимации авторитарной власти, разного рода знаки, символы и церемониалы занимали чуть ли не центральное место в государственной пропаганде. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии отдельные харизматические лидеры просто использовали в своих интересах этот универсальный метод легитимации власти и мобилизации людей в поддержку своей политики.

В своем предпоследнем пункте **(16)** Л. Пай утверждает, что «главенствующим типом лидерства в незападных сообществах является харизматический»[22]. Он пишет, что «определяя харизматическую легитимацию власти, Макс Вебер особо подчеркивал зависимость между ослаблением роли традиций и появлением харизматических личностей. Косвенно он говорил о том, что общества, переживающие культурную революцию, являются идеальной средой для подобного типа лидеров, так как общество, в

[22] *Kahin G., Pauker G., Pye L.* Op.cit. – P. 1025.

котором разрушена система ценностей, восприимчиво к лидеру, несущему на себе печать богоизбранности и особого мессианства».

Еще один странный аргумент в пользу его концепции. Дело в том, что харизматические лидеры, то есть политики, пользующиеся определенным авторитетом в глазах окружающих, чье правление поддерживается людьми на основе уверенности в их чудесных качествах, встречаются и на Западе, и на Востоке. Харизма не есть что-то специфически восточное. В политике харизма – это универсальный и крайне эффективный элемент авторитарной политики, придающий правителю дополнительную легитимность. Л. Пай как-то забывает, что в 30-е годы в Европе прошла целая волна харизматичных авторитарных лидеров, о которых мы уже упоминали выше, в 50-е в ходе антиколониальной борьбы выдвинулась уже плеяда харизматичных борцов за свободу и независимость в странах Востока. Нельзя не отметить, что появление харизматических лидеров и на Западе, и на Востоке происходит чаще всего в примерно одинаковых обстоятельствах – социумы вступают, как правило, в кризис политический или экономический, ухудшается уровень жизни большинства людей, их поддержка существующей власти. Так в результате затяжного политического кризиса в Италии к власти пришел Муссолини, политико-экономического кризиса в Германии – Гитлер, гражданской войны в Испании – Франко. В странах ЮВА в 50-е годы на волне освободительной борьбы к власти во Вьетнаме пришел Хо Ши Мин, в Индонезии – Сукарно, в Камбодже – Сианук – всё это были политики, обладавшие огромной популярностью и симпатией народных масс.

Но кризисы проходят, и необходимость в харизматичных правителях исчезает. Они этого часто не понимают, стремятся удержаться у власти, теряют поддержку и

харизму – те, кто еще недавно на них буквально молился, начинают их критиковать, перестают поддерживать, и они становятся жертвами государственного переворота. Именно так развивались события в Индонезии при свержении Сукарно в 1965–1967 гг., в Бирме при свержении У Ну в 1962 г., в Камбодже – Сианука в 1970 г., в Южном Вьетнаме – Нго Динь Зиема в 1963 г.

Сегодня и в Европе, и в странах Восточной и Юго-Восточной Азии явно наблюдается дефицит политиков-харизматиков. Трудно сказать, с чем это связано, так как обострение глобальных противоречий США с Китаем, экономические неурядицы и пандемия создают кризисную и нестабильную ситуацию во многих странах мира. Полагаю, что если ситуация не будет улучшаться, то мы еще столкнемся и на Западе, и на Востоке с новой плеядой такого рода политиков.

Последний аргумент в рассуждениях Л. Пая – самый интересный **(17)** и в некотором смысле немного загадочный. Он пишет, что «незападные политические системы функционируют в основном без участия политических "брокеров". В большинстве незападных обществ, – считает он, – не институционализирована роль посредника, проясняющего и разграничивающего распределение потребностей и интересов в обществе, участвующего в ведении переговоров, необходимых для согласования и максимизации степени удовлетворения потребностей и интересов сторон. С точки зрения западного исследователя, – указывает он, – наличие политического "брокера" является предпосылкой для создания беспрепятственно функционирующей системы представительного правления. Посредством его деятельности можно, с одной стороны, наилучшим образом разъяснить народу проблемы государственной политики и управления, причем с учетом имеющихся различных интересов и, с другой стороны, до-

водить многообразные чаяния народа до государственных лидеров».

Как мы видим, очевидная странность и загадочность рассуждений Л. Пая состоит в том, что он вводит в механизм управления новое звено – политических «брокеров», которые, по его мнению, выступают как чуть ли не центральная и главная сила всего этого механизма. Причем они никем не выбираемы и никакого отношения к демократическому процессу не имеют. Судя по его тексту он не имеет в виду простых лоббистов, защищающих интересы того или иного бизнеса. Мне представляется, что Л. Пай под политическими «брокерами» подразумевает тех, кого часто называют сегодня представителями «глубинного государства» иными словами людей, которые принимают важнейшие решения и при этом остаются в тени, но при этом имеют возможность действовать от лица большинства политической и интеллектуальной и бизнес-элиты. Их состав и иерархия нам мало известна, существует масса спекуляций и конспирологических теорий.

У меня, кстати, была возможность увидеть место, где готовятся кадры для такого «глубинного государства». Во время пребывания в Йельском Университете один из знакомых преподавателей специально показал довольно длинные похожие на складские помещения одноэтажные здания в верхней части Нью – Хейвена, в глубине университетского парка. В этих помещениях, – сказал он, – происходят заседания очень влиятельных людей и туда приглашают лучших и наиболее перспективных студентов. Там их принимают в состав некой тайной организации и начинают привлекать к подготовке определенных решений. В дальнейшем они, закончив обучение и продвигаясь в разных сферах, находясь в разных странах, все равно остаются членами определенного тайного и влиятельного круга – членами одной команды.

Я не исключаю, что сегодня «политические брокеры» для стран Восточной и Юго-Восточной Азии, подготовленные в Йельском Университете или в Гарварде, или в Корнельском Университете, где обучалось раньше и обучается ныне огромное количество студентов из стран Азии, причем по большей части из богатых, влиятельных и авторитетных семей, уже давно активно играют в интересах своей «команды», влияя на принятие важнейших политических и экономических решений, на исход выборов, продвижение того или иного политика.

То, что сегодня в странах ВА и ЮВА политические брокеры есть и активно действуют, сомнений нет. Есть масса косвенных подтверждений – в Южной Корее – мирное смещение президента Пак Кын Хе. В 2016 г. ее обвинили в коррупции и под угрозой импичмента, поддержанного правящей военно-политической элитой, отстранили от власти. Другой пример – Индонезия – здесь не было допущено серьезного политического раскола, и сохранено единство правящей элиты, несмотря на то, что результаты выборов и в 2014, и в 2019 гг., где обоих авторитетных кандидатов разделило лишь небольшое количество голосов, казалось, подталкивали к конфликту. Еще один пример – последние события в Малайзии – мягкое отстранение от власти премьер-министра Махатхира Мохамада, опять-таки в ситуации, когда весь правящий класс выступил за такое решение, хотя сам неувядаемый премьер не собирался этого делать. В последнее время можно заметить, как их роль растет во Вьетнаме, где американские выпускники практически контролируют основные средства массовой информации и активно влияют на студентов и преподавателей в университетах и учебных заведениях.

Так что сегодня можно вполне обоснованно говорить о том, что «политические брокеры» в странах Восточной и

Юго-Восточной Азии есть. Но вопрос в том, насколько эти азиатские политические брокеры по характеру своей деятельности отличаются от европейских и американских. Я полагаю, что они более зависимы от внешних влияний, в иерархии «команды» они явно не на верхних позициях, хотя могу и ошибаться. В целом нет сомнений, что они составляют единый претендующий на глобальность механизм власти, который скрыт от нас завесой тайны, и понять, что он существует, мы можем только по косвенным данным.

Подводя некий итог нашему исследованию, можно сказать о том, что «незападного политического процесса» как некоего явления присущего исключительно странам Востока сегодня не существует. Практически ни один из аргументов, в пользу этой концепции, приведенных в статье Л. Пая, на практике не подтвердился. В современной реальности уже нет отдельных восточных и западных социально-политических систем, а существует универсальный механизм власти, действующий практически по всему миру. И на Западе, и на Востоке политическая борьба выражается в одних и тех же дефинициях и явлениях – политические партии, закон, конституция, выборы, свобода слова, наличие основной и альтернативной точек зрения на те или иные события. Различие, на которое часто обращают внимание, скорее внешнее, картинки политической жизни отличаются друг от друга, но написаны они по одним и тем же законам, хотя иногда и разными красками.

Еще хотелось бы добавить, что процесс глобализации, который охватил и страны Европы, и страны Восточной и Юго-Восточной Азии, в значительной мере способствовал общей интеграции, формированию общего понимания власти и системы управления. Некоторые авторы до сих пор с таким выводом не согласны. Кстати, Люсьен

Пай несмотря на все исторические перемены так и не поменял свои взгляды, не провел их минимальной коррекции, несмотря на то, что его последняя книга, в которой он рассуждает о реальности «незападного политического процесса» вышла почти через тридцать лет после его эпохальной статьи в 1985 г.[23].

Хотелось бы надеяться, что тексты с анализом социально-политических систем и политических процессов в странах ЮВА, которые представлены в настоящей монографии, позволят вдумчивому читателю самостоятельно разобраться в поднятых нами проблемах.

[23] См.: *Pye L., Pye M.* Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИНДОНЕЗИИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ [1]

В принципе можно согласиться с определением политической системы, которое предложено выше, как организованной на единой нормативно-ценностной основе совокупности отношений политических субъектов, осуществляющих власть, или совокупности государственных и негосударственных институтов и норм, в рамках которых проходит политическая жизнь общества, или способ узаконения принуждения как механизма регулирования взаимоотношений между людьми. Но при этом принципиально важно учитывать тот факт, что даже в странах с устоявшимися современными демократическими традициями и правосознанием, различные социальные, экономические и конфессиональные группы по-разному существуют в рамках одной системы, пользуются ею или выживают в ней. При этом каждая группа подходит к проблемам политической системы в соответствии со своими потребностями и интересами, со своей политической субкультурой. Под последней мы понимаем представление социальной группы или индивида об отношениях между ними, обществом и властью. Необходимость модернизации политической системы, политической культуры, политического сознания наталкивается, с одной стороны, на

[1] **Сведения об авторе:** ***Другов Алексей Юрьевич*** *– доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru*

инерцию мышления немалых слоев общества, с другой, – на осознанное сопротивление тех группировок, которые видят свое благополучие в консервации пережитков прошлого.

Особенности политической системы современной Индонезии

Специфика формирования, состояния и развития политической системы в нынешней Индонезии определяется, по крайней мере, тремя фундаментальными факторами. Первый из них – многообразие индонезийского общества: девиз «Единство в многообразии» высечен на национальном гербе. Это общество мультиэтническое, полирасовое, поликонфессиональное (шесть мировых религий в сочетании с обилием верований), полицивилизационное (от вполне современных городов на островах Ява, Суматра и других до почти первобытных племен в Папуа), полиправовое, где установленные государством законы уживаются на местах с нормами шариата и самыми причудливыми нормами обычного права, которые в глубинке нередко берут верх. Наконец, это общество мультикультурное – культура этносов и богатая общеиндонезийская культура сочетаются с наследием предыдущих периодов истории, включая, например, индуистскую культуру. Так, основа государственного герба здесь – птица Гаруда, на которой летает индуистский бог Вишну. Сюда же следует отнести персонификацию власти, в особенности, на Яве, где правитель издавна наделялся ниспосланным свыше благословением, божественной энергией.

В этом многообразии преломляются и нередко притупляются правовые нормы, которые вырабатываются государственными органами.

Второй фактор – специфика колонизации, которая в течение трех столетий осуществлялась Нидерландами,

страной со сравнительно низким уровнем промышленного производства. Вследствие этого фактора голландцы видели в своей колонии почти исключительно источник дешевого сырьевого продукта, позже минерального сырья, но не рынок сбыта производимых метрополией товаров. Отсюда незаинтересованность этой последней в росте платежеспособного спроса со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая торможение социальных процессов, отношений между социальными группами. Может быть, один из важнейших результатов – затянувшееся сохранение общинного мировосприятия, порожденное преобладанием поливного земледелия (рисоводства), замедленное развитие индивидуального самосознания граждан в качестве субъектов политического процесса.

Наконец, третий фактор – неоднозначное политическое и психологическое наследие, которое осталось в сознании современных индонезийцев после двух авторитарных режимов – левонационалистической «направляемой демократии» президента Сукарно (1959–1966) и военно-репрессивного «нового порядка» генерала Сухарто (1966–1998). Это наследие (прежде всего последнее) заключается в том, что как минимум одно поколение граждан воспитывалось в духе отрицания их индивидуальности, их гражданских прав, их права на собственные убеждения.

Отсюда два противоположных элемента политической культуры, в особенности на уровне «корней травы»: завышенные ожидания по отношению к власти и презумпция насилия, как конечного средства защиты своих интересов. При этом не приходится отрицать, что в результате в целом достаточно успешного экономического развития в течение 1970–1990-х гг. политический уровень самосознания населения существенно возрос. Это был объективный процесс, развивавшийся помимо воли правящего режима.

С падением «нового порядка» в 1998 г. в результате глубокого финансово-экономического и политического кризиса и с началом необходимого и неизбежного процесса демократизации политического режима, этим процессом пришлось заниматься элите, у которой отсутствовала демократическая традиция, и она имела дело с населением, в представлении которого демократия была синонимом слова «свобода». Лидерам эпохи реформ пришлось также иметь дело с комплексом проблем самого различного свойства и прежде всего политикокультурных, которые прежним режимом «загонялись под ковер» и теперь поднялись в полный рост.

В этой связи позволю себе по необходимости повторить мысль, которую уже неоднократно высказывал. Падение «нового порядка» не было революцией в том смысле, что у власти за некоторыми исключениями осталась та элита, которая выросла внутри предыдущих режимов.

Нынешний глава индонезийского государства Джоко Видодо, будучи кандидатом в президенты, в мае 2014 г. писал: «Реформы, которые осуществляются в Индонезии после падения режима "нового порядка" Сухарто в 1998 г., ограничиваются институциональными изменениями. Они не затрагивают нашу парадигму, образ мыслей, политическую культуру в том, что касается национального развития. Чтобы преобразования были действительно содержательными, сохраняли непрерывность и преемственность, мы должны совершить духовную (ментальную) революцию»[2]. Из его слов можно сделать вывод, что эта революция должна была начаться с элиты, притом через 16 лет после смены режима.

При этом необходимость изменения политической системы, ее модернизации была очевидна для большин-

[2] Kompas (Jakarta). 10.05.2014.

ства лидеров, но степень, характер и глубина этой модернизации до сих пор остаются предметом дискуссии. Именно трем первым президентам после мая 1998 г., когда еще были свежи в политической памяти последствия кризиса, удалось законодательно оформить наиболее значительные перемены, добиться принятия четырех пакетов поправок к конституции. К этим реформам относятся: отмена назначаемости значительной части членов Народного консультативного конгресса и парламента, избрание президента и вице-президента всенародным голосованием, снятие запрета на создание новых политических партий, отмена политической роли вооруженных сил и другие, о которых подробнее будет сказано ниже. Но характерно, что все три президента-реформатора не пользовались достаточной поддержкой политических элит – гражданской, военной, мусульманской. Б.Ю. Хабиби, сменивший Сухарто в 1998 г., продержался на своем посту до 1999 г., сменивший его А. Вахид был подвергнут импичменту в 2001 г., пришедшая ему на смену Мегавати Сукарнопутри потерпела поражение на выборах 2004 г.

Начавшиеся в 1998 г. реформы неизбежно и в первую очередь предполагали изменение политической системы, ее приведение в соответствие с потребностями развития индонезийского общества. Этот процесс, его содержание стали и в значительной мере остаются предметом жесткой политической борьбы, причем главным аргументом оппонентов модернизации стала идея самобытности индонезийской нации, необходимости противостоять процессам вестернизации, либерализации, глобализации. Среди них наиболее активно выступают представители армии и консервативных исламских группировок, для которых сколько-нибудь глубокие изменения политической системы означали бы изменения их собственного статуса и роли в обществе и государстве.

Конституция Республики Индонезия 1945 г.: поправки начала 2000-х гг.

Действующая ныне Конституция Индонезии была принята в своем первоначальном виде 18 августа 1945 г., на следующий день после провозглашения независимости страны. Тогда предполагалось, что в этот составленный в очень сложных условиях документ будут в дальнейшем внесены изменения и дополнения, однако, в этом виде Конституция (с перерывом в 1950–1959 гг.) действовала вплоть до падения военно-авторитарного режима в 1998 г. Только в 1999–2002 гг. в нее был внесен ряд существенных поправок, придавших ей более современный и демократический характер.

Относительно государственного устройства – Унитарное государство Республика Индонезия – в 2002 г. в основной закон был внесен пункт (ст. 37, п. 5), указывающий, что это положение не подлежит изменениям. Это отражает противостояние тенденциям сепаратизма и сторонникам превращения Индонезии в исламский халифат.

Был установлен порядок, в соответствии с которым все высшие органы государственной власти – Совет народных представителей и Совет представителей регионов (сенат) – формируются только на основе всеобщих выборов, что, в частности, исключило назначение туда представителей вооруженных сил, как это было ранее. Было установлено также, что президент и вице-президент избираются путем всеобщих выборов – раньше их избирал Народный консультативный конгресс, куда наряду с членами парламента входило весьма значительное число назначаемых депутатов, в том числе и представителей вооруженных сил в качестве самостоятельной фракции.

Индонезия остается президентской республикой (глава государства возглавляет кабинет министров, назна-

чает и увольняет министров, является верховным главнокомандующим вооруженными силами). Однако пребывание президента у власти теперь ограничено двумя пятилетними сроками. При этом в конституцию внесены две статьи, где перечисляются случаи возможного отстранения президента от власти, и статья, лишившая его права распустить парламент или приостановить его деятельность. В качестве парадокса можно упомянуть обязанность президента согласовывать с парламентом выдачу агреманов на принятие иностранных послов. В последнее время развернулась дискуссия вокруг предложения увеличить возможное пребывание главы государства у власти до трех сроков. Нынешний президент Джоко Видодо и большинство политических партий возражают против этого.

Внесенные поправки существенно ограничили законодательные прерогативы президента. Все законопроекты до их внесения на голосование в парламент обсуждаются с главой государства, но если после принятия закона президент не подписывает его в течение месяца, закон вступает в силу помимо его согласия. В экстренных случаях президент вправе издавать постановления правительства, имеющие силу закона, которые должны получить одобрение парламента на ближайшей сессии, в противном случае они теряют силу.

В 2001 г. в конституцию была включена статья, предусматривавшая создание Совета представителей регионов в качестве второй палаты парламента. Однако прерогативы СПР сводятся к праву представлять Совету народных представителей свои соображения по вопросам, затрагивающим интересы регионов, исполнение законодательства по этим вопросам и по законопроектам, касающимся бюджета, налогообложения, образования и религии. Таким образом, функции и инициативы СПР весьма ограничены, и это вызывает существенное недовольство

на местах. Тем не менее, призывы придать этому органу право на более самостоятельное участие в законодательном процессе пока остаются втуне.

Отдельная глава конституции, включенная в нее в 2000 г. и состоящая из 11 статей, касается обеспечения основных прав человека и выдержана в основном на уровне достаточно высоких современных требований. Следует признать, однако, что осуществление этих статей подвергается существенной критике со стороны общественности в связи, в частности, с тем, что, несмотря на соответствующие обещания, ни один из президентов Республики периода реформ, не проводил реальные расследования нарушений прав человека прежним режимом и в более позднее время и не привлек к ответственности виновных. В значительной мере это объясняется тем, что сколько-нибудь детальное и объективное рассмотрение этой проблемы поставит под вопрос легитимность ряда унаследованных от «нового порядка» законов и установлений, а также политическую репутацию армии и ряда политических деятелей.

Весьма лаконичная глава, посвященная обороне и безопасности, касается достаточно актуальной для Индонезии во все времена роли вооруженных сил страны. Указывается, что они должны «сохранять и оберегать целостность и суверенитет государства». О полиции в этой же главе говорится, что ее задача заключается в том, чтобы поддерживать безопасность и порядок, служить обществу, защищать население и утверждать законность. На деле, как будет показано ниже, все еще нередки ситуации, когда армия привлекается к осуществлению чисто полицейских функций, что вызывает протесты правозащитников.

Была сохранена практически полностью принадлежавшая исконному варианту конституции глава, гласящая, что экономика страны строится путем совместных

усилий на основе принципа семейности. Указывается, что отрасли производства, важнейшие для государства и затрагивающие жизненные интересы большинства населения, принадлежат государству. Земля, вода и природные богатства также принадлежат государству и максимально используются для благосостояния народа.

Но поскольку эти народнические постулаты, сформулированные Сукарно, не вписываются в нынешние реалии капиталистического развития, был добавлен пункт о том, что национальная экономика базируется на экономической демократии, на принципе равенства, справедливой эффективности, преемственности, защите окружающей среды, самостоятельности и сохранении равновесия между развитием и единством национальной экономики. Характерно, что вопрос о формах собственности, остался вне юридического оформления. Приведенные формулировки не препятствуют сохранению в стране высокого уровня экономического и социального неравенства.

Были значительно расширены права местных органов, преимущественно даже на уровне не провинций, а областей (кабупатенов). В 2001 г. вошли в силу два закона о местной автономии, которые значительно сузили возможности контроля центра над местными властями. Эти изменения имеют неоднозначные последствия, отчасти способствуя развитию местничества, неравномерности развития регионов, в частности, вследствие различного доступа к природным ресурсам.

Местные власти под давлением религиозных радикалов и в погоне за голосами нередко вводят установления, фактически основанные не на принципах конституции, а на законах шариата, чтобы заручиться поддержкой местных священнослужителей и (через них) местной общины на выборах. При этом Конституционный суд Индонезии своим постановлением от 4 апреля 2017 г. лишил

министра внутренних дел права отменять подобные постановления.

Религиозный фактор и его влияние на общественную и политическую жизнь

Проблема религии, ее роли в обществе, в контексте политической системы стоит достаточно остро. Индонезию нельзя считать светской страной, принцип секулярности здесь отрицается практически всеми группировками. Принцип веры в Единого Бога-Вседержителя занимает первое место в числе пяти принципов государственной идеологии панча сила. В этом качестве он включен в преамбулу конституции, и, соответственно, религиозность является обязательной для всех граждан страны.

В Индонезии официально признаны шесть мировых религий – ислам, католицизм, протестантизм, индуизм (в его балийском варианте), буддизм и конфуцианство. Статья 29 конституции гласит, что государство основано на принципе религиозности, каждый гражданин имеет право исповедовать избранную им религию и совершать обряды в соответствии со своей верой. Графа «вероисповедание» наличествует в удостоверениях личности (гражданских паспортах) индонезийцев и обязательна для заполнения. Попытка последовательно реформаторских кругов добиться ее удаления как создающей предпосылки для дискриминации лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам на местах, наталкиваются на упорное сопротивление мусульманской элиты. В равной мере не принимаются предложения разрешить указывать в этой графе какие-либо верования помимо шести официально признанных религий.

Статья 31 (образование и культура) содержит пункт 5, включенный в 2002 г., где говорится: «Правительство содействует развитию науки и технологий, высоко почитая

ценности религии и национального единства в интересах прогресса цивилизации и благоденствия человечества». Таким образом, косвенно допускается ситуация, когда приемлемость результатов научных исследований может оцениваться на основе религиозных догматов. В статье 28J (п. 2) указывается, что при осуществлении своих прав, гражданин, в частности, должен руководствоваться религиозными ценностями. То немаловажное обстоятельство, что права человека в различных религиях трактуются в некоторых случаях по-разному, остается вне этого пункта. На этом фоне примечательно, что ст. 9 Конституции содержит два варианта присяги президента и вице-президента – с упоминанием Аллаха и без него.

Как ни парадоксально это прозвучит, но мусульманское духовенство, политическая элита оказались наиболее подготовленными к использованию возможностей, открывшихся в период демократизации. Они располагают огромной структурой мечетей и учебных заведений – от средних (медресе) до университетов, многочисленным штатом проповедников и богословов и, самое главное, собственной идеологией, недоступной для вмешательства власти и нескомпрометированной предыдущим режимом.

Вместе с тем, характерно, что в Индонезии, где мусульмане составляют почти 90% населения, мусульманские партии ни на одном этапе развития Республики совокупно не получали на всеобщих выборах даже половины голосов избирателей. Сторонники превращения Индонезии в мусульманское государство – халифат – составляют меньшинство. Поэтому позволительно сделать вывод, что ислам для большинства индонезийских мусульман представляет собой не столько комплекс норм и идеалов построения повседневной жизни и политической системы, сколько идею единства верующих, идею социальной справедливости и равенства людей перед Всевышним,

идею противостояния глобализации и имущественному расслоению. Духовная жизнь становится тем пространством, где верующие сохраняют свою индивидуальность, независимость от власти. Это не исключает злоупотреблений религией, использования ее постулатов в ущерб единству поликонфессионального общества. Поэтому исламизм становится в ряде случаев идейной основой создания радикальных оппозиционных группировок. Последний пример – запрещенный правительством в 2021 г. Фронт защитников ислама.

При этом религиозность индонезийских мусульман в подавляющем большинстве случаев не вступает в противоречие с их национализмом. Наиболее характерный пример. Сепаратисты в провинции Аче (на севере острова Суматра) были самыми ортодоксальными и радикальными мусульманами в Индонезии, но никто из их единоверцев в других регионах не выступил против операций правительственных войск, направленных на подавление сепаратистов и боевиков в этой провинции. Целостность государства – превыше всего. Сторонники создания халифата составляют незначительное меньшинство. В предыдущие периоды истории ислам становился в ряде случаев идейной основой борьбы за национальную независимость.

Как говорилось выше, существенное расширение прав местных органов власти привело, в частности, к тому, что на уровне районной власти вводятся в качестве обязательных нормы шариата. Наиболее критическая ситуация в этом отношении сложилась в провинции Аче. В начале периода реформ этой провинции в целях нейтрализации сепаратистских настроений было предоставлено право введения канонов шариата в качестве обязательных для соблюдения всеми жителями. Поэтому в провинции ныне действуют такие нормы, как публичное побитие палками (с публикацией в средствах массовой информации) лиц,

виновных в употреблении спиртных напитков, нетрадиционной сексуальной ориентации, внебрачных связях, азартных играх и т.п. При этом наказаниям за нарушение норм шариата могут подвергнуться и лица, исповедующие другие религии, в том числе и христиане. Самые жесткие ограничения касаются женщин, которым в ряде случаев запрещается появляться на улице без сопровождения, что часто лишает возможности устройства на работу. Женщина не может находиться в кафе за одним столиком с мужчиной, если не состоит с ним в браке или определенной степени родства[3]. Представляется, что эта правовая и религиозная «автономия», предоставленная Аче, в определенной ситуации может иметь весьма негативный демонстрационный эффект в других провинциях со своими специфическими особенностями, например, в Папуа или других регионах восточной Индонезии.

В политических кругах Индонезии на этот счет есть различные позиции. Лидер системной мусульманской Партии единства и развития, входящей в правительственную коалицию, Ромахурмузий заявил: «Мы в ПЕР и впредь будем поддерживать подзаконные акты, основанные на шариате, поскольку для нас принятие таких актов соответствует государственной идеологии, принципу веры в Бога»[4]. Но примерно с тех же позиций выступил и видный деятель светской партии «Движение за великую Индонезию» (индонезийское сокращение Гериндра) Содик Муджахед, который подчеркивал: «Ценности, заложенные в законах шариата и законах других религий в Индонезии, суть, дух и столпы государственности»[5]. Примечательно, что это высказывание относится к концу 2018 г., когда лидер этой партии Прабово Субианто бло-

[3] Antara News. 13.09.2018.
[4] The Jakarta Post. 19.11.2018.
[5] Ibid.

кировался є радикальными исламистами в своей борьбе за пост президента (выборы состоялись в 2019 г.).

В то же время сессия Народного консультативного конгресса еще 1 августа 2002 г. отклонила предложение нескольких сравнительно мало влиятельных мусульманских партий конституционно закрепить обязательность для мусульман соблюдать нормы шариата, причем против этого предложения выступили и наиболее влиятельные мусульманские партии.

Однако в период демократизации наблюдается рост исламского радикализма, который воспринимается властью и общественностью как основная угроза политической стабильности государства и его сохранения в рамках, обозначенных конституцией. Хотя к радикалам относится лишь меньшинство индонезийцев, в кризисных ситуациях они могут получить и поддержку населения, недовольного теми или иными явлениями жизни. В этом отношении характерно письмо 25-летней девушки, которое она оставила своим близким перед тем, как обстрелять здание главного штаба полиции, где она погибла. В письме, опубликованном в мусульманской газете «Република» (01.04.2021), она утверждала, что государственная идеология, демократия, конституция и всеобщие выборы порождены неверными, и призывала своих близких воздерживаться от них, чтобы не стать вероотступниками. Она призывала также не использовать банковские карты, так как счета в банках приносят ростовщический процент, запрещенный Кораном.

Рост исламского радикализма становится оправданием, с одной стороны, известного попустительства со стороны государственной власти, как это было видно, на примере Аче, с другой, – и в значительно более частых случаях, привлечения силовых органов к борьбе с радикализмом и терроризмом. В течение 21 года периода реформ

было отмечено более 550 террористических актов исламистской направленности. В Индонезии действует ряд террористических организаций, в том числе и связанных с Аль-Каида и ИГИЛ (запрещены в России)[6]. Национальное управление по борьбе против терроризма тесно взаимодействует не только с полицией, но и с вооруженными силами, оправдывая это тем, что терроризм и радикализм не могут рассматриваться как чисто внутриполитический феномен, а это позволяет привлекать армию к борьбе против них. Как указывают правозащитные организации, это создает определенную уязвимость существующей политической системы. Последствием исламского радикализма объективно выступает известное ограничение демократии, что становится как необходимостью для тех, кто выступает за сохранение и развитие действующей системы, так и желанным поводом для ее консервативных оппонентов.

Если нынешний глава государства Джоко Видодо в первый срок своего президентства (2014–2019 гг.) избрал своим партнером весьма опытного политика и предпринимателя Ю. Калла, то на следующий период он привлек на пост вице-президента известного религиозного деятеля М. Амина, выступающего за осмысление религиозных догматов с позиций потребностей дальнейшего развития индонезийского общества. В одном из своих выступлений М. Амин напоминал, что многие страны с мусульманским населением отстают в таких сферах, как экономика, образование, наука и технологии, и это происходит вследствие ограниченности мышления их граждан и тех, кто занимается религиозными проповедями. Он призвал следовать примеру пророка, благодаря широте мышления которого

[6] Kompas. 30.03.2021.

Ислам знал свой «золотой век», отмеченный великими достижениями во всех областях[7].

Сам Джоко Видодо в апреле 2021 г. выдвинул перед религиозными организациями страны четыре комплекса задач, которые он счел наиболее актуальными.

1. Превыше всего ставить принципы национального бытия, заключенные в Конституции, блюсти верность государственной идеологии.

2. Высоко нести принцип толерантности, уважать различия, право людей придерживаться своих верований и выражать свое мнение, быть готовыми к сотрудничеству.

3. Выступать против насилия как физического, так и выраженного в призывах.

4. Религиозные организации должны уважать местные традиции, искусство и культуру, наследие, оставленное предками, быть открытыми по отношению к этому наследию в соответствии с принципом «Единство в многообразии»[8].

Эти призывы президента действительно отражают в целом тот комплекс проблем, которые предстоит решать в религиозной сфере как неотъемлемой части политической системы. Последний же из них, касается, в частности, такого явления, как столкновения на местах между представителями разных религий или различных течений в одной религии. Проблема обеспечения прав религиозных меньшинств остается актуальной. Последним примером в этом отношении может служить разгром в сентябре 2021 г. в Синтанге на Западном Калимантане мечети сторонников секты «Ахмадия» местными жителями, исповедующими ислам суннитского толка.

[7] Detik News. 04.04.2021. URL: https://news.detik.com/berita/d-5519583/maruf-bicara-dampak-cara-berpikir-sempit-b...
[8] Suara Pembaruan (Jakarta). 07.04.2021.

Панча сила – государственная идеология Индонезии

В соответствии с официальной доктриной основным системообразующим элементом политической системы современной Индонезии является государственная идеология панча сила, в переводе с санскрита – пять принципов. Сформулированные будущим первым президентом Индонезии Сукарно 1 июня 1945 г. они включают следующие пункты:

- вера в Единого Бога-Вседержителя;
- справедливый и цивилизованный гуманизм;
- единство Индонезии;
- демократия, направляемая стремлением к единству на основе консультаций и представительства;
- социальная справедливость для всего индонезийского народа.

Восемнадцатого августа 1945 г., на следующий день после провозглашения независимости Индонезии, пять принципов были включены в преамбулу конституции страны и их символы нашли отражение на государственном гербе страны. Тем самым идеология обрела силу закона, хотя тогда такое толкование не было общепринятым.

За исключением третьего принципа – единство Индонезии – остальные были (и остаются) подвержены весьма широкому спектру толкований, что в целом было оправдано на начальном этапе национальной борьбы, когда индонезийское общество нуждалось в платформе, способной объединить интересы самых широких слоев и групп населения.

Президент Сукарно (1945–1967) в период введенного им режима «направляемой демократии» (1959–1965 гг.) установил обязательность для всех политических партий и общественных организаций принятия и соблюдения пяти принципов, что, однако, не воспрещало наличие у них

собственной идеологии. Созданный армией режим «нового порядка», утвердившийся у власти в 1966 г., покончил с этим плюрализмом. Все идеологии кроме панча сила были запрещены, а в 1966 г. постановлением высшего законодательного органа страны – Временного народного консультативного конгресса эта идеология была объявлена первоисточником всех норм права.

По оценке индонезийского политолога Робертуса Робета, «Сухарто никогда не задумывался над тем, что насильственное насаждение панча сила подрывает подлинные идеалы национального единства. Чем больше и дольше применялось принуждение, тем больше антипатии и сопротивления оно вызывало. Иными словами, в политической практике «нового порядка» панча сила не объединяла Индонезию, а напротив, вносила раскол и отчуждение»[9]. Сколько-нибудь явное сопротивление было в тех условиях невозможно, однако, таким образом, пять принципов были опорочены Сухарто, который превратил идеологию преимущественно в политическое орудие сохранения status quo, своей власти. Это стало одним из тех тяжких наследий, которые остались после него реформаторам.

Монопольное положение государственной идеологии сохранилось и с наступлением эпохи реформ в 1998 г., и это обстоятельство представляется одним из уязвимых мест современной политической системы. Начнем с того, что четвертый принцип, утверждающий в качестве главного принципа демократии стремление к единству на основе консультаций и представительства, носит весьма двусмысленный характер и фактически отрицает уже практикуемый в политической жизни метод принятия решений путем голосования. Это обстоятельство активно ис-

[9] *Robertus Robet.* Antinomi Pancasila // Prisma (Jakarta). Vol. 37, No. 2, 2018. Hal. 148.

пользуется консерваторами, противниками демократических реформ, которые утверждают, что голосование противоречит национальной идеологии и самобытности.

Вице-спикер Народного консультативного конгресса Лестари Мурдиджат говорит: «Вплоть до настоящего времени продвижение в массы принципов панча сила в рамках идеологического воспитания происходит только в одном направлении. В результате этого воспитания люди лишь заучивают эти принципы, не вникая в их сущность. Внедрение этих принципов в прошлом было чистой формальностью, поскольку предполагало лишь присутствие человека на соответствующем мероприятии, а результаты были очень далеки от поставленных задач»[10].

Результатом становится рост популярности ислама как альтернативы официальной идеологии. Один из самых видных деятелей системной мусульманской оппозиции Амин Раис, осуждая нынешний политический режим за то, что социальная справедливость существует только на словах и богатства четырех самых состоятельных индонезийских граждан превышают состояния 100 миллионов беднейших индонезийцев, заявил, что единственный путь к достижению справедливости заложен в Коране[11]. Аналитический центр *Alvara Research Center* в 2017 г. провел опрос, который показал, что более 19% государственных служащих не разделяют принципы официальной идеологии. В 2018 г. было выявлено снижение числа сторонников государственной идеологии за предыдущие 13 лет на 10%. Исследование, проводившееся в 2020 г. в 34 провинциях, показало, что только 61% опрошенных безоговорочно

[10] Republika (Jakarta). 12.08.2020.
[11] Republika. 25.05.2020.

принимают пять принципов[12]. По данным Управления борьбы против терроризма, влияние радикальных идей, отвержение официальной идеологии, нетерпимость распространяются в среде не только рабочих и гражданских служащих, чиновничества, но и среди военнослужащих и полицейских[13].

Правительство Индонезии противодействуют проникновению в общество идей, способных идентифицировать или обострить все виды противоречий – социальных, религиозных и расово-этнических. Делается это не путем повышения состязательности официальной идеологии, ее развития, конкретизации и углубления, совершенствования развития этой идеологии, а путем запрещения всех остальных идей. Отсюда, повторимся, рост исламского радикализма, поскольку ислам запретить нельзя. А дальше в условиях борьбы против религиозных радикализма и нетерпимости вводятся ограничения на политическую деятельность, которые неизбежно выливаются в ограничения демократических свобод.

Второго июля 2013 г. индонезийский парламент принял закон об общественных организациях. В соответствии со ст. 2 этого закона, все организации должны основывать свою деятельность на государственной идеологии и конституции страны. Статья 5 требует, чтобы общественные организации оберегали единство страны и идеалы государства. Запрещаются нападки на официально признанные конфессии, а также действия, способствующие развитию сепаратизма и нарушениям общественного порядка и противоречащие государственной идеологии. Собственные принципы и установки организаций могут

[12] The Jakarta Post. 12.11.2019; Detik News. 29.05.2021. URL: https://news.detik.com/berita/d-5586762/ketua-mpr-tekankan-pancasila-sumber-daris...

[13] Kompas. 11.07.2020.

включаться в их документы, если они не противоречат вышеназванным позициям. Запрещено, в частности, включать идеи марксизма и коммунизма[14].

Если ряд пунктов закона соответствует общепринятым правовым нормам, то привязка к государственной идеологии делает общественные организации весьма уязвимыми в отношении возможности весьма произвольного толкования пяти принципов, причем монополия на такое толкование всегда остается за властью.

В 2019 г. к решению проблемы упрочения позиций национальной идеологии привлекли полицию. Теперь для поступления на службу в государственный аппарат необходимо представить свидетельство из полицейских органов о непричастности кандидата к какой-либо идеологии помимо панча сила. Двенадцать министерств и ведомств приняли документ о взаимодействии в принятии мер против тех госслужащих, кто в устной или письменной форме, в изображениях, в аудио- или видеоматериалах распространяет идеи, враждебные государственной идеологии, конституции, государственному девизу «Единство в многообразии», принципу унитарного государства. Всего было обозначено 11 видов запрещенной деятельности, включая одобрение такой деятельности в социальных сетях.

Учрежден портал, на который граждане страны должны сообщать о случаях, когда государственные служащие дают основания заподозрить их в радикализме, враждебности принципам панча сила и государственному строю[15]. Значительный и неоднозначный резонанс в стране вызвало увольнение в мае 2021 г. 75 служащих Комиссии по борьбе с коррупцией, которые не прошли ис-

[14] The Jakarta Post. 03.07.2013; Suarakarya Online. 08.07.2013.
[15] Kompas. 13.10.2019.

пытаний, касавшихся их овладения государственной идеологией и приверженности ей.

Постулат сакральности национальной идеологии становится главным аргументом партий, движений и деятелей, которые с консервативных позиций критически оценивают значение демократических реформ, начатых в 1998 г. Фактическое и юридическое сохранение монопольного положения панча сила ведет к тому, что исключается всякая конструктивная дискуссия вокруг нее. Результатом становятся застой и утрата ее состязательности в сравнении с мусульманской религией.

Президент Джоко Видодо, по-видимому, ощущает опасности, порождаемые нынешней ситуацией. Примечательно, что в своей предвыборной программе «Девять целей», опубликованной в 2014 г. он практически ни разу не упомянул панча сила и не апеллировал к ее идеалам[16]. В 2018 г. он своим указом создал Управление по воспитанию в духе панча сила (*Badan Pembinaan Ideologi Pancasila*). Заметим, что это название может толковаться и как управление по развитию идеологии. Главой нового ведомства была назначена Мегавати Сукарнопутри, дочь первого президента страны, лидер наиболее влиятельной Демократической партии Индонезии (борющейся), президент Индонезии в 2001–2004 гг.

Именно по инициативе этой партии в индонезийский парламент был внесен законопроект «О направлениях развития идеологии панча сила». Указывалось, что целью предлагавшегося закона было упрочение ценностей государственной идеологии и развитие функций созданного президентом управления[17]. Мотивирующая часть законопроекта давала основания полагать, что речь шла о действительно серьезной работе по развитию и модерни-

[16] Suara Pembaruan. 20.10.2014.
[17] The Jakarta Post. 22.06.2020.

зации пяти принципов, имея в виду их приложимость ко всем областям государственного и социального развития[18].

Наибольшее внимание в ходе развернувшейся дискуссии привлекла глава, которая гласила, что главное содержание панча сила заключается в принципе справедливости и социального благосостояния в духе семейности, который является единением религиозности, гуманизма, единства, народности и политической демократии. Указывалось, что все пять принципов кристаллизуются в одном – сотрудничество. Принцип же веры в Единого Бога-Вседержителя был сформулирован как «цивилизованная религиозность», причем эта формулировка была взята из доклада Сукарно Комиссии по подготовке независимости 1 июня 1945 г.[19].

Это дало повод обвинить авторов законопроекта в атеизме и секуляризме, и законопроект был провален. Но есть основания полагать, что противодействие было вызвано нежеланием большинства секторов политического спектра лишить панча сила ауры неприкосновенности и сохранить ее подверженность широкому спектру толкований в зависимости от того, кто находится у власти. При этом, как видно из сказанного выше, предлагавшиеся меры, во всяком случае, на первоначальном этапе, не выходили за границы народнических идей Сукарно. Судя по всему, Джоко Видодо признал свое поражение и в дальнейшем всячески демонстрирует свою приверженность пяти принципам и необходимость их защиты от всяких внешних поползновений.

Известным прогрессом в области идеологии при желании можно было бы считать выдвижение в период реформ концепции четырех столпов индонезийской госу-

[18] Kompas. 17.06.2020.

[19] *Сукарно.* Индонезия обвиняет. М., 1956. С. 269.

дарственности. К ним наравне с панча сила отнесены Конституция, унитарный характер индонезийского государства и девиз «Единство в многообразии». Произошла известная конкретизация национальной идеи с обозначением проблем, требующих конкретных подходов и решений – соблюдение основного закона с внесенными в него поправками, преодоление сепаратистских тенденций и этноконфессиональных противоречий в полиэтнической, поликонфессиональной и поликультурной стране. Показательно, однако, что социальная справедливость не обозначена в качестве одного из самостоятельных столпов. Что же касается принципа «Единства в многообразии», то он сейчас подвергается жесткому испытанию в связи с обострением обстановки в провинции Папуа, и в последнее время индонезийские СМИ, общественные деятели и правозащитники с тревогой говорят о проявлении признаков расизма по отношению к негроидному населению этой провинции, что влечет за собой весьма резкую реакцию с его стороны. В известном смысле нередко власть в большей мере стремится обеспечить монополию панча сила, чем ее практическое применение.

В качестве общего вывода следует сказать, что в сфере государственной идеологии преобладает консервативная тенденция в сочетании с сохранением за государством права на жесткую идейную монополию. Это во многом объясняется угрозой исламского радикализма и стремлением власти поставить его вне закона. Проблема лишь в том, что радикализм развивается вне легального пространства, а консерватизм в области идеологии существенно ограничивает ее состязательность, что соответственно подрывает устойчивость политической системы.

Значительное место в сфере идеологии занимает борьба за сохранение национальной самобытности. Здесь присутствуют два направления, две мотивации. Первое

направление – сохранение национальных ценностей в сфере нравственности, культуры, независимой внешней политики, преодоление негативных последствий глобализации. Второе – сохранение патриархальных норм и ценностей, в частности, в том, что касается положения личности, в условиях уже состоявшегося и преобладающего капиталистического уклада. Но это можно сказать и о той роли, которая отводится государственной идеологии.

Роль вооруженных сил в политической системе Индонезии

Одна из специфических черт политической системы Индонезии заключается в том, что ее вооруженные силы, в первую очередь сухопутные войска, их офицерский корпус и генералитет представляют собой едва ли не самый существенный и самодовлеющий элемент политической системы и политического процесса. Рожденная в ходе партизанской антиколониальной войны 1945–1949 гг. сухопутная армия уже тогда воспринимала себя как автономный институт, стоящий над обществом и государством, которому должно принадлежать решающее слово в разрешении внутренних конфликтов и определении путей развития страны. Эта самооценка наиболее выпукло и безоговорочно проявилась в период военно-авторитарного режима «нового порядка» в 1966–1998 гг., где армия играла роль главной политической силы и одновременно главного элемента, костяка государственного аппарата.

Жестокий кризис 1997–1998 гг., приведший к падению «нового порядка» и положивший начало эпохи реформ, побудил к пересмотру официальной доктрины, действовавшей до того времени и устанавливавшей «двойную функцию» вооруженных сил – как военного института и как самостоятельного политического института. В 2004 г. в развитие ст. 30 конституции, о чем говорилось

выше, был принят закон № 24, который устанавливал, что вооруженные силы являются «профессиональной армией, надлежащим образом обученной, воспитанной и оснащенной, не участвующей в практической политике и бизнесе…, следующей политическому курсу государства, основанному на принципе демократии, верховенстве гражданских институтов, норм национального права и ратифицированных актов международного права».

В соответствии с этим законом в 2007 г. была принята новая доктрина, где отсутствовало прежнее положение о социально-политической функции армии, обязанности которой теперь определялись как защита государственного суверенитета, сохранение целостности страны, защита индонезийской нации от угроз и посягательств[20]. Заметим, однако, что последнее положение подвержено различным толкованиям.

Принятие закона и доктрины, однако, не смогло полностью изменить психологию и самоидентификацию военной касты, собственный интерес которой тесно переплетается с собственным пониманием национальных интересов. Этому способствовали недостаточная эффективность и коррумпированность государственного аппарата. Армия, внутренние процессы и проблемы которой практически скрыты от внешних взглядов, все более воспринимается как наиболее целостная национальная организация. В настоящее время прослеживается настойчивая тенденция к усилению участия бывших военных в политике, в том числе и предоставления генералам ключевых постов в правительстве.

В 2012 г. парламент принял закон «Об урегулировании социальных конфликтов». В соответствии с этим законом армия может привлекаться к операциям в этой об-

[20] Kompas. 25.01.2007.

ласти, но руководящая роль в них отводится полиции. Это ограничение, соответствующее ст. 30 индонезийской конституции, вызывает недовольство генералов, требующих большей самостоятельности армии в подобных случаях. Латентное соперничество между армией и полицией в утверждении своей роли во внутриполитических вопросах сохраняется, хотя в последнее время были приняты меры к его смягчению.

Позиция генералов мотивируется появлением новых угроз помимо войн в традиционном понимании этого слова, включая терроризм и межобщинные конфликты. При этом указывается, что в условиях демократизации эти угрозы возрастают[21]. Военачальники ссылаются также на то, что многие внутренние конфликты (при этом в качестве примера приводятся судьбы Ирака, Судана, Нигерии и других стран) порождаются внешним вмешательством, в частности, борьбой за нефтяные месторождения[22]. Внешний характер угрозы предполагает право армии на главенствующую роль в сравнении с полицией в противостоянии ей. В настоящее время значение армии объективно возрастает в связи с вооруженным сепаратистским движением в Папуа. Участие вооруженных сил в операциях в Папуа получило юридическую основу после того, как в 2021 г. сепаратисты были объявлены террористическим движением.

Однако наиболее существенной причиной или поводом фактического сохранения самостоятельной роли армии в политической системе, как представляется, стало нарастание радикального исламизма, выливающееся в различные формы, начиная с акций против иноверцев на местах и кончая продолжающейся серией террористиче-

[21] The Jakarta Post. 22.08.2013.
[22] Suara Pembaruan. 11.03.2015.

ских актов в ряде городов. Армия является наиболее эффективным и заинтересованным орудием в противостоянии этой угрозе, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, исламизм, исламское государство, не предполагают сколько-нибудь самостоятельной политической роли вооруженных сил. Во-вторых, исламизм создает угрозу распада полиэтнической, поликонфессиональной Индонезии, что в корне противоречит националистической великодержавной идеологии, на которой зиждется армия.

Весьма характерной в этом отношении была ситуация, сложившаяся в конце 2020 г. в связи с возвращением из вынужденной эмиграции лидера радикального Фронта защитников ислама Хабиба Ризика Шихаба. Когда его сторонники начали подготовку к массовым акциям в этой связи, вмешался командующий джакартским военным округом генерал-майор Дудунг Абдурахман. Он послал свои подразделения с приказанием снять все портреты Х.Р. Шихаба и лозунги, его прославлявшие. Обращаясь к нему и его сторонникам, генерал сказал: «Не пытайтесь подорвать единство в Джакарте. Я здесь начальник. Если потребуется, я вас проучу». И дальше: «Надо будет, распустим Фронт. Хотите потягаться с армией – попробуйте»[23]. Обращает на себя внимание, что командующий округом действовал и высказывался от своего имени, чувствуя себя полноправным хозяином положения в городе. Никакой отрицательной реакции ни со стороны его непосредственных начальников, ни со стороны гражданских властей не последовало. Генерал как бы взял на себя то, что должны были сделать гражданские власти, но не хотели рисковать. В сентябре 2021 г. он уже в качестве командующего Стратегическим резервом сухопутных войск сделал заявление, явно выходившее за его служебные функции и

[23] Kompas. 20.11.2020.

вызвавшее серьезную дискуссию, указав, что все религии равны перед Господом и нужно избегать религиозного фанатизма[24].

Армия сохраняет ряд функций и структур со времен «нового порядка», в частности, институт сержантов-наставников в деревнях. Они отвечают за отслеживание и своевременное информирование вышестоящих органов о демографической ситуации, социальных процессах, природных катаклизмах (наводнениях, землетрясениях), а также о контрабанде, незаконных сделках, появлении иностранных судов в территориальных водах и посторонних лицах в пределах населенных пунктов[25]. При этом нужно иметь в виду, что эти унтер-офицеры с их уровнем образования и их начальство дают свою интерпретацию отмеченным явлениям. Отмечены случаи конфликтов между ними и местными полицейскими органами.

В соответствии с приказом начальника штаба сухопутных войск, сержанты-наставники непосредственно подчиняются командованию местного военного района[26]. Таким образом, они представляют собой аппарат, автономный от гражданской власти и действующий по указаниям своего командования (военный район является составной частью военного округа). Армия активно участвует в жизни сельских общин, включая помощь в земледелии, развитии инфраструктур и даже преподавании в школах.

Заслуживает отдельного внимания весьма влиятельная Ассоциация ветеранов сухопутных войск. Входящие в нее генералы, в отличие от тех, кто находится на действительной службе, свободны от формальных ограничений в политической деятельности и высказываниях. Как пока-

[24] Tempo (Jakarta). 09.06.2014; Republika. 15.09.2021.
[25] Republika. 06.02.2018.
[26] Suara Pembaruan. 19.06.2020.

зывает опыт, входящие в Ассоциацию военачальники, многие из которых в свое время занимали весьма высокие посты в вооруженных силах и гражданском аппарате, не скрывают своего критического отношения к демократическим переменам в стране. Попечитель другой подобной организации, Форума единства отставных военнослужащих, бывший вице-президент генерал в отставке Три Сутрисно от имени своих единомышленников потребовал пересмотра поправок, внесенных в конституцию после 1998 г.[27]. Его коллега генеральный секретарь Форума генерал-майор в отставке Сукармо заявил, что либерально-капиталистической группировке в стране удалось выхолостить государственную идеологию путем внесения четырех пакетов поправок в основной закон. Ей на смену пришли индивидуализм, капитализм и либерализм. Используя капиталы, они направляют динамику социально-политических и экономических процессов[28]. То обстоятельство, что выше процитированы высказывания отставных генералов, ничего не меняет – они лишь выражают то, что думает едва ли не большинство их коллег на действительной службе.

Характерно при этом, что генералы, которые в период «нового порядка» обеспечили ускоренное капиталистическое развитие Индонезии, сейчас апеллируют фактически к антикапиталистическим и антилиберальным идеям Сукарно, которого они свергли в 1967 г. Общий вывод заключается в том, что генералитет, офицерский корпус сухопутной армии не утратили самооценки как самодовлеющего, самоценного института, сохраняющего претензии на особую, если не лидирующую роль в обществе. Флот и авиация в этом смысле существенно отличаются, поскольку традиционно на протяжении всей истории не-

[27] Republika. 19.06.2020.
[28] Antara News. 07.11.2016.

зависимой Индонезии их задачи были связаны с противостоянием внешнему противнику, тогда как армия преимущественно противостояла внутренним оппонентам.

Следует признать, что в условиях активизации исламского радикализма власть не склонна сколько-нибудь активно противостоять фактическому усилению роли военных, поскольку армия становится едва ли не наиболее надежной опорой правительства. Когда в 2016 г. исламисты создали реальную угрозу стабильности, выступая против избрания губернатором Джакарты этнического китайца, протестанта Басуки Чахайя Пурнама, президент Джоко Видодо апеллировал к армии. Выступая в главном штабе сухопутных войск, он призвал армию и полицию «быть орудием единения, не колеблясь действовать в интересах единства государства». Он приказал армии нетерпимо относиться к движениям, направленным на раскол нации, на стравливание людей между собой путем политических провокаций[29]. Таким образом, он фактически дал армии право вмешиваться во внутриполитические процессы. Отставные генералы занимают министерские посты в правительстве, при этом для них характерна бóльшая в сравнении с их гражданскими коллегами автономность в принятии решений и суждениях.

Исследование, проведенное в 2021 г., показало, что армия пользуется наиболее высоким уровнем доверия в стране – 89,9% опрошенных, за ней следуют президент (82%), губернаторы (80%), Комиссия по борьбе против коррупции (74,4%), полиция (73,3%), прокуратура (71,3%)[30]. Такое же исследование, проведенное среди молодежи, показало, что полное доверие к армии испытывают 12% опрошенных, высокое доверие – 74% и малую сте-

[29] Kompas. 10.02.2021.
[30] Republika. 22.03.2021.

пень доверия – 9%. Это опять-таки самый высокий уровень в сравнении с другими институтами[31], который может объясняться, в частности, тем, что армия является самым закрытым политическим институтом и ее репутация наименее подвержена поношениям в условиях широко распространенной коррупции во всех эшелонах власти. При этом забывается, что за более чем три десятилетия пребывания у практически неограниченной власти армия не смогла придать развитию общества и государства самовоспроизводящуюся стабильность. Это может означать, что в подсознании масс олицетворяемое армией насилие, не ограниченное четкими правовыми нормами и освобождающее от личной ответственности, все еще остается превыше гражданских свобод и прав человека.

Как показывают те же опросы, политические партии пользуются наименьшим уровнем доверия в сравнении с армией, президентом и др. В 2018 г. этот уровень составлял 32,5%, к 2021 г. он возрос до 47,8%, но остался на последнем месте[32]. Наиболее существенной роль политических партий в Индонезии была до 1959 г., когда существовала реальная конкуренция в ходе избирательных кампаний. Уже в период «направляемой демократии» президента Сукарно (1959–1965) в условиях практически непрекращавшегося военного положения эта роль была существенно сужена. В рамках военно-авторитарного «нового порядка» число партий волевым решением властей было сокращено до трех, причем одна из них, Объединенный секретариат функциональных групп, известная под индонезийским сокращенным названием Голкар, формально не имела партийного статуса, но пользовалась всей полнотой административного ресурса и обеспечивала режиму устойчивое парламентское большинство. Партиям было

[31] Antara News. 28.08.2018; Kompas. 10.02.2021.
[32] Republika. 19.03.2021.

запрещено придерживаться любой идеологии, кроме официальной панча сила в интерпретации режима.

Особенности демократизации и модернизации политического процесса в Индонезии после падения режима «нового порядка»

С падением «нового порядка» в 1998 г., в рамках демократических реформ были отменены ограничения на создание новых политических партий, что первоначально привело к резкому росту их числа. При этом, однако, был сохранен запрет на любую идеологию, кроме государственной.

В результате всеобщих выборов в 2019 г. в парламент прошли представители девяти партий. Правительственную коалицию непосредственно после выборов образовали три светских партии – Демократическая партия Индонезии (борющаяся) (128 мандатов), Голкар (85) и Национально-демократическая партия (56), а также две мусульманские – Партия национального возрождения (58) и Партия единства и развития (19).

Оппозиционный блок составили светские – Движение за великую Индонезию (индонезийское сокращение Гериндра) (78 мандатов) и Партия демократов (54), а также две мусульманские – Партия справедливости и процветания (50) и Партия национального мандата (44). Последняя в 2021 г. претерпела раскол, и наиболее влиятельная фракция перешла на сторону правительства. Изменила ориентацию и Гериндра, о чем будет сказано ниже. (Всего в парламенте Индонезии 575 депутатов, причем квоты для провинций с малочисленным населением несколько выше, чем для яванских и некоторых других провинций).

Деятельность политических партий в последние два десятилетия в большинстве случаев носит отчетливый отпечаток наследия предыдущего режима. Поскольку ни

одна из них не вправе иметь собственную идеологию, а, следовательно, и некий собственный комплекс ценностей и идей, вокруг которых объединились бы массы, партийные программы, как отмечают индонезийские аналитики, в большинстве случаев носят размытый характер и не служат реальной основой для выработки практического курса[33].

Конечной целью большинства партийных лидеров сейчас является обретение максимального числа мандатов в парламенте и в качестве итога – министерских постов в правительстве. Можно без особой натяжки сказать, что главную роль в привлечении избирателей часто играет личность лидера партии. Демократическая партия Индонезии (борющаяся) неизменно возглавляется Мегавати Сукарнопутри, дочерью первого президента страны. Эта партия имеет самую многочисленную фракцию в парламенте, а дочь ее лидера Пуан Махарани занимает пост спикера парламента. М. Сукарнопутри и ее партия сыграли важную, если не решающую роль в выдвижении на пост президента нынешнего главы государства Джоко Видодо. В настоящее время рассматривается как достаточно вероятное выдвижение П. Махарани на этот пост на выборах 2024 г.

Мегавати Сукарнопутри, пожалуй, единственный деятель в стране, обладающий харизмой, преимущественно унаследованной от ее отца, но частично несущей отблески ореола мученичества вследствие тех преследований, которым она подвергалась в период «нового порядка». Харизма Сукарно, как представляется, зиждется не столько на его свершениях, сколько на его идеях – социальная справедливость, видение Индонезии как великой державы, национальное единство и др. Передастся ли эта

[33] Detik News. 22.03.2021.

харизма его внучке Пуан Махарани – покажет будущее. Вообще, эпоха харизматических лидеров с развитием обществ, видимо, уходит в прошлое, и никто не пришел в этом смысле на смену ни Дж. Неру, ни Г.А. Насеру, ни К. Нкрума.

Характерный в известном смысле пример дает партия Движение за великую Индонезию (Гериндра), которую возглавляет отставной генерал Прабово Субианто (бывший зять президента Сухарто). Несмотря на весьма неоднозначную репутацию в области нарушений прав человека при прошлом режиме, ему удалось трижды участвовать в президентских выборах, уступая соперникам с незначительной разницей в числе полученных голосов. Он и его партия продемонстрировали специфику партийной политики. В президентской кампании 2019 г. он получал поддержку крайних исламистов и вместе с ними поносил своего соперника Джоко Видодо. Когда же победивший соперник предложил его партии два министерских портфеля – пост министра обороны самому П. Субианто и пост министра туризма и креативной экономики бывшему кандидату на пост вице-президента Эди Прабово, – они, не раздумывая долго, согласились, и парламентская фракция их партии перешла в правительственную коалицию. Сейчас 70-летний П. Субианто рассматривается как вполне вероятный кандидат на участие в президентских выборах в 2024 г.

Такого рода легкость в блокировании имеет место в верхах, приходя на место противостоянию, но в низах раскол сохраняется, и брошенные лидерами сторонники нередко переходят на сторону более радикальных организаций и движений.

Что касается Партии демократов, она дала своеобразный пример того, какая роль принадлежит личности в политической системе Индонезии. Ее основатель и глава

генерал в отставке Сусило Бамбанг Юдойоно в 2004 г. выиграл президентские выборы, тогда как на парламентских выборах в том же году ПД с трудом удалось добиться весьма ограниченного успеха. Приведенные факты свидетельствуют и о той роли, которую в политической системе Индонезии играет политическая культура населения, где фактор личности, харизмы в ряде случаев превосходит по своему воздействию другие факторы.

Вообще индонезийская пресса, аналитики отмечают рост так называемого неопатримониализма в партиях и в государственном аппарате. О ситуации в ДПИ(Б) говорилось выше. В партии Гериндра заместителем ее лидера П. Субианто стала его племянница Рахайю Сарасвати Джойохадикусумо. Основатель Партии демократов С.Б. Юдойоно передал повседневное руководство партией своему сыну Агусу Харимурти Юдойоно.

В последнем случае это стало причиной известной критической ситуации. В феврале 2021 г. в г. Дели на северной Суматре прошел так называемый чрезвычайный съезд партии, на который собрались оппозиционно настроенные деятели ДП, избравшие главой партии отставного генерала Мулдоко, возглавляющего аппарат президента Джоко Видодо. Правительство, однако, отказалось признать законным решения съезда. Впрочем, на положении генерала, занимающего едва ли не самый влиятельный пост в администрации, это не сказалось.

Семейственность развивается и на местах. В городе Соло на востоке Явы мэром был избран старший сын президента Джоко Видодо, а в Медане (северная Суматра) – его зять. Если на выборах в местные органы власти в 2015–2018 гг. было отмечено 86 кандидатов, имеющих родственные связи с представителями власти, то в 2020–2021 гг. их было уже 124. Это в какой-то мере противоречит тому позитивному процессу, который, как предпола-

галось, наметился с избранием на пост президента Джоко Видодо, не принадлежавшего ни к одному из слоев элиты. Его путь – владелец мебельной фабрики в г. Суракарта (Центральная Ява), затем с 2005 г. мэр Суракарты, в 2012–2014 гг. губернатор Джакарты, с 2014 г. – глава государства, будучи выдвинутым на этот пост при активном содействии Демократической партии Индонезии (борющейся).

Главная слабость партийной системы в Индонезии заключается в том, что партии преимущественно отражают интересы не социальных слоев, территорий или экономических сил, но в большей мере политических группировок, возглавляемых более или менее популярными лидерами. Одно из доказательств тому события 2020 г., когда в связи с принятием парламентом закона «О создании новых рабочих мест» вспыхнули достаточно широкие выступления протеста, в которых участвовали рабочие и студенты. Выступления перерастали в погромы и поджоги полицейских участков. Партии, однако, остались в стороне. В общем плане можно сказать, что их деятельность недостаточно способствует реальному политическому участию электората.

Роль и политика партий и их лидеров непосредственно отражается на престиже парламента (Совета народных представителей и Совета представителей регионов), который в приводившемся выше списке стоит на последнем месте по популярности и уровню доверия в обществе. Именно в парламентских дебатах проявляются и становятся достоянием общественности все слабости партий.

В этой связи в Индонезии все чаще поднимается вопрос о причинах замедления или даже торможения процесса демократизации. Хрупкость его результатов обнаружилась, в частности, весьма наглядно в ходе выборов губернатора Джакарты в 2017 г. На этот пост баллотиро-

вался бывший до этого с 2014 г. и.о. губернатора Басуки Чахайя Пурнама, этнический китаец и протестант по вероисповеданию, о чем отчасти говорилось выше. Его противники использовали против него суру Корана (5, 51), запрещающую правоверным дружбу и сотрудничество с иудеями и христианами. Выступление кандидата с призывом к избирателям не позволять одурачивать себя ссылками на Коран стало поводом для разжигания массовой кампании радикально-мусульманского свойства и его осуждения на два года тюрьмы за богохульство. Здесь заслуживают внимания два момента. Деятельность Б.Ч. Пурнама в период его пребывания на посту и.о. губернатора одобряли 70% населения. Когда же в 2017 г. состоялись выборы (еще до его осуждения), он получил всего 42% голосов, причем 26% из тех, кто изменил свою позицию, признали, что сделали это по религиозным соображениям[34]. При этом не нашлось никого, кто указал бы, что богохульство было допущено как раз теми, кто использовал священное писание для разжигания ксенофобии в узко групповых целях. Но гораздо хуже, что в составе правительства и в среде партийных элит, сочувствовавших Б.Ч. Пурнама, ни у кого не нашлось смелости активно выступить в его защиту и обвинить организаторов кампании (для чего были все основания) в отходе от государственной идеологии панча сила и нарушении конституции.

Факт замедления или торможения демократического процесса признается и руководителями государства. Спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Сусатьо, комментируя снижение индекса демократии в Индонезии с 2019 по 2020 гг. с 6,48 до 6,30 (по методике *The Economist Intelligence Unit*), признал, что это самый низкий индекс за последние 14 лет. Многим институтам страны

[34] Prisma (Jakarta). Vol. 37, No. 2, 2018. Hal. 69.

предстоит большая работа для преодоления этой ситуации, которая в регионе Юго-Восточной Азии поставила Индонезию ниже, чем Малайзия, Тимор-Лешти и Филиппины[35]. Его предшественник на этом посту Зулкифли Хасан, признавая серьезность ситуации, считает, что выход следует искать через возвращение к четвертому принципу государственной идеологии – демократия, направляемая стремлением к достижению единогласия на основе консультаций и представительства. Он отрицает демократию, предполагающую только состязательность, при которой каждый стремится только к собственной победе[36].

Здесь снова прослеживается все то же стремление идеализировать и упрочить общинные принципы, которые еще во времена Сукарно утверждались как «третий путь» помимо социализма и капитализма, извечно и навечно данные индонезийскому обществу и потому представляющие собой основу политической системы страны. И, как было показано выше, З. Хасан не единственный, кто придерживается этих или сходных взглядов. При этом игнорируется тот факт, что за минувшие десятилетия неизмеримо выросли поток и доступность информации, размывающей представление о гомогенности индонезийского общества.

Все сказанное выше не должно умалять несомненный прогресс, которого объективно достигла Индонезия в деле демократизации и модернизации политической системы. По сравнению с предыдущим периодом неизмеримо возросла свобода дискуссии по самым острым и актуальным проблемам жизни страны. Столь же значительный прогресс отмечается и в развитии гласности (в Индонезии она называется открытостью). Даже по тем цитатам,

[35] Detik News. 10.03.2021. URL: https://news.detik.com.berita/d-5488095/indeks-demokrasi-ri-capai-titik-terendah-ini.
[36] Suara Pembaruan. 26.03.2021.

которые приводятся в настоящей статье, можно судить, что почти не осталось запретных тем. Негласным табу остается положение в армии (хотя и здесь уже прослеживаются определенные сдвиги) и подлинный характер трагедии 1965–1966 гг., когда от рук военных и правых мусульман погибли до миллиона членов и сторонников левых организаций. В то же время угроза радикализма и потребности борьбы с ней, порождают известные негативные тенденции.

Подводя итог, отметим, что политическая система Индонезии остается в процессе демократизации и модернизации, начатом в 1998 г. Индонезийскому обществу приходится все еще преодолевать ряд препятствий, как представляющих собой наследие авторитаризма, так и порожденных новыми факторами. Но очень важно при этом, что лидеры страны в большинстве своем понимают сложность ситуации. Министр-координатор по вопросам политики, юстиции и прав человека Махфуд М.Д., например, указывает, что индонезийская демократия все еще находится на стадии, которую он назвал «процедурной», и не достигла стадии «содержательной». Ей, по его словам, свойственна непоследовательность в том, что касается политических прав граждан и эффективности демократических институтов[37].

В целом, несмотря на все сложности и противоречивость развития политической системы Республики Индонезии в последние десятилетия, содержание и направление этого процесса можно считать позитивным. Опасность «балканизации» страны, о которой говорили еще два десятилетия назад, сейчас как будто бы миновала. Но в последние годы обострилась проблема сепаратизма в Папуа, порожденная рядом факторов, прежде всего, неравномер-

[37] Suara Pembaruan. 24.11.2020.

ностью социального и экономического развития этого региона, переплетающейся с расовыми, религиозными и цивилизационными различиями, которые отдаляют население Папуа от большинства индонезийцев. Исход этого достаточно опасного процесса, по мнению многих индонезийских политиков, будет зависеть от того, сумеет ли власть найти путь, который наряду с неизбежным применением силы по отношению к террористам предполагал бы диалог с оппозицией и выравнивание всех аспектов развития этой территории с другими регионами. В известном смысле это за последнее время может стать самым серьезным испытанием на прочность и жизнеспособность политической системы Индонезии и демократического процесса.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЕ/МЬЯНМЕ [1]

Рассуждать о политической системе и политических процессах в стране, где уже более полувека у власти, в той или иной форме, находится армия, нелегкая задача, хотя бы потому, что у исследователя постоянно присутствует ощущение *дежавю* («déjà vu»). Ни одно из поколений военных, захвативших власть в стране, не придумало ничего нового – очередная военная администрация формирует новые органы управления с разными названиями – Революционный совет (1962), Государственный совет по восстановлению законности и порядка (1988), Государственный совет мира и развития (1997), Государственный административный совет (2021), и затем периодически «превращается» в гражданское правительство, сменив военный мундир на гражданскую одежду. При этом у власти остаются те же люди с тем же менталитетом, с той же целью сохранить политический контроль над страной.

В 2021 г. в Мьянме снова наступило смутное время с непредсказуемым будущим. Новую военную администрацию в форме Государственного административного совета (ГАС) во главе с главнокомандующим силами обороны старшим генералом Мин Аун Хлаином, который также объявил себя премьер-министром, не признали в качестве

[1] **Сведения об авторе:** ***Симония Аида Алексеевна*** *– кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: aida.simonia@gmail.com*

законного правительства, а ее председателя − главой государства даже те, кто поддерживал военный режим в Мьянме в прошлом[2].

На формирование нынешней политической системы Мьянмы оказали влияние исторические особенности развития страны. В доколониальный, так называемый династийный, период страна была самым могущественным и крупным государством Юго-Восточной Азии. Народ Бирмы отчаянно сопротивлялся английскому завоеванию, и лишь через 60 лет, после трех англо-бирманских войн, колонизаторам удалось полностью присоединить ее к Британской Индии. Включение в Индию в качестве провинции продолжалось более 50 лет – до 1937 г. Партизанская война непокорных бирманцев постепенно переросла в национально-освободительное движение. Активное участие в движении за независимость принимали все слои населения, в том числе студенты и бирманское буддистское монашество. В недрах борьбы против британской колониальной администрации при содействии Японии зародилась Армия независимости Бирмы (АНБ), которая стала колыбелью военной политической элиты, правящей в стране и по сей день.

---

[2] Председатель Государственного административного совета Мин Аун Хлаин не был приглашен на октябрьские саммиты АСЕАН, на саммит АСЕАН−Китай, на саммит АСЕМ в ноябре и другие международные встречи. ООН пока оставила на посту постоянного представителя Мьянмы Чжо Мо Туна, направленного туда свергнутым гражданским правительством НЛД. Обмен визитами представителей военного истеблишмента Мьянмы и России до и после февральского переворота носят характер военно-технических связей. Подробно о реакции АСЕАН и КНР см.: *Симония А.А.* Кризис в Мьянме как момент истины для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021, № 3 (52). (в печати)

Путь колониальной Бирмы к федеративной парламентской республике

Под влиянием растущего в стране национально-освободительного движения британским парламентом был принят «Закон 1935 г. об управлении Бирмой», он предусматривал отделение Бирмы от Индии и новое Конституционное устройство страны. Закон вступил в силу 1 апреля 1937 г. − Бирма была отделена от Индии и получила статус отдельной колонии с внутренней автономией, ограниченной колониальными рамками. Теперь управление Бирмой осуществлялось не Дели, а Лондоном. В Бирме был создан двухпалатный законодательный орган, состоящий из Палаты представителей и Сената, а также Совет министров, назначаемый губернатором, но формально ответственный перед палатой представителей. В то же время губернатор, эта должность была введена еще в 1897 г., сохранял всю полноту законодательной и исполнительной власти. В его компетенции оставалась оборона, внешние связи, финансы и соблюдение законности и порядка внутри колонии. Под его прямым управлением оставались населенные преимущественно малыми народами приграничные территории страны. В юрисдикции губернатора было также право прекратить работу любого выборного органа. Хотя внутренняя автономия носила колониальный характер и встретила резкую критику среди националистов-патриотов, она была принята верхами и стала определенной политической школой для дальнейшего приобщения Бирмы к парламентской процедуре.

Преследования и репрессии колониальной администрации против истинных патриотов подтолкнули бирманских националистов к сотрудничеству с Японией. Лидера национально-освободительного движения Аун Сана и его товарищей привлекало обещание Японии помочь

создать бирманские вооруженные силы, которые рассматривались бирманскими патриотами как орудие и гарант своей власти. Существовавшая в колониальной Бирме армия была чужда большинству населения страны, не только потому, что она была инструментом английского колониализма, но главным образом, потому что в ее составе собственно бирманцы составляли в 1938 г. всего 2,5% (159 человек), а в офицерском корпусе – 1,4% (4 человека). В колониальной армии и полиции Бирмы преобладали индийцы.

В декабре 1941 г. с помощью Японии в Бангкоке была создана Армия независимой Бирмы (АНБ) – основа будущих вооруженных сил страны. В январе 1942 г. АНБ в составе 15-ой японской армии выступила против английских завоевателей. Это был единственный случай в Юго-Восточной Азии, когда национальная армия вошла в свою страну вместе с японцами. В марте 1942 г. Рангун был занят японскими войсками, а затем была оккупирована и вся страна. Но только в августе 1943 г. премьер-министр Японии Тойо Х. объявил, наконец, «независимость» Бирмы. Хотя во многом это была формальная независимость, но бирманцам, находившимся более ста лет под колониальным гнетом, хотелось возродить национальные атрибуты и церемонии. Бирманские лидеры получили возможность под контролем японских оккупационных сил формировать собственное правительство и администрацию на местах.

Но Аун Сан и его товарищи, столкнувшись с оккупационной политикой Японии, очень скоро разочаровались в сотрудничестве с японцами, главной целью которых было занять в Бирме место англичан. В 1944 г. была создана подпольная Антифашистская лига народной свободы (АЛНС), которая возглавила национально-освободительное движение против японских оккупантов,

а затем и британского колониального господства. Председателем АЛНС стал генерал Аун Сан.

27 марта 1945 г. армия Аун Сана, объединившись с англичанами и их союзниками, выступила против японцев. Эта дата отмечается как день создания вооруженных сил Бирмы – День Армии.

Конституция независимого Бирманского Союза была принята 24 сентября 1947 г. Согласно Конституции, опиравшейся на Панлонские соглашения и англо-бирманский договор о независимости, Бирманский Союз включил в себя все территории и народы колониальной Бирмы. Союзный парламент, созданный в соответствии с Конституцией 1947 г., избрал шанского князя Сан Шве Тайка первым президентом Мьянмы, а У Ну стал ее первым премьер-министром, вследствие убийства лидера нации героя борьбы за независимость генерала Аун Сана. В то время правительство имело вид подлинно федеральной администрации, поскольку генерал-лейтенант Смит Дан, этнический карен, возглавлял армию Мьянмы, президент Сао Шве Тайк был шаном, а премьер-министр У Ну − бирманцем. Как показал дальнейший ход истории, это была первая и последняя федеративная администрация постколониальной Бирмы. В последующих военных правительствах представители этнических меньшинств редко назначались на руководящие должности.

Независимость Бирмы была провозглашена 4 января 1948 г. Тогда же вступила в силу первая Конституция молодого освободившегося государства. Бирманский Союз провозглашался парламентской федеративной республикой, в которой четырем союзным государствам − Шанскому, Качинскому, Кайя и Каренскому, а также Чинскому особому округу гарантировался полуавтономный статус. Высшим законодательным органом объявлялся парламент, состоявший из двух палат – палаты депутатов и па-

латы национальностей, в котором палата депутатов избиралась на основе прямых всеобщих выборов, а в палату национальностей входили представители наиболее крупных народностей Бирмы. Президенту Союза, как представителю законодательной власти, отводилась ограниченная роль − церемонии, право подписи, помилование. Он избирался на общем заседании обеих палат парламента на пять лет и не мог занимать эту должность более двух сроков.

Высшим органом исполнительной власти Бирманского Союза провозглашалось правительство, которое было главным инструментом реальной власти. Премьер-министр избирался палатой депутатов, а члены кабинета назначались самим премьером.

Система судебной власти была во многом заимствована у бывшей метрополии. Судьи объявлялись независимыми от законодательной и исполнительной власти. Они выдвигались правительством, получали одобрение парламента, и решение об их назначении подписывалось президентом.

В новую эпоху своего развития Бирма вступила политически нестабильным государством. Как только пропал объединяющий стимул – достижение независимости, на поверхность всплыли противоречивые интересы политических партий, начавших борьбу за власть. В стране началась гражданская война. Молодые бирманские офицеры, бывшие товарищи по оружию, стоявшие во главе национально-освободительного движения, оказались по разные стороны баррикад и стали заклятыми врагами.

Усилились сепаратистские настроения народов, входящих в состав Бирманского Союза. Наиболее организованной и хорошо вооруженной оппозиционной правительству силой были каренские сепаратисты, которые не хотели входить в состав Бирманского Союза и добивались

создания отдельного и независимого от Бирмы каренского государства. Вместе с каренами под сепаратистскими лозунгами выступили также моны, кайя, шаны, араканцы, а также моджахеды, проживавшие на западе Бирмы у границ с современной Бангладеш, назвавшие себя впоследствии рохинджа. Самая длительная в мировой истории гражданская война в виде широкого повстанческого движения в Бирме/Мьянме, начавшаяся с конца 40-х годов XX в. и продолжающаяся в XXI в., хотя масштабы ее сократились, это феномен всего периода независимости страны.

В годы парламентской демократии гражданское правительство премьер-министра У Ну (1948−1962) предприняло попытку построения социалистического общества на основе буддизма. Но эта попытка не увенчалась успехом.

Начало военного правления в Бирме

В 1962 г. произошел военный переворот, правительство было свергнуто, премьер-министр У Ну был заключен в тюрьму на пять лет. Президент Сао Шве Тхайк умер в тюрьме по неизвестным причинам примерно через восемь месяцев после своего задержания. Власть перешла в руки Революционного совета во главе с генералом Не Вином и была установлена военная диктатура с однопартийной системой и централизованными методами управления экономикой. Военный переворот 1962 г. положил начало военному правлению в стране с коротким пятилетним перерывом (2016−2020).

В 1974 г. − в 26-ю годовщину независимости страны − была принята новая *Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз,* которая была приостановлена после захвата власти армией 18 сентября 1988 года. Впоследствии страной правила военная хунта, известная сначала как Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСПЗП), а в период с 1997 по 2011 г. −

Государственный совет мира и развития (ГСМР). Следующая Конституция, так называемая *Конституция хунты*, будет принята лишь через 20 лет в 2008 г.

В соответствии с Конституцией 1974 г. верховная власть принадлежала однопалатному Народному собранию (Пьиду Хлутто), всенародно избранному органу из 485 членов, который осуществлял законодательную, исполнительную и судебную власть. Государственный совет, состоящий из 29 членов (по одному представителю, избранному от каждого из 14 штатов и административных округов страны, 14 членов, избранных Народным собранием в целом, и премьер-министр в качестве члена по должности *(ex officio*), избирал своего секретаря и своего председателя, который был президентом страны тоже *ex officio*. Секретарь и президент были также, соответственно, генеральным секретарем и председателем Партии социалистической программы Бирмы (ПБСП), которая под военным руководством была единственной официальной политической партией с 1964 по 1988 г. Государственные служащие, военнослужащие, рабочие и крестьяне были членами ПБСП, а высшие военные чиновники и государственные служащие были включены в партийную иерархию.

По Конституции 1974 г. Мьянма административно разделена на семь штатов по этническому признаку — Чин, Качин, Кайин (Карен), Кайя, Мон, Ракхайн (Аракан) и Шан — и семь административных регионов собственно Мьянмы − Эйявади (Иравади), Магвей (Магве), Мандалай, Баго (Пегу), Сагаин, Танинтайи (Тенассерим) и Янгон. Эти штаты и регионы подразделяются далее на поселки, городские округа и сельские районы. До 1988 г. на каждом уровне местного самоуправления 14 официально закрепленных штатов и регионов Бирманского Союза существовал Народный совет, который действовал по образцу

Народного собрания. В каждом совете местного самоуправления также был Исполнительный комитет, и во всех советах, кроме сельских или районных, был Комитет инспекторов. Местные и национальные выборы проводились одновременно. В 1988 г. ГСВЗП распустил эти органы и взял на себя управление местной администрацией, создав на их месте Советы по восстановлению правопорядка, в которых доминировали военные.

Забегая вперед, напомним, что в Конституции 2008 г., принятой военной администрацией ГСМР, были выделены самоуправляемые зоны и территории, обладающие своими самостоятельными органами управления и вооруженными формированиями, неподчиняющиеся центральной власти и находящиеся с ней в состоянии вооруженной конфронтации. Глава 2 параграф 56 Конституции[3] гласит: самоуправляемые округа и самоуправляемые зоны определены следующим образом:

a) в состав самоуправляемой **зоны Нага** входят городские поселения Леши, Лаше и Намьён **региона Сагайн**;
b) в состав самоуправляемой **зоны Дану** входят городские поселения Ювангган и Пиндайя, расположенные в **штате Шан;**
c) в состав самоуправляемой **зоны Па-О** входят городские поселения Хопонг, Хсихсенг и Пинлонг, расположенные в **штате Шан;**
d) в состав самоуправляемой **зоны Панлон** входят городские поселения Намсан и Мантон, расположенные в **штате Шан;**
e) в состав самоуправляемой **зоны Кокан** входят городские поселения Кокн и Лойкко, расположенные в **штате Шан**;

[3] Myanmar's Constitution of 2008. P. 17. URL: https://www.constitute project.org/constitution/Myanmar_2008.pdf?lang=en

f) в состав самоуправляемой **зоны Ва** входят шесть городских поселений: Хопанг, Монгма, Панваи, Нахпан, Метман и Пансан (Пакхам), расположенные в **штате Шан** в виде двух округов.

Новая военная администрация (с 1988 г.)

После захвата власти военными и отмены Конституции 1974 г. в качестве нового руководящего органа в 1988 г. был учрежден Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Все обязанности упраздненных государственных институтов, включая Народное собрание и прежний государственный совет, взял на себя ГСВЗП. Закон, определяющий ПБСП в качестве единственной политической партии, также был отменен, и новым сформированным партиям было предложено зарегистрироваться для участия во всеобщих выборах в новое законодательное собрание. В выборах, которые состоялись в мае 1990 г., приняли участие более 90 партий; из них наиболее важными были доминирующая партия ПБСП, которая изменила свое название на Партию национального единства (ПНЕ), и главная оппозиционная партия − Национальная лига за демократию (НЛД), созданная в сентябре 1988 г.

НЛД получила около четырех пятых мест в новой ассамблее. Однако после триумфа НЛД на выборах ГСВЗП объявил, что, оказывается, на самом деле выборы проводились не в законодательное собрание, а в учредительное собрание, которому было поручено разработать новую Конституцию; кроме того, ГСВЗП запретил собираться избранному органу. Вместо избранной ассамблеи 1990 г. ГСВЗП в 1993 г. созвал Национальный конвент − собрание специально отобранных участников для разработки новой Конституции. Это учредительное собрание периодически собиралось в 1993−1996 гг., а затем снова с 2004 г. до начала

2008 г., когда, наконец, был принят завершенный проект основного закона. Конституция была вынесена на всенародный референдум в мае, который был проведен, несмотря на разрушительную природную катастрофу − тропический циклон «Наргис», унесший жизни 140 тысяч человек. Разработанная предыдущей военной хунтой с помощью некоторых этнических представителей и проведенная через незаконный, с нарушениями процесс референдума в 2008 г., Конституция закрепляет политическую систему, предназначенную для сохранения власти генералов. Основной закон гарантирует, что военные сохраняют важную роль не только в исполнительной власти правительства, но и во многих аспектах национальной политики. Помимо своих неизбранных представителей, занимающих четверть мест в парламенте, военным гарантируется контроль над тремя министерствами, связанными с безопасностью: обороны, внутренних дел и пограничных дел.

Основной закон вступил в силу 31 января 2011 г., после выборов в новый парламент, которые состоялись 7 ноября 2010 г. Выборы были проведены по намеченному военным режимом сценарию, на них не были допущены ни иностранные журналисты, ни наблюдатели. Из-за ряда дискриминационных положений для противников военного режима, включая закон о регистрации политических партий, НЛД приняла решение не регистрировать свою партию и не участвовать в выборах 2010 г. Поэтому результаты выборов оказались вполне предсказуемыми: Союзная партия солидарности и развития (СПСР), в которой состояли военнослужащие, отправленные в отставку перед выборами, получила 76,5% голосов, или 883 места из общего числа (1154 мест) в двух палатах парламента и региональных и национальных законодательных собраниях. Учитывая, что 25% мест было заранее отведено представителям армии, получилось, что 80% парламентариев – это

действующие или отставные военные, а вместе с чисто гражданскими членами СПСР им принадлежит 84% мест в парламенте. Действия военного руководства страны представляли собой яркий пример откровенного использования административного или властного ресурса в процедуре принятия новой Конституции и проведения выборов.

В соответствии с Конституцией 2008 г. законодательная власть принадлежит двухпалатной Ассамблее Союза (*Pyidaungsu Hluttaw*), состоящей из 224-местной Палаты национальностей (Амьота Хлутто) и 440-местной Палаты представителей (Пьиду Хлутто). Три четверти членов каждой палаты избираются напрямую, а на оставшуюся четверть мест назначаются представители вооруженных сил; все члены избираются на пятилетний срок. Исполнительная власть, согласно Конституции, принадлежит президенту, который избирается на пятилетний срок членами Палаты представителей и возглавляет Совет национальной обороны и безопасности (СНОБ), состоящий из 11 членов. Главная особенность Конституции 2008 г. – наделение армии большим влиянием в политической жизни страны. Помимо обладания правом вето при голосовании, благодаря 25%-ному представительству в парламенте, военная фракция также назначает своего выдвиженца на должность одного из вице-президентов, главнокомандующий назначает трех силовых министров – министра обороны, министра внутренних дел и министра по делам границ. В СНОБ из 11 членов шестеро представляют вооруженные силы[4].

[4] Подробно о выборах 2010 г. см.: *Симония А.А.* Глава II. Бирма/Мьянма // Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. Коллективная монография. М.: Тезаурус, 2016. С. 113–204.

Однако проведенные в 2010 г. выборы всего лишь изменили фасад существующего военного правления. Новое военное руководство не придумало ничего нового по сравнению с политикой, проводимой в свое время генералом Не Вином. Можно сказать, что несмотря на смену идеологических установок, в стране за последние 50 лет выработался определенный стереотип технологии управления обществом. В какой-то момент правящий военный режим превращается в гражданский, лишь сменив облик, т.е. сняв военную форму. Как и в 1973 г., в 2008 г. был организован референдум по новой Конституции, затем; как и в 1974 г., в 2011 г. было сформировано так называемое «гражданское» правительство, состоявшее, в основном, из отставных офицеров.

Уже тогда сразу возник вопрос, почему все-таки военное руководство приняло решение провести выборы именно в 2010 году? Для чего была реанимирована «дорожная карта продвижения к демократии» и форсировано ее выполнение? Ответ на этот вопрос нам представляется таким: дело в том, что самым уязвимым местом режима была его нелегитимность со всеми вытекающими последствиями. Военную хунту обвиняли в незаконном удерживании власти с момента непризнания итогов предыдущих выборов в 1990 г. По этой причине даже новое название страны ***Мьянма*** приняли далеко не все, и до сих пор страну часто именуют по-старому ***Бирма***, только потому, что изменение внесла военная хунта. Без легитимности и требуемых Западом реформ старший генерал Тан Шве не мог быть спокоен относительно будущего своей семьи и себя лично. Забегая вперед, отметим, что история с отказом в легитимности власти военной администрации повторится снова в 2021 г.

Успешные выборы 2010 г. должны были стать средством легитимации власти и избавления руководства

страны от этой ущербности. Пятилетие правления квазигражданского правительства отставного генерал-лейтенанта президента Тейн Сейна (2011−2015) несомненно вошло в историю Бирмы/Мьянмы как самый яркий и значительный исторический отрезок времени за последние десятилетия. Президента Тейн Сейна даже называли какое-то время *президентом-реформатором*, хотя «заслуга» принадлежала другому человеку − архитектору «бирманской перестройки» старшему генералу Тан Шве[5].

Пять лет президента-реформатора были настолько насыщены реформами – квазигражданское правительство выполнило все требования Запада, – что это привело к снятию большей части санкций.

Вместе с тем квазигражданская администрация получила преимущество перед оппозицией, она как бы «сняла сливки», начав знаковые демократические реформы: освободила всех политических заключенных, включая Аун Сан Су Чжи, приняла закон о свободе печати, разрешила въезд в страну опальным диссидентам и иностранцам – бывшим «персонам нон-грата», пошла на конфронтацию с Китаем, «выполняя волю населения», заморозила сооружение грандиозного китайского проекта строительства плотин и гидроэлектростанций Мьисоне, стоимостью 3,2 млрд долл., на севере страны в верхнем течении Иравади.

Президент Тейн Сейн также стремился достичь общенационального примирения и стать «президентом-миротворцем». Но это была слишком непосильная задача, которую не могут решить уже полвека. Соглашение о прекращении огня Тейн Сейну удалось подписать только с восемью из пятнадцати вооруженных этнических армий

[5] См.: *Симония А.А.* Мьянма: восемнадцать месяцев президентства Тейн Сейна // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012, Вып. 18. С. 161–185.

и группировок, причем, самые крупные и влиятельные военные формирования не присоединились к соглашению. В целом ситуация с повстанцами осталась на прежнем уровне. Но если не вникать в суть соглашения и детали, непосвященному человеку это событие может показаться большим достижением – «подписали восемь из пятнадцати».

Через пять лет военная администрация пошла дальше – допустила проведение свободных и честных выборов в ноябре 2015 г., на которых, как и в 1990 г. НЛД одержала сокрушительную победу. Военные тогда демонстрировали видимость того, что они принимают результаты выборов и «уважают волю народа». Эйфория охватила тогда всех сопереживающих и сочувствующих движению бирманского народа к демократии, не говоря уже о самом народе.

Но правительству НЛД досталась трудная и кропотливая работа. Все положительное и прогрессивное с немедленным результатом было уже сделано, а теперь надо было восстанавливать экономику, принимать новые или совершенствовать существующие законы, связанные с развитием экономики, создавать новые социально-экономические связи в обществе, при этом главными политическими задачами оставались достижение национального согласия и мира в стране и внесение поправок в Конституцию 2008 г.

Одновременно в Мьянме был ослаблен жесткий контроль над населением со стороны силовых ведомств, и в беднейшей стране обострились этнорелигиозные конфликты, особенно в штате Ракхайн. Кризис рохинджа в 2016–2017 гг. вызвал негативную реакцию Запада, в гонениях и расправах с этим народом Запад обвинил не армию, которая представляет собой отдельный независимый институт, не подчиняющийся никому, а правительство НЛД и саму Аун Сан Су Чжи лично. Трудное сосуществ-

вание и отношения между гражданским правительством и армией обострились в последние два года. Уже за несколько месяцев до назначенных очередных выборов стали появляться слухи о возможном военном перевороте. Что и произошло в день открытия первой сессии избранного парламента.

Военный переворот 1 февраля 2021 года[6] – претензия на Конституционность процесса

Утверждая, что на всеобщих выборах в ноябре 2020 г. было допущено крупномасштабное мошенничество во время избирательной кампании, военные 1 февраля устроили государственный переворот, сославшись на статью 417 Конституции и объявив чрезвычайное положение по всей стране. Однако в Конституции нет положений, согласно которым захват власти 1 февраля 2021 г. можно считать Конституционным. В течение последних восьми месяцев главнокомандующий неоднократно заявлял, что переворот 1 февраля был осуществлен «конституционно». Среди полномочий, предоставленных военным Конституцией, записано право взять на себя ответственность во время чрезвычайного положения. Однако даже ***Конституция, созданная военными и для военных не наделяет главнокомандующего правом совершать государственный переворот против избранного правительства.***

Статья 417 требует, чтобы президент объявлял чрезвычайное положение, когда существует угроза суверенитету страны. Затем *статья 418* требует, чтобы прези-

[6] Подробно о военном перевороте 1 февраля 2021 г. см.: *Симония А.А.* Военный переворот в Мьянме 2021: причины и сценарии дальнейшего развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, № 1 (50). С. 166−180; *Симония А.А.* Мьянма 2021: военный переворот как трагическое повторение старого сценария // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, №2 (51). С. 155−165.

дент передал всю власть Главнокомандующему силами обороны[7].

В Конституции говорится, что президент обладает властью объявлять чрезвычайное положение после консультаций и координации с Советом национальной обороны и безопасности (СНОБ), в котором доминируют военные. Затем Президент передает исполнительные, законодательные и судебные полномочия правительства Главнокомандующему силами обороны.

Однако военные созвали заседание СНОБ через несколько часов после того, как 1 февраля были арестованы гражданские лидеры страны, включая президента Вин Мьина и государственного советника Аун Сан Су Чжи. Вице-президент от военной фракции бывший генерал Мьин Све присутствовал на «урезанном» заседании СНОБ в качестве «исполняющего обязанности президента» и объявил, что в течение одного года будет действовать чрезвычайное положение по всей стране. Затем он немедленно передал законодательные, административные и судебные полномочия страны главнокомандующему.

В *статье 73 (a)* Конституции говорится, что один из двух вице-президентов, набравший второе по величине число голосов на президентских выборах, исполняет обязанности президента, «если должность президента становится вакантной в связи с его отставкой, смертью, постоянной инвалидностью или по другой причине»[8]. Должность президента стала вакантной только в связи с насильственным захватом власти и задержанием президента. Судебные показания свергнутого гражданского президента Мьянмы Вин Мьина 12 октября 2021 г. доказывают, что главнокомандующий старший генерал Мин Аун Хлаин

[7] Myanmar's Constitution of 2008. Pp. 108–109. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Myanmar_2008.pdf?lang=en
[8] Ibid. P. 21.

нарушил собственную Конституцию вооруженных сил 2008 года, когда он захватил власть 1 февраля.

Задержанный 70-летний президент Вин Мьин, впервые за восемь месяцев после ареста получив возможность дать показания в свою защиту, заявил суду в Нейпьидо, что рано утром в день захвата власти два армейских генерала вошли в его комнату в президентской резиденции в Нейпьидо и попытались заставить его уйти со своего поста по состоянию здоровья. Президент отклонил их предложение, заявив, что у него хорошее здоровье. По словам его адвоката, президент сообщил суду, что офицеры угрожали ему, говоря, что, если он не выполнит их указания, ему «причинят вред». Однако Вин Мьин заявил генералам, что «он скорее умрет, чем согласится на их предложение»… «Президент сказал генералам, что он не беспокоится о том, что ему причинят вред, он считает, что все должно решаться в соответствии с законом, а не путем организации государственного переворота», − рассказал адвокат. Первое публичное раскрытие обстоятельств задержания президента Вин Мьина произошло, когда он лично защищался от обвинения в подстрекательстве, выдвинутого режимом в связи с заявлениями, опубликованными его партией Национальной лигой за демократию (НЛД), призывающей общественность противостоять перевороту. Адвокат сообщил «Иравади», что показания президента в суде во вторник, 12 октября, стали самым убедительным подтверждением мнения местных и международных экспертов в области права о том, что военный переворот был неконституционным. Попытка заставить действующего президента уйти в отставку с помощью угроз может быть расценена как стремление организаторов государственного переворота представить захват власти конституционным. «Президент Вин Мьин уведомил всю нацию, а также

весь мир через суд о том, что переворот нарушает Конституцию», − сказал его адвокат[9].

Законотворчество Государственного административного совета

Для выполнения функций правительства во время чрезвычайного положения был сформирован новый орган управления – Государственный административный совет (ГАС), возглавляемый главнокомандующим вооруженными силами. Через две недели после военного переворота ГАС внес ряд изменений в законодательство, отменив законы, которые запрещают силам безопасности задерживать диссидентов и нарушать неприкосновенность частной жизни, восстановив пресловутое требование о регистрации гостей на ночь − печально известное положение, отмененное парламентом Союза в 2016 г., которое использовалось прошлыми режимами, чтобы позволить властям проводить несанкционированные полуночные проверки и нарушения конфиденциальности. Его возвращение позволяет силам безопасности выслеживать противников, производить аресты и обыскивать частные объекты без ордера[10].

Адвокаты в Мьянме призвали к судебному преследованию лидеров переворота за государственную измену, которая влечет за собой смертный приговор. На фоне этих призывов в попытке гарантировать безнаказанность военным, захватившим власть в феврале, ГАС во главе с Мин Аун Хлаином внес поправки в закон о государственной измене и подстрекательстве к мятежу. Этот шаг был расценен как попытка защитить военачальников, захвативших власть в результате государственного переворота

[9] Myanmar's Detained President Exposes Illegality of Coup in Court Testimony / The Irrawaddy. 13.10.2021.
[10] The Irrawaddy. 18.02.2021.

1 февраля, на фоне заявлений адвокатов о том, что руководителю переворота старшему генералу Мин Аун Хлаину могут быть предъявлены обвинения в государственной измене. В первоначальном варианте статьи 121 Уголовного кодекса говорилось, что любой, кто «пытается или готовится силой оружия или другими насильственными средствами свергнуть органы власти Союза или его составные части, установленные Конституцией», виновен в государственной измене, лидер переворота внес в нее поправки, согласно которым только «неконституционное» применение силы оружия является государственной изменой, что означает − применение силы допустимо, если это делается в соответствии с Конституцией.

Военный режим также расширил определение обвинений и ужесточил наказание за подстрекательство к мятежу в соответствии с Уголовным кодексом с четкой направленностью на протестующих против государственного переворота. Помимо вышеуказанных правовых изменений, военное правительство также стремится ввести новый закон о кибербезопасности, который предоставил бы ему почти неограниченные полномочия для доступа к пользовательским данным, запрета контента, который ему не нравится, ограничения интернет-провайдеров и перехвата данных, а также заключения в тюрьму противников режима, которые выражают свои взгляды в Интернете, а также должностных лиц в компаниях, не выполняющих свои обязательства. Это также позволило бы режиму арестовывать любого, кто получает доступ к таким сайтам, как *Facebook*[11].

Задержанный государственный советник Аун Сан Су Чжи впервые после государственного переворота

[11] San Yamin Aung. Myanmar Military Regime Rewrites Laws to Stifle Dissent, 'Justify' Power Grab / The Irrawaddy. 18.02.2021.

1 февраля дала показания в суде в Нейпьидо 26 октября 2021 г. Однако подробности ее показаний неизвестны, поскольку хунта Мьянмы запретила ее команде юристов выступать перед СМИ по поводу судебного процесса. Хунта наложила запретительные приказы на всех пятерых адвокатов Аун Сан Су Чжи, а также запретила им прямо или косвенно общаться с иностранными дипломатами или международными организациями, сославшись на то, что их заявления «могут вызвать беспорядки и дестабилизировать общественный порядок». Приказ против главного адвоката Кхин Маун Зо был отдан после того, как он подробно рассказал о показаниях президента Вин Мьина об угрозах военных, которые принуждали его уйти в отставку «по состоянию здоровья» во время переворота. Еще один адвокат Аун Сан Су Чжи, регулярно выступавший перед СМИ, был отстранен от работы за три дня до дачи показаний 76-летней узницы. Юристы и юридические аналитики осудили приказы о «затыкании рта как незаконное нарушение основополагающего судебного права на открытое судебное разбирательство»[12].

После переворота хунта изменила десятки правовых положений Уголовного кодекса, чтобы подавить оппозицию против режима. Причем приказ о полном отключении средств массовой информации от текущих судебных процессов Аун Сан Су Чжи и задержанного президента Вин Мьина был издан Государственным административным советом, контролируемым хунтой, а не судом. Адвокаты раскритиковали это как попытку повлиять на судебный процесс, заявив, что это противоречит давно установленному правовому принципу, согласно которому справедливое судебное разбирательство должно проводиться в открытом суде.

[12] Suu Kyi Testifies Against Myanmar Junta's Incitement Charges / The Irrawaddy. 26.10.2021.

Юрист Кхин Маун Мьин прокомментировал эти запреты так: «Граждане имеют право видеть, знать и слышать, чтобы убедиться, что каждый этап судебного разбирательства является справедливым и законным. Запрещая адвокатам информировать общественность о судебных процессах, административная власть оказывает влияние на судебную власть. Это очень позорный и уродливый поступок»[13].

Лидер переворота старший генерал Мин Аун Хлаин 28 октября 2021 г. внес две новые поправки в Закон о Совете адвокатов, отменяющие право адвокатов избирать совет и, таким образом, позволяющие режиму назначать этот юридический орган.

В соответствии с поправкой, членов Совета адвокатов будут назначать генеральный прокурор и главный судья Союза.

«Адвокаты потеряли право избирать членов, которые будут представлять их интересы. Совет был возвращен под полный контроль режима, как это было в прошлом», − прокомментировал эксперт по правовым вопросам.

Поскольку Совет адвокатов уполномочен выдавать и отзывать лицензии адвокатов и регулировать их деятельность, адвокаты теперь, вероятно, столкнутся с более жесткими ограничениями в соответствии с измененным законом, считают эксперты по правовым вопросам[14].

Закон о Совете адвокатов был впервые принят в 1929 г. при британском колониальном правлении и предусматривал, что члены совета должны избираться демократическим путем.

---

[13] Ibidem.

[14] Myanmar Junta Places Lawyers Back Under Control of Military Regime / The Irrawaddy. 01.11.2021.

Однако после того, как Совет адвокатов поддержал участие адвокатов в акциях протеста против бывшего военного режима Не Вина во время демократического восстания 1988 г., Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП) в 1989 г. внес поправки в две статьи закона, в которых говорилось, что члены совета могут быть избраны только Главным судьей Союза. Впоследствии многие адвокаты, участвовавшие в продемократическом движении, были арестованы и заключены в тюрьму или у них были отозваны лицензии.

Закон о Совете адвокатов был вновь изменен в 2019 г. при ныне свергнутом правительстве гражданской Национальной лиги за демократию, что позволило всем лицензированным юристам в стране проголосовать за избрание совета. Одиннадцать членов, включая заместителя председателя и секретаря, были впервые избраны в Совет адвокатов на следующий год после десятилетий контроля со стороны военного режима. Но потом случился военный переворот. Один из членов Совета старейший юрист Ньян Вин был арестован режимом после военного переворота 1 февраля, находясь в тюрьме Инсейн в Янгоне заразился коронавирусом, и умер 20 июля в больнице Янгона[15].

Через девять месяцев после военного переворота, ареста лидеров НЛД суд в Мьянме, управляемый военными, 6 декабря приступил к процедуре вынесения первых вердиктов в отношении Аун Сан Су Чжи, приговорив свергнутого лидера к четырем годам тюремного заключения за подстрекательство к мятежу против военных и нарушение ограничений в связи с COVID-19 за то, что она приветствовала группу сторонников во время прошлогодней избирательной кампании, хотя и была при этом в защитной маске. Вин Мьин, занимавший пост президента

[15] The Irrawaddy. 01.11.2021.

Мьянмы, также был приговорен к четырем годам. Судебный процесс проходил за закрытыми дверями в Нейпьидо[16].

Ранее 26 октября 2021 г. Аун Сан Су Чжи отвергла обвинения в подстрекательстве. Свергнутый президент Вин Мьин и мэр Нейпьидо доктор Мьо Аун, являются сообвиняемыми по этому делу. Обвинение в подстрекательстве против троих политиков было выдвинуто в связи с заявлениями, опубликованными Национальной лигой за демократию, призывающими общественность противостоять режиму 7 и 13 февраля, когда все трое уже находились под арестом.

При аресте девять месяцев назад государственному советнику было предъявлено первое обвинение в нарушении Закона об экспорте и импорте и Закона о телекоммуникациях за незаконный импорт и использование раций − портативных устройств связи, которыми пользовалась ее охрана, для которых не требуются учетные записи абонентов.

В связи с другими ожидающими рассмотрения обвинениями, включая нарушение Закона о государственной тайне и Закона о борьбе с коррупцией, ей грозит еще 11 уголовных дел с максимальными сроками наказания в общей сложности более 100 лет, если приговоры будет вынесены последовательно. Таким образом военная администрация сможет навсегда исключить Аун Сан Су Чжи из участия в политических процессах страны. Согласно источникам Nikkei, весьма вероятно, что против Аун Сан Су Чжи будут выдвинуты новые обвинения[17].

---

[16] Myanmar court hands Suu Kyi four years in prison in first verdict / Nikkei Asia. 06.12.2021. URL.: https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-court-hands-Suu-Kyi-four-years-in-prison-in-first-verdict.

[17] Suu Kyi Testifies Against Myanmar Junta's Incitement Charges / The Irrawaddy. 26.10. 2021.

Планы реформирования избирательной системы

После захвата власти военные объявили чрезвычайное положение сроком на один год, предоставив законодательные, исполнительные и судебные полномочия главнокомандующему службами обороны. Указ может быть продлен дважды на полгода каждый раз. Всеобщие выборы должны быть проведены в течение шести месяцев после истечения срока действия указа. По Конституции чрезвычайное положение может продлиться до 1 августа 2023 г. Военные пообещали провести выборы к августу 2023 г., призывая к «дисциплинированной и подлинной многопартийной демократической системе, которая была бы честной и справедливой». «Подлинная многопартийность» означает, что военные не допустят появления массовой партии подобной НЛД. На всеобщих выборах ноября 2020 г. НЛД набрала 68% всех поданных голосов, и ее кандидаты получили 396 мест, или 83% от числа участвовавших в выборах. СПСР, возглавляемая группой отставных генералов, получила 33 места, или 7% от тех, кто претендовал на них. НЛД одержала уверенную победу и поставила СПСР на грань краха, благодаря массовой поддержке населения харизматичного лидера Аун Сан Су Чжи[18]. Напомним, что НЛД всегда одерживала триумфальную победу на всех выборах, в которых принимала участие – в 1990, 2012 (довыборы), 2015 и 2020 гг.

Чтобы исключить подобный триумф НЛД в будущем, военная администрация приняла решение изменить избирательную систему. Нынешняя, существующая в Мьянме мажоритарная избирательная система простого

[18] О выборах ноября 2020 г. см.: *Симония А.А.* Мьянма-2020: всеобщие парламентские выборы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020, № 3 (48). С. 129–144.

большинства (*«first-past-the-post»*) представляет собой видоизмененный вариант колониального законодательства. Преимущества этой системы – относительная простота проведения выборов, подсчета голосов и подведения итогов в отличие от системы пропорционального представительства, которая требует больше времени для получения результатов голосования. По мнению экспертов Лондонского Института исследований общественной политики (*Institute for Public Policy Research*), «мажоритарная система простого большинства лучше работает при двухпартийной системе, она и была создана для того, чтобы отсечь третьи партии, отговорив население голосовать за них». Вестминстерская мажоритарная электоральная система не сработала в Мьянме еще в период парламентской демократии (1948–1962) возможно именно по причине создавшейся многопартийности. Правительству тогда не удалось прекратить этнические споры и разногласия, что в конечном итоге заставило большинство обиженных или недовольных этнических групп взять в руки оружие, и не участвовать в выборах.

Напомним, что вопрос об изменении избирательной системы обсуждается в Мьянме давно. В апреле 2013 г. члены Избирательной комиссии Союза и представители политических партий на совместном совещании обсудили возможность замены существующей в Мьянме мажоритарной избирательной системы простого большинства на систему пропорционального представительства до проведения выборов 2015 г. Первые предложения об изменении электоральной системы поступили от небольших политических партий еще в середине 2012 г. Однако ведущая оппозиционная партия НЛД выступала против каких-либо изменений избирательной системы, по крайней мере, до предстоящих тогда выборов в 2015 г. Как пояснил представитель партии, «необходимо объяснить бирманскому

народу принципы новой системы и научить его голосовать, но для этого сейчас нет времени»[19].

В октябре 2013 г. на очередной встрече с представителями 36 политических партий, представленных в парламенте, председатель Союзной избирательной комиссии Тин Эй призвал парламентариев поскорее принять решение по поводу изменения избирательной системы: «Если мы хотим ввести пропорциональное представительство, следует определиться уже в 2013 г., и после принятия решения парламентом приступить к обучению персонала избирательной комиссии и населения новым методам голосования»[20]. Но несмотря на то, что верхняя палата парламента, представлявшая в равной пропорции все национальные штаты и регионы, за такую систему проголосовала, выборы в 2015 г. все-таки прошли по прежней системе.

Вопрос об изменении избирательной системы снова встал во главу угла. Военный режим Мьянмы закладывает основу для избирательной системы, основанной на пропорциональном представительстве. Предлагаемая реформа призвана, в первую очередь, предотвратить доминирование НЛД. Политические маневры по введению системы пропорционального представительства начались сразу после того, как военные захватили власть. Военная реорганизованная Союзная избирательная комиссия попросила все политические партии представить свои мнения об избирательной системе, чтобы создать впечатление, что комиссия поддерживает демократический процесс достижения консенсуса между партиями. Но нет никаких сомнений в том, что этот шаг был продиктован военными.

Бывший генерал Тейн Со, возглавляющий Союзную избирательную комиссию, реорганизованную после за-

[19] Ahead of 2015, voting system debate heats up Burma / The Irrawaddy. 22.04.2013.
[20] Radio Free Asia. 11.10.2013.

хвата власти военными, провел в начале ноября 2021 г. в Янгоне трехдневную встречу представителей политических партий, на которой они обсудили избирательную систему. Председатель предложил поддержать инициативу о замене нынешней избирательной системы на систему, основанную на пропорциональном представительстве. Тейн Со сказал, что «победа только одной крупной партии» позволила НЛД сформировать правительство. Он подчеркнул необходимость перехода на систему, при которой партиям предоставляются места в соответствии с процентом от общего числа голосов, которые они получают. Цитировались его слова о том, что такая система имеет то преимущество, что позволяет многим сторонам участвовать в процессе сдержек и противовесов.

В совещании приняли участие около 50 политических партий, в том числе связанная с военными Союзная партия солидарности и развития (СПСР). Но НЛД и основные партии этнических меньшинств бойкотировали это мероприятие. Военные не скрывают своего желания преобразовать избирательную систему в нечто такое, что поможет им сохранить власть. На совещании в середине октября старший генерал Мин Аун Хлаин, сказал: «В принципе была согласована система пропорционального представительства. Союзная избирательная комиссия проведет обсуждения с политическими партиями, а затем с неправительственными организациями нашими и международными неправительственными»[21]. Демократии в таких странах, как Япония, используют пропорциональное представительство для заполнения некоторых мест в законодательных органах, но «демократия» Мьянмы уже изначально склоняется в пользу армии, поскольку военные

[21] Myanmar's military plots to change electoral system, tighten grip / Nikkei Asia. 08.11.2021. URL.: https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-s-military-plots-to-change-electoral-system-tighten-grip.

назначают четверть своих представителей в парламент до выборов.

Судьба военной Конституции 2008 года

Нынешняя Конституция Мьянмы была разработана бывшей военной хунтой и принята на референдуме с большими нарушениями в мае 2008 г. после разрушительного циклона «Наргис». Конституция закрепила за военными центральную политическую роль, предоставив им четверть мест в парламенте и, следовательно, фактическое право вето на конституционные поправки. Основной закон также предоставил армии контроль над тремя наиболее влиятельными силовыми министерствами, поставив его выше гражданского контроля. Комитет представителей народного собрания, представляющий Пииду Хлютто − группу парламентариев, избранных на выборах в ноябре 2020 г., которая позиционирует себя как ядро созданного параллельного правительства национального единства, объявил в *Facebook* 31 марта 2021 г., что он отменил Конституцию 2008 г., выдвинув Федеральную демократическую хартию в качестве временной конституции, направленной на объединение групп, выступающих против переворота, этнических вооруженных организаций и других противников хунты. Целью демократической хартии является «искоренение диктатуры» и создание инклюзивной федеральной демократии, «где все граждане могут жить в мире». Авторы документа также обязуются удовлетворить давние требования групп этнических меньшинств Мьянмы, которые десятилетиями боролись за большую автономию. Среди прочего, в Уставе, который был разработан при участии групп этнических меньшинств и организаций гражданского общества, содержится призыв к активизации движения гражданского неповиновения в стране, «чтобы ослабить и остановить механизм

управления совета военной хунты» и пообещать «отменить» действующую Конституцию страны, копии которой были сегодня сожжены протестующими по всей стране.

Федеральная хартия демократии обещает серьезную попытку преодолеть разногласия и недоверие, которые отравили отношения между центральной частью государства и военными, где доминируют этнические бирманцы, с одной стороны, и группами этнических меньшинств, составляющих третью часть 54-миллионного населения Мьянмы – с другой[22].

Хотя объявление временной Конституции и формирование правительства национального единства вряд ли оказали непосредственное влияние на военную хунту, которая наглядно продемонстрировала свою готовность применить крайнее насилие для подавления протестного движения, это имеет важное символическое значение.

Принятие Федеральной хартии явно было предназначено для того, чтобы побудить этнические вооруженные группы присоединиться к массовому протестному движению и выступить против военных. Отмена Конституции 2008 г., в частности, отвечает давнему требованию многих организаций этнических меньшинств. Это также предвещает создание более сплоченного и формализованного параллельного правительства, способного более серьезно претендовать на международное признание.

В то время как позиция 20-ти с лишним вооруженных этнических организаций Мьянмы остается неоднозначной после переворота, и неясно, сколько из них поддержат Хартию или присоединятся к правительству единства, идея единого фронта между параллельным прави-

[22] *Strangio, Sebastian*. Myanmar Coup Opponents Announce 'Unity Government', Interim Constitution / The Diplomat. 01.04.2021. URL: https://thediplomat.com/2021/04/myanmar-coup-opponents-announce-unity-government-interim-constitution/.

тельством национального единства и этими группами предоставляет движению наилучшие шансы одержать победу в его борьбе против правительства военной администрации.

Вопрос отмены конституции остается острым в течение всех последующих месяцев. На тему Конституции 2008 г. высказался и старший генерал Мин Аун Хлаин 1 октября 2021 г. на встрече в Таунджи, в штате Шан, с членами регионального правительства, властями специальных административных зон, сотрудниками департаментов, районными администраторами и другими чиновниками. «Конституция Мьянмы 2008 г. не может быть отменена, поскольку она была одобрена после проведения народного референдума, но вопросы или проблемы, которые не соответствуют современности, могут быть изменены», − заявил председатель ГАС. «Выборы очень важны для демократической страны, поэтому неправомерные действия и ошибки недопустимы. На всеобщих выборах 2020 г. произошло много случаев мошенничества с избирателями». Далее он добавляет, что «страна находится на пути демократии, потому что этого хочет народ». Старший генерал также добавил, что он работает во имя мира в стране на основе практики и понимания демократической федеральной системы[23]. Оставим эти заявления без комментариев, помня, как и в каких условиях готовилась и принималась эта Конституция. Заявление старшего генерала было сделано в связи с тем, что решение параллельного Правительства национального единства отменить «Конституцию хунты 2008 года» поддерживает большая часть населения, кроме служащих в армии и их родственников.

[23] Myanmar's 2008 Constitution cannot be abolished, can only be amended: Senior General Min Aung Hlaing. 02.10.2021. URL.: https://eleven myanmar.com/news/myanmars-2008-constitution-cannot-be-abolished-can-only-be-amended-senior-general-min-aung.

О новых выборах, которые должны состояться только в 2023 г., старший генерал заговорил снова через шесть месяцев после переворота, когда он назначил себя премьер-министром своего недавно сформированного временного правительства. Очевидно, что это единственный путь хунты окончательно отменить результаты выборов 2020 г. и создать видимость легитимности для дальнейшего правления военных в стране. Этот незаконный метод применялся предыдущим военным режимом во главе со старшим генералом Тан Шве − предшественником и «крестным отцом» нынешнего старшего генерала. Мин Аун Хлаин, будучи молодым генералом, хорошо усвоил уроки своих главных наставников − бывшего верховного главнокомандующего Тан Шве и бывшего президента генерала Тейн Сейна – как украсть результаты выборов (старший генерал Со Маун – предшественник Тан Шве − и его режим сделали это на выборах 1990 г.); как провести фальшивые выборы и сфальсифицировать голоса, чтобы одержать «уверенную» победу (старший генерал Тан Шве и генерал Тейн Сейн сделали это вместе на выборах 2010 г.); и как продолжать править страной, переодевшись в национальную гражданскую одежду в качестве квазигражданского фальшивого демократического правительства. Это продемонстрировали, так называемый гражданский, президент Тейн Сейн в 2011−2015 гг., до этого генерал Не Вин и его люди сменили мундир на гражданскую одежду в 1974 г.

Все эти приемы и печальная политическая реальность коренятся в недемократической политической системе, которую военные сформировали, начиная в 1962 года, когда покойный диктатор генерал Не Вин устроил первый государственный переворот. За последние 59 лет население неоднократно страдало от таких трюков и лжи при военных диктатурах.

Народу Мьянмы не нужны новые выборы. Люди продолжают бороться за то, чтобы их голоса на выборах 2020 г. признали, за уважение их гражданских прав, и за восстановление демократии в своей стране. Они готовы умереть, чтобы восстановить свои законные голоса на выборах в 2020 г.

При исследовании политического устройства и политических процессов в Бирме/Мьянме трудно применить метод компаративизма. Не подходит этой стране термин «незападный» политический процесс, но он и не «восточный». Невозможно и на Востоке подыскать страны со сходными политическими путями развития. С соседними странами Юго-Восточной Азии у Мьянмы лишь один общий признак – географический, даже религиозная общность существует лишь с немногими. Иногда пытаются провести сравнение с военными режимами Таиланда или Индонезии, но где это сходство начинается, там же и заканчивается. Даже с Индией ее невозможно сравнивать ни по каким параметрам, хотя Бирма более 50 лет была частью колониальной Индии.

Страны региона в последние 70 лет очень изменились, и процессы развития продолжаются. Но Мьянма после февральского переворота в один миг была отброшена на 20–30 лет назад, и снова оказалась в еще более глубокой изоляции.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КАМБОДЖЕ В XXI ВЕКЕ [1]

На формирование и функционирование современной политической системы Королевства Камбоджи важное воздействие оказали исторические особенности складывания государства, религиозный фактор, специфика колониального французского правления, эволюция политической системы в постколониальный период, а также внешние факторы, связанные как с ситуацией в регионе, так и общими глобальными трендами развития. Сложное взаимодействие местной среды и внешнего влияния предопределило неоднозначный характер как современного политического процесса, так и отдельных институтов политической системы страны. В XXI в. демократический транзит во многом определял главное содержание политических процессов в Камбодже, которые имели много схожего с тем, что происходило в других странах и Востока, и Запада. Совокупность проблем, с которыми столкнулись государства, вступившие на путь демократизации, были во многом идентичными, независимо от их географической принадлежности – Запад-Восток. Внедрявшиеся политические нормы и институты были общими для всех, но их функционирование все же имело определенный налет самобытности, в большей или меньшей степени обусловленный влиянием местной среды. В Камбодже это

[1] **Сведения об авторе:** ***Бектимирова Надежда Николаевна*** *– доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, Россия, Москва, E-mail: nabektimirova@yandex.ru*

влияние ощущалось сильнее в силу целенаправленной деятельности правящих кругов по консервации норм традиционной политической культуры.

Особенности традиционной политической культуры и ее влияние на формирование современной политической системы

Расцвет кхмерской цивилизации пришелся на IX – XIII вв. – период существования полиэтнической империи Камбуджадеша (Ангкорской империи), которая простиралась далеко за пределы областей, населенных кхмерами, и являлась крупнейшим государством в Азии. Официальным имперским культом был культ дева-раджа (бога-короля), при котором сам монарх являлся эманацией бога Шивы, носителем божественного принципа власти, полученного им через посредство священника-брахмана. Культ дева-раджа, представлявший собой одну из форм классической восточной деспотии, подразумевавший сакральность власти и божественно-харизматическую природу государства, привнес в политическую культуру кхмеров деспотическую линию политической традиции.

Постепенный упадок империи, начавшийся в XIII в., совпал по времени с распространением здесь новой религии – буддизма тхеравады, оказавшего мощное влияние на дальнейшее духовное развитие общества. Распад империи привел к образованию в XIV в. моноэтнического государства Камбоджа, где утвердилась новая, модифицированная буддизмом, концепция политической власти, которая легла в основу традиционной политической культуры кхмеров, некоторые установки которой сохраняют свою актуальность и по сей день.

От индуистской концепции о божественном происхождении верховной власти произошел переход к концепции выборной верховной власти, праведной по своему

характеру. Народ ставил над собой идеального правителя, самого совершенного из людей. Монарх, как высший патрон буддийской сангхи, всегда получал наибольший объем сакральности. Сакральность власти, а значит государства, определяла его безраздельное доминирование.

Этизация власти, привнесенная тхеравадой, подразумевала, что статус человека в иерархии власти был обусловлен масштабом его религиозных «заслуг». В соответствие с буддийской концепцией власти монарх являлся воплощением идеи покровительства, оказываемого сангхе, чиновникам, народу. Патернализм верховной власти – важнейшая черта политической культуры кхмеров. Система патронажно-клиентельных отношений в Камбодже была официально закреплена через институт «комлангов»[2]. Любой кхмер идентифицировал свой статус в отношении другого в понятии «патрон-клиент», именно эта традиция определяла место человека в обширной и гибкой системе двусторонних отношений, тянувшихся от короля до деревни. Любой чиновник выполнял роль не только начальника и подчиненного, но также патрона и клиента.

Фактически за фасадом строгой формальной иерархической бюрократической системы скрывалась подвижная, изменчивая клиентельная иерархия, создававшая постоянное движение в рамках этой структуры в силу нестабильности самого характера диадических связей и предопределившая слабость длительной групповой приверженности. Патронажная система предопределила существование строго определенной структуры иерархических

[2] Институт «комлангов» – специфическое объединение свободных крестьян, при котором каждый раз в три года выбирал себе патрона – мекомланга – из числа членов королевского дома или крупных сановников. Члены комланга находились по отношению к патрону в личной, но не наследственной зависимости.

статусов. Социальный статус кхмера до сих пор включает много составляющих – это и должность, и материальное положение, и религиозность, и моральные качества, и возраст, и положение в семье и т.д. Знать свое место, соответствовать своему статусу, как говорят кхмеры – «быть человеком из своего ряда», важнейший жизненный принцип. Жесткость статусной иерархии привнесла в массовое сознание населения такие установки, как: с одной стороны – высокий престиж властных структур, безусловную лояльность и преклонение по отношению к вышестоящим, с другой – отчуждение власти, установку на доминирование и высокомерие в отношении нижестоящих[3].

Патернализм верховной власти стал основополагающей чертой традиционной политической культуры кхмеров. Он сосуществовал и активно взаимодействовал с «деспотическим» началом, привнесенным культом девараджи, хотя в отдельные периоды истории происходило смещение центра то в одну, то в другую сторону в зависимости от конкретных исторических условий.

Буддийская концепция царствования вносила в государственный порядок определенную рыхлость и нестабильность, так как в основе ее лежала идея личной харизмы с сильными морально-религиозными интонациями. Обладая необходимыми средствами для символической интеграции, буддийская верховная власть не всегда могла быть ядром устойчивой структурной интеграции. Это особенно проявилось в истории Камбоджи в XVII – начале

[3] См.: *Бектимирова Н.Н.* Политическая культура кхмеров и ее отражение в политико-экономическом развитии Камбоджи на рубеже веков // Политическая культура и деловая этика стран Востока / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Вост. Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. - Москва : Ключ-С, 2006 (М. : ООО "Галлея-Принт"). – 350 с. – С. 193–211.

XIX вв., когда внутренняя политическая неустойчивость страны усугублялась частыми войнами с соседними феодальными государствами – Сиамом и Вьетнамом. Их соперничество за преобладающее влияние в Камбодже привело к расколу внутри королевской семьи, в результате чего страна попала в зависимость как от Сиама, так и от Вьетнама.

Во второй половине XIX в. кхмерские монархи, сопротивляясь политике двойного сюзеренитета, пытались заручиться поддержкой потенциального союзника из числа европейских держав. В 1863 г. Франция навязала Камбодже договор о протекторате. Франко-камбоджийский договор 1884 г. фактически превратил Камбоджу во французскую колонию. В стране учреждалась должность французского Верховного резидента, контролировавшего деятельность кхмерского короля, устанавливалась французская колониальная администрация, в ведение которой переходила экономическая политика, а также вводился цивильный лист для содержания короля и его семьи.

В 1887 г. Камбоджа была включена в состав Индокитайского Союза. Колониальное правление французов сопровождалось проникновением в страну капиталистических отношений. Однако процесс разрушения феодальных отношений и экономической модернизации протекал крайне медленно. Специфика колониального присутствия в Камбодже заключалась в том, что монархия не была дискредитирована в глазах населения вследствие утраты независимости, и монархические традиции не были прерваны. Монарх сохранил функции защитника религии и патрона буддийской сангхи, а также оставался центральной фигурой сложного церемониала, существовавшего на всех уровнях кхмерского общества и являвшегося важнейшим структурообразующим элементом общественной жизни.

В результате во времена французского протектората кхмерам не пришлось испытать серьезного «мировоззренческого кризиса», так как жизнь большинства населения в той или иной степени продолжала быть ориентированной на монарха, который, как и в доколониальные времена, оставался для кхмеров центром политической системы. Носителем идеи о необходимости политической модернизации являлась сформировавшаяся при французах, крайне малочисленная, европейски образованная национальная интеллигенция. Благодаря принадлежности основной ее части к королевскому дому, она оказывала существенное влияние на умы политически активного, главным образом, городского, особенного столичного, населения.

В конце 40-х гг. XX в. Камбоджа открыла для себя государственно-политические институты европейского образца, познакомилась с основами конституционного парламентского строя, многопартийной системой и практикой выборов в законодательные учреждения, таким образом стартовал процесс унификации ее политической системы на европейский лад, а политический процесс начал приобретать современные черты.

В 1946 г. в стране были образованы политические партии, проведены выборы в законодательные органы власти, а в 1947 г. принята первая конституция. Но даже при прямом переносе структурных элементов политической системы Запада у политической элиты Камбоджи существовало понимание необходимости их тщательной увязки с реалиями и традициями кхмерского общества, постепенности процесса «усвоения», и, как следствие этого, активное использование традиционных институтов и ценностей в целях легитимации политических нововведений. Образованная в 1946 г. Демократическая партия, являвшаяся общепризнанным лидером по внедрению в

Камбодже полноценной парламентской системы и сыгравшая решающую роль в выработке конституции 1947 г., выдвинула в качестве краеугольного принципа идеологической основы камбоджийского государства триаду «нация-религия-король»[4]. В результате оба основополагающих института кхмерского общества – монархия и сангха – ассоциировались как с традиционной стабильностью, так и с катализатором общественных перемен.

Период 1947–1952 гг. был, с одной стороны, временем наиболее активного внедрения институтов буржуазного парламентаризма, с другой – источником постоянных политических кризисов в стране. Это вселяло в ряды консервативной части политической элиты сомнения в эффективности партийно-парламентской системы на этапе суверенизации страны и предопределило ее стремление перейти к традиционной патримониальной модели государственности с присущим для нее авторитаризмом.

Эволюция политической системы в постколониальный период в XX веке.

В ноябре 1953 г. Камбоджа получила независимость, официально закрепленную решениями Женевской конференции в 1954 г. После обретения независимости в политической истории Камбоджи в XX в. неоднократно происходила кардинальная смена политических режимов, приводившая к изменению, подчас радикальному отдельных элементов политической системы, но, в целом, сохранявшая общий тренд на ее унификацию на западный лад.

При всем внешнем различии режимов, существовавших в Камбодже в 1953–1993 гг., их объединяли некоторые общие черты: 1) сильное влияние норм традиционной политической культуры, которая являлась одним из

[4] Конституция Королевства Камбоджа. Пномпень. 1947. С. 1. (на кхмерском языке).

фундаментальных факторов, формировавших политический процесс в Камбодже; 2) приоритет развитию институтов исполнительной власти, в особенности главы государства/правительства, и подчиненных ему правящей партии и силовых структур; 3) авторитарность политических режимов, опиравшихся на объективные элементы политической культуры и массового сознания кхмеров, и как следствие, маргинализация оппозиционных сил и гражданского общества; 4) слабость судебных органов, насилие и правовой нигилизм как неотъемлемая часть политической жизни Камбоджи; 5) сохранение базового набора институтов и процедур западной политической системы – конституции, партий, представительных органов власти, электоральных процедур, которые работали на обслуживание интересов авторитарной власти.

В 1953–1970 гг. Камбоджа представляла собой королевство во главе с принцем Нородомом Сианук, который в 1955 г. отрёкся от престола и образовал политическую организацию «Сангкум риех нийум» (Народно-социалистическое сообщество). Сангкум быстро поглотил все политические партии и превратился в массовую организацию общенационального масштаба, выполнявшую роль правящей партии и доминировавшую на политической арене страны до 1970 г. Политическая конструкция, выстроенная Н. Сианук, базировалась на националистической идеологии, под которую был подведен традиционный ценностно-символический фундамент – служение триаде: «нация-трон-религия». В Сангкуме главенствующая роль отводилась традиционному для кхмерской политической культуры личностному типу отношений. Вступление камбоджийца в Сангкум означало не столько его предпочтение данной политической организации и ее

программе, сколько служило выражением симпатии и преданности её руководителю – Н. Сиануку[5].

В Камбодже, как и в других странах Востока, глубоко укорененные традиции авторитаризма в совокупности с изначальной слабостью институтов представительства предопределили «монополизацию власти» сильными личностями. В результате процесс государственного строительства принимал четко персонифицированный характер[6].

Харизматическая личность правителя по-прежнему оставалась в центре политического процесса в Камбодже. Активность же большинства населения в политической жизни страны ограничивалась лишь участием в выборах в парламент, которые сопровождались неприкрытым давлением и жестким контролем со стороны властей. Более того, ключевая установка традиционной политической культуры о том, что никому не позволено безнаказанно разрушать органическое единство крестьянского социума, привнесенная в политическую сферу была использована властью для легитимации права на насилие в отношении любой оппозиции, посягавшей на нарушение единства политического социума. Идеологической основой Сангкума была концепция «Кхмерского буддийского социализма», важнейшей особенностью которой являлась абсолютизация установок традиционной политической культуры и стремление к их консервации в качестве основы отношений между властью и гражданами. К середине 1960-х годов в Камбодже утвердился режим личной власти Н. Сианука, который был объявлен пожизненным главой

[5] См.: *Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н.* Королевство Камбоджа: политическая история (1953-2002) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки при МГУ. – М. : Гуманитарий, 2002. – 349 с.; *Мосяков Д.В.* История Камбоджи. XX век. – Москва : ИВ РАН, 2010. – 739 с.

[6] См.: Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2018. С. 29.

государства. В 1970 г. в стране произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришли военные во главе с генералом Лон Нолом. Политические деятели, захватившие власть, были представлены «старыми кадрами» сианукoвских времен. Им был присущ политический консерватизм, низкий уровень профессионализма, коррумпированность, традиционный патронажно-клиентельный тип мышления[7]. Концентрация власти в руках таких политических игроков привела лишь к воспроизводству многих форм прежнего авторитарного режима. Хотя была упразднена монархия и провозглашена республика, однако истоки таких базовых понятий западной политической культуры, как свобода и равенство, Лон Нол выводил из буддизма, так как эгалитаризм буддизма, был, по его мнению, сродни, этим понятиям.

С началом полномасштабных военных действий, охвативших страну уже с весны 1970 г., было введено чрезвычайное положение и приостановлено действие всех законов о демократических свободах. Лишь в середине 1972 г., чтобы осуществить «конституционное оформление» нового режима, было временно отменено чрезвычайное положение, разрешена деятельность партий и проведены выборы президента и членов парламента. Партии этого периода известны, главным образом, по именам своих руководителей, так как являлись временными клиентельными объединениями вокруг политических деятелей, претендовавших на места в парламенте и правительстве. Сразу после выборов деятельность данных партийных структур прекратилась. Явка избирателей, как и результат самих выборов, которые проходили в условиях полного политического хаоса и интенсивных военных действий, были откровенно сфальсифицированы. Роль

[7] См.: *Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н.* Указ. соч.; *Мосяков Д.В*. Указ. соч.

избирателей выполняли военнослужащие, которых на грузовиках перевозили с одного избирательного участка на другой. Хотя, как и при прежнем режиме, при военных в Камбодже имелся полный набор институтов и практик, присущих западной политической системы, однако носили они чисто формальный характер и были предназначены преимущественно для западного общественного мнения. Власти не предпринимали ни единой попытки реализовать так называемую демократическую конституцию, а парламент так и не приступил к работе. Патронаж, патернализм, непотизм – наиболее характерные черты традиционной политической культуры кхмеров проявлялись особенно ярко в этот период и оказывали негативное влияние на политический процесс. Обилие монахов, прорицателей, ясновидящих, медиумов, астрологов, окружавших президента Кхмерской республики свидетельство о том, что он, на словах ратуя за демократические ценности, обращался к традиционным методам принятия решений через носителей магических знаний.

В 1975 г. к власти в стране пришли «красные кхмеры», было образовано государство «Демократическая Кампучия». «Красные кхмеры» также прибегли к конституционному оформлению своего режима. Была принята новая конституция, проведены выборы в Собрание народных представителей, избран Государственный президиум страны. Это служило косвенным свидетельством того, что к этому времени, независимо от политических взглядов и реальной политической практики, для кхмерской правящей элиты набор базовых институтов и практик западной политической системы стал неотъемлемой частью их видения функционирования современного политического процесса. Другое дело, что между перенятой западной формой и конкретным содержанием, реализуе-

мым правящими элитами, нередко лежала огромная пропасть, особенно при «красных кхмерах».

Главным средством реализации политических и экономических установок были массовые репрессии, как среди рядовых граждан, так и внутри руководящего звена самих «красных кхмеров»[8]. В период существования «Демократической Кампучии» было уничтожено около 2 млн камбоджийцев. В этот период произошла абсолютизация некоторых черт традиционной политической культуры, в частности, таких как правовой нигилизм, снятие всех институциональных ограничений на насилие со стороны лиц, наделенных властью и имевших доступ к оружию, и как, следствие институционированное неуважение прав человека.

В 1978 г. Народная армия СРВ осуществила вооруженное вторжение в Камбоджу, освободила страну от режима «красных кхмеров». В январе 1979 г. была образована Народная Республика Кампучия (НРК). Камбоджийцы вернулись к нормальной цивилизованной жизни, началось восстановление экономики и гуманитарной сферы. НРК пошла по пути строительства основ социализма и тесного сотрудничества со странами социалистического лагеря. В этот период остро обозначился кризис легитимности власти. Желая закрепить право на власть, правящая элита осуществила все необходимые институциональные процедуры: приняла конституцию, провела выборы, сформировала парламент. Однако установка на фальсификацию выборов и получение желаемого для власти результата сохранялась и в этот период, когда в условиях жесткой цензуры и подавления любого инакомыслия в 1981 г. состоялись безальтернативные выборы в парламент – Национальное собрание, не игравшего практиче-

[8] См.: *Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н.* Указ. соч.; *Мосяков Д.В.* Указ. соч.

ски никакой роли в жизни общества. Демократические свободы и права граждан, провозглашенные в новой конституции 1981 г., носили чисто декларативный характер, так как не могли быть реализованы в условиях крайне низкого уровня социально-экономического развития страны и сложившегося политического строя. В стране оформился авторитарный режим, в котором отсутствовали политические свободы и плюрализм, не существовало альтернативных источников информации и независимой от власти судебной системы.

Руководящая роль в обществе принадлежала Народно-революционной партии Камбоджи (НРПК). Пожалуй, эта единственная структура, которая не только по форме, но и по характеру функционирования соответствовала западному аналогу. Она была хорошо организованна и четко структурирована, имела достаточно многочисленные местные ячейки. Ее главным идентификационным маркером являлась идеологическая составляющая – марксизм-ленинизм и политическая программа по строительству основ социализма. Фактор лидерства в партии играл второстепенную роль[9]. Однако по признанию партийного руководства «население не проявляло никакого интереса к деятельности партии и не выражало стремление вступать в ее ряды»[10].

В конце 1980-х гг. в стране началась постепенная либерализация экономической и политической жизни. В 1990 г. НРК была переименована в Государство Камбоджа, а Народно-революционная партия Камбоджи в Народную партию Камбоджи (НРК). Из программы партии были изъяты всякие упоминания о социализме, а годы существования политического режима НРК представлены как

[9] Важнейшим требованием к лидерам НРПК являлась лояльность СРВ, поддержание «особых» отношений с ней.

[10] Неак Кхусана. Пном Пень, 1985. № 11. С. 63–64 (на кхмерском языке).

идеологически нейтральный этап восстановления страны после полпотовщины. Пост председателя партии занял Чеа Сим, его заместителя – Хун Сен, сохранивший за собой должность премьер-министра. Уже с этого времени между двумя политиками была достигнута жесткая договоренность о том, что подобное разделение полномочий в партии и правительстве сохранится и долгосрочной перспективе. В уставе отсутствовали ограничения сроков пребывания на руководящих постах в партии. В результате Чеа Сим занимал пост председателя 25 лет[11]. С 2015 г. председателем партии был избран Хун Сен.

В 1989–1993 гг. ООН осуществила в Камбодже широкомасштабную миротворческую миссию, в ходе которой ей удалось добиться прекращения военных действий, примирить враждующие группировки и провести в 1993 г. всеобщие выборы. В 1993 г. было образовано новое государство – Королевство Камбоджа.

Особенности процесса демократизации в Камбодже на рубеже веков

Демократизация политического строя, начавшаяся в Камбодже в 1990-е гг., имела свои существенные особенности. Она инициировалась международным сообществом и осуществлялась при его самом активном, в том числе ресурсном, участии. Реформы начались в условиях острейшего затянувшегося на десятилетие кризиса власти, глубочайшего социально-экономического упадка и преобладания в массовом сознании населения традиционных норм политической культуры. В результате процесс демократизации приобрел неоднозначный характер, он казался намного противоречивее, чем предсказывали политологи.

Важная особенность процесса либерализации в Камбодже состояла в том, что масштабные экономические ры-

[11] Чеа Сим скончался в 2015 г., последние три года тяжело болел.

ночные реформы начались в 1989 г., на два года раньше реформирования политической сферы, которое стартовало в 1991 г. после подписания Парижских соглашений и привело к появлению на политическом поле страны новых партий.

Быстрота процесса приватизации создала объективные преимущества для Народной партии Камбоджи. Экономическая либерализация – введение частной собственности на землю, сдача в концессии лесных, рыболовецких и сельскохозяйственных угодий, приватизация государственных предприятий – привела к активизации частнопредпринимательской деятельности, которая, как и в других странах на начальном этапе перехода к капитализму, сопровождалась активным сращиванием интересов партийных и государственных функционеров с представителями частного зарождающегося бизнеса. В слабых государствах политическая власть есть всегда власть экономическая. Государство доминирует через возможность монополизировать, распределять и эксплуатировать природные богатства. Особенно действенным этот фактор становится в период трансформационных процессов, что и наблюдалось в Камбодже. Уже на начальном этапе рыночных реформ НПК сумела решить важнейшие для себя политические задачи. Она существенно расширила свои ряды, так как членство в партии становилось привлекательным для многих групп населения. Оно приносило реальные материальные выгоды, освободилось от «идеологической» составляющей и требовало лишь сохранения верности партийным патронам. НПК удалось консолидировать вокруг себя как представителей бюрократического аппарата, так и бизнеса. Именно центральная власть в лице верхушки НПК взяла на себя роль патрона-защитника экономических интересов местного чиновничества и партийных функционеров. Она компенсировала их офици-

альное низкое жалованье возможностью обогащаться за счет разного рода легальной и нелегальной предпринимательской деятельности. Так, на одном из заседаний Совета министров его председатель – Хун Сен заявил: «Мы должны дать чиновникам обогатиться. Если они не будут иметь долю в бизнесе, наша система не будет работать»[12].

В этот же период сформировались патронажные отношения между властью и деловыми кругами. Зарождавшийся частный бизнес не мог успешно функционировать без поддержки власти, а власть нуждалась в финансовых вливаниях со стороны деловых кругов как в партийную кассу – для победы на выборах, так и в интересах собственного обогащения. Этот тип патронажа был в высшей степени персонифицирован, держался исключительно на личных договоренностях и обязательствах и не предполагал никакой публичности.

Укрепление государственного аппарата на базе патронажных отношений под эгидой НПК позволяло ей оказывать серьезное экономическое давление на избирателей в сельской местности, где проживала основная часть населения. Масштабная приватизация земли, сдача в концессии рыболовных и лесных угодий резко усилила экономическую зависимость кхмерского крестьянства от чиновничества, что имело колоссальные политические последствия[13]. Доступ к важнейшим источникам существования крестьян – земельным, лесным и водным ресурсам – в значительной, если не решающей степени зависел от местных властей, в ведении которых находились вопросы приватизации. В итоге НПК, действуя через органы местной власти, получила эффективные средства контроля и

[12] *Gottesman E.* Cambodia after the Khmer Rouge. L., 2002. P. 299.
[13] См.: *Бектимирова Н.Н.* Механизм партийной мобилизации в современной Камбодже // Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. М., 2015. С. 233-262.

мобилизации сельского населения и сумела создать в его среде обширные клиентельные сети. Включенность в эту систему связей давала крестьянам определенные гарантии личной безопасности и надежду на сохранение относительной стабильности своего существования в трудных условиях кхмерской деревни. Крестьяне нередко признавались, что испытывали симпатию к другим партиям, но в конечном итоге отдавали свой голос НПК, осознавая, что лишь она обладала соответствующими административными, а, следовательно, и финансовыми возможностями для реализации патронажа. Американский политолог Э. Готтесман писал о руководителях НПК того периода, что это были политики, «которые прекрасно разбирались в том, как выстроить систему патронажа и на ее базе заручиться лояльностью своих последователей»[14]. Конкурировавшие с НПК партии, появившиеся на политическом поле в 1991 г., также имели доступ к финансовым потокам международной помощи и эксплуатации природных ресурсов, однако не в таких масштабах, как Народная партия Камбоджи. Их неспособность сформировать столь мощную финансовую базу и столь разветвленные сети патронажа как у НПК стала одним из факторов их последующей маргинализации.

Международное сообщество, взявшее на себя финансовые и организационные обязательства по проведению первых всеобщих выборов в Камбодже в 1993 г., рассматривало их как важнейший инструмент демократизации страны, считая, что именно через выборы граждане должны будут получить более эффективные, отвечающие их потребностям механизмы реализации демократических прав, участия в управлении страной, контроля над вла-

[14] *Gottesman E.* Cambodia after the Khmer Rouge. Inside the Politics of Nation Building. New Haven & London, 2003. P. 299–300.

стью и, в конечном итоге, выражения своей воли в рамках новых государственных институтов.

Парадигма демократического транзита отводила выборам ведущую роль. Жесткая увязка степени демократизации страны с «регулярностью и демократичностью» всеобщих выборов, привела впоследствии к огромному разбросу мнений среди международных экспертов в оценке политической ситуации в Камбодже – от «впечатляющего прорыва» до «полного провала» демократизации.

Так как демократический транзит в Камбодже начался при отсутствии соответствующих социально-экономических и культурно-политических предпосылок, то содержательное наполнение демократических процедур и институтов в тот период во многом было обусловлено политическими взглядами и деятельностью национальных элит, участвовавших в выборах.

Процесс политической либерализации сопровождался активизацией партийного строительства. К концу января 1993 г. в стране было зарегистрировано 20 политических партий[15]. Однако ближе к выборам стало ясно, что мелкие партии, в силу своей финансовой и организационной слабости, практически не имели каких-либо шансов на успех. Большинство из них представляли собой инструмент политической поддержки лидера – обеспеченного в финансовом отношении деятеля, пожелавшего участвовать в выборах, чтобы получить место в парламенте или госаппарате. Эти партии открывали свои отделения в столице и нескольких крупных городах, оставляя сельский электорат вне сферы своего влияния. Для подобного рода партий были характерны безликость и однотипность по-

[15] См.: *Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А.* Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития, (1980-2000). Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – Москва : Гуманитарий, 2007. – 224 с.

литических платформ, а также однообразие партийной символики. Избиратели жалуются, что им крайне сложно отличить одну партию от другой и понять, каким образом эти партии могут улучшить жизнь рядового кхмера[16].

Центральной коллизией выборов 1993 г. стало острое противоборство двух политических сил – Народной партии Камбоджи (НПК) и партии ФУНСИНПЕК (Единый Национальный Фронт за суверенную независимую, мирную и открытую для сотрудничества Камбоджу). Эти партии обладали достаточными ресурсами и возможностями для борьбы за высшие места во вновь создаваемых органах исполнительной и законодательной власти.

В предвыборных программах и НПК, и ФУНСИНПЕК широко декларировались постулаты либеральной демократии, что объяснялось стремлением руководства партий продемонстрировать свою приверженность либеральным ценностям западного мира странам-донорам, помогавшим восстанавливать Камбоджу после десятилетия гражданской войны. Однако в ходе самой предвыборной кампании обе партии практически не упоминали о либеральных ценностях. Политические функционеры, прекрасно зная свой электорат, понимали, что демократические принципы пока не могли быть адекватно восприняты рядовыми камбоджийцами. Один из ведущих камбоджийских политологов, советник премьер-министра Хун Сена – Оун Пун в 1993 г. подготовил для сотрудников ООН доклад «Противоречии и трудности в продвижении Камбоджи по пути демократии», в котором обосновывал неподготовленность камбоджийцев к восприятию принципов либеральной демократии на момент

[16] См.: *Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А.* Указ. соч.

проведения выборов в силу доминирования установок традиционной политической культуры[17].

Для простого сельского избирателя либеральная демократия с ее плюрализмом, разделением властей, соблюдением прав человека была пока совершенно чужеродным, абстрактным понятием.

Поскольку становление новых политических институтов не представлялось возможным вне культурного контекста, вне опосредующей работы господствующей, привычной (традиционной) системы значений, то новые принципы и институты необходимо было «перевести» на язык «камбоджийского менталитета» и поведения, чтобы сделать понятными и готовыми к усвоению, а для этого требовалось время. Несомненно, учет настроений рядовых избирателей и особенностей массового сознания повлиял на ход избирательной кампании НПК и ФУНСИНПЕК.

Обращение к традиционной политической культуре в работе с избирателями объяснялось еще и тем, что обе партии рассматривали демократическую процедуру выборов лишь в качестве средства для закрепления доминирующего положения своей партии во властных структурах страны и максимального ослабления политического конкурента в соответствие с традиционным для кхмеров принципом «победитель получает все». В условиях Камбоджи это подразумевало привлечение на свою сторону клиентелы политического противника, т.е., в конечном счете, система патронажно-клиентельных связей, рассматривалась политическими элитами в качестве важнейшего структурообразующего элемента общества.

НПК позиционировала себя как спасителя страны от полпотовщины и своим главным достижением выдвигала разгром режима геноцида Пол Пота. На выборах 1993 г.

[17] См.: *Оун Пун*. Противоречия и сложности в продвижении Камбоджи по демократическому пути. Пномпень, 1993. (на кхмерском языке).

НПК намеревалась опробовать систему патронажных отношений, заново выстроенную в ходе либеральных экономических реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг., в качестве инструмента политической мобилизации в поддержку своей партии. Однако в условиях присутствия в стране значительного контингента международных сил ООН Народной партии Камбоджи было сложно воспользоваться в полной мере мобилизационным потенциалом патронажной системы, особенно в городских районах[18].

Новые политические элиты, объединившиеся вокруг ФУНСИНПЕК, вообще главным девизом своей избирательной кампании сделали воспоминания о «золотом» времени для камбоджийцев – периоде правлении Н. Сианука[19]. ФУНСИНПЕК был образован Н. Сиануком в 1982 г. из представителей эмигрантских кругов для борьбы против правительства НРК. Десятилетнее существование организации в форме Фронта не предполагало ее жесткой структурированности. Многие ее члены, будучи разбросанными по всему миру, являлись ассоциированными членами, их участие в деятельности Фронта чаще всего выражалось в финансовых взносах и моральной поддержке. В 1992 г. накануне всеобщих выборов ФУНСИНПЕК была преобразована в партию с более четкой вертикальной структурой. Председателем партии стал сын Н. Сианука принц Нородом Ранарит. Поскольку партия была образована бывшим королем, возглавлялась принцем и среди ее членов были представители королевской семьи, за партией закрепилось название роялистской. Главным козырем ФУНСИНПЕК в предвыборной кампании стала

[18] См.: *Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А.* Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. М.: Тезаурус, 2016. – 284 с.

[19] *Бектимирова Н.Н.* Королевство Камбоджа // Политические системы стран Юго-Восточной Азии. М., 2015. С. 29–31.

личность Нородома Сианука, который, по мнению абсолютного большинства населения, был незаконно отстранен от власти в 1970 г., что и явилось первопричиной всех последующих трагических событий в истории Камбоджи. Ассоциативная связь с личностью традиционного харизматического лидера делала партию привлекательной для избирателей, максимально упрощая стоявший перед ними выбор. ФУНСИНПЕК активно использовала язык традиционной политической культуры, особенно акцентируя такие ее составляющие как патернализм и иерархичность власти, персонификацию политического процесса.

В целом, борьба за электорат двух политических соперников – НПК и ФУНСИНПЕК – вносила плюрализм в избирательный процесс и придавала выборам остро состязательный характер. Международные наблюдатели, присутствовавшие в стране в ходе всей избирательной кампании, также стремились обеспечить демократический характер выборов и создать более или менее равные предвыборные возможности для всех партий. Довольно высокий уровень конкурентности определялся и активной вовлеченностью населения в избирательный процесс. Всего в выборах приняло участие более 4,7 млн камбоджийцев[20]. Неожиданно для всех в избирательной гонке победила ФУНСИНПЕК, которая получила 45,4% голосов и соответственно 58 из 120 мест в парламенте. НПК заняла второе место – 38,2% голосов избирателей и 51 депутатское место. Мажоритарная система представительства, на основе которой в 1993 г. осуществлялись выборы, дала возможность мелким партиям, набравшим 5,1% голосов, получить 11 депутатских мандатов. Угрожая развязать новый вооруженный конфликт, НПК настояла на формировании коалиционного правительства с равным представительством

[20] *Бутрос Бутрос Гали*. Организация Объединенных Наций и Камбоджа. Информационный Центр ООН в Москве, 1996. С. 57–58.

обеих партий и двумя премьер-министрами с равными полномочиями – принцем Ранаритом и Хун Сеном. Однако последующие события продемонстрировали актуальность кхмерской пословицы, что «на горе не может быть двух тигров».

Таким образом, политический мандат большинства населения, отдавшего предпочтение ФУНСИНПЕК, не был реализован в полной мере, а правовые нормы закона о выборах, не предполагавшего наличие двух премьеров, нарушены. Выборы помогли партии Хун Сена встроиться в новую политическую систему в качестве легитимного участника политического процесса наравне с победителем.

Особенности политического процесса в Камбодже в 1993–2003 гг.

Десятилетний период 1993–2003 гг. характеризовался началом институализации демократических норм и институтов в Камбодже. В 1990-е гг. страна присоединилась к международным конвенциям о правах человека и основных свободах, о правах женщин и детей, она вошла в Межпарламентский союз и присоединилась к декларации Союза «О критериях честных и справедливых выборов».

В сентябре 1993 г. была принята новая Конституция, которая провозгласила установление в стране многопартийного либерально-демократического режима, гарантирующего соблюдение прав человека и власть закона. Декларируя приоритет принципов и институтов либерально-демократической модели западного образца, Конституция в то же время придает большое значение традиционным ценностям. В преамбуле Основного закона страны указывается, что кхмерский народ – создатель «великой Ангкорской цивилизации», в 70–80-е годы XX в. прошел через многочисленные страдания и разрушения и в настоящее время полон решимости возродить страну,

превратить ее в процветающее государство. Главной идеологической установкой объявлена триада «нация – трон – религия», которая освящала весь период политического развития первого Королевства Камбоджа в 1953 – 1970 гг.

В политической сфере Конституция закрепляет принципы либеральной демократии и плюрализма, в сфере внешней политики – курс нейтралитета и неприсоединения. Экономический строй определяется как рыночный.

Конституция гарантирует основные права и устанавливает обязанности граждан Камбоджи. Указывается, что Камбоджа признает и уважает права человека, закрепленные в Хартии ООН, во Всеобщей декларации прав человека, в международных конвенциях о правах женщин и детей. По Конституции, граждане Камбоджи равны перед законом, обладают правом участвовать в управлении государством и обществом, вносить предложения в государственные органы, избирать с 18 лет и быть избранным с 25 лет. Конституция закрепляет свободу частной собственности, слова, переписки, собраний, передвижения, демонстраций, а также образования ассоциаций и политических партий. Гарантировано равенство мужчин и женщин, защита брака и семьи, детей и стариков. Закреплена презумпция невиновности и право обжалования приговоров суда.

Королевство Камбоджа – конституционная монархия. 23 статьи основного закона страны подробно описывают права и обязанности монарха. В первой главе Конституции подчеркивается, король правит в соответствие с Конституцией, а также принципами либеральной демократии и плюрализма. Монархия провозглашается «символом единства нации, гарантом национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности, за-

щитницей прав и свобод граждан»[21]. В Конституции указывается, что монарх – пожизненный глава государства – «царствует, но не управляет», не вмешивается в политику и экономику, т.е. за монархом закреплена символическая роль – наиболее важная в традиционной концепции власти. Монархия рассматривается в качестве стабилизирующей силы, защитницы и покровительницы традиций, культуры и буддийской религии. Конституция оговаривала вопросы престолонаследия. Камбоджийская монархия, как и в 1953–1970 гг. сохраняла свой выборный характер. Монарх не обладает правом назначить своего преемника. Он выбирается Советом Трона из лиц королевской крови не моложе 30 лет, принадлежащих к одной из трех ветвей королевского дома: королей Анг Дуонга, Нородома или Сисовата.

Монарх выполняет представительские функции главы государства, советуясь с парламентом и правительством. Он утверждает принятые парламентом законы, кандидатуры руководителей важнейших органов государственной власти. Дважды в месяц монарх заслушивает сообщения членов правительства о ситуации в стране. Он общается с Национальным собранием путем королевских посланий, которые не могут быть предметом обсуждения депутатов.

Возрождение монархии имело чрезвычайное значение для камбоджийцев. Монархия придавала легитимность и преемственность всем новым политическим формам, структурам и программам. Важнейшее значение имела личность короля – Нородома Сианука, занимавшего трон с 1993 по 2004 гг. Общепризнанный «отец нации», Н. Сианук все годы своего правления позволял себе вме-

[21] Конституция Королевства Камбоджи. Пномпень. 1993. С. 2. (на кхмерском языке).

шиваться в политику, выступая в роли своеобразного «арбитра», стоявшего над политическими элитами и разрешавшего споры и конфликты, возникавшие между ними. Потребность в посреднической деятельности короля была особенно востребована в разрешение правительственных кризисов, которые возникали каждый раз после очередного избирательного цикла.

В функционировании демократических институтов, как правило, прослеживается две тенденции. С одной стороны, при всем их несовершенстве и формальном характере создаются практические предпосылки для действий масс в институционных рамках с опорой на демократические принципы. Подобная политическая практика постепенно приводит к эволюции системы традиционных устоявшихся взглядов, ориентаций и ценностей самих масс. В то же время, демократические институты, «внедряемые» в общество, неизбежно испытывают воздействие со стороны норм и ценностей традиционной политической культуры, во многом влияющих на их работу. Ситуация в Камбодже в этот период свидетельствовала о том, что многие институты будучи демократическими по форме, по сути своего реального функционирования включали значительную компоненту традиционных для камбоджийского общества механизмов, обеспечивавших сохранение режима и статус-кво.

Важнейшим показателем демократизации политического процесса власти Камбоджи считали создание парламента – Национального собрания, регламент формирования и деятельности которого опирался на мировой опыт функционирования законодательной ветви власти.

В соответствие с Конституцией парламентарии избираются сроком на пять лет на основе свободных, всеобщих, равных, прямых, тайных выборов. Баллотироваться в депутаты может гражданин Камбоджи, кхмер по рожде-

нию, достигший 25-летнего возраста. Количество сроков пребывания в парламенте не ограничено. Выборы в парламент проходят только по закрытым партийным спискам. Выход депутатов из состава партии, по спискам которой он баллотировался, автоматически ведет к лишению его места в парламенте. В течение года Национальное собрание проводит две сессии, продолжительность каждой не менее трех месяцев. Первая сессия созывается не позднее чем, через 60 дней после проведения выборов. При открытии каждой сессии монарх направляет послание Национальному собранию. Заседания Национального собрания являются публичными, за исключением случаев, когда принимается решение о проведении закрытого заседания[22].

Национальное собрание может быть досрочно распущено королем с согласия его председателя по предложению премьер-министра в том случае, если в течение 12 месяцев имели место два правительственных кризиса. В случае роспуска палаты, новые выборы должны быть назначены в течение двух месяцев. В условиях военного времени или чрезвычайных обстоятельств, не позволяющих проводить очередные всеобщие выборы, срок полномочий Национального собрания по просьбе короля может быть пролонгирован на один год.

Несомненно, что представительная законодательная власть – принципиальный атрибут демократии, благодаря которому политический процесс в Камбодже структурировался в демократическом направлении, а политическая деятельность входила в правовые рамки. Национальное собрание позволяло обеспечить легальное, конституционно определенное присутствие оппозиции на политической арене. Оппозиция же получала возможность воздей-

[22] См.: *Бектимирова Н.Н.* Королевство Камбоджа. С. 20.

ствия на исполнительную власть законным образом. Однако демократия зависит не только от наличия представительных институтов, но, прежде всего от того, насколько скрупулезно они следуют принципам и процедурам, присущим демократической системе.

Для камбоджийских парламентариев – это был первый опыт их работы в представительных органах власти, они пока были не в состоянии функционировать на равных с исполнительной властью. В 1993–2003 гг. Национальное собрание еще не стало ядром политической системы Камбоджи, оно выполняло хотя и важные, но все же вторичные, вспомогательные функции и не оказывало существенного влияния на общественную жизнь. Как законотворческий орган – парламент был крайне слаб, его депутаты не имели необходимой профессиональной подготовки и достаточного опыта работы, квалифицированных экспертов, адекватного информационного обеспечения.

К тому же в условиях политики «национального примирения» в парламенте не сложилось легальной оппозиции исполнительной власти. Примирение стало трактоваться как принятие любого компромисса, исключающее возможность серьезной дискуссии или принципиальной оппозиции, особенно в процессе принятия решений. И ФУНСИНПЕК, и НПК настаивали на том, что лояльность депутатов по отношению к исполнительной власти – важнейший фактор политической стабильности в стране.

Подобная позиция привела к определенной девальвации роли Национального собрания, которая в этот период сводилась во многом лишь к одобрению законопроектов, представляемых правительством. НПК вообще возродила традиции сианукoвских времен, потребовав от своих депутатов принесения клятвы на верность правительству.

После выборов 1998 г. в стране был образован Сенат – верхняя палата парламента, ранее не предусмотрен-

ная Конституцией 1993 г. Функции Сената состояли в утверждении или отклонении законов, принятых нижней палатой – Национальным собранием. Численность сенаторов составляет половину от численности депутатов Национального собрания. Первоначально сенаторы делегировались партиями, получившими места в Национальном собрании. С 2006 г. они избираются выборщиками, представленными членами Национального собрания и комитетов местного самоуправления (советов кхумов). Выборы в Сенат проводятся раз в 6 лет по партийным спискам. Помимо избранных, двое сенаторов назначаются королем, двое – делегируются Национальным собранием. Сенатором может стать гражданин Камбоджи не моложе 40 лет. Количество сроков пребывания в Сенате не ограничено. С точки зрения укрепления законодательной ветви власти создание еще одной палаты парламента, которая будет дополнительным фильтром для осуществления качественной законотворческой деятельности, можно считать в высшей степени позитивным шагом.

Однако в политических кругах страны откровенно признавали, что главная цель создания Сената состояла в том, чтобы «трудоустроить» председателя НПК, Чеа Сима, который был вынужден в 1998 г. уступить свое место председателя Национального собрания принцу Ранариту. Оппозиция критиковала Сенат за недемократический способ формирования, называла дорогостоящей синекурой для партийных функционеров, считала органом, ничего не дающим для развития законодательной ветви власти.

Возможно на том этапе становления современной политической системы страны, образование Сената пока не вело к росту продуктивности законотворческой деятельности. Однако исходя из политической реальности Камбоджи и традиционной политической культуры кхме-

ров, – это был важный шаг по созданию более сбалансированного механизма учета интересов различных групп политических элит.

Сенат пока не создавал систему «сдержек» и «противовесов» исполнительной власти, но в определенной степени знаменовал собой движение к более полной реализации принципа многопартийности, так как предоставлял дополнительные места политическим элитам оппозиционных партий, представленных в парламенте. В этом отношении Сенат стал тем органом, который придал большую устойчивость существовавшей политической системе.

В этот период активно развивалась партийная система страны, что являлось важнейшим показателем как процесса усложнения политической системы, так и ее демократизации. Однако пока в общественном мнении партии устойчиво занимали одно из последних мест среди институтов и атрибутов демократии. Социологические опросы, проводившиеся в те годы, показывали, что лишь 16% респондентов считали, что партии укоренены в политической системе страны, а какое-либо влияние на свою повседневную жизнь со стороны партий ощущали всего 7% опрошенных[23].

В целом, для многопартийной системы Камбоджи была характерна неустойчивость, которая выражалась в дроблении оппозиционных партий и создании новых, организационно и финансово слабых партийных структур, что объективно благоприятствовало дальнейшему успеху НПК.

Появление новых политических игроков в виде относительно устойчивых партийных структур было связано с перегруппировкой сил, объединенных в рамках ФУНСИНПЕК. Успешный исход выборов в 1993 г. в зна-

[23] Подробнее см.: www.IRI.org ; www.asiafoundation.org

чительной мере ослабил у руководства ФУНСИНПЕК стимул к рутинной, но очень важной и необходимой работе по партстроительству – расширению социальной базы и укреплению рядов недавно созданной партии, которая по численности, финансовым возможностям и организационной прочности значительно уступала НПК. Организационная слабость партии во многом являлась отражением слабости политического руководства ФУНСИНПЕК и, в первую очередь, следствием отсутствия опыта, политической воли и необходимых лидерских качеств ее руководителя – принца Ранарита. У принца фактически отсутствовала продуманная стратегия развития ФУНСИНПЕК. Он и другие лидеры партии, долгие годы прожившие в эмиграции, слабо разбирались в реалиях Камбоджи, особенно ее сельских районов, у большинства из них отсутствовал опыт административной работы.

Серьезный вред имиджу роялистов наносили разногласия, постоянно возникавшие в руководстве партии и нередко принимавшие форму открытых политических скандалов. В результате на выборах 1998 г. ФУНСИНПЕК уступила первенство Народной партии Камбоджи. По итогам выборов Нородом Ранарит лишился поста премьер-министра, но занял пост председателя Национального собрания.

В 1998–2003 гг. ФУНСИНПЕК совместно с НПК формировала коалиционные правительства, в которых за роялистами было закреплено 40% должностей. Однако роль «младшего» партнера НПК в рамках единой коалиции таила угрозу дальнейшего ухудшения электоральных показателей ФУНСИНПЕК – она компрометировала партию в глазах избирателей при неудачах правительства и не прибавляла ей авторитета в случае его успехов. Партия фактически не смогла выработать оригинальной и новой стратегии, делая упор на ностальгические настроения, ко-

торые традиционно испытывала часть избирателей. Однако лозунг «будущее – это наше прекрасное сианукистское прошлое» уже не срабатывал в 2000-е гг.[24].

В преддверии всеобщих выборов 1998 г. на политической арене появилась и сразу же привлекла общественное внимание Партия Сам Ронгси (ПСР), образованная известным политиком Сам Ронгси, ранее входившим в руководство ФУНСИНПЕК. Тот факт, что в название партии было кооптировано имя ее создателя, свидетельствовало о сохранявшейся высокой персонализации партийных структур. Даже десятилетие спустя 50% избирателей признавались, что при голосовании ориентируется только на лидеров партии, а не программы.

Новая партия объявила себя оппозиционной по отношению и к НПК, и к ФУНСИНПЕК. Основополагающие программные установки ПСР – углубление процесса демократизации, борьба с коррупцией и «этнический» национализм по сей день остаются главными векторами ее политической деятельности.

Изначально партия ориентировалась на городские слои населения, в основном молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, жители сельских районов в значительной мере были обойдены ее вниманием. Бывший американский посол в Камбодже К. Уидеманн, тесно сотрудничавший с оппозицией, признавал, что «Сам Ронгси всегда чувствовал себя крайне некомфортно в камбоджийской глубинке»[25]. Действительно электоральная статистика свидетельствует, что ПСР серьезно уступала НПК в сельских районах, но имела стабильно сильные позиции в крупных городах, особенно в Пномпене. Так, на выборах 2003 г. – 36% столичных избирателей отдали ей свои голоса. Ускорение

[24] *Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А.* Указ. соч. С. 58–59.
[25] *Brinkley J.* Cambodia's Curse. The Modern History of a Troubled Land. New York, 2011. P. 161.

процесса урбанизации, быстрый рост численности молодых возрастных групп населения, а также подъем уровня образования среди горожан создавали хорошие предпосылки для дальнейшего расширения влияния ПСР. Главным мобилизационным козырем всех избирательных кампаний ПСР являлась националистическая риторика, находившая широкий отклик у различных слоев городской молодежи, интеллигенции, а также представителей эмигрантских кругов, оказывавших существенную финансовую поддержку партии. Именно на этнонационализм ПСР нанизывала все прочие атрибуты вестернизации и демократизации. Критические настроения среди населения она старалась направить в традиционное для кхмеров русло – поиск врага, в качестве которого выбрано вьетнамское этническое меньшинство.

Важнейшим фактором политического процесса в Камбодже в это десятилетие являлось постепенное укоренение электоральных циклов. В 1998 и 2003 гг. проводились всеобщие выборы, которые носили в целом состязательный характер. Регулярно вносились определенные поправки в избирательное законодательство, улучшалось качество организации выборов. Выборы – это всегда проверка на прочность политической системы, даже если никто не оспаривает правила игры, а фавориты известны заранее. В них принимало участие несколько десятков партий, хотя основная борьбы велась между Народной партией Камбоджи (НРК) во главе с Хун Сеном, ФУНСИНПЕК во главе с принцем Ранаритом и Партией Сам Ронгси. Все это, независимо от качества самих выборов, обусловило определенный плюрализм избирательного процесса[26].

Выборы формально создали новые каналы и механизмы формирования правящих элит на конкурентной

[26] См.: *Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А.* Указ. соч.

электоральной основе. Однако на практике они не привели к какому-либо реальному обновлению правящего класса. В 1998 г. на выборах победила НПК, набрав 41% голосов избирателей. Впервые за последние 40 лет в Камбодже произошел переход власти к новому парламенту и правительству через демократическую процедуру выборов. Однако, хотя НПК и победила на выборах, она не получила 2/3 мест в парламенте, что давало бы ей право на формирование однопартийного правительства. Хун Сену вновь пришлось идти на коалицию, на диалог с оппозицией. Естественно, победа давала НПК на этот раз значительные преимущества – пост премьер-министра и ключевые министерские посты. Бывший премьер-министр номер один – принц Ранарит, возглавил парламент.

На последующих выборах в 2003 гг. НПК победила, набрав 47% голосов, что позволяло ей сформировать правительство и сохранить за собой пост премьер-министра. Хотя свыше половины избирателей голосовали за другие партии, в отсутствие консолидированной оппозиции, которая была представлена уже двумя партиями – ФУНСИНПЕК и Партией Сам Ронгси (ПСР), разрыв между НПК и ее ближайшем соперником из оппозиции составлял не менее 25%. Фактически в эти годы в стране сформировался режим ограниченной политической конкуренции, суть которого состояла в том, что при наличии плюралистической партийной системы оппозиция, добившаяся легитимности в глазах общества, укоренившаяся в социуме и располагавшая определенной инфраструктурой, все же была недостаточно сильна, чтобы вести реальную борьбу за власть, и поэтому правящий режим мог не опасаться непредсказуемого исхода голосования и прихода к власти его политических конкурентов. Подобные типы режимов были характерны для многих стран и Запада и Востока, осуществлявших сложный переход от ав-

торитаризма к демократии и «зависших» на этапе реформ. Это являлось общей закономерностью, и не было обусловлено «восточной» или «кхмерской» спецификой.

Что же касается кооптирования политических элит во власть, то оно определялось чисто кхмерской спецификой. В этот период в политической практике Камбоджи закрепилась особая форма (сохранившаяся и по сей день) допущения во власть представителей лояльного правящей верхушки оппозиционного сегмента – не за счет перераспределения в его пользу части властных полномочий, а путем значительного увеличения численности официальных и неофициальных высших должностей, что, в свою очередь, привело к чрезмерному возрастанию рядов правящей элиты. Так, к примеру, в десятки раз увеличился аппарат советников первых лиц государства. По неофициальным данным, у Хун Сена их насчитывалось более 1 тыс. Большую часть этого очень престижного сегмента политической элиты составляли представители оппозиционных партий, публично порвавших с ними и перешедших на строну НПК.

К числу новых тенденций в политическом процессе в этот период можно отнести существенное снижение уровня политического насилия в стране, хотя отдельные акты насилия в отношении оппозиции все еще имели место[27].

Важным шагом по совершенствованию политической системы стала реформа децентрализации власти, выразившаяся в проведении выборов в местные органы власти, которые впервые состоялись в 2002 г. Однако реформа, направленная на расширение демократических основ политической системы, имела обратный результат. В тот период она привела к цементированию влияния лишь од-

[27] Самый масштабный всплеск насилия пришелся на июль 1997 г., когда произошли вооруженные столкновения между НПК и ФУНСИНПЕК.

ной – Народной партии Камбоджи – и усилению ее доминирования в сельских районах, где на тот момент проживало более 80% населения страны. НПК была единственной партией, которая серьезно занималась вопросами партстроительства, уделяла пристальное внимание работе с низовыми ячейками и пополнению рядов за счет сельских жителей. Оппозиционные партии предпочитали иметь дело с более образованными и политически активными категориями населения – горожанами. Часто в отдаленных, экономически слаборазвитых провинциях оппозиционные партии вообще не имели своих отделений. В результате выборы в местные органы власти принесли абсолютную победу НПК. Она получила 1 598 из 1 621 места. Оппозиции потребовалось ровно 10 лет, чтобы упрочить свои позиции в сельских районах, что ей удалось сделать только на выборах 2012 г.

Все парламентские выборы, начиная с 1993 г., заканчивались непризнанием их результатов кем-либо из активных участников электорального процесса. В 1993 г. – это была НПК, во все последующие годы – оппозиционные партии. Выборы 1993, 1998, 2003 гг. завершались политическим кризисом. В 2003 г. в течение 11 месяцев не удавалось сформировать новое правительство. Оппозиция регулярно реагировала на неудачные для нее результаты выборов обвинениями в фальсификациях и массовыми протестными демонстрациями. В связи с этим протестная активность оппозиции после выборов превратилась в достаточно обыденное явление для Камбоджи, к которому правящая партия стала относиться с известной долей цинизма, справедливо утверждая, что оппозиция сначала не признает результаты выборов, а потом все равно начинает работать в парламенте[28]. Однако опыт консолидирован-

[28] The Phnom Penh Post. 31.07.2013.

ных протестов в послевыборный период – новое позитивное явление для политического процесса страны и свидетельство большей политической зрелости как партийных деятелей, так и рядовых граждан.

В целом, надо признать, что в 1993–2003 гг. во многом благодаря давлению со стороны Запада в Камбодже произошли серьезные позитивные изменения и стали формироваться ростки гражданского общества. Они нашли выражение в активной деятельности неправительственных организаций, как местных, так и международных, в том числе и правозащитных, в зарождении профсоюзного движения, в протестных выступлениях граждан и др. На рубеже веков в мировом рейтинге свободы прессы Камбоджа входила в категорию стран с относительно свободной прессой.

Опросы общественного мнения показывали, что уровень поддержки демократического концепта в массовом сознании достигал 85%. Однако информированность населения о главных институтах и нормах демократии оставалась крайне низкой. Так, рядовые камбоджийцы слабо разбирались в функциях всенародно избираемого органа законодательной власти – парламента, практически были не осведомлены о его деятельности, не знали имен депутатов, даже представлявших те партии, за которые они голосовали[29]. Даже десятилетие спустя в 2013 г. 55% избирателей не смогли ответить на вопрос, какие функции выполняет парламент.

Таким образом, на этом цикле политического развития Королевству Камбоджа в результате прямого вмешательства ООН и последующего мощного давления со стороны стран-доноров удалось отойти от авторитарной мо-

[29] NDI Report on Constituency Dialogues in Cambodia: October 2012 to March 2013. P. 1, 24.

дели развития, внедрить базовые демократические институты и некоторые демократические практики. Однако все они носили пока крайне неустойчивый характер, испытывали серьезное воздействие традиционной политической культуры и нередко являлись орудием манипулирования правящей политической элиты, которая то «расширяла», то «сужала» демократическое поле в зависимости от потребностей текущего политического момента.

Особенности политического процесса в Камбодже в 2004–2013 гг.

Это десятилетие характеризовалось доминированием НПК на базе осуществления т.н. «двухтрековой политики», подразумевавшей формальную демократизацию и одновременную ретрадиционализацию политического пространства[30]. Все эти годы Камбоджа по Индексу демократии (*Democracy Index*) устойчиво входила в категорию стран с так называемыми «гибридными режимами», для которых характерна эклектичность политического пространства, что подразумевает сочетание авторитарных и демократических составляющих в политическом процессе, наличие формального набора демократических институтов, но отсутствие полноценно функционирующей демократии.

Фактически в Камбодже утвердилась модель доминантно-партийного правления в рамках формально плюралистической политической системы. С 2006 г. все три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) возглавлялись представителями НПК, которая в Парламенте и Сенате имела 2/3 депутатских мандатов, а в органах местного самоуправления – более 70% мест.

---

[30] См.: *Бектимирова Н.Н.* Особенности процесса демократизации в Камбодже и его будущее в XX в. // Восточная аналитика. 2012, № 3. – С. 39–46.

Политическое доминирование НПК вполне достоверно отражало политические настроения и симпатии населения, которые царили в тот период в обществе. Как показывали опросы, ежегодно проводившиеся американскими социологическими службами в Камбодже, в 2008–2011 гг., 80% населения считало, что страна под руководством НПК «движется в правильном направлении»[31]. 67% камбоджийцев заявляло о своей безусловной поддержке НПК[32].

Столь высокий уровень доверия к НПК был во многом основан на позитивной мотивации. К числу положительных факторов камбоджийцы относили политическую стабильность и успехи в экономической сфере. В 2009–2012 гг. рост ВВП составлял 7% – один из самых высоких среди стран ЮВА[33]. Страна существенно продвинулась в осуществлении системных экономических реформ, в развитии инфраструктуры, реструктуризации банковской системы, в диверсификации аграрного сектора, создании более транспарентной среды для ведения бизнеса и улучшении работы государственных служб[34]. Высокие макроэкономические показатели позволили Камбодже

[31] Survey of Cambodian Public Opinion. IRI, July 12 – August 6, 2010. P. 11–12; November 30 – December 25, 2011. P. 10–11; Пном Пень Пост. 15.05.2012 (на кхмерском языке).

[32] *Hun Sen*. Selected Impeomptu Comments during the Inauguration of the NR 214 and the Launch of the Construction of the Cambodian-Chinese Friendship Bridge over Mekong River at Stoeng Treng Province. 05.05.2012. URL: http://cnv.org.kh/selected-impromptu-comments-during-the-inauguration-of-the-nr-214-and-the-launch-of-the-construction-of-the-cambodian-chinese-friendship-bridge-over-the-mekong-river-at-stoeng-treng-province/.

[33] Пном Пень Пост. 03.10.2012 (на кхмерском языке).

[34] The Phnom Penh Post. 05.11.2012; 21.11.2012.

снизить порог бедности с 47% в 1993 г. до 20% в 2013 г. и перейти в категорию стран со средним уровнем ИЧР[35].

Важнейшим фактором маргинализации политических конкурентов НПК и консолидации ее власти являлось умелое выстраивание партией «двухтрековой» стратегии, которая стала активно претворяться в жизнь с начала 2000–х гг. Она подразумевала одновременное движение в двух разных направлениях. С одной стороны, правящая элита не только сохраняла достигнутый уровень демократичности (как институтов, так и процедур), но и несколько его углубляла. Свидетельством этого стала реформа по децентрализации власти и работа Международного трибунала над «красными кхмерами» – важнейшего механизма правосудия переходного периода. С другой стороны, власти целенаправленно культивировали методы и нормы традиционной политической культуры (патронажа, патернализма, иерархизма и др.), а также восстанавливали ее внешнюю символику (систему титулов и ритуалов).

Успеху «двухтрековой» стратегии отчасти способствовал и международный контекст. После 11 сентября 2001 г., когда регион ЮВА был объявлен вторым районом борьбы с терроризмом после Афганистана, политическая стабильность камбоджийского общества особенно «возросла в цене» в глазах Западного сообщества, участвовавшего в возрождении Камбоджи. К этому добавился и наметившийся с начала 2000-х гг. общемировой спад демократической волны. В результаты страны-доноры стали отдавать приоритет системным социально-экономическим реформам в условиях политической стабильности, уделяя меньше внимания углублению в Камбодже процесса демократизации[36]. Строгое следование рекомендациям МВФ

[35] Подробнее см.: www.asean-cn.org

[36] По мнению авторов «Индекса демократии» начало спада третьей волны демократизации можно отнести к 2006 г.

и Мирового банка по реформированию экономики обеспечивало властям Камбоджи солидную международную помощь.

Ключевым направлением по ретрадиционализации политического пространства стало дальнейшее укрепление разветвленной сети неформальных патронажных отношений, превратившихся в тот период в один из важнейших структурообразующих элементов камбоджийского общества. Прикрываясь фасадом легальных, теперь уже демократических институтов, эти отношения в значительной мере обеспечивали победу НПК на выборах и способствовали в дальнейшем ее превращению в политического гегемона.

На рубеже веков НПК серьезно видоизменила и структурировала систему патронажа, образовав своеобразные сетевые кластеры. Формализации патронажных кластеров способствовало возрождение системы титулов, широко распространенных в Камбодже в доколониальный период, позволявших четко атрибутировать влияние и социальный статус представителей элитных групп общества. Возврат титулатуры – важнейшей составляющей традиционной социальной стратификации – способствовал тому, что патронаж приобрел ярко выраженный публичный, более того – нарочито демонстративный характер. Так, к примеру, структурирование патронажного кластера между властью и бизнесом происходило на базе учреждения титула «окня»[37]. «Когда ты внутри этой системы, – признался в частной беседе один из обладателей титула «окня», – из нее, практически, уже невозможно выбраться. Здесь свои правила игры. Они построены на

[37] В XVIII–XIX вв. этот титул даровался чиновникам высокого ранга за длительную и безупречную службу королю. В современной Камбодже титул дается чиновникам и бизнесменам, потратившим не менее 100 тыс. долларов на благотворительность.

жестком кодексе взаимных обязательств. Ты должен постоянно различными способами, в том числе финансовыми вливаниями, публично демонстрировать свою лояльность представителям власти. Но если ты уже заслужил их доверие, то тебя никто не тронет, тебе открыты двери к материальным благам и социальному престижу»[38].

По мере совершенствования системы «элитного» патронажа, который обеспечивал стабильность внутри политических элит, параллельно институализировалась система «массового» патронажа[39]. Часть денежных средств, циркулировавших в высших эшелонах патронажных кластеров, стала перераспределяться в пользу рядовых граждан, в частности, направляться на развитие объектов инфраструктуры. В результате, сетевой патронаж в Камбодже уже к началу 2000-х гг. превратился в структурообразующую систему. Кхмерская пресса признавала, что «на политическом поле страны официальные должности подчас играют меньшую роль, чем способность того или иного политического деятеля осуществлять мобилизацию через структуры патронажа»[40]. Камбоджийцы называют систему патронажа «ксае» (веревка) и откровенно признают, что их общество насквозь пронизано четко выстроенным сетевым патронажем НПК, которому в ближайшее время едва ли что-либо серьезно угрожает. Как говорят сами кхмеры: «Веревок много, и они очень прочные»[41]. Все элементы данной конструкции особенно активно приводятся

[38] Интервью автора 12.11.2011.

[39] См.: *Craig D., Pak Kimchoeun*. Learning from Party Financing of Local Investment Projects in Cambodia: Elite and Mass Patronage, Accountability and Decentralized Governance. A discussion paper. 2009. URL: https://www.cambridge.org/core/books/international-intervention-and-local-politics/0437ED93337C7BD10E3B9A0B2A34F468

[40] The Phnom Penh Post. 09.06.2015.

[41] *Jacobsen T., Stuart-Fox M.* Power and Political Culture in Cambodia. Asia Research Institute. Working Paper Series N 200. 2013. P. 23.

в действие накануне выборов[42]. Подобная ситуация, как правило, характерна для стран, где сами институты власти достаточно слабы, но во главе государства стоит сильная личность, так как система патронажа замыкается именно на ней. В Камбодже такой личностью является премьер-министр Хун Сен. Именно он – вершина всей этой иерархической конструкции.

В целом патронаж достаточно прочно закрепил в определенных слоях камбоджийского общества классический патерналистский взгляд на власть. Это, в частности, подтверждают результаты социологических опросов. Так, на вопрос о том, как камбоджийцы оценивают взаимоотношения между политическим лидером и гражданами, 66% респондентов заявили, что политический лидер подобен отцу, который заботится о своих детях, 11% – что он патрон, которому следует подчиняться[43].

В результате, несмотря на сверхпродолжительное пребывание Хун Сена у власти (в течение трех десятилетий), в стране в течение довольно длительного времени отсутствовал артикулированный массовый запрос на появление как нового лидера, так и новой политической стилистики. Идея ротации на регулярной основе руководителей страны не приобрела пока в глазах рядовых граждан особую привлекательность и приоритетность. Так, по данным социологических опросов, проведенных в 2013 г., лишь 6% респондентов высказались за ограничение сроков пребывания у власти высших государственных

---

[42] См.: *Бектимирова Н.Н.* Механизмы партийной мобилизации в современной Камбодже / Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность. М., 2015. С. 233–262.

[43] См.*: Бектимирова Н.Н.* Камбоджа и Запад: особенности взаимодействия на рубеже веков / Губеровские чтения. Выпуск 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и Современность. М., 2013. С. 95–109.

деятелей, и только 2% поддержали предложение о введении системы выборности лидеров и ограничения срока их пребывания на руководящих постах внутри самих партий[44].

Важнейшей составляющей двухтрековой стратегии стало «конструирование» харизмы Хун Сена с использованием традиционных норм и правил политического поведения, что позволило премьеру превратиться в политика номер один и обеспечить главенство исполнительной ветви в структуре политической власти.

Стиль руководства и манера поведения Хун Сена как публичного политика привели к гипертрофированной персонификации политического процесса, проявившейся, в первую очередь, в превознесении личных заслуг Хун Сена во всех сферах государственного строительства. Этому способствовало насаждение в массах через СМИ идеи отсутствия альтернативы Хун Сену и, как следствие этого, опасности возникновения в случае его ухода вакуума власти, чреватого негативными для страны последствиями – утратой политической стабильности, снижением темпов экономического роста и падением уровня жизни.

Знаковое событие 2004 г. – отречение от престола короля Н. Сианука знаменовало начало снижения роли института монархии в политическом процессе и косвенным образом способствовало усилению доминирования лично Хун Сена. Общественная значимость института монархии в 1993–2004 гг. определялась неординарностью личности Н. Сианука и безусловным признанием нацией его заслуг как «отца независимости и национального примирения». Н. Сианук являлся одним из основных неформальных «центров силы». В период острой конфронтации между правящей и оппозиционными партиями, возникавшей

[44] Survey of Cambodian Public Opinion. IRI, 2013. P. 7.

после каждых парламентских выборов, Н. Сианук выполнял роль арбитра, стоявшего над политическими элитами, и предлагал приемлемый для всех выход из политического тупика. Сменивший Н. Сианука на троне король Н. Сиамони, не обладал столь высоким моральным авторитетом и достаточным политическим опытом, и в результате серьезно проигрывал в сравнении со своим отцом. Королевская семья очень разобщена, она не имела столь прочных связей с бизнес-элитой, как правящая партия. Все это, не затрагивая стабильности самого института монархии, вело к постепенному превращению монарха в чисто церемониальную фигуру. Кончина Н. Сианука в 2012 г. еще больше изменила конфигурацию политического пространства страны. Хун Сен начал «играть на роялистском поле», позиционируя себя как защитника трона, что привело к дальнейшей маргинализации роли Н. Сиамони, которого все больше воспринимали как несамостоятельную политическую фигуру. Это способствовало росту общественной критики в адрес короля. Чтобы пресечь эту тенденцию, в 2018 г. законодательно было закреплено положение *leze majeste*, на основании которого устанавливается уголовное преследование за публичные высказывания критического характера в адрес короля.

На этом фоне еще больше активизировался процесс возвеличивания Хун Сена и формирование своеобразного культа его личности. Хун Сена величают наследником Нородома Сианука, время его премьерства – именуют эпохой «дайтё»[45]. К 30-тилетней годовщине его премьерства было принято решение увековечить результаты его деятельности в мемориальном комплексе, масштаб будущего величия которого некоторые уже сравнивают с Анг-

[45] Титул XVI в., который был дарован Хун Сену королем Камбоджи в качестве признания его особых государственных заслуг.

кор Ватом[46]. Государственная пропагандистская машина возвеличивает роль Хун Сена в свержение режима «красных кхмеров». СМИ изображают его как «своего рода крестьянского царя, который осыпает народ своими благодеяниями»[47]. Официальный нарратив тонко намекает, что Хун Сен – это реинкарнация правителя XIV в. Кана – простолюдина по происхождению, приведшего страну к процветанию[48]. Наблюдается визуализация его культа – различным объектам социального названия – школам, больницам, дорогам, храмам – присваивается его имя.

С начала 2000-х годов активизировался процесс по встраиванию детей элиты в систему государственного управления. Особенно это касалось сыновей Хун Сена, профессиональных военных, занимавших высокие посты как в армейских структурах, так и в партии.

Законотворческая деятельность парламента существенным образом контролировалась правящей партией, что позволяло ей лоббировать принятие законов, направленных на укрепления ее позиций. В 2006 г. Национальное собрание приняло поправку к Конституции, согласно которой для формирования правительства вместо прежней нормы в 2/3 голосов депутатов вводилась новая – 50+1[49]. Принятие данной поправки объяснялось необходимостью предотвращения кризисов в постэлекторальный период и упрощения процедуры формирования правительства. В действительности за этим просматривалось стремление гарантировать политическое будущее НПК, обеспечив конституционную основу ее лидерства. Введение новой нормы депутатского голосования при форми-

[46] The Cambodia Daily. 19.02.2015.
[47] The Phnom Penh Post. 14.01.2015.
[48] *Noren-Nilsson A.* Cambodia's Second Kingdom. New York, 2016. P. 46–49.
[49] The Phnom Penh Post. 10-23.03.2006.

ровании правительства значительно повышало шансы НПК на создание однопартийного кабинета.

Параллельно консолидации власти в руках Хун Сена и усилению авторитарного стиля его руководства, в стране продолжался процесс демократизации и совершенствования политической системы. В первую очередь, это касалось партийной системы, которая претерпела существенные изменения, особенно в плане укоренения партий в политическом пространстве. Наблюдалось дальнейшее падение авторитета ФУНСИНПЕК, которая на выборах 2003 г. потеряла 60% мест в Национальном собрании. В этих условиях все громче стали раздаваться голоса о том, что ФУНСИНПЕК дискредитирует институт монархии. Отречение Н. Сианука от престола еще больше усугубило кризисное положение партии, поставив перед ней необходимость выработки новой идентификации, что привело к обострению внутрипартийной борьбы. Организационное оформление распада партии состоялось в 2006 г., когда принц Нородом Ранарит был смещен с поста председателя ФУНСИНПЕК и исключен из ее рядов, что сопровождалось выходом из партии его сторонников и образованием целого ряда мелких структур, большинство которых, не имели реальных шансов составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию другим партиям. Свидетельством окончательной маргинализации ФУНСИНПЕК явилась ее неспособность пройти в парламент на выборах 2013 г.

Серьезно укрепила свои позиции Партия Сам Ронгси (ПСР), которая по итогам выборов 2008 г. устойчиво занимала второе место. Она имела 20% мест в Национальном собрании, была представлена в Сенате и в местных органах власти. Однако анализ электоральной динамики ПСР показывал, что партия могла обеспечить себе в лучшем случае поддержку лишь 1/3 электората и, следо-

вательно, для реальной борьбы за власть она остро нуждалась в политических союзниках. Важнейшим прорывом в решении этой проблемы для ПСР стало ее объединение в 2012 г. с небольшой оппозиционной Партией прав человека (ППЧ), и создание единой организации – Партии национального спасения Камбоджи (ПНСК)[50], главная задача которой в ближайшей перспективе состояла в подготовке к парламентским выборам 2013 г.

Несмотря на возросшую политическую зрелость оппозиции и успехи, достигнутые ею по укреплению партийной инфраструктуры и расширению социальной базы, сохранялись серьезные объективные ограничители ее деятельности. Среди них – слабая финансовая база, которая в основном формировалась из добровольных пожертвований представителей кхмерской зарубежной диаспоры, а также ориентация на постоянную помощь Запада в демократизации страны. Сдерживание авторитарных тенденций власти Хун Сена ПНСК напрямую увязывала с оказанием различных форм давления на премьера со стороны мирового сообщества. Однако подобные взгляды всегда уязвимы с точки зрения «патриотической» составляющей, оппозицию можно легко обвинить в предательстве национальных интересов, в подстрекательстве к вмешательству внешних сил во внутренние дела Камбоджи. Следует отметить, что зависимость оппозиционных сил от финансовой и информационной поддержки извне характерна для многих стран с авторитарными или гибридными режимами и в этом отношении ПНСК отражала общие тенденции партстроительства в обществах переходного типа.

Взаимоотношения оппозиционных партий и правящего режима, как и прежде, развивались в конфронтаци-

[50] Пост председателя НПСК занял Сам Ронгси, его заместителем стал Кем Сокха.

онном духе. Так как Хун Сен вовсе не желал в тот период времени подрывать конструктивный характер своих отношений с западными партнерами и посягать на классический набор демократических институтов, неотъемлемой частью которого являются оппозиционные партии, то свою задачу власти видели в том, чтобы не запрещать деятельность оппозиции, а контролировать ее. В случае невозможности установления такого контроля правящий режим пытался дискредитировать оппозиционные партии в глазах общественности, представив их маргиналами и аутсайдерами. В этот период в условиях существенного снижения прямого политического насилия, значительно возросло число политически мотивированных судебных преследований наиболее видных оппозиционеров. В этом отношении судебная система, качество работы которой существенно улучшилось в последние годы, все еще не приобрела полностью независимый характер и нередко выполняет «заказ» властных структур.

В 2004–2013 гг. в стране произошли важные перемены в социально-экономической сфере, которые создали благоприятные предпосылки для увеличения оппозиционного сегмента общества. К ним следует отнести: наличие высокого процента молодежи (65% в возрасте до 30 лет) в составе населения, ускоренные темпы урбанизации, возрастание мобильности населения и, как следствие, увеличение миграционных потоков, как внешних, так и внутренних, развитие системы среднего и высшего образования, рост мелкого и среднего бизнеса, стирание резких граней между городом и деревней, более широкое использование мобильной связи и интернета.

К устойчивым успехам демократизации в этот период можно отнести сохранение относительно свободной прессы, возрастание роли социальных сетей как площадки для политических дискуссий, рост профсоюзного движе-

ния, активизацию протестных движений в сельской местности, зарождение молодежного волонтерского движения, деятельность многочисленных неправительственных организаций. В целом низкий уровень представительства молодежи в выборных органах власти стал одним из факторов роста социальной активности молодых людей через альтернативные формы политического участия – блоги, социальные сети, волонтерское и протестное движения.

К 2010-м гг. в стране сложилась устойчивая электоральная система с регулярными электоральными циклами. Пятые по счету выборы в парламент, состоявшиеся в 2013 г., принесли неожиданные результаты. Они показали, что Партия национального спасения Камбоджи за короткий срок превратилась в серьезнейшего политического конкурента НПК. Так, за правящую партию проголосовало лишь на 4% больше избирателей, чем за оппозицию. НПК потеряла почти 18% мест в парламенте, сохранив за собой незначительный перевес в 13 депутатских мандатов. Результаты выборов позволили сделать состав парламента более сбалансированным, а оппозиции выполнять роль реального противовеса НПК.

Выборы продемонстрировали, что в обществе появился запрос на смену лидера, что «традиционалистская» составляющая в имидже правящей партии, во многом рассчитанная на старшее и среднее поколения, уже исчерпала свой ресурс. В молодежной среде, которая составляет 2/3 избирателей, она приобрела негативные коннотации как показатель архаичности власти. Последовавшие за выборами массовые протестные движения, проходившие под лозунгом «хотим перемен», продемонстрировали мощный заряд гражданской активности различных слоев камбоджийского населения, их способность к быстрой самоорганизации, сплоченности и координированным коллектив-

ным действиям, что явилось полной неожиданностью для правящего режима.

Успех оппозиционной партии на выборах привел к резкой поляризации политического пространства страны. Возникла трудноразрешимая дилемма – вдохновленная ростом избирательской поддержки ПНСК утвердилась в своем намерении прийти к власти через победу на парламентских выборах 2018 г., а правящая НПК сохраняла решимость ни при каких обстоятельствах власть не отдавать. Оппозиция все активнее мобилизовывала своих сторонников через политический диалог в социальных сетях и организацию протестных движений. Правящая партия пыталась сохранить свое влияние среди электората путем удержания контроля над СМИ, укрепления силовых структур, а также принятием жестких мер в отношении оппозиции.

Хотя выборы отличались высокой степенью конкуренции, что является одним из важнейших показателей их демократичности, качество их организации и проведения не отвечало международным нормам и стандартам. Выборы сопровождались серьезными нарушениями правовых процедур, особенно при составлении списков избирателей. Камбоджа была отнесена международными экспертами к категории стран с крайне низким уровнем соответствия выборов международным стандартам. Она заняла незавидное 171 место в мире и последнее место в АТР. Качество выборов 2013 г. оценивалось лишь в 32 из 100 баллов[51]. Они были признаны самыми «грязными» за последние двадцать лет. Социологические замеры общественного мнения камбоджийцев показали, что 57% респондентов

[51] The Electoral Integrity Project. The Year in Elections, 2015. P. 22, 91. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2753416: Оценке подверглись 23 страны АТР, где в 2013–2015 гг. состоялись выборы в высшие органы власти.

считали, что выборы были нечестными. Среди студенческой молодежи данной точки зрения придерживался 71% опрошенных[52]. По мнению международных наблюдателей, выборы серьезно подорвали веру граждан в избирательный процесс как средство построения справедливого и процветающего общества.

Авторитарный регресс в 2013–2020 гг.

После парламентских выборов 2013 г. в Камбодже началась рецессия процесса демократизации и к 2018 г. страна вернулась на авторитарные позиции. Началось судебное преследование лидеров ПНСК и активистов национальных неправительственных организаций. Лидер оппозиции Сам Ронгси вынужден был покинуть страну, чтобы избежать ареста[53]. Правящая партия резко усилила уровень агрессивной риторики и запугивания населения угрозой «цветной революции». В феврале 2018 г. правительством была выпущена специальная брошюра, подлежавшая распространению во всех структурах государственной власти, посвященная «ужасающим последствиям цветных революций»[54].

Несмотря на серьезное ухудшение политического климата, в 2015 г. в стране наблюдалось углубление электорального процесса, в частности, была осуществлена полномасштабная электоральная реформа, которая учитывала рекомендации международных и местных НПО, а также позитивный опыт зарубежных стран. Национальная избирательная комиссия (НИК), деятельность и персональный состав которой вызывали особенно много нареканий со стороны гражданского общества, была выведена

[52] *Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А.* Указ. соч. С. 10.
[53] Пост председателя ПНСК вместо Сам Ронгси занял его заместитель – Кем Сокха.
[54] См.: www.cnv.org.jh

из подчинения МВД и наделена статусом независимого конституционного органа с самостоятельным бюджетным финансированием и широкими полномочиями по формированию собственных рабочих органов, в частности, секретариата, а также по контролю над своими сотрудниками на местном уровне, которые по новому закону должны представлять все страты общества, соблюдать строгий нейтралитет и быть профессионально подготовленными.

Корректировке подвергся принцип комплектования НИК, в состав которой были введены представители оппозиции. Новые принципы формирования НИК и кардинальное обновление ее состава были расценены представителями гражданского общества Камбоджи как «серьезный шаг к тому, чтобы уже следующие выборы стали более демократичными, честными и справедливыми»[55]. После голосования в парламенте за поправки к избирательному закону представители оппозиции, в частности, заявили: «Сегодня – решающий день, который должен быть вписан в историю Камбоджи. Отныне у кхмеров появилась уверенность в честности и прозрачности предстоящих выборов»[56].

Другое важное изменение в электоральном законе было связано с порядком составления списков избирателей и их регистрации, которые подверглись кардинальному реформированию. Уже к выборам 2018 г. была сформирована единая компьютерная база данных избирателей и введены биометрические идентификационные карточки (ИК), содержавшие не только фотографию, но и отпечатки пальцев каждого избирателя, что должно было «свести к минимуму риски всевозможных злоупотреблений с ИК»[57].

[55] The Phnom Penh Post. 09.04.2015.
[56] The Phnom Penh Post. 10.04 2015.
[57] The Cambodian Daily. 10.03.2015.

Оценивая в целом реформу законодательства 2015 г., следует констатировать, что новый вариант электорального законодательства представлял собой вполне сбалансированное компромиссное решение различных групп политических элит. Внесенные поправки заложили основу для серьезного улучшения качества выборов и предоставили оппозиционным партиям больше потенциальных возможностей для равноправной политической борьбы[58]. Изменения в избирательном законодательстве уже позитивно проявились в ходе выборов в местные органы власти, которые состоялись в 2017 г. Всем участникам избирательного процесса была предоставлена полная свобода в осуществлении различных форм предвыборной агитации. Сами выборы были признаны международными наблюдателями свободными, честными и легитимными. Итоги избирательных баталий еще раз подтвердили обозначившийся в 2013 г. глубокий раскол общества. Разница в голосах избирателей составила всего 7% в пользу правящей партии, в то время как на выборах 2012 г. она достигала 32%. Победа на выборах дала возможность НПК «сохранить лицо», но продемонстрировала реальную шаткость ее позиций в электоральной конкуренции с оппозицией.

Это подтолкнуло Хун Сена к более решительным действиям, он пошел ва-банк, желая избежать любых рисков в ходе электоральных баталий на парламентских выборах 2018 г. Лучшим способом самосохранения правящая элита сочла полное удаление потенциальных конкурентов с политического поля страны еще за полгода до парламентских выборов. В сентябре 2017 г. по сфальсифицированному обвинению в попытке осуществить в 2013 г. «цветную революцию» и свергнуть законное правительство был арестован председатель ПНСК Кем Сохка. В но-

[58] The Phnom Penh Post. 07.03.2015.

ябре 2017 г. по тому же обвинению Верховным судом была распушена Партия национального спасения Камбоджи, а 118 членов исполнительного комитета партии отстранены на пять лет от политической деятельности. В итоге большая часть руководящего состава распущенной партии была вынуждена в экстренном порядке выехать из страны, чтобы избежать арестов.

Своими действиями правящая элита предельно жестко обозначила позицию – любая политическая партия, претендующая на власть в Камбодже, будет рассматриваться как «враждебная интересам камбоджийского народа, посягающая на мир и стабильность в стране», а, следовательно, требующая решительных действий против нее со стороны НПК. Хотя лидеры оппозиции неоднократно публично заявляли, что их партия не приемлет насилия и намерена прийти к власти только мирным путем через парламентские выборы[59]. Правящие круги упорно насаждали в стране единое видение оппозиции как «оранжевой» угрозы, а образ силовых структур и власти как надежных защитников спокойствия граждан и таким образом старались сформировать в обществе запрос на подавление оппозиции.

Принадлежавшие ПНСК депутатские мандаты в Национальном собрании были распределены между 3 мелкими партиями, получившими на парламентских выборах 2013 г. в совокупности менее 5% голосов избирателей. Во всех публичных выступлениях представители власти убеждали граждан в том, что роспуск ПНСК – это еще один шаг по дальнейшей демократизации, так как в парламенте отныне заседают не две, а четыре партии. Однако совершенно очевидно, что все эти политические махина-

[59] *Бектимирова Н.Н.* Межпартийное противостояние в Камбодже в 2017 г.: тенденции и перспективы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017, № 36. С. 119.

ции закрепили монополию НПК не только в парламенте, но и на политической арене страны в целом. Эти события в очередной раз продемонстрировали низкий уровень развития государственно-правовой сферы, подчиненность законодательной и судебной ветвей власти – власти исполнительной.

Таким образом, к началу 2018 г. произошел сдвиг от доминирования НПК в политическом пространстве страны к его полной монополизации. Чтобы не возникало недовольство безальтернативностью лидерства Хун Сена внутри самой НПК, премьер постоянно подпитывал лояльность элит через раздачу очередных «вознаграждений и льгот». Хун Сен постоянно повышает статус представителей партийной элиты, кооптируя их в состав Центрального комитета партии. В 2017 г. в состав ЦК было введено 306 новых членов, в 2018 г. еще столько же. В результате, численность ЦК НПК составила свыше 800 человек[60]. В 2017–2018 гг. наблюдалось неуклонное расширение рядов армейской элиты, в итоге, численность генералитета превысила 3 тыс. человек[61]. Подобная практика, не имеющая ничего общего с нормами и порядком функционирования демократических структур, вполне совместима с механизмом патронажа, благодаря которому, Хун Сену пока удается вполне успешно регулировать и сохранять стабильность и лояльность политического истеблишмента страны. Премьер-министр постоянно увеличивает число «глаз и ушей», которые должны вовремя выявить и нейтрализовать потенциальные угрозы для власти. Этой цели, в частности, служит образованный в декабре 2017 г. Совет по национальной безопасности, в состав которого вошли четыре близких родственника Хун Сена[62].

[60] The Phnom Penh Post. 22.01.2018.
[61] The Phnom Penh Post. 27.04.2017.
[62] The Phnom Penh Post. 06.12.2017.

К лету 2018 г., когда состоялись очередные парламентские выборы, политическое поле страны было расчищено от конкурентов. Это дало возможность правящей партии впервые с 1993 г. получить все 125 мест в парламенте. Поддержка партии электоратом была обусловлена как негативной, так и позитивной мотивацией избирателей. Хотя сама электоральная кампания характеризовалась полным отсутствием каких-либо актов прямого насилия, однако, предвыборные лозунги НПК изобиловали угрозами потенциального массового насилия, в частности, неизбежностью гражданской войны в случае поражения правящей партии.

Уже длительное время запрос на перемены и обновление политических элит и запрос на сохранение стабильности, одновременно сосуществуют и конкурируют друг с другом в камбоджийском обществе. Но, так как власть «вытоптала» политическое поле, то реальные политические фигуры общенационального масштаба, которые могли бы составить какую-либо конкуренцию представителям НПК, отсутствовали. Поэтому на данных выборах избиратели имели возможность реализовать лишь запрос на стабильность, гарантом которой выступали кандидаты от правящей партии.

Сохранив свои позиции во власти еще на следующие пять лет, председатель правящей НПК премьер-министр Хун Сен сразу после выборов пошел на смягчение политического климата. Камбоджа продлила на два года меморандум о присутствие в стране представителя Верховного комиссара ООН по правам человека. Были освобождены некоторые политические заключенные, прекращены судебные разбирательства в отношении профсоюзных лидеров. Что же касается председателя ПНСК Кем Сокха, судьба которого находится в центре повышенного внимания со стороны стран Запада, то тюремное заключение

ему было первоначально заменено на домашний арест, который был окончательно снят в начале 2020 г. Однако уголовное дела в отношении Кем Сокха все же не было прекращено.

Таким образом, в 2017–2018 гг. наблюдалось самое масштабное свертывание демократических процессов в Камбодже за почти 30-летний период. События показали, что в Камбодже пока не сложились политические механизмы, которые могли бы препятствовать отходу от демократических принципов. Однако чрезмерное закручивание гаек в стране, где уже сформировались ростки гражданского общества, всегда опасно в долгосрочной перспективе. В настоящее время на содержание политических процессов в Камбодже все ощутимее влияют многие социально-экономические факторы, которые создают внутренние вызовы авторитарной модели и объективно благоприятствуют закреплению в обществе норм политического плюрализма. К их числу следует, в частности, отнести: существенные изменения основ экономической жизни, значительное улучшение инфраструктуры, позволяющее населению свободно передвигаться по стране, увеличение внутренних и внешних миграционных потоков, изменение и усложнение социальной структуры общества, появление социальных групп (наемные рабочие, студенчество), выпадающих из системы государственного патронажа, усиление вертикальной и горизонтальной мобильности населения, рост имущественного неравенства, ускорение процесса урбанизации и др. Все эти процессы, постепенно модифицируя мировоззренческие, оценочные и поведенческие ориентиры населения, все больше затрудняют насаждение сверху политического догматического единообразия. Объективный ход поступательного экономического развития Камбоджи вольно или невольно подрывает основы авторитарного правления, ведет к вызрева-

нию рисков для НПК, стремящейся удержать монополию на власть. В стране наблюдается усложнение политического пространства, которое становится все более многослойным. В общественно-политической жизни сосуществуют параллельные, разнонаправленные тенденции. Правящие элиты стремятся все в большей степени контролировать общество. Граждане же все активнее взаимодействуют между собой, образуя в противовес власти вертикальные сетевые сообщества, группы интересов. Молодежь страны широко использует интернет-площадки и социальные сети для свободного выражения мнения. Чтобы сохранить статус-кво, правительство вынуждено идти на существенные уступки гражданам. В 2018 г. это выразилось в разработке мощного пакета мер по развитию социальной сферы, реализация которого могла действительно позитивно повлиять на качество жизни наиболее уязвимых слоев населения[63]. Однако выполнить все данные обещания было возможно только на фоне устойчивого экономического роста, чему помешала разразившаяся пандемия.

Руководители НПК стремятся создать канал обратной связи с населением, используя для этого персональные страницы в *Facebook*, являющиеся обязательными для всех членов правительства. Регулярно осуществляется отчет министров на запросы граждан, которые они получают через *Facebook*. В Камбодже формируется все более плюралистическое общество и смешанная система политических ценностей – симбиоз традиционных и демократических норм, которые усложняют политический контекст и ведут к гибридизации политического процесса. Эклектичный характер политического пространства со-

[63] *Hun Sen*. Statement at the Kicking off Campaign for the 6th Legislature General Election and 67th Anniversary of the Cambodian People's Party. 07.07.2018. URL: http://cnv.org.kh/statement-kicking-off-campaign-6th-legislature-general-election/.

здает потенциальную возможность для движения в разных направлениях, как к углублению процесса демократизации, так и к временному отходу к авторитаризму.

Таким образом, опыт демократизации Камбоджи, который определял сущность политического процесса в XXI в. и основные направления модернизации политической системы, показал, что внедрявшиеся политические нормы и институты, да и содержательное наполнение самого транзита фактически не отличались от других стран, в том числе, западных. Однако, как известно, «дьявол кроется в мелочах». К числу этих «мелочей» следует отнести целенаправленную деятельность правящих элит по консервации норм традиционной политической культуры, в первую очередь, патронажных отношений, как структурообразующей основы общества. В результате, в Камбодже современная политическая система пока представляет собой гибридную модель. По набору политических институтов и практик она полностью соответствует западной модели, однако в реализации политической власти через эти структуры еще сильно ощущается «кхмерская/ восточная» специфика.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ТАИЛАНДА: ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ [1]

Королевство Таиланд – конституционная монархия (с 1932 г.), его территориально-политическое устройство – унитарное государство. Глава государства – король. Законодательный орган – двухпалатный парламент, состоящий из Национальной Ассамблеи (нижняя палата, формируется из избранных депутатов) и Сената (верхняя палата, избираемая или назначаемая). Исполнительная власть осуществляется правительством, формируемым по результатам парламентских выборов. Основной закон – Конституция Королевства Таиланд – определяет государственное устройство страны.

Так сложилось, что в стране действовало 20 конституций. При этом каждая в соответствии с политическим моментом усиливала или ослабляла тот или иной институт государства. Коррекции подвергались объем полномочий короля и степень защиты института монархии, характер формирования верхней палаты – Сената, особенности формирования кабинета министров. Незыблемыми остаются следующие принципы: глава государства – король династии Чакри, буддист по вероисповеданию, в настоящее время Рама X Маха Вачиралонгкорн; двухпалатный парламент, правительство, формируемое по результатам выборов в парламент. Политическая система Таиланда сложилась к настоящему времени, пройдя дол-

[1] **Сведения об авторе:** ***Фомичева Елена Алексеевна*** **–** *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, E-mail: elen-fomicheva@yandex.ru*

гий путь от феодальной наследственной монархии до конституционной монархии, с институтом королевской власти, конституцией, парламентом, политическими партиями, парламентскими выборами, а также выборами на других уровнях, с достаточно свободными СМИ. Политическая система Таиланда располагает всеми элементами современной государственности (безусловно, институт монархии является исключением, поскольку он стал довольно редким явлением)[2], она включает органы власти, правовое обеспечение, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, политическую культуру и политическую практику.

Эта система функционирует, длительное время осуществляет те функции, для реализации которых она, собственно, и создавалась. Система власти в Таиланде обладает определенными достоинствами и существенными недостатками. В настоящее время, в начале XXI в., политическая система развивается, в нее вносятся новые элементы, смещаются акценты. Трансформации происходят в результате борьбы традиционных элит и новых, стремящихся к власти, что оказывает влияние на политическую систему, а также под воздействием новаций в политической теории и политических воззрениях. В политику вносятся новые понятия, используются современные политтехнологии.

Несмотря на общие принципы, лежащие в основе современной буржуазной демократии во всех странах, где они применяются, в Таиланде, как и повсюду, государственное устройство имеет характерные особенности, обусловленные географическим положением, историей, условиями существования и развития государства, морально-нравственными принципами данной общности –

[2] В прошлом монархии были доминирующей формой государственной власти. В XIX и XX вв. были упразднены около 250 монархий. В XXI в. их осталось 41.

нации, ее политической культурой. По форме политическая система Таиланда западная, она была заимствована у Запада, была принята местным обществом, пересмотрена в соответствии с национальными условиями. По содержанию политическая система Таиланда имеет много особенностей местного происхождения. По сути дела, аналогичным образом можно рассматривать современные политические системы в других странах – западные по форме, национальные – по содержанию.

Основные институты политической системы Таиланда

Король – глава государства, и, как таковой, он обладает необходимыми прерогативами, изложенными во II разделе Конституции[3]. Король – непременно должен быть буддистом, одновременно он является покровителем всех религий. Король – глава вооруженных сил. Он присваивает титулы и награды. Подписывает законы, принятые парламентом. Согласно ст. 179 король обладает прерогативой помилования. Король назначает и снимает гражданских чиновников и военнослужащих с уровня постоянного секретаря министерства, генерального директора департамента и соответствующих постов за исключением случаев их смерти, отставки или увольнения в результате наказания (ст. 180). Все законы, королевские рескрипты и указы, касающиеся государственных дел, должны быть контрассигнованы министром, если иное не предусмотрено Конституцией (ст. 183).

Король – важный элемент политической системы страны. Он является элементом стабильности триединой идейной конструкции тайского государства – нация-король-религия. Институт монархии в этой системе имеет

[3] Конституция Таиланда (2017) – Конституции государств (стран) мира. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=329.

особое значение, поскольку фигура короля сакрализирована двумя религиями и легитимизирует государственную власть, что особенно важно ввиду частых военных переворотов и смены правительств. Король – символ исторической непрерывности власти, культурной преемственности. Согласно индуистской концепции (которая существует в форме брахманизма, как придворная религия), король – это воплощение бога Вишну, победителя демонов, он находится в центре мироздания и имеет связь с высшими силами. Коронация в Таиланде до сих пор проводится по традициям брахманизма. С другой стороны, король – сакральная личность согласно Буддизму тхеравады, он воплощает идею Тхаммарачи (праведного буддийского правителя), главенствующее положение которого в обществе определяется его заслугами в прошлых жизнях. В тайском буддизме король – высшее воплощение заслуг и достоинств человека, заслуживший свое положение в этом мире благими делами всего цикла перерождений в колесе сансары, то есть является нравственным эталоном для своих подданных[4].

Король возвышается над другими политическими институтами страны, он официально не вмешивается в текучку государственного управления, но находится в курсе происходящего в стране и может выступать как беспрекословный медиатор в случаях тяжелых для страны конфликтных ситуаций. Для этого он имеет как официальные каналы влияния, так и неформальные возможности. Институт королевской власти несколько раз в истории находился под ударом. В ходе революции 1932 г. часть реформаторов хотела вовсе устранить его, но традиционалисты оказались сильнее. В результате пришли к ком-

[4] *Фомичева Е.А.* Институт монархии в Таиланде и личность короля Рамы IX. Политические перспективы таиландской монархии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2010, № 14. С. 222–237.

промиссному варианту – сокращение прерогатив короля и, что важно, отстранение от управления страной принцев, которые прежде доминировали в государственном управлении и за которыми оставили лишь сферу дипломатии. Поэтому в первой, временной Конституции 1932 г., принятой непосредственно после буржуазной революции, содержались более жесткие формулировки (король мог быть смещен представительным органом и даже отдан под суд), а в постоянной Конституции, принятой в том же 1932 г., эти формулировки были в значительной степени смягчены (устанавливалось, что монархия священна и неприкосновенна). В 1930-е – 1940-е гг. диктатор Плэк Пхибунсонгкрам[5] стремился снизить значение монархии в пользу режима личной власти. В 1950-е годы правительства военных подняли престиж монархии на недосягаемую высоту, что соответствовало интересам политизированного генералитета. Престиж монархии во второй половине XX в. в значительной степени утвердился благодаря личности и деятельности короля Рамы IX (Пумипхона Аульядета). За годы его правления сменилось более 20 премьер-министров, было принято 18 конституций, совершено 19 государственных переворотов. В начале XXI в. потеснить монархию пытался амбициозный политик Таксин Чиннават, однако на конституции это не отразилось, сам же он был изгнан из тайской политики. В 2021 г. в стране активизировались противники королевской власти, что совпало со сменой монарха на престоле, когда своему отцу наследовал король Маха Вачиралонгкорн. Если раньше кампания против королевской семьи велась в интернет-пространстве в виде карикатур и других публика-

[5] Подробнее см.: *Фомичева Е.А.* Глава 6. Двойной портрет на фоне политики: Приди Пханомионг и Плэк Пхибунсонгкрам / Многоликая элита Востока, Том 1 (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020 – С. 239-272.

ций в основном из-за рубежа, то теперь впервые антимонархические настроения были выражены в публичном пространстве, на улицах и площадях столицы, в студенческих кампусах других городов. Многие из тех, кто разделяет такие настроения, опасаются прямо призывать к свержению монархии (как весьма популярного в народе института во многом благодаря королю Раме IX, который находился на престоле с 1946 по 2016 гг. и пользовался уважением и любовью широких масс) и требуют ее реформирования с внесением некоторых поправок в законодательство. Эти предложения открыто звучали во время массовых уличных манифестаций 2021 г. Ясно, что это лишь первый этап в попытках переформатирования государственности страны. В случае устранения института королевской власти из системы управления государством при одновременной критике *буддийской сангхи* – еще одного из важнейших элементов тайской государственности, придется создавать новую политическую систему, которая могла бы сцементировать и успешно управлять тайским обществом.

При короле действует совещательный орган – **Тайный совет**, членов которого отбирает и назначает король из числа генералов в отставке, высших государственных деятелей, в том числе бывших премьер-министров, представителей наследственной аристократии. Тайный совет консультирует короля по вопросам государственной важности, ведает делами королевского двора, вопросами регентства и престолонаследия. Последний, решается в соответствии с Дворцовым Законом о престолонаследии 1924 г. В 1977 г. в этот закон были внесены изменения о возможности передачи трона по женской линии при определенных условиях (ранее наследником мог быть только представитель королевской семьи мужского рода). Внесение поправок к Дворцовому Закону о престолона-

следии – прерогатива короля. Долгое время Тайный совет возглавлял генерал в отставке, бывший премьер-министр и убежденный монархист Прем Тинсуланон, имевший большой авторитет в армии. При нем роль Тайного совета, а следовательно, королевского двора возросла. Сообщали, что генерал Прем активно влиял на внутреннюю политику, в охранительном духе и поддержал военный переворот 2006 г., отстранивший от власти Таксина Чиннавата.

В правовых документах закреплена недопустимость оскорбления короля и членов королевской семьи, за что в Уголовном кодексе предусмотрено суровое наказание вплоть до длительного тюремного заключения. Эти статьи активно используются властями, особенно в XXI в. для расправы с оппозиционными деятелями.

Законодательная власть осуществляется **двухпалатным парламентом.** Согласно Конституции 2017 г., в соответствии с которой были проведены выборы 2019 г., Парламент Таиланда выглядит следующим образом: Нижняя палата – **Национальная Ассамблея с**остоит из 500 депутатов (ст. 83), которые избираются на 5 лет. Выборы проходят по смешанной системе, 350 депутатов избираются по одномандатным округам, 150 – по партийным спискам сроком на 4 года (часть 2, ст. 83 и 99). Национальная Ассамблея может отправить в отставку правительство по результатам вотума недоверия. Прерогативу роспуска парламента по представлению премьер-министра имеет король.

Верхняя палата парламента – **Сенат** состоял и состоит из отставных генералов, крупных политических деятелей и представляет интересы традиционных элит. Особую роль Сенат сыграл на выборах 2019 г., сделав возможным избрание на пост премьер-министра генерала Праюта Чан-Оча.

Сенат состоит из 250 сенаторов, назначаемых на 5 лет «из числа лиц, обладающих знаниями, опытом, профессией, характеристиками или выражающих общие интересы или работающих или работавших в различных областях общества» (часть 3, ст. 107). За этой терминологией скрывается тот факт, что нынешний Сенат является полностью назначаемым при довольно детализированной системе назначений. Реальная расстановка сил в парламенте проанализирована в статье Дэйва Кендала[6]. Из 250 сенаторов 194 человека (или более 77%) назначаются правящим Национальным советом мира и порядка (то есть группой, совершившей военный переворот 2014 г.); 6 мест зарезервированы для действующих высших военных чинов – верховного главнокомандующего ВС, постоянного секретаря министерства обороны, главы полиции и др. (в общем 200 мест). Оставшиеся 50 сенаторских мест занимают представители профессиональных и социальных групп, а именно: государственное управление и безопасность – бывшие государственные служащие, должностные лица; закон и правосудие – бывшие судьи, государственные адвокаты и другие юристы; образование и общественное здравоохранение – бывшие учителя, преподаватели, врачи, медсестры, фармацевты; сельское хозяйство – фермеры, животноводы, рыбаки; негосударственные служащие – «синие и белые воротнички», фрилансеры; окружающая среда, недвижимость, коммунальное хозяйство, наука, средства массовой информации, энергетика; малые и средние предприятия; женщины, пожилые люди, люди с особыми потребностями (инвалиды), этнические группы; искусство и культура; другие. Их кандидатуры рассматривает Избирательная комиссия, но отбирает и утверждает Национальный совет мира и порядка. Казалось бы, демонстри-

[6] *Kendall, Dave.* Explainer: The appointed Senate / Bangkok Post. 28.01.2020.

руется учет интересов всех групп населения, но процесс отбора этих лиц поражен коррупцией, а их численность слишком мала, чтобы иметь серьезное влияние в Сенате. В любом случае, это тщательно отобранные люди, которые назначаются все тем же Национальным советом мира и порядка.

В конечном итоге по Конституции 2017 г. все члены Сената назначаются. Это особенно важно в связи с особой ролью Сената, прописанной в Конституции 2017 г., а именно – сенаторы наделяются полномочиями утверждать совместно с депутатами Национальной Ассамблеи кандидатуру премьер-министра (чего не было в предыдущих конституциях). Это положение должно сохраниться и распространиться на следующие выборы. Эта конструкция позволила генералу Прающу Чан-Оча, возглавившему переворот 2014 г., а затем и правительство на весь период до выборов 2019 г., не опасаться оппозиции в нижней палате парламента и остаться у власти в качестве избранного премьер-министра. Следует отметить, что Сенат всегда имел охранительную функцию, в нем всегда доминировали представители генералитета и высшего чиновничества, эта роль усиливалась после военных переворотов с целью сохранить власть военных. Поэтому в истории Таиланда идет постоянная борьба за способ формирования Сената – выборный, частично выборный – частично назначаемый и полностью назначаемый.

Исполнительная власть — **правительство** (кабинет министров). Согласно ст. 158 король назначает премьер-министра и не более 35 министров. В прежних конституциях предусматривалось избрание премьер-министра, если за него будет подано более половины голосов от общей численности Палаты представителей. Согласно положениям предыдущих конституций правительство формиру-

ет глава партии, одержавшей победу на выборах, причем сам он является избранным депутатом нижней палаты.

Важные изменения, внесенные в Конституцию 2017 г. правительством военных во главе с генералом Праютом Чан-Оча, взявших власть в руки в результате переворота 2014 г., касались порядка формирования Сената и выборов премьер-министра. В отличие от прежнего порядка, по Конституции 2017 г. полностью назначаемый Сенат (согласно предыдущим конституциям, Сенат был полностью/частично назначаемый или избираемый) голосует по кандидатуре премьер-министра совместно с депутатами нижней палаты (чего никогда не было прежде). При этом, в отличие от более ранних конституций, кандидатом на этот пост могло быть лицо, не участвовавшее в парламентских выборах и не являющееся депутатом парламента. Тем самым, премьер-министр правительства, сформированного военными после переворота, Прают Чан-Оча, обеспечил себе еще один срок во главе правительства и легитимизировал свое премьерство как результат парламентских выборов. Необходимость для власти в таких политических и юридических маневрах была связана с тем, что на протяжении десятилетия партии-сторонники или последователи Таксина Чиннавата, представлявшего интересы крупных нуворишей и одновременно опиравшегося на жителей северо-востока страны, сельских жителей, мелких и средних предпринимателей провинции, одерживали на парламентских выборах неизменные и внушительные победы. Тем самым бросался вызов традиционной старой элите, монархическим кругам и власти военных. Антидемократические меры правительства во главе с генералом Праютом Чан-Оча с целью сохранения власти в своих руках вызвали волну недовольства и протестов в обществе с требованиями отставки пра-

вительства, отмены результатов выборов и проведения новых.

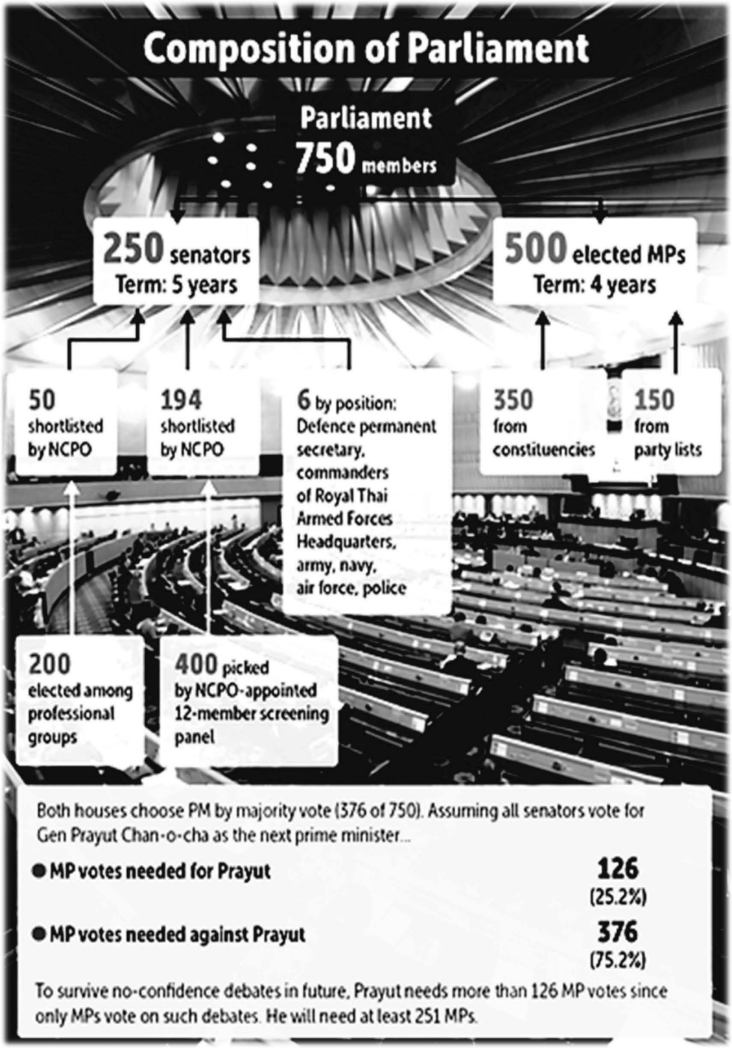

Рис. 2. Состав двухпалатного парламента по конституции 2017 г. (Bangkok Post, 28 February 2019).

Выборы 2019 г. и созданная для их проведения соответствующая правовая база в виде поправок в Конституцию еще раз продемонстрировали серьезную борьбу за власть между традиционалистами-представителями старых элит, в том числе и военных, и новой элитой, представляющей интересы нуворишей, обеспечивающей свой электорат за счет провозглашения и реализации популистской повестки. Политические противники критикуют созданную систему выборов и формирования правительства за то, что её целью было не дать победить партии Пхыа Тхай, а также за ее тотально антидемократический характер.

Политическая культура Таиланда

Политическая культура Таиланда, как и любого другого государства, основана на общей культуре страны, формировавшейся на протяжении столетий. Представления о природе власти, о месте индивида в обществе, о структуре самого общества, заложенные в сознание человека исторически, видоизменялись под воздействием как внутреннего политико-экономического развития, так и внешнего влияния. Причем, внешнее влияние становится все сильнее и ощутимее в XXI в. с распространением сетевого интернет-общения.

Как и во многих других странах идеи современного парламентаризма (как и авторитаризма, и других политических течений) в Сиам были привнесены с Запада. Причем, это произошло тогда, когда основная масса населения – собственно народ – была совершенно не готова принять западные политические ценности. И напротив, новые идеи находили приверженцев в городе, среди представителей новых классов складывавшегося капиталистического общества, требовавших себе места в управлении государством, где доминировала наследственная аристократия и

феодальная бюрократия. Эти идеи приобрели популярность, поскольку прокламировали необходимость привнесения в общественную жизнь более справедливых ценностей на благо всего народа, отстаивали участие граждан в управлении государством, то есть требовали установления демократии, которая подразумевает выборность власти вместо абсолютизма наследственной аристократии. На том этапе исторического развития (первая четверть XX в.) эти идеи переустройства тайской государственности были привлекательны и разделялись передовой частью общества. По сути, принятие их означало внедрение западных форм политической организации общества и очерчивало рамки современной политической культуры страны.

Содержание, которое вкладывается в западные политические формы, во многом определяется национальной традицией. Таким образом формируется современная политическая культура. Вопрос соотношения привнесенной формы и ее национального содержания важен для понимания особенностей политической системы страны.

Традиционная культура тайцев, предписывавшая характер взаимодействия людей в обществе, строилась на иерархии, основанной на реалиях общественной жизни, где были большие люди (*пху яй*), нобилити, землевладельцы, начальники всех рангов, с одной стороны, и простолюдины, крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники, – с другой. Эта структура разделяла общество на классы властвующих и подчиненных. Между представителями этих классов существовало вертикальное взаимодействие старших и младших. В традиционных воззрениях тайцев общество представляло собой социальную пирамиду, наверху которой находились самые достойные и заслуженные члены общества. В чем-то эта система опиралась на средневековое представление о том, что король – отец нации, а подданные – его дети. Эта патриархальная кон-

струкция строилась, начиная с семьи, как низшей ячейки общества, и нашла выражение в таком древнем пласте культуры, как язык. В тайском языке нет понятия *брат* или *сестра*, *братья* и *сестры*, а есть *старший брат – пхи чхай*, *младшая сестра – нонг сау*, *братья и сестры* – старшие и младшие – *пхи нонг*. Отсюда вытекают принципы социальных представлений и социального общения – поклонение королевской власти, важность статусности индивида, уважение к вышестоящим (если не искреннее, то обязательно ритуальное), взаимодействие начальников и подчиненных, которое предусматривает обмен услугами между ними[7]. Эти элементы традиционной тайской культуры повлияли на складывание характерных черт современной политической культуры страны. Они объясняют такое явление, как «покупка» голосов избирателей в выборных кампаниях, когда кандидаты в депутаты устраивают праздники для электората, дают обещания по совершенствованию жизни местных общин, например, о развитии дорог, строительстве плотин и т.д. В среде сельских жителей такие действия кандидатов в депутаты рассматриваются не как нарушение закона, а как естественный элемент отношений избирателей и кандидатов. Особенно сильны эти представления в сельской глубинке с ее более традиционалистским населением. В последние годы власти заявляют о борьбе с коррупцией, на государственном уровне создана специальная Антикоррупционная комиссия.

Традиционные особенности социального взаимодействия, характерные для всех стран Юго-Восточной Азии, такие как «невозможность потери лица», склонность к из-

[7] Из личных наблюдений. Член правительственной делегации – жена генерала полиции покупает несколько мужских золотых перстней с янтарем – объясняет что это – подарки подчиненным мужа – так принято.

беганию конфликтов и стремление решать проблемы через переговорные механизмы, оказывают определенное влияние на политическую культуру страны. Так, несмотря на многочисленные перевороты в Таиланде, случаев преследования противников, принадлежащих к другому военному клану, немного. Другие дело, когда речь идет о классовых или социальных противниках, к таким относятся жестокие преследования и запрет компартии Таиланда, гонения на Приди Пханомионга[8] и всех левых деятелей, суровая борьба с Таксином Чиннаватом и его сторонниками (особенно жестоко, с применением армии, подавлялись массовые народные протесты в 1976, 1992 гг. и позже). Бесспорно, не следует абсолютизировать влияние древних, зачастую архаичных представлений на сегодняшнюю политику страны. Во многом особенности политической культуры западного образца вросли в местную политику. Со времен буржуазной революции 1932 г. в народе утвердились представления о существовании конституции, политических партий, выборах, законах и правительстве. Как пишет тайский исследователь, «политическая культура влияет на характер политических партий Таиланда. Во-первых, важна вера в разнообразие миров и новых перерождений человека и в закон кармы. Тайцы подсознательно из поколения в поколение привыкли рассматривать успешного человека, как достигшего успеха и благосостояния благодаря божественному промыслу, поэтому тайцы считают такого человека авторитетной персоной, наделенной властью и достойной всяческого уважения». Во-вторых, большое значение имеет убеждение, порожденное абсолютизмом, которое заключается в том, что «каждый

[8] Подробнее см.: *Фомичева Е.А.* Глава 6. Двойной портрет на фоне политики: Приди Пханомионг и Плэк Пхибунсонгкрам / Многоликая элита Востока, Том 1 (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020 – С. 239-272.

таец считает, что право управления страной – это дело правящих групп, авторитетных и влиятельных людей, а не обычных граждан»[9].

Особенности политической системы

Отличительной чертой политической жизни Таиланда является участие в ней военных. Как группа, осознающая свои интересы, они стали оформляться еще в ходе революции 1932 г., когда в рамках партии Кхана ратсадон сформировалась военная группа. Из неё выделялся Плэк Пхибунсонгкрам, который дорос до маршала в вооруженных силах и был премьер-министром страны в 1938–1944 гг. и в 1948–1957 гг. В его взглядах сочетались идеи национализма и тайской великодержавности, с одной стороны, и насаждение европеизации, особенно в общественных и бытовых вопросах, – с другой. В политике Пхибунсонгкрам увлекался идеями, деятельностью и харизмой Муссолини. Он был сторонником личной власти, на пути к которой ему мешал институт монархии, который он, не будучи в состоянии полностью устранить, стремился оттеснить.

В сплочении военных кланов немаловажную роль играет традиция товарищества однокашников и коллег по военной службе, где актуален вопрос: «В каком полку служили?». В результате создаются связи, поддерживаемые на протяжении всей жизни. Такие группы военных сплачиваются в кланы определенной влиятельной фигурой и зачастую вместе идут в политику, формируя политические партии и правительства. Между сторонниками разных военных личностей (кланами) возникает борьба, которая ча-

[9] *Суттхисангиам Сорраком.* Власть и оппозиция: особенности политического процесса в Таиланде: 2001–2010 гг.: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2015. 202 с.

сто реализуется в политической жизни. Особенно укрепились в политике военные после Второй мировой войны, когда их у власти поддерживали американцы. В результате на протяжении нескольких десятков лет тенденции к демократическому развитию страны находились в постоянной конфронтации с военными диктатурами. Генералы тесно связаны личными взаимоотношениями (престиж офицеров в обществе высок и вступить с ними в семейные отношения считается успехом) и коммерческими связями с традиционалистскими монархическими кругами и старыми бизнес-элитами. Генералитет широко пользуется обширными деловыми связями с крупными предпринимателями, с придворными кругами, с коллегами за рубежом. Таким образом, военные стали влиятельным и непременным действующим элементом таиландской политики. Их участие в политике находит выражение в частых переворотах и установлении военной диктатуры. Это явление стало чертой, присущей политической системе Таиланда. В XX и в начале XXI вв. было совершено около 20 военных переворотов. Обычно их предлогом провозглашалась коррумпированность депутатского корпуса.

Устойчивые монархические традиции повлияли на выбор формы государственной политической системы в момент буржуазной революции 1932 г., когда предпочтение было отдано конституционной монархии, а не республике, то есть монархия была сохранена, хотя и в урезанной форме. В политическом плане сохранение монархии являлось гарантом интересов наследственной аристократии, хотя большая ее часть была отстранена от управления государством, исключение было сделано лишь для принцев, занятых во внешней политике. В дальнейшем на протяжении XX в. институт монархии неоднократно использовался в политических интересах тех или иных группировок.

При формировании политических партий большую роль играет принцип клановости, что, впрочем, не исключает случаев перехода избранных парламентариев из одной фракции в другую. Нестабильность партийной системы выражается в создании внутрипартийных групп и фракций, а также в расколе и слиянии партий.

Еще одной важной чертой политической системы Таиланда, как и многих других стран Азии, является полное отсутствие в парламентском поле партий социалистической ориентации, выражающих интересы трудящихся. Коммунистическая партия Таиланда (КПТ) давно находится под запретом, многие ее деятели подвергались репрессиям и были убиты, особенно в 1950-е – 1970-е гг. Под постоянным давлением находится деятельность профсоюзов. В результате левый протест вылился в Народную войну под руководством компартии Таиланда, которая велась в 1965–1983 гг. партизанскими методами на севере и северо-востоке страны, а также на ее дальнем юге.

Конституция Таиланда

Всего в Сиаме и Таиланде было принято 20 конституционных актов (конституций, хартий):

1. Временная конституция Королевства Сиам 1932 г.
2. Конституция Королевства Сиам 1932 г.
3. Конституция Королевства Таиланд 1946 г.
4. Конституция Королевства Таиланд (временная) 1947 г.
5. Конституция Королевства Таиланд 1949 г.
6. Конституция Королевства Таиланд 1952 г. (пересмотренная конституция 1932 г.)
7. Хартия администрации Королевства 1959 г.
8. Конституция Королевства Таиланд 1968 г.
9. Временная хартия по управлению королевством 1972 г.

10. Конституция для управления Королевством 1974 г.
11. Конституция для управления Королевством 1976 г.
12. Хартия администрации Королевства 1977 г.
13. Конституция Королевства Таиланд 1978 г.
14. Хартия администрации Королевства 1991 г.
15. Конституция Королевства Таиланд 1991 г.
16. Конституция Королевства Таиланд 1997 г.
17. Конституция Королевства Таиланд (временная) 2006 г.
18. Конституция Королевства Таиланд 2007 г.
19. Конституция Королевства Таиланд (временная) 2014 г.
20. Конституция Королевства Таиланд 2017 г.

Вся история развития политической системы Таиланда, выражающаяся в текстах принимаемых конституций, – это борьба между следующими тенденциями: сохранить власть элит и бюрократии, соблюсти определенный баланс между избираемыми депутатами нижней палаты и назначаемыми сенаторами, а также делать шаги в сторону демократизации политической системы, то есть создавать систему сдержек и противовесов. В конституциях много общего, но по ним можно судить о трансформации и колебаниях политической системы страны.

Особый интерес представляют две конституции 1932 г. – временная и постоянная, демонстрирующие борьбу двух тенденций среди реформаторов – к существенной модернизации политической системы или к более умеренному реформированию монархии. Победила последняя тенденция – попытки отказаться от королевской власти были заблокированы. Однако институт монархии был существенно ослаблен. В постоянной Конституции 1932 г. не была предусмотрена выборность парламента. Проведение парламентских выборов было отложено на 10 лет, что мотивировалось необходимостью подго-

товить население, обучить его грамоте, внедрить общие представления о демократии. Конституция действовала до 1946 г.

В 1946 г. – в краткий период демократических реформ после Второй мировой войны, была сделана попытка внести в Конституцию 1946 г. положение об избираемом Сенате. Эта попытка уравновесить власть бюрократии и демократический состав избранных депутатов привела к военному перевороту 1947 г. и отмене Конституции 1946 г.

Принятая после переворота Конституция 1947 г. усилила королевскую власть. Был возрожден специальный орган при короле (упраздненный в 1932 г.) под названием Высший государственный совет с хозяйственными функциями управления имуществом королевского двора и личными королевскими расходами, а также особой королевской гвардией. В прерогативы короля было включено объявление войны и введение чрезвычайного положения. В Конституцию было включено положение о создании верхней палаты парламента – Сената, члены которого назначались королем. В результате в Сенат были назначены принцы, представители знати и близкие ко двору бизнесмены[10].

Конституция 1949 г. была наиболее монархически ориентированной. Согласно ее положениям, Высший совет государства был преобразован в Тайный совет, члены которого назначались королем. Сенат также назначался королем. Вето короля можно было преодолеть лишь 2/3 голосов депутатов парламента. Король мог издавать де-

[10] *Фомичева Е.А.* Институт монархии в Таиланде и личность короля Рамы IX. Политические перспективы таиландской монархии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2010, № 14. 2010. С. 222–237.

креты, объявлять плебисцит, вносить поправки в Конституцию через референдум.

После студенческого восстания 1973 г., отправившего в отставку военную хунту триумвирата Танома Киттикачхона – Наронга Киттикачхона – Прапата Чарусатиена, и последовавшего в 1976 г. кровавого разгрома студенческого движения с резней на территории Тхаммасатского университета, с убитыми сотнями и арестованными тысячами студентов, ситуация резко сдвинулась в сторону крайне правых сил[11]. Это было закреплено в Конституции 1976 г., по которой король назначал членов Национальной Ассамблеи (нижней палаты парламента). Король получил право вносить в Ассамблею законопроекты, то есть законодательную инициативу. Был ужесточен закон об оскорблении величества, предусматривающий уголовную ответственность.

Заслуживает внимания Конституция 1997 г., которую называют «народной» в связи с процедурой ее разработки и принятия, а также некоторыми либеральными положениями, внесенными в ее текст. Она принималась после «черного мая» 1992 г. – кровавой расправы военной хунты над протестующими гражданами и публичного вмешательства королевской семьи, чтобы урегулировать тяжелый политический кризис. Эта Конституция стала важным шагом на пути реформы политической системы, которая должна была обеспечить переход от практики военных переворотов с нарушением прав человека и коррупцией к участию граждан в политике и большей демократизации, к переходу, как это обозначено в работе, спонси-

[11] *Winichakul Thongchai.* Remembering/Silencing the Traumatic Past: The Ambivalent Memories of the October 1976 Massacre in Bangkok; Cultural Crisis and Social Memory: Modernity and Identity in Thailand and Laos / Ed. Charles F. Keyes and Shigeharu Tanabe. L.; N.Y.: Routledge/Curzon, 2002. Pp. 243–283.

ровавшейся американской организацией *Asia Foundation*[12] «от патерналистского общества к политической системе, более отвечающей требованиям плюралистического общества, интегрирующегося в глобальную экономику»[13]. Была создана на выборной основе специальная комиссия для разработки новой Конституции, ею принимались к рассмотрению предложения, поступавшие от граждан. Процедура широкого народного обсуждения в процессе разработки Конституции была осуществлена впервые. Затем проект рассматривался Конституционной Ассамблеей, также избранной. Таким образом, была нарушена многолетняя практика, когда после военного переворота текст новой Конституции готовился теми же военными. Согласно Конституции, обе палаты парламента впервые в истории тайского парламентаризма избирались на всеобщих выборах. В этой Конституции детально прописаны функции короля, Тайного совета, принципы престолонаследия, ответственности за оскорбление и критику монархии, – с целью укрепления монархической составляющей в преддверии смены короля.

В гл. 1, ст. 3 устанавливалось, что «суверенная власть принадлежит тайскому народу. Король как глава государства осуществляет ее через Национальную Ассамблею, Совет министров и Суды в соответствии с положениями Конституции». Глава II так и называется – «Король». Устанавливается, что «личность короля священна и неприкосновенна. Никто не может предъявлять королю

[12] *Asia Foundation* – международная некоммерческая организация для проведения деятельности в культурной и образовательной области со штаб-квартирой в Сан-Франциско основана в 1954 г. На деле – американская организация, созданная на основе Комитета за свободную Азию (1951 г.), финансируется ЦРУ.

[13] The Constitution of the Kingdom of Thailand, 1997: A Bluprint for Participatery Democracy. James R. Klein Representative of The Asia Foundation in Thailand Working Paper, No 8, March 1998.

обвинения или предпринимать против него какие-либо действия». «Король является главнокомандующим Вооруженных сил Таиланда. Прерогативой короля является учреждение титулов и награждение». Помимо обязательных функций главы государства в этой главе содержатся специфически тайские положения. Так, согласно Конституции «король является буддистом и покровителем религий». Имеется в виду, что король – не только покровитель буддизма, но и всех других религий, существующих в стране. В той же главе подробно устанавливаются властные функции короля в отношении Тайного совета, а также процесс формирования и функции Тайного совета (гл. 2, ст. 12–16), назначения и функций Регента. Кроме того, были созданы Конституционный суд, Избирательная комиссия, Антикоррупционный комитет (которые в дальнейшем стали играть большую роль в деятельности и существовании политических партий). В Конституции 1997 г. были усилены положения о защите прав человека. Была предусмотрена некоторая децентрализация власти. Внесены поправки в процедуры организации и проведения выборов. Все эти меры принимались с целью либерализации политической системы страны. Практика показала, что, во-первых, не все положения Конституции и вновь созданные политические структуры могут использоваться во благо принципам либерализма, подчас они создают препятствия. Во-вторых, оказалось, что эта Конституция не была тем решающим элементом, который бы кардинально изменил политическую систему, поставил заслон военным хунтам. При необходимости она легко может быть отодвинута в сторону все еще весьма сильной и влиятельной старой элитой. В этом случае даже проведение референдума (они проводились по тексту Конституций в 2006 и в 2016 гг.) по Конституции не является гарантией демократического вектора развития.

Пример манипуляций с целью сохранения политического режима военных представляет Конституция 2017 г., которая, как следует подчеркнуть, создала условия для использования парламентских выборов в интересах военных у власти. Комбинация с назначаемым Сенатом и совместным голосованием двух палат по кандидатуре премьер-министра не из числа депутатов парламента обеспечили избрание премьер-министром генерала Праюта Чан-Оча.

Партии и партийно-политическая система

Партийно-политическая система в стране имеет рыхлый неоформленный характер. На начальном этапе парламентаризма партий в стране не существовало, за исключением партии Кхана ратсадон (1927–1940-е гг.), поэтому первый парламент был назначен, а не избран. В силу политической незрелости таиландского общества как выборы в парламент, так и формирование партий было отложено до 1946 г. Одной из первых была созданная Кыкритом Прамотом[14] Демократическая партия (ДП). Она оказалась столь успешной, приспосабливаясь к новым обстоятельствам, смещая акценты своей политики, что существует и сегодня, являясь старейшей и единственной политической партией, непрерывно существующей с момента основания. Демократическая партия – партия правоцентризма, социального консерватизма. Она выражает интересы промонархических кругов, городского среднего класса столицы. Партия традиционно имеет электоральный успех на мусульманском юге страны. Четверо из руко-

[14] Подробнее см. *Фомичева Е.А.* Глава 3. Кыкрит Прамот – политик, писатель, государственный и общественный деятель Таиланда / Многоликая элита Востока, Том 3: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 – С. 188-223.

водителей Демократической партии в разное время возглавляли правительство (Куанг Апайвонг, Сени Прамот, Чуан Ликпай, Апхисит Ветчачива). Эта партия даже в случае ее проигрыша на выборах оставалась второй по количеству ее членов в парламенте.

Большинство таиландских партий носят временный характер, создаются под выборы. Они не имеют развернутой политической программы. Формируются вокруг влиятельной фигуры. Очень часто, особенно в 1950-е – начале 1970-х гг., такими фигурами были влиятельные генералы, которые участвовали в выборах и совершали военные перевороты, всегда под лозунгом борьбы с коррупцией парламентариев. Большинство таиландских партий не имеет четкой структуры. Обычной практикой является переход избранных депутатов из одной партии в другую. Это создает нестабильную обстановку для работы коалиционных правительств. Все парламентские партии Таиланда, прошлые и действующие, являются буржуазными с теми или иными оттенками. Поэтому военные перевороты ничего не меняли в социально-политической картине страны. Один клан приходил на смену другой группе интересов. Левые партии социальной направленности, такие как Коммунистическая партия Таиланда и слившаяся с ней Социалистическая партия (СП) были под запретом, не могли участвовать в парламентской деятельности и распались.

Частые и достаточно регулярные военные перевороты сопровождаются роспуском парламента, отменой конституции, запретом деятельности политических партий, периодом военной диктатуры, разработкой новой конституции и, наконец, новыми выборами, то есть процесс функционирования и развития политических партий постоянно прерывался. Отсутствие плавного и непрерывного функционирования и развития политических партий

препятствовали утверждению стабильной партийно-политической системы. Лишь немногим партиям удалось в этих условиях продолжать свою работу. Помимо Демократической партии (พรรคประชาธิปัตย์ – Пхак Прачатипатай) можно назвать партию Тхай рак Тхай (ТРТ) (พรรคไทยรักไทย — Пхак Тхай рак Тхай). Эта партия оказалась новым явлением в партийно-политической системе страны. Она была основана в 1998 г. богатым предпринимателем и амбициозным политиком Таскином Чиннаватом. Эта партия выиграла парламентские выборы 2001 г., неожиданно одержав крупнейшую электоральную победу в таиландской истории. Победив правящую тогда Демократическую партию во главе с премьер-министром Чуаном Ликпаем Тхай рак Тхай приобрела достаточно голосов, чтобы самостоятельно сформировать правительство. Однако ее руководство пошло изведанным путем и сформировало коалиционное правительство, аккумулировав 325 мест в нижней палате парламента из 500, что случилось впервые в истории таиландского парламентаризма. Коалиционное правительство возглавил лидер Тхай рак Тхай и избранный депутат парламента Таксин Чиннават. Партия Тхай рак Тхай одерживала победы на трех последовательных парламентских выборах с более чем убедительными результатами. В 2005 г. партия получила 376 мест в парламенте, вновь победив Демократическую партию, и сформировала впервые в практике тайского парламентаризма однопартийное правительство.

Эти феноменальные успехи Тхай рак Тхай не на шутку испугали их политических противников. Они полагали, что Таксин Чиннават будет создавать собственную политическую структуру, выдвигая на важные посты в правительстве, в парламенте своих родственников и друзей. На выборах 2006 г. ТРТ получила 460 парламентских мест. Но выборы были объявлены незаконными, их ре-

зультаты отменены, поскольку они бойкотировались оппозицией в ряде избирательных округов. Правительство, а следовательно, и партию, которая сформировала это правительство, обвинили в подтасовке голосов. Партия Тхай рак Тхай была распущена, а более чем сотне руководителей партии на 5 лет было запрещено заниматься политикой[15]. Негативное отношение к Таксину Чиннавату со стороны городского среднего класса, многих политиков и традиционных элит основывалось на том, что в его деятельности были очевидны диктаторские тенденции, желание подчинить себе все властные институты. Так, видный политолог Касем Сисампхан называл стиль его управления «тоталитарным парламентаризмом». Он утверждал, что народ не хочет, чтобы премьер-министр–миллионер доминировал в таиландской политике и в управлении страной.

Таксин Чиннават представлял опасность для действующей власти, поскольку его личные политические амбиции были вызовом и ей, и монархическим кругам, как части традиционной элиты наряду с высшей бюрократией и генералитетом. С другой стороны, его популистские программы вовлекали в парламентскую политику широкие народные массы, что неприемлемо для правящих классов. Таксин Чиннават был представителем интересов таиландских нуворишей и региональных элит. (Сам он принадлежит к успешной не в одном поколении семье китайско-тайских предпринимателей из Чиангмая). Вновь разбогатевшие предприниматели с помощью больших денег пытались бросить вызов старым элитам и непосредственно прийти к власти. С 2001 по 2006 гг. Таксин Чиннават возглавлял правительство. По некоторым направлениям деятельность его кабинета министров была

[15] The Nation Thailand. 30.05.2007.

успешной (социальные программы для крестьян и бедных, урегулирование международных финансовых проблем, возникших после финансового кризиса 1997 г., меры по преодолению последствий чудовищного разрушительного цунами 2004 г. и т.п.; другие направления, такие как сепаратизм на юге, внесудебные расправы над наркоторговцами, вызывали серьезную критику). 19 сентября 2006 г. военный переворот сверг Таксина Чиннавата, вынудив его эмигрировать из-за выдвинутых против него судебных исков по неуплате налогов.

Причин успеха партии Тхай рак Тхай было несколько. Во-первых, свою первоначальную электоральную базу Таксин Чиннават создал на северо-востоке и севере (выходцем откуда он является), в наиболее бедных регионах страны, отличающихся культурным и этническим своеобразием. Исаин (северо-восток страны) в культурно-языковом плане близок к Лаосу, где существуют тенденции к культурной автономии и даже к федерализму. Во-вторых, Таксину Чиннавату удалось привлечь в партию влиятельных местных деятелей с их собственной электоральной базой. Это дало возможность партии даже после эмиграции Таксина Чиннавата и нескольких запретов на ее деятельность вновь возрождаться под новым названием. Наконец, главное отличие Тхай рак Тхай от других партий было в том, что её создатель Таксин Чиннават, богатый предприниматель и амбициозный политик, в отличие от других партийных лидеров, составил широкую политическую программу, рассчитанную на все слои общества, но, что особенно примечательно, – отражающую интересы сельских жителей глубинки, крестьян и рабочих, мелких торговцев и местных госслужащих, которые не имели своего представительства в парламенте и особенно пострадали в период финансово-экономического кризиса 1997 г. Пресса сообщала, что для разработки социального

направления своей программы Таксин привлек специалистов левой ориентации, которые в свое время тесно сотрудничали с КПТ в период народной войны. Предусматривалась доступная программа медицинской помощи, а именно – посещение врача, стоимостью 40 бат, рассчитанная на население с низким уровнем жизни. Мораторий на выплату долгов крестьянами на 3 года. Кредит в 1 млн бат – каждой деревне на развитие местной инфраструктуры. Программа «один тамбон – один продукт» предусматривала поощрение производства и продажи продукта или товара, характерного для данного района. Эти программы выполнялись правительствами Таксина Чиннавата после прихода Тхай рак Тхай к власти, что обеспечило дальнейшую поддержку партии и расширение ее электоральной базы. На определенном этапе ТРТ завоевала электорат в Центральном районе, в долине реки Чаопрайя и даже в Бангкоке. (После отстранения Таксина Чиннавата от власти его социальные программы были свернуты).

Партия Тхай рак Тхай не только стала успешной на парламентских выборах, но и породила народное движение «краснорубашечников». Оно позиционировало себя как сторонников Таксина Чиннавата, но, по сути, представляло интересы более широких народных масс. Результатом чего стало массовое уличное противостояние с «желтыми рубашками» (защитниками монархии и традиционной политической системы).

Пример успешности Тхай рак Тхай привел к тому, что другие партии, прежде всего Демократическая партия, стали включать в свою программу социально направленные лозунги. Правда, реальных программ под этими лозунгами не было.

Партия Тхай рак Тхай, неоднократно запрещенная, и ее реинкарнации (ТРТ была распущена в 2007 г., в 2008 г. была создана Пхаланг прачачхон (ПП), после чего была

организована партия Пхыа Тхай) неизменно одерживала внушительную победу на парламентских выборах, даже после того, как сам Таксин был вынужден покинуть страну. После роспуска партии Пхаланг прачачхон, через 3 месяца после ее создания по ставшему стандартным обвинению в фальсификации выборов, партия Пхыа Тхай (พรรคเพื่อไทย) во главе с Йинглак Чиннават, сестрой Таксина, инициировала в марте 2010 г. при поддержке «красных рубашек» массовые выступления с требованием отставки правительства Апхисита Ветчачивы, лидера Демократической партии. На выборах 2011 г. Пхыа Тхай получила 264 места из 500 в Национальной Ассамблее. Новый кабинет министров формировался лидером партии Йинглак Чиннават, которая его и возглавила. Правительство и сама Йинглак постоянно подвергалась критике со стороны политических противников. Был найден повод, и в ноябре 2013 г. начались массовые протесты с требованием ее отставки. Напряженная ситуация разрешилась традиционно – военным переворотом, совершенным в мае 2014 г. группой переворота – Национальным советом мира и порядка во главе с генералом Праютом Чан-Оча. Борьба между сторонниками переворота и противниками власти военных продолжалась весь период после переворота до парламентских выборов. Политическая напряженность в стране усилилась в связи со смертью короля Пумипхона Адульядета 13 октября 2016 г. и восхождением на престол его сына принца Маха Вачиралонгкорна. Однако, монархия не пошатнулась, напротив – длительные поминальные мероприятия, проводившиеся по всей стране, продемонстрировали единение вокруг фигуры усопшего короля. В результате длительных политических маневров 24 марта 2019 г. были проведены парламентские выборы в соответствии с новой Конституцией, составленной таким образом, чтобы оставить на посту премьер-министра ге-

нерала Праюта Чан-Оча и обеспечить законность его пребывания на этом посту. В предвыборной борьбе обозначились, однако, неожиданные тенденции. В выборах приняла участие реинкарнация таксиновской Тхай рак Тхай – Пхыа Тхай, которая заняла второе место (22,29%) и получила 136 в парламенте. На первом месте предсказуемо была партия власти Пхаланг прачарат (ПП) – 23,34% – 116 мест. Неожиданно успешной была новая партия Future Forward Party – 17,34% – 80 мест, обогнав ветерана – Демократическую партию с результатом 10,92% – 53 места[16].

Future Forward Party (พรรคอนาคตใหม่), что можно перевести как Партия нового будущего (ПНБ), аккумулировала недовольство городского среднего класса, но главное – городской молодежи и студенчества, недовольных военным правлением, сопровождавшимся многочисленными нарушениями прав человека. Новая партия активно использовала современные выборные технологии и тактику цветных революций. В агитации делался упор на молодежь и молодежную субкультуру, на использование соцсетей для пропаганды и организации акций. Она вела кампанию под лозунгом «Будущее, к которому мы стремимся, – это будущее, в котором высшая власть действительно принадлежит народу», что принесло ей большой успех – третье место в парламенте. Это партия была основана 15 марта 2018 г. и распущена решением Конституционного суда 21 февраля 2020 г. Ее основатель и лидер Тханатхон Чуангрунгрыангкит, молодой богатый предприниматель, выступал с требованиями устранить военных из политики, провести децентрализацию управления, сократить социальное и экономическое неравенство. После роспуска партии он был лишен депутатских полномочий и объявил о

[16] Office of The Election Commission of Thailand. URL: https://www.ect.go.th/ect_en/.

создании внепарламентского политического движения. Роспуск партии и запрет ее лидеру участвовать в парламентской борьбе вызвали массовый уличный протест, продолжающийся с начала 2020 г. по 2021 г. включительно. Основной движущей силой уличных протестных выступлений является студенчество. Первоначально протесты проходили на территории университетских кампусов по всей стране. Затем протест выплеснулся на улицу, к нему присоединились учащиеся старших классов школы, поддержанные различными протестными группами, а также городскими жителями. Лозунги уличного протеста постепенно радикализировались и включали требования отставки правительства Праюта Чан-Оча, внесения поправок в Конституцию с ограничением прав Сената, роспуска парламента и проведения новых выборов. Наконец, появилось неслыханное прежде требование реформирования королевской власти.

Наиболее активных организаторов и участников протестов арестовывали, особенно по обвинению в «оскорблении величества». В 2021 г. полиция применяла силовые методы воздействия на демонстрантов, зачастую избивала протестующих палками, применяла слезоточивый газ и водяные пушки. Одновременно власти стремятся затянуть рассмотрение некоторых из выдвинутых демонстрантами требований о внесении поправок в Конституцию, ссылаясь на необходимость их тщательного изучения и стараясь предложить переговорные, законодательные механизмы. Были созданы 12 комиссий для всестороннего рассмотрения поправок, чтобы, как заявляет правительство, соблюсти все конституционные процедуры. В ноябре 2021 г. Конституционный Суд постановил, что требования реформирования монархии нарушают права и свободы и наносят ущерб безопасности государства. Конституционный Суд вынес решение прекратить дея-

тельность всех движений, означенных как антиконституционные.

Заключение

За более чем 80-летний период конституционного развития в Таиланде сложилась политическая система во главе с королем, обладающая признаками конституционной монархии с необходимыми институтами, включая: конституцию, законодательную власть – парламент, исполнительную власть – правительство, судебную власть, политические партии и парламентские выборы, а также выборы других уровней. Эти общие представления о современной политической системе дополняются местными особенностями, связанными с национальной политической культурой. Характерные отличия таиландской политической системы – чередование периодов парламентаризма с военными хунтами. Военные перевороты имели почти регулярный характер и сопровождались разработкой и принятием новых конституций. Зачастую военные перевороты служили инструментом снятия внутриполитических проблем. На протяжении этого периода с переменным успехом идет борьба между авторитаризмом и парламентаризмом, подоплекой которой является борьба за власть между различными группировками, семейными и бизнес кланами, часто оформляющимися в политические партии. Характерно участие в политике военных, которые выступают как сплоченная группа интересов, как часть роялистско-консервативной элиты. Генералитет исходит из представления о своей консолидирующей силе, способной решать сложные государственные проблемы. Партийная система является рыхлой, партии непостоянными, не связанными идейным единством, а лишь политическими и финансовыми интересами. Потребности трудящихся, рабочих, крестьян, мелких предпринимате-

лей в партийно-парламентской системе не артикулированы. Представители левых сил большую часть этого периода вынуждены были работать в подполье. Протест против нерешенных социально-экономических проблем угнетенных слоев населения проявился в вооруженной народной войне в джунглях на северо-востоке страны под руководством Коммунистической партии Таиланда. Новым явлением в партийно-политической жизни стала партия крупной новой буржуазии Тхай рак Тхай, сумевшая впервые в тайской политической системе разработать комплексную политическую программу, где, между прочим, были прописаны конкретные меры помощи бедным слоям населения. Деятельность этой партии была негативно воспринята старыми элитами, понимавшими, что она стремится к полному захвату власти. С другой стороны, ТРТ всколыхнула волну гражданского участия в политике, которая проявилась в массовых уличных антиправительственны действиях. В плане реформы политической системы предпринимаются усилия по демократизации Конституции и избирательной системы, введения референдумов и участия граждан в разработке текста Основного закона страны. Однако военные еще сильны, и эти изменения пока не имеют устойчивого характера. В связи с невозможностью реализовать политические интересы значительных слоев общества через партийно-парламентскую структуру, для Таиланда характерно гражданское участие в форме массовых уличных протестов, где выступают представители малообеспеченных слоев общества, но где ведущую роль играют университетские круги, прежде всего, студенты, а также профессура. Эти круги, как правило, являются выразителями демократических идей, носителями идей реформирования политической системы страны, решения социально-экономических проблем, в том числе проблемы социального неравенства. Этими настро-

ениями молодежи стремятся воспользоваться политические авантюристы, которые играют на поле молодежи, вовлекая ее в протестные действия и в избирательные процессы с использованием элементов молодежной субкультуры. Обращает на себя внимание влияние западной попкультуры, культуры интернета и соцсетей на молодежную среду, а также использование в разных странах молодежи в политике сходными методами «цветных» революций. Новое явление в политической жизни Таиланда – стремление расшатать систему, совершая нападки на институт королевской власти и буддийское монашество, что подрывает идейную основу нынешнего тайского государства. В то же время, становится очевидно, что усложнившаяся структура общества, новые проблемы, стоящие перед страной, требуют обновления политической системы, инструментов и методов управления при одновременной защите государства от возможных тяжелых испытаний.

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФИЛИППИН: ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В АЗИАТСКОМ МИРЕ [1]

Кратко о политическом устройстве Филиппинской республики

Филиппины можно определить как демократическое унитарное государство, как республику с президентской формой правления. В стране действует Конституция, принятая в 1987 г. В административном отношении Филиппины делятся на провинции (73), объединённые в 17 административно-экономических районов, муниципалитеты, барангаи (сельские округа). Крупными провинциями являются: Пампанга, Рисаль, Кесон, Илокос (Северный и Южный), Себу, Илоило, Магинданао и др. К наиболее крупным городам относятся Большая Манила[2], Давао, Себу, Илоило и др.

Принципы государственного управления основаны на выборности органов власти и разделении её ветвей на законодательную, исполнительную и судебную.

Высшим органом *законодательной власти* является двухпалатный конгресс. Верхняя палата Конгресса – Сенат

---

[1] **Сведения об авторе:** ***Панарина Дарья Сергеевна*** – *кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: daria2002panarina@gmail.com.*

[2] В состав Большой Манилы помимо собственно исторического центра города, называемого Манила, входят также города-спутники, все вместе образующие крупную урбанистическую конгломерацию.

состоит из 24 сенаторов в возрасте не менее 35 лет и избирается на 6 лет с промежуточными выборами каждые 3 года и правом переизбрания на второй срок. Глава верхней палаты выступает президентом Сената, избираемым сенаторами. В свою очередь, Палата представителей, спикер которой является ее главой, избирается на 3 года в составе не более 250 депутатов (с 25-летнего возраста) с правом переизбрания на 3 срока[3].

Члены Палаты представителей избираются либо по округам, либо по партийным спискам. В настоящее время Филиппины разделены на 243[4] законодательных округа. Каждый законодательный округ избирает одного человека, который будет представлять округ в Палате представителей.

Таким образом, Палата представителей Филиппин состоит из 253 членов, выбранных с использованием метода одномандатных округов (SMD). Однако Конституция Филиппин 1987 г. также позволяет выбирать дополнительные 20% членов Палаты с использованием метода партийных списков. Когда филиппинцы голосуют, они отдают два голоса в Палату представителей, один за представителя округа и один за политическую партию. Политические партии, получившие не менее 2% голосов в стране, получат место в Палате представителей. Ни одна политическая партия не может получить более 3-х мест в процессе голосования по партийным спискам. Метод голосования по партийным спискам является формой про-

[3] Государственное устройство Филиппин / Best Country. August 3, 2019. URL: http://www.best-country.com/ru/asia/philippines/political_structure.

[4] В 2022 г. добавятся еще 10 избирательных округов, которые будут задействованы в выборах, таким образом общее число избирательных округов увеличится до 253. См.: LIST: New Congressional Districts in the 2022 Elections / By Michael Bueza. Rappler. June 24, 2021. URL: https://www.rappler.com/nation/elections/list-new-congressional-districts-philippines-2022-polls/.

порционального представительства и предназначен для обеспечения представительства третьих сторон и недостаточно представленных групп в законодательном органе. Сейчас в партийном списке 57[5] представителей[6].

Палата представителей может принять резолюцию о вакантном месте в законодательном органе, что подготовит почву для дополнительных выборов. Победитель внеочередных выборов будет отрабатывать незаконченный срок предыдущего представителя округа, и это будет считаться одним выборным сроком. То же правило применяется в Сенате, однако только в том случае, если место освобождается до очередных выборов в законодательные органы.

Верхняя палата Конгресса заседает в Пасай Сити, тогда как нижняя палата – в Кесон Сити[7].

Верховной *исполнительной властью* обладает президент Филиппин. На данный пост может быть избран человек не моложе 40 лет, проживавший на Филиппинах не менее 10 лет перед выборами. Президент и его вице-президент оба избираются сроком на 6 лет, и не могут быть переизбраны на второй срок. Одновременно, президент является главой государства, правительства (формирует ответственный перед ним кабинет), верховным главнокомандующим. Президент не может распускать парла-

[5] В период заседания 18-го Конгресса было 63 представителя по партийным спискам. См.: PARTY LIST REPRESENTATIVES. House of Representatives. 18th Congress. Third Regular Session. December 2021. URL: https://www.congress.gov.ph/members/?v=pl.

[6] *Edleman, Paul R*. Philippine Government Structure with a Focus on the Philippine Barangay. Sauk Valley Community College. P. 7. URL: https://www.niu.edu/clas/cseas/_pdf/lesson-plans/fulbright-hays/philippine-political-structure.pdf.

[7] Philippine Political System / Department of Philippines. URL: https://sites.google.com/site/departmentofphilippines/philippine-political-system.

мент, но обладает правом вето при прохождении через Конгресс законопроектов. В экстремальных ситуациях президент имеет право ввести чрезвычайное положение на срок, ограниченный Конгрессом[8].

Второе высшее должностное лицо, вице-президент, также избирается всенародным голосованием. Вице-президент является вторым в очереди, если президент уходит в отставку, подвергается импичменту или умирает при исполнении служебных обязанностей. Вице-президент обычно входит в состав кабинета президента, но не всегда. Если на должности вице-президента появляется вакансия, президент назначает любого члена Конгресса, который обычно является членом партии, новым вице-президентом. Назначение будет подтверждено тремя четвертями голосов Конгресса, голосующих отдельно.

Официальной резиденцией президента и правительства является дворец Малакананг в столице страны Маниле[9].

Судебную ветвь правительства возглавляет Верховный суд, в состав которого входят председатель Верховного суда и 14 помощников судей, все из которых избираются президентом по рекомендации Совета судей и адвокатов и исполняют обязанности до достижения 70-летнего возраста[10]. Апелляционный суд состоит из одного судьи-председателя и 68 младших судей. Эти судьи также назначаются президентом Филиппин по рекомендации Совета судей и адвокатов[11]. Суд, который называется Сандиганбаян, является специальным судом для рассмотрения дел о коррупции государственных чиновников[12]. Этот суд со-

[8] Государственное устройство Филиппин.
[9] Philippine Political System.
[10] Philippine Political System.
[11] *Edleman, Paul R*. Op. cit. P. 7.
[12] Philippine Political System.

стоит из 15 судей, назначаемых президентом по рекомендации Совета судей и адвокатов. Еще ниже по статусу находятся региональные и муниципальные суды. На Филиппинах также существует параллельная система шариатских судов для мусульманского населения страны. Дела, связанные с Кодексом мусульманских личных законов, могут подаваться в шариатский суд. Однако шариатские суды контролируются Апелляционным судом и Верховным судом[13].

Всеобщее избирательное право на Филиппинах доступно для всех граждан с 18-летнего возраста. Избирательная система Филиппин – система смешанного типа, она включает элементы мажоритарной[14] и модифицированной пропорциональной системы[15]. В политической системе Филиппин стабильно сохраняются стереотипы традиционной политической культуры, характерной для данного государства. Сюда относятся клановость в политике, система патерналистских вертикальных связей, кронизм, – все это закономерно негативно сказывается на функционировании избирательной системы страны. Филиппины до сих пор входят в число тех развивающихся стран, для которых характерен стабильно высокий уровень нарушений избирательного закона. Обычным делом здесь являются практика торговли голосами, фальсификации бюллетеней, давление сверху на электорат, вспышки открытого насилия и т.п.

---

[13] *Edleman, Paul R*. Op. cit. P. 8.

[14] Мажоритарная система подразумевает выборы президента и вице-президента, а также сенаторов прямым тайным голосованием общефилиппинского электората.

[15] Элементы последней, такие как принцип пропорционального представительства при голосовании по избирательным округам и партийным спискам, присутствуют на выборах в нижнюю палату парламента.

Органы местной власти, такие как губернаторы провинций, мэры городов, провинциальные законодательные ассамблеи, муниципальные советы формируются на основе той же системы выборов, что и высшие органы власти. На местах введены принципы децентрализованного управления, органам власти предоставлены широкие полномочия в области бюджетной, налоговой политики и т.п. Их деятельность контролируется Конгрессом, который представляет собой источник коррупции и среди конгрессменов, и среди местных лидеров. Следует отметить, что коррумпированность практически всех органов власти на Филиппинах – как высших, так и местных – одна из отличительных черт работы политического управления в стране.

Кроме того, и это еще одна проблем, для Филиппин характерна несформированность многопартийной системы, включающей непрочные конгломераты партий традиционного типа, которые подразумевают объединения вокруг лидеров, а не программ партии[16].

Местные органы самоуправления

Конституция Филиппин, о которой более подробно речь пойдет ниже, в числе прочего закрепляет за органами местной власти довольно обширные законодательные полномочия на уровне провинций, городов, муниципалитетов и барангаев[17]. Местным органам власти на Филиппинах предоставляется довольно обширный круг полномочий и автономной работы, в том числе в сфере законо-

[16] Государственное устройство Филиппин.

[17] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article X / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution/Article10.

творчества, поэтому интересно остановится на этом вопросе подробнее.

Филиппины поделены на 17 регионов[18], которые не обязательно представляют собой политические или административные единицы, подчиняющиеся национальному правительству.

Органы местного самоуправления подразделяются на провинции или высокоурбанизированные города, такие как столица Филиппин Манила, которая не является частью провинции, но отдельной политической единицей. Провинции в свою очередь делятся на муниципалитеты и барангаи[19].

Чтобы административная единица на Филиппинах имела соответствующий административный статус, численность населения на данной территории должна быть: в каждом высокоурбанизированном городе – не менее 200 тыс. жителей, в каждой провинции – не менее 250 тыс. человек. В каждом барангае должно быть не менее 2 тыс. жителей, а в барангаях в крупных городах – не менее 5 тыс. жителей[20].

Как и в американской федеральной системе, каждая единица местного самоуправления является суверенной и имеет свои собственные права и обязанности, но каждая

[18] Highlights of the Population Density of the Philippines 2020 Census of Population and Housing (2020 CPH) / Philippine Statistic Authority. July 23, 2021. URL: https://psa.gov.ph/population-and-housing/node/164857.
[19] Барангай (также иногда барантай) – наименьшая единица административного деления на Филиппинах. В провинции может представлять собой деревню, в городе – отдельный квартал, обычно имеющий зримые границы своего расположения, поскольку ограничен двумя или более воротами, которые запираются на ночь. На воротах также как правило висит табличка с названием данного барангая и временем его «работы», т.е. временным промежутком, когда на территорию барангая можно попасть, не нарушая правил.
[20] *Edleman, Paul R*. Op. cit. P. 8.

местная единица также подчиняется соответствующему высшему правительственному органу. В случае с Филиппинами, цепочка следующая: барангай находится в ведении муниципалитетов, муниципалитеты подчиняются провинции, провинция управляется федеральным правительством. Каждая единица местного самоуправления имеет право на существование, и ее границы не могут быть изменены без проведения плебисцита местным населением. Конституция Филиппин 1987 года ограничивает работу местных должностных лиц сроком до трех лет и не более трех сроков подряд. Должностные лица местного самоуправления выбираются путем голосования в органах местного самоуправления. Каждая единица местного самоуправления имеет право самостоятельно получать доход, который будет использоваться исключительно на нужды соответствующей политической единицы и строго определенной административной территории[21].

Нынешняя система барангаев и местного самоуправления на Филиппинах является результатом революции Власти народа 1986 года, которая свергла режим диктатуры Ф. Маркоса. Последующая Конституция 1987 г. кодифицировала существование единиц местного самоуправления, включая систему барангаев, и предоставила каждой единице определенный уровень автономии. Стремление к децентрализации власти при Корасон Акино, выразившееся в том числе в целях программы развития общества новой администрации (*The Policy Agenda for People Oriented Development*) в некотором смысле стало реакцией на централизацию власти в условиях военного положения при Маркосе[22].

---

[21] *Edleman, Paul R*. Op. cit. P. 8.

[22] *Atienza, Maria Ela L.* Local Government and Devolution in the Philippines // Philippine Politics and Governance. An Introduction. Ed. by Noel M. Morada, Teresa S. Encarnacion Tadem. Department of Political Science, Col-

В Конституции 1987 г. 25 раздел 2 статьи, посвященной основным принципам, гласит: «Государство обеспечивает автономию самоуправлений»[23]. Но кроме того, местному самоуправлению в Конституции посвящена целая статья (статья 10), которая в том числе постулирует, что:

- В мусульманском Минданао и Кордильерах должны быть автономные районы, как это предусмотрено ниже.
- Каждая единица местного самоуправления имеет право создавать свои собственные источники доходов и взимать налоги и сборы в соответствии с такими руководящими принципами и ограничениями, которые может установить Конгресс, в соответствии с основной политикой местной автономии. Такие налоги и сборы должны составлять капитал исключительно органов местного самоуправления.
- Единицы местного самоуправления должны иметь справедливую долю, установленную законом, в национальных налогах, которая автоматически выплачивается им.
- Органы местного самоуправления имеют право на справедливую долю в доходах от использования и развития национального богатства в пределах их соответствующих территорий в порядке, предусмотренном законом, включая разделение их с жителями в качестве прямых выплат.

---

lege of Social Sciences and Philosophy, University of the Philippines. Diliman, Quezon City, 2006. P. 425. URL: https://polisci.upd.edu.ph/philippine-politics-and-governance-full-text/.

[23] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article II / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution/Article2.

- Президент должен обеспечить создание советов регионального развития или других аналогичных органов, состоящих из должностных лиц местных органов власти, руководителей региональных департаментов и других государственных учреждений, а также представителей неправительственных организаций в регионах для целей административной децентрализации с целью усиления автономии их подразделений и для ускорения экономического и социального роста и развития подразделений в регионе[24].

В дальнейшем полномочия и обязанности местных органов власти были дополнительно определены и децентрализованы с принятием Кодекса местного самоуправления 1991 г. с целью получения поддержки со стороны местных властей[25]. Закон 1991 г. был революционным в том плане, что «он отходил от традиции централизации власти в большинстве стран Юго-Восточной Азии»[26]. Как отмечает Атьенза, принятие закона было важно для Филиппин по пяти причинам:

1) он дал местным органам власти контроль над многими основными социальными услугами, такими как здравоохранение и сельское хозяйство;
2) он предоставил местным органам власти право применять многие законы и постановления, включая законы об охране окружающей среды и инспекции пищевых продуктов;

---

[24] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article X..

[25] Republic Act No. 7160. An Act Providing for a Local Government Code of 1991. Government of the Philippines. URL: http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/phi93246.pdf.

[26] *Turner, Mark.* Conclusion: Learning from the Case-Studies // Central-Local Relations in Asia-Pacific: Convergence or Divergence? London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 237. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27711-7.

3) он предоставил местным органам власти право взимать налоги и увеличил долю финансирования от национального правительства местным барангаям;
4) он укрепил местное гражданское общество, предоставив местным политическим единицам возможность создавать местные выборные руководящие собрания, в том числе на уровне барангаев, для управления местным населением и возможности населения голосовать на местном референдуме; и
5) он побуждает органы местного самоуправления к формированию партнерских отношений с частным сектором для содействия развитию на местном уровне[27].

В настоящее время барангай является мельчайшей единицей самоуправления на Филиппинах. Каждый барангай управляется капитаном и собранием барангая, которые выбираются населением барангая. В состав собрания барангая входят 9 членов: 7 членов совета, капитан и председатель местного совета молодежи.

Барангаи ответственны за управление населением и территорией в пределах своих границ. Подобно городскому совету в Соединенных Штатах, собрание барангаев и капитан встречаются на регулярных общественных форумах, чтобы обсудить местные проблемы и законы. Их деятельность может включать выделение средств на дороги и инфраструктурные проекты, оформление запросов на финансирование в вышестоящие муниципальные или провинциальные органы власти, создание бюджета барангая, установление местного комендантского часа, организацию и спонсирование общественных и культурных мероприятий.

Барангаи также важны, потому что они предлагают филиппинцам систему альтернативного правосудия и

[27] *Atienza, Maria Ela L.* Op. Cit. P. 427.

разрешения споров по сравнению с официальной филиппинской судебной системой. Система правосудия барангая, или *Katarungang Pambarangay*, полагается на традиционный метод филиппинского сообщества по разрешению споров. Старейшины и руководство общины выступают посредниками для взаимоприемлемого урегулирования между двумя спорящими сторонами. Истец может подать жалобу в барангай, которую затем рассматривает капитан барангая. Если капитану не удается разрешить спор, к процессу могут быть привлечены взаимно согласованные третьи стороны. Если стороны по-прежнему терпят неудачу в процессе урегулирования, то стороны могут решить обратиться в судебную систему. Преимущество барангайской системы правосудия заключается в том, что она предназначена для создания беспроигрышного решения и может быть быстрее и дешевле, чем классическая судебная система[28].

Особенности филиппинской Конституции 1987 г.

Конституция 1987 г. включает в себя преамбулу и 18 статей, содержащих разделы и переходные положения[29]. По своему общему содержанию, закрепленным принципам и нормам Конституцию 1987 г. следует отнести к одной из самых демократических в конституционной истории Филиппин[30].

---

[28] *Edleman, Paul R*. Op. cit.

[29] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution.

[30] *Bernas, Joaquin G.* The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines: a commentary. 2009 ed. Manila, Philippines: Rex Book Store, 2009 / Цит. по: *Панков А.Н.* Особенности конституционного регулирования организации и деятельности высших органов государственной власти республики Филиппины. Диссертация на соискание ученой степени кандида-

Основные принципы государственной политики содержатся в Конституции в статье 2[31]:

Раздел 1. Филиппины – демократическое республиканское государство. Суверенитет принадлежит народу, и вся государственная власть исходит от него.

Раздел 2. Филиппины отвергают войну как инструмент национальной политики, принимают общепринятые принципы международного права как часть права страны и придерживаются политики мира, равенства, справедливости, свободы, сотрудничества и дружбы со всеми нациями.

Раздел 3. Гражданская власть всегда превыше военной. Вооруженные силы Филиппин – защитники народа и государства. Их цель – обеспечить суверенитет государства и целостность национальной территории.

Раздел 4. Основная обязанность правительства – служить народу и защищать его. Правительство может призывать народ защищать государство, и для выполнения этой задачи от всех граждан может потребоваться в соответствии с условиями, предусмотренными законом, нести личную, военную или гражданскую службу.

Раздел 5. Поддержание мира и порядка, защита жизни, свободы и собственности, а также содействие общему благосостоянию необходимы для того, чтобы все люди могли пользоваться благами демократии.

Раздел 6. Отделение церкви от государства неприкосновенно.

Раздел 7. Государство проводит независимую внешнюю политику. В отношениях с другими государствами

та юридических наук. МГИМО МИД РФ, Москва, 2016. С. 44. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2016/pankov_diss.pdf.

[31] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article II.

первостепенное значение имеют национальный суверенитет, территориальная целостность, национальные интересы и право на самоопределение.

Раздел 8. Филиппины в соответствии с национальными интересами принимают и проводят политику свободы от ядерного оружия на своей территории.

Раздел 9. Государство способствует установлению справедливого и динамичного социального порядка, который обеспечит процветание и независимость нации и освободит людей от бедности посредством политики, которая обеспечивает адекватные социальные услуги, способствует полной занятости, повышению уровня жизни и повышению качества жизни для всех.

Раздел 10. Государство способствует социальной справедливости на всех этапах национального развития.

Раздел 11. Государство ценит достоинство каждого человека и гарантирует полное уважение прав человека.

Раздел 12. Государство признает неприкосновенность семейной жизни и защищает, укрепляет семью как основной автономный социальный институт. Оно в равной степени защищает жизнь матери и жизнь будущего ребенка с момента его зачатия. Естественное и первоочередное право и обязанность родителей воспитывать гражданскую активность и развитие нравственных качеств молодежи должны быть поддержаны Правительством.

Раздел 13. Государство признает жизненно важную роль молодёжи в строительстве нации, поощряет и защищает ее физическое, моральное, духовное, интеллектуальное и социальное благополучие. Оно должно прививать молодёжи патриотизм и национализм,

поощрять участие молодёжи в общественных и гражданских делах.

Раздел 14. Государство признает роль женщин в государственном строительстве и обеспечивает фундаментальное равенство женщин и мужчин перед законом.

Раздел 15. Государство защищает и поощряет право людей на здоровье и прививает им сознательность в отношении собственного здоровья.

Раздел 16. Государство защищает и продвигает право людей на сбалансированную и здоровую экологию в соответствии с ритмом и гармонией природы.

Раздел 17. Государство уделяет приоритетное внимание образованию, науке и технологиям, искусству, культуре и спорту в целях поощрения патриотизма и национализма, ускорения социального прогресса и содействия полному освобождению и развитию человека.

Раздел 18. Государство утверждает, что труд является основной социально-экономической силой. Оно защищает права трудящихся и способствует их благополучию.

Раздел 19. Государство должно развивать самостоятельную и независимую национальную экономику, эффективно контролируемую филиппинцами.

Раздел 20. Государство признает незаменимую роль частного сектора, поощряет частное предпринимательство и предоставляет стимулы для необходимых инвестиций.

Раздел 21. Государство способствует всестороннему развитию села и аграрной реформе.

Раздел 22. Государство признает и поощряет права коренных культурных общин в рамках национального единства и развития.

Раздел 23. Государство поощряет неправительственные, общинные или отраслевые организации, которые способствуют благосостоянию нации.

Раздел 24. Государство признает жизненно важную роль коммуникации и информации в государственном строительстве.

Раздел 25. Государство обеспечивает автономию самоуправлений.

Раздел 26. Государство гарантирует равный доступ к возможностям государственной службы и запрещает политические династии, как это может быть определено законом.

Раздел 27. Государство поддерживает честность и порядочность на государственной службе и принимает позитивные и эффективные меры против взяточничества и коррупции.

Раздел 28. При соблюдении разумных условий, предусмотренных законом, государство принимает и реализует политику полного публичного раскрытия всех своих операций, затрагивающих общественные интересы.

Здесь нужно обратить особое внимание на некоторые разделы, закреплённые в Конституции. Так, раздел 3, постулирующий, что военные силы страны никак и ни при каких обстоятельствах не могут участвовать в политике, очевидно, является прямым результатом событий в истории Филиппин, связанных с периодом правления Фердинанда Маркоса, ознаменовавшимся переходом от демократии к диктатуре и введением военного положения в стране. Важно сказать, что это не был краткий по времени период, поскольку, согласно Прокламации № 1081 воен-

ное положение было объявлено на Филиппинах в 1972 г.[32]. Фактически, это означало, что вооруженным силам Филиппин было предоставлено право целиком и полностью контролировать жизнь филиппинского населения, официально – в целях обеспечения безопасности. Прокламация также заявляла, что действия президента по введению военного положения обоснованы необходимостью «спасти страну» от заговоров правых и левых сил, а также запуском программы по реформированию общества в связи с провалом идеи американской демократии на филиппинской территории. Приходится признать, что как показали дальнейшие события, эти оправдания власти не выдерживали критики, так как о реально удавшемся реформировании общества речь не идет, а постулат о заговорах и протестах, от которых нужно было «спасать» Филиппины наглядно иллюстрирует, по сути, стремление Ф. Маркоса к дальнейшему укреплению и централизации власти, но не более того. Только 8 лет спустя, 17 января 1981 г. официально Прокламацией № 2045 Фердинанд Маркос отменил военное положение. Примечательно, что текст Прокламации при этом целиком и полностью посвящен тем успехам и достижениям, которых государство добилось за годы военного положения, как в политическом, так и в экономическом смысле[33], и при этом умалчивает о масштабах тех нарушений прав человека, в том числе порожденных действиями военных сил, которые имели место быть за это время. К тому же, нельзя сказать, что, отменив

[32] Proclamation No. 1081, s. 1972. Proclaiming a state of martial law in the Philippines. Malacañang, Manila / Official Gazette. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/1972/09/21/proclamation-no-1081/.
[33] Proclamation No. 2045, s. 1981. Proclaiming the termination of the state of martial law throughout the Philippines. Malacañan Palace, Manila / Official Gazette. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/1981/01/17/proclamation-no-2045-s-1981/.

военное положение, президент Маркос в одночасье лишился всей полноты власти. На самом деле приходится говорить о том, что вплоть до Революции власти народа, произошедшей в 1986 г. и свергшей правительство Маркоса, Филиппины находились по-прежнему в тисках диктатуры.

Здесь занимательна и такая деталь: чтобы максимально исключить участие военных сил в политике и их влияние на принятие решений, важных на национальном уровне, Палатой представителей во время 15-го заседания Конгресса в 2010 г. был принят Закон № 2981, согласно которому «вооруженные силы должны быть изолированы от партийной политики. Ни один военнослужащий не может прямо или косвенно участвовать в какой-либо партийной политической деятельности, кроме как голосовать». Участие вооруженных сил в политике, а точнее в избирательном процессе в ходе выборов по данному закону сводилось к следующему: «Ни в коем случае ни одно подразделение или представитель Вооруженных сил Филиппин (ВСФ) не может быть ответственным лицом в деятельности, связанной с обработкой и вскрытием ящиков для голосования; подсчетом голосов, предвыборной агитацией голосов; или же произнесением речей во время любого избирательного процесса. В случае если подразделение или отдельный член ВСФ будет задействован в транспортировке бюллетеней, его роль должна ограничиваться обеспечением безопасности персонала избирательного процесса, которому поручено перевозить эти бюллетени, и целостности атрибутики выборного процесса». Закон охватывал все виды выборов: национальные, региональные и местные, и, кроме того, включал сюда же референдумы, плебисциты и народные инициативы[34].

[34] House Bill No 2981. Fifteenth Congress. First Regular Session. House of Representatives. URL: https://hrep-website.s3.ap-southeast-1.amazonaws.com/legisdocs/basic_15/HB02981.pdf.

Еще два раздела Конституции – 7 и 8 – также заслуживают отдельного внимания, поскольку то, как они сформулированы, отражает явно насущную идею независимости Филиппины как политической единицы. Тот факт, что в уже послеиспанский период своей истории, Филиппины оказались сперва вновь в положении колонии, только теперь уже колонии США, затем, в годы Второй мировой войны – под гнетом оккупации Японии, и даже получив независимость в 1946 г. оставались сильно зависимыми от США и вынуждены были согласовывать свою политику со своим главным партнером Западного мира, безусловно, сыграл свою роль. Стремление максимально дистанцироваться от навязываемых Штатами политических курсов и демократических норм, хорошо прослеживается в этих двух разделах.

Последние 2 раздела – 11 и 27 – выделенные автором главы для анализа, интересны с другой точки зрения. Сами по себе они постулируют правильные и полезные для общества идеи, однако, в силу исторического развития и азиатской специфики, это те принципы, которые слишком часто нарушаются, и, по сути, не выполняются на Филиппинах, особенно, что касается коррупции и взяточничества. Не секрет, что коррумпированность всех уровней власти, элитизм, кронизм и династическая преемственность в делах управления страной – являются неотъемлемой чертой филиппинской политической системы. Что касается нарушений прав человека, то мы видим, что, к сожалению, оно также периодически имеет место быть на филиппинской земле. Яркий тому пример последних лет – внутриполитический курс президента Родриго Дутерте по борьбе с наркотиками. Гибель множества людей – самое ужасное и непосредственное последствие данной политики. Но война с наркотиками сама по себе является признаком того, что правительство Филиппин отка-

залось от ответственности по защите прав человека и уважению верховенства закона. Внесудебные убийства нарушают как Конституцию Филиппин, так и Международный пакт о гражданских и политических правах (подписан Филиппинами), особенно положения, касающиеся презумпции невиновности и соблюдения надлежащей правовой процедуры[35]. Репутация правительства Дутерте в области прав человека и демократии, несомненно, вызывает беспокойство. Он грубо попирает права человека, своих политических оппонентов и демократические институты страны. Сочетание мощного института президентской власти на Филиппинах и гибкости большинства их политических институтов приводит к значительному откату от демократии[36].

Еще одна деталь, обусловленная наличием на Филиппинах автономных регионов на южных островах Минданао и Кордильера – это разделы 15–21 в 10-й статье Конституции, в которых подробно прописаны законодательные основания для жизни и развития данных автономий, которые действуют на основе специальных органических актов, принимаемых Конгрессом Филиппин. Такие законы касаются мер и деятельности в автономных регионах по следующим важным направлениям жизни: организация новых административных единиц; создание источников доходов; вопросы исконных территорий и природных ресурсов; личные, семейные и имущественные отношения; развитие регионального, городского и сельского планирования; экономическое, социальное и туристическое развитие; образовательная политика; сохранение и разви-

[35] *Timberman, David G.* Philippine Politics Under Duterte: A Midterm Assessment / Carnegie Endowment for International Peace. January 10, 2019. URL: https://carnegieendowment.org/2019/01/10/philippine-politics-under-duterte-midterm-assessment-pub-78091.

[36] *Timberman, David G.* Op. cit.

тие культурного наследия; и другие подобные вопросы, которые могут быть разрешены при помощи закона для содействия общему благосостоянию жителей региона[37]. При этом дело сохранения безопасности и обеспечения защиты автономных регионов находится в руках национального правительства и является его прямой обязанностью.

Таковые основные отличительные черты филиппинской Конституции.

Невозможно охватить необъятное, и, хотя, безусловно, можно было бы еще подробнее остановиться на основном законе Филиппинской республики, в рамках одной главы это было бы безосновательно. К тому же, недавний диссертационный труд исследователя из МГИМО А.Н. Панкова, очень полно и подробно охватывает все вопросы, связанные с конституционным регулированием на Филиппинах. И здесь, подводя итоги и давая обобщающую характеристику, хотелось бы процитировать Артура Нодаровича, который пишет, что: «Конституция 1987 г., в отличие от предыдущих основных законов[38], имеет значительно больший национальный характер и содержит меньше черт и принципов, заимствованных из американского конституционного права. Конституция Республики Филиппины 1987 года устанавливает сильную президентскую власть»[39]. И это действительно так. Пожалуй, главным отличием и самой Конституции, и реализации идей демократии на филиппинских островных просторах от, скажем, американского случая, является более высокая

[37] The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article X.

[38] О более ранних конституциях на Филиппинах см. статью: *Панков А.Н.* Конституционно-правовое развитие республики Филиппины // Вестник МГИМО-Университета. 2013; № 4 (31). С 275–281. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1306/1047; https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-275-281.

[39] *Панков А.Н.* Особенности конституционного регулирования… С. 56–57.

степень концентрации власти в руках главы государства. Как пишет Панков, «президент, глава исполнительной власти, обладает широкими полномочиями. Конституционными положениями подробно определен статус президента, порядок избрания, отстранения от должности, механизм переизбрания, порядок досрочной отставки и т.д. президент формирует правительство, его члены ответственны индивидуально перед президентом, у парламента отсутствует право на выражение вотума недоверия правительству, президент обладает правом вето, правом законодательной инициативы»[40].

Демократия на Филиппинах

Либеральная демократия, привнесенная и насаждавшаяся Соединенными Штатами в период американской колонизации Филиппин (1898–1946 гг.), вынуждена была бороться за то, чтобы прочно укорениться в стране. Существует ряд причин, почему демократия по американскому образцу так трудно и долго приживалась (и в целом до конца так и не прижилась) на Филиппинах, это: 1) культурные факторы (сила семейных и клиенталистских связей); 2) религиозные верования (католический фатализм); 3) колониальное наследие (расширение прав и возможностей землевладельческой элиты, проведенное США); 4) социально-экономические условия (хроническая бедность и неравенство населения); 5) институциональные факторы (президентская система с выборами по принципу «победитель получает все»).

Демократии на Филиппинах начиная с получения страной независимости в 1946 г. приходилось сталкиваться с конкурированием между элитами и их алчностью, несовершенством политики в области экономики, плохим гос-

[40] *Панков А.Н.* Особенности конституционного регулирования... С. 57.

ударственным управлением и вооруженными мятежами. С 1972 по 1986 г. Филиппины существовали в состоянии диктатуры и военного положения, и, конечно, в этот период ни о какой действительной демократии не могло быть и речи. Возвращение к демократии после революции Власти народа в феврале 1986 г. привело к восстановлению многих институциональных особенности и реанимированию политических элит, занимавших влиятельные позиции до введения военного положения Ф. Маркосом. Но на самом деле возвращения к демократии в ее американском понимании, не произошло, особенно если говорить о том, как работает политическая система на Филиппинах. Изменились и само филиппинское общество, и государство, и методы политической конкуренции.

С самого начала, еще с 1935 г., когда Филиппины были в статусе полу-автономии, и фактически управлялись США, поведение президентов и других влиятельных политических и экономических элит сильно повлияло на качество демократической политики и управления в стране. Уже тогда начали складываться главные черты политической системы Филиппин. Во-первых, это сильная президентская власть, имеющая большие возможности в управлении бюджетами и в назначении «нужных» людей на должности, в рамках демократии стремящаяся к авторитаризму. Именно президент формирует направление политики и нормы управления в стране. В-вторых, это изначально слабые политические партии, внутренне разрозненные и не имеющие своей собственной идеологии или хотя бы программы, а концентрирующиеся вокруг своего патрона. В-третьих, сильное влияние на демократию на Филиппинах оказывает следующий парадокс: тогда как президентский срок ограничен 6 годами, без возможности баллотироваться снова, и, соответственно, власть и возможности отдельных президентов также преходящи и

ограничены, политическая и экономическая элита страны, представленная влиятельными и богатыми семьями, такими как Маркосы, Кованко, Акино или Аяла, сохраняют свое влияние и активно участвуют в политике и экономике страны с выгодных им позиций на протяжении десятилетий, и продемонстрировали примечательную долговечность и приспособляемость. Они оказывают мощное влияние на выборы, законодательство, разработку политики, регулирующие органы, юриспруденцию и распределение государственных ресурсов[41].

На протяжении десятилетий эти элиты препятствовали развитию сильного государства, ограничивая финансовую базу правительства, коррумпируя или запугивая бюрократию. Они тормозили и искажали развитие филиппинской экономики, отдавая предпочтение защите собственных экономических интересов в противовес свободной рыночной конкуренции, а также препятствовали вхождению на филиппинский рынок иностранных игроков, медленно и неохотно допуская их в страну. Поскольку элиты доминируют в законодательных и политических процессах, сменявшие друг друга правительства не смогли принять и реализовать социально-экономическую политику, направленную на удовлетворение потребностей бедных слоёв населения и среднего класса. Коэффициент Джини на Филиппинах по последним данным 2021 г. равен 42,3%, выше среднего показателя в 35,4%[42], что ставит Филиппины в ряд с другими странами с высоким уровнем неравноправия. И несмотря на стабильный рост экономики в среднем на 6–6,5% в год в последнее десятилетие, уро-

[41] *Timberman, David G.* Op. cit.

[42] Gini Coefficient by Country 2021. World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country.

вень бедности на Филиппинах остается достаточно высоким – 16,7% по данным 2018 г.[43].

В связи с чем средний класс на Филиппинах составляет всего 11%, согласно данным Всемирного банка, и 69% его представителей живут в высокоурбанизированных районах, преимущественно в столице и столичном регионе[44]. По данным филиппинских экспертов и официальной статистики эти показатели значительно выше. Так, по состоянию на 2015 г. почти половина (46,8%) домохозяйств входила в средний класс, в то время как чуть более половины (50,9%) домохозяйств принадлежали к классу с низкими доходами, и гораздо меньшая доля (2,3%) домохозяйств относились к классу с высоким уровнем дохода. Примерно двое из пяти (40,5%) филиппинцев в 2015 году принадлежали к среднему классу, почти три пятых (58,1%) населения – к классу с низким уровнем дохода, а оставшаяся часть (1,4%) – к классу с высоким уровнем дохода. С 1991 по 2015 гг. – 23,4 миллиона филиппинцев присоединились к среднему классу, причем доля среднего класса увеличилась на 12,3 процентных пункта с 28,5% до 40,8%. Однако в 2006–2015 гг. распределение доходов практически не изменилось, так как доля населения среднего класса увеличилась всего на 1,4% с 39,1% в 2006 году до 40,5% в 2015 году, несмотря на устойчивый экономический рост в этот период[45]. То есть мы видим, что даже согласно офи-

[43] Poverty Data: Philippines/ Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/countries/philippines/poverty.
[44] The Filipino Middle Class. Infographic / The World Bank. October 19, 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2020/10/19/philippines-the-filipino-middle-class.
[45] *Jose Ramon G. Albert, Angelo Gabrielle F. Santos, Jana Flor V. Vizmanos.* Unmasking the Middle-class: Profile and Determinants / Philippine Statistics Authority. P. 5. URL: https://psa.gov.ph/sites/default/files/1.1.3%20Unmasking%20the%20Middle%20Class%20in%20the%20Philippines%20Aspirations%2C%20Lifestyles%2C%20and%20Prospects%20for%

циальным данным, средний класс на Филиппинах, даже если формально является более значительным, все еще остается в крайне нестабильном, незащищенном состоянии. Фактически это значит, что одно и тоже домохозяйство не может гарантированно попадать в средний класс из года в год, поскольку нельзя говорить о стабильности доходов, в то время как наблюдается рост цен и уровня инфляции.

Соответственно, политика элит, направленная исключительно на защиту и продвижение своих интересов, опосредовано, через сильное давление на органы власти на всех уровнях, приводит к тому, что на протяжении многих лет Филиппины не могут решить самые насущные проблемы своего общества: повысить уровень жизни и благосостояние населения. Так, недемократические методы управления выливаются в национальное бедствие.

Можно со всем основанием сказать, что к Филиппинам применим термин «отступление от демократии», который Эллен Ласт и Дэвид Уолднер в своем исследовании 2015 г. определяли как «изменение сочетания конкурентных избирательных процедур, гражданских и политических свобод и подотчетности, и это отступление происходит через серию дискретных изменений в правилах и неформальных процедурах, которые определяют эти выборы, права и подотчетность. Эти дискретные изменения происходят во времени, занимающем месяцы или даже годы, и конечный результат не предопределен: отступление может привести к краху демократии, а может и не

20Sustainable%20Consumption.pdf; *Jose Ramon G. Albert, Angelo Gabrielle F. Santos, Jana Flor V. Vizmanos.* Defining and Profiling the Middle Class // Policy Notes. No. 2018-18 (December 2018). Philippine Institute for Development Studies. URL: https://pidswebs.pids.gov.ph/cdn/publications/pidspn1818.pdf.

привести, и может произойти как в демократических, так и в авторитарных режимах»[46].

При этом нужно отметить, что сами филиппинцы стремятся к демократии, приветствуют ее блага и возможности (в первую очередь права и свободы), которые она предоставляет. Подтверждением может служить результат опроса общественного мнения от *Social Weather Stations* (*SWS*), проведенного в сентябре (третий квартал) 2018 г. Полученные данные показали, что 84% населения довольны тем, как реализуется идея демократии в стране, а 59% всегда предпочитали демократию любому другому политическому режиму[47]. Опросы населения также всегда показывали высокую степень удовлетворения работой демократических институтов, таких как Сенат, Палата представителей и Верховный суд.

Так что же, при общем стремлении общества к демократии, делает Филиппины предрасположенными к отступлению от оной? Это следующие факторы:

1. *Социально-экономические условия*. Сильное неравенство общества, неравномерное распределение выгод от экономического роста и очевидное ощущение незащищенности и уязвимости, которое преследует средний класс, могут сделать бедных и средний класс восприимчивыми к обещаниям простых и

[46] *Lust Ellen, Waldner David.* Theories of Democratic Change: Phase 1: Theories of Democratic Backsliding. USAID. May 13, 2015. P. 2. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/2496/Theories%20of%20Democratic%20Change%20Phase%201--Democratic%20Backsliding.pdf.

[47] Third Quarter 2018 Social Weather Survey: 84% are satisfied with the way democracy works; 59% always prefer democracy to any other kind of government / Social Weather Stations. October 4, 2018. URL: https://www.sws.org.ph/swsmain/artcldisppage/?artcsyscode=ART-20181004232016.

быстрых решений, даже если эти решения противоречат нормам демократии.

2. *Сильная президентская власть и слабые институты*. Сочетание сильной президентской власти и в целом слабых и податливых политических институтов дает президенту широкую свободу действий. Именно президент задает тон политике, и если он, очевидно, показывает неуважение и пренебрежение демократическими нормами и институтами, то и прочие политические деятели и органы власти вольно или невольно будут следовать его примеру.
3. *Несогласованность коллективных действий*. Это в первую очередь имеет отношение к политическим партиям и организациям гражданского общества. На Филиппинах партии крайне слабы и на сегодняшний день не могут выдвинуть в качестве альтернативы или оппозиции существующей власти сильных лидеров или идеологий. Несмотря на достаточно активное гражданское общество, как показал опыт во многом не демократичного правления Р. Дутерте, филиппинцы как социально активная единица пока недостаточно эффективны, чтобы оказывать действенное противодействие таким политикам и их методам.
4. *Смена поколений*. Как это ни парадоксально, но для сохранения и поддержания норм демократии достаточно большое значение может иметь, в том числе, коллективная память народа. Однако со временем число тех, кто непосредственно пережил ужасы авторитаризма, в данном случае – при Ф. Маркосе, сокращается, а более молодые поколения становятся все менее и менее восприимчивы к этой части филиппинской истории. Для них на первый план выходят разочарования и неудовлетворение от тридцати-

летней эпохи элитной демократии. Как итог, большинство филиппинцев в возрасте до 45 лет с вероятностью будут в меньшей степени и с меньшим рвением защищать демократические свободы и институты.

К тому же, и это также характерное свойство филиппинской демократии, каждый новый президент на своем посту мало делает для того, чтобы решить проблему засилья элитарных групп в политике, с крони и семьями элиты не борются, а наоборот – опираются на них, так что от президента к президенту меняется только семья, которая оказывается приближена к самой верхушке власти. При Дутерте эта тенденция сохраняется. Единственные семьи элит, с которыми он боролся, были те, кто представлял для него самого и его политического курса реальную опасность. Кроме того, в период правления Дутерте прозвенел еще один тревожный звоночек – произошел явный перевес в сторону персоналистического лидерства: президентство Дутерте связано с ним самим, а не с политическими институтами.

Что ждет филиппинскую демократию в будущем? С вероятностью борьба между существующими элитами и их персональными интересами и общественными группами, нацеленными на реформирование системы управления, на более четкое внедрение и реализацию демократических норм на Филиппинах, продолжится. Сейчас, когда президентский срок Дутерте подходит к концу, крайне важно будет, какой политический курс изберет будущий президент страны, кто это будет, насколько этот политик, избранный народом будет разделять и применять на практике привычные методы ведения политики на Филиппинах. Маловероятно, что в ближайшее время произойдут какие-либо кардинальные изменения, но если политик, который займет пост президента, будет хотя бы не сторонником Дутерте, то постепенное восстановление

системы сдержек и противовесов, признание того ущерба, который был нанесен демократии за время правления Родриго Дутерте, и соответственно, «работа над ошибками» возможно смогут помочь хотя бы отчасти отойти от курса отступления от демократии.

Отличительные черты партийной системы на Филиппинах

По недавним данным на Филиппинах зарегистрировано в общей сложности порядка 169 политических партий, которые одобрены Комиссией по выборам (*the Commission on Elections or Comelec*) и перечислены на их официальном сайте. Сюда входят все крупные и мелкие партии, как национального, так и местного уровня, включая партийные списки[48]. Приведем некоторые интересные факты.

За 5 предвыборных кампаний в период с 1992 по 2016 г. существовало 18 партий, выдвинувших кандидатов в президенты (плюс 3 независимых кандидата); 19 из 24 на данный момент членов Высшей палаты парламента разбросаны по 8-ми различным партиям; в 1998–2016 гг. в среднем около 104 организаций участвовали в выборах, согласно партийным спискам; среднее количество выигравших на выборах партий превышает 25; всего за три года выборов с 2001 г. кандидаты в мэры города баллотировались под 202 партийными знаменами, а избранные политики являются представителями 101 партии[49]. Так как же это все возможно?

[48] Who to Vote For? Get To Know the Political Parties in the Philippines / By Pauline Macaraeg. Esquire. January 27, 2019. URL: https://www.esquiremag.ph/politics/news/political-parties-in-the-philippines-a00287-20190127-lfrm.

[49] Strong Patronage, Weak Parties: The Case for Electoral System Redesign in the Philippines. Asia Foundation. URL: https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/02/Strong-Patronage-Weak-Parties-Briefer.pdf.

Основные характеристики партийной системы на Филиппинах складывались еще на заре первой условной независимости, когда страна вышла из-под гнета испанской метрополии, и во многом эти характеристики базируются на тех сугубо личностных и патерналистских принципах взаимодействия общества, которые складывались еще до колонизации Филиппин испанцами, и впоследствии поддерживались ими. Еще в 1967 г. Карл Ланд[50] писал о ярко выраженных особенностях политических партий того времени, и некоторые из этих особенностей, несмотря на тот факт, что в нынешних реалиях на Филиппинах куда больше 2-х партий, актуальны до сих пор. Это, например, и *слабая интегрированность внутри партий*, и *политика «перебежчиков»*, которая подразумевает смену сторон членами партии.

Ланд пишет: «Этот факт (слабая интегрированность партий – *прим. авт.*) демонстрируется большим числом "мятежных кандидатов", которые баллотируются на официальные должности. Это такие члены партий, которые не смогли добиться статуса "официальных кандидатов" от своих партий, но которые тем не менее выдвигаются на должности несмотря на тот факт, что их действия приводят к поражению официальных кандидатов их партий, которые в ином случае могли бы оказаться в победителях. В ходе предвыборной кампании слабость партийного единства также проявляется в существовании множества договоренностей о взаимопомощи между кандидатами от противоположных партий, баллотирующимися на разные должности. После выборов недостаток партийной соли-

[50] *Lande, Carl H.* The Philippine Political Party System // Southeast Asian History Journal. No. 5. (March). International Studies Center for East Asian Studies. The University of Kansas. Lawrence, Kansas, 1967. URL: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/1186/CEAS.1967.n5.pdf;jsessionid=A8D479732735367FDDC7071410CD7A20?sequence=1.

дарности может наблюдаться уже в Конгрессе, где случаи, когда члены одной партии единогласно голосуют за законопроекты, скорее являются исключением, нежели правилом»[51].

Что касается «перебежчиков», то тенденция к частым сменам партий обусловлена тем, что политики стремятся оставаться на стороне власть имущих, тех, кто уже гарантировано выиграет на ближайших выборах. Зачастую, и электорат легко изменяет свои предпочтения, от раза к разу отдавая свои голоса за разные партии, и этот фактор дополнительно подталкивает политиков к смене партии, чтобы иметь максимальную поддержку граждан. Феномен смены партий получил в филиппинской политике название синдром «политической бабочки»[52], красочное описание, очевидно призванное подчеркнуть, что политики здесь как бабочки – «порхают» то там, то тут, каждый новый день – на новом месте.

Еще одной отличительной чертой филиппинской партийной системы является *фракционность*[53] *партий*. Фактически, это следующая ступень после смены партий, которая закономерно приводит не просто к потере одной партией части своих членов, но к раздробленности, дроблению партий на отдельные части. Яркий пример такого явления: в колониальную эпоху старейшая партия в стране (основана в 1907 г.) – Национальная партия (*the*

---

[51] *Lande, Carl H.* Op. cit. P. 21–22.

[52] Political Parties – What We Have / By Lito Monico C. Lorenzana. The Manila Times. July 14, 2021. URL: https://www.manilatimes.net/2021/07/14/opinion/columns/political-parties-what-we-have/1806897.

[53] Фракционность «понимается как взаимодействие коллективных участников внутри партий, конкурирующих за ресурсы власти». / *Chambers P., Ufen A.* Causes, Effects and Forms of Factionalism in Southeast Asia // Journal of Current Southeast Asian Affairs. No 39 (1). SAGE Journals, 2020. P. 3–16. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1868103420916044 doi:10.1177/1868103420916044.

Nacionalista Party – NP) дважды раскалывалась на 2 фракции – в 1922 и в 1933 гг. Затем в 1946 г. из одной из фракций Национальной партии образовалась Либеральная партия (*the Liberal Party – LP*). И в дальнейшем фракционные деления обеих партий продолжались на протяжении 25 лет существования двухпартийной системы в поствоенный период.

Кратко историю развития партийной системы на Филиппинах хорошо иллюстрирует следующая цитата: «Система политических партий Филиппин произошла от фракций элиты. Конкуренция между элитами, в свою очередь, ранее провоцировалась местными политическими кланами, являющимися крупными землевладельцами, которые сформировали "кирпичики" филиппинской партийной политики. Позже преобразования в политической экономике страны повлияли на характер фракционного руководства в основных партиях. Авторитарный период при диктатуре Фердинанда Маркоса нарушил основанную на элите фракционную конкуренцию внутри партий, позволив "безземельным" политикам мобилизовать свои политические силы внутри и за пределами доминирующей партии диктатора. С тех пор множество партий было организовано в ходе раскола и слияния политических фракций, которые сформировали многопартийную систему в пост-авторитарный период»[54]. При этом Филиппины стали свидетелями существования 4-х видов партийной системы с разными уровнями институализации: 1) системы с преобладающим влиянием 1-й партии в годы американского господства (1900–1935); 2) формальной двухпартийной системы в годы послевоенной респуб-

[54] *Teehankee, JC.* Factional Dynamics in Philippine Party Politics, 1900–2019 // Journal of Current Southeast Asian Affairs. Volume 39. Issue 1. SAGE Journals, 2020. P. 98–123. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1868103420913404. https://doi.org/10.1177/1868103420913404.

лики (1946–1972); 3) доминирования единственной партии в политике в период авторитарной диктатуры Маркоса (1978–1986); 4) нынешней многопартийной системы (с 1987 г.)[55]. Но несмотря на разноплановость партийных систем в различные периоды истории страны, внутрипартийная фракционность неизменно оставалась ярко выраженной чертой партийной политики, и с течением времени только усложнилась: число фракций увеличилось в ходе развития партийной системы, в то время как уровень партийной институализации остается сравнительно низким[56].

За счет чего сохраняется низкий уровень институализации партий? Введение политических партий и выборов в качестве институциональных механизмов отбора представителей в законодательные органы открыло путь для развития связей между местными политическими кланами на национальном уровне. Зависимость политиков национального уровня (то есть президента и сенаторов) от фракций местных политических кланов как каналов для клиенталистских обменов стала серьезным препятствием для институционализации политических партий[57]. Следовательно, «едва ли будучи стабильными программными образованиями [филиппинские политические партии] на практике оказались не более чем удобными

[55] *Tancangco, L.* The Electoral System and Political Parties in the Philippines // De Guzman R., Reforma M. (eds). Government and Politics of the Philippines. Singapore: Oxford University Press, 1988. Pp. 87–88.

[56] *Hicken, A.* Party and Party System Institutionalization in the Philippines // Hicken A., Kuhonta EM. (eds). Party System Institutionalization in Asia: Democracies, Autocracies, and the Shadows of the Past. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 307–327 / Cit. on: *Teehankee, JC.* Factional Dynamics…

[57] *Teehankee, JC.* House of Clans: Political Dynasties in the Legislature // *Thompson, MR., Batalla, EVC.* (eds) Routledge Handbook of the Contemporary Philippines. London and New York: Routledge, 2018. P. 87.

механизмами покровительства, которые могут быть созданы, объединены с другими, разделены, возрождены, низвергнуты, воссозданы, переименованы, переупакованы, переработаны или смыты в унитаз в любое время»[58].

И, наконец, еще одна характерная особенность партийной системы Филиппин, которая заслуживает упоминания – это *слабая поляризация политики*. В стране имеется некоторый потенциал к поляризации: филиппинцы могут расходится во мнениях по поводу основных ценностей, таких как демократия или религия, Филиппинам свойственно этнолингвистическое и региональное разнообразие, здесь сильно выражено социальное неравенство общества. Однако, в отличие от сильно поляризованных стран, таких как Соединенные Штаты, эти идеологические, религиозные и социально-экономические противоречия не пересекаются. Политическое соперничество по-прежнему основывается в большей степени на личностях политиков и фракциях, а не на идеологии или идентичности[59]. Из-за своей системы клиенталистских связей, которые приводят к четкой взаимосвязи между получением политиками поддержки и достижением ими власти с последующей «раздачей слонов» своим сторонникам, в конце 1990-х гг. Альфред МакКой, один из ведущих специалистов по Филиппинам, ввел специальный термин – «анархия семей» – чтобы характеризовать систему, в которой баснословно богатые кланы использую патронаж ради доминирования в политике и в государстве[60]. Закономерно, что при такой

[58] *Quimpo, NG.* Contested Democracy and the Left in the Philippines After Marcos. Quezon City: Ateneo de Manila University, 2008. P. 128.
[59] *Kenny, Paul D.* Why Is There No Political Polarization in the Philippines? / Carnegie Endowment for International Peace. August 18, 2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/08/18/why-is-there-no-political-polarization-in-philippines-pub-82439.
[60] *McCoy, Alfred W.* ed. An Anarchy of Families: State and Family in the Philippines. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1998.

системе, выборы превращались в соревнование олигархических кланов, где победители должны были распределять часть полученных благ между своими сторонниками – представителями бедноты, проживающей в основном в провинциальных районах.

Рост среднего класса и насыщенность средств массовой информации несколько изменили эту модель за последние 20 лет, но несколько богатых кланов по-прежнему присутствуют в политике Филиппин и оказывают непропорционально большое влияние, особенно на более локальных уровнях. Политика, как и прежде остается прерогативой исключительно высшего класса общества (в финансовом смысле высшего), а неравенство общества сохраняется практически без изменений. В этой системе, основанной на патронаже, партийные бренды и лояльность своей партии имеют ничтожное значение. После президентских выборов многие члены Конгресса часто переходят на сторону победителя, а некоторые из самых известных президентов страны, в том числе Рамон Магсасай и Фердинанд Маркос, перешли из одной партии в другую, чтобы выиграть выборы[61].

Соответственно, можно сделать неутешительное заключение: партийная поляризация на Филиппинах практически отсутствует, партии – всегда были и до сих пор остаются лишь ширмой, второстепенными игроками или вовсе пешками в политике Филиппин. Только небольшие партии крайне левого толка придерживаются четко определенной идеологии. Все крупнейшие так называемые партии вместо этого являются электоральными платформами олигархических кланов. Например, Партия националистов является движущей силой Мануэля Вильяра (второго по уровню дохода человек на Филиппинах), Пар-

[61] *Kenny, Paul D*. Op. cit.

тия национального единства «кормится с рук» Энрике Расона (пятого по уровню богатства человека в стране), а Народная коалиция националистов целиком и полностью зависит от Эдуардо Кованко-младшего (четырнадцатое место в списке самых богатых людей страны)[62].

И хотя поляризация политики и общества может измеряться еще двумя другими способами[63], в этом виде она также или не сформировалась на Филиппинах, или присутствует в едва зачаточном состоянии. Несмотря на то, что существование регионального и социально-экономического неравенства подталкивает Филиппины к формированию поляризации, то, как политические партии или фракции структурируются вокруг видных местных и национальных олигархов и знаменитостей, как правило, препятствует развитию политических блоков, в которых пересекались бы многочисленные существенные разногласия. Из-за отсутствия устойчивой политической идентичности судьба любой национальной администрации в значительной степени зависит от ее деятельности, поскольку филиппинцы неоднократно демонстрировали свою готовность выступить против некогда популярных лидеров[64].

Это подводит нас к следующему выводу: все вышеперечисленные факторы формируют общую слабость политических партий на Филиппинах. Но кроме того слабость партий обусловлена и некоторым набором условно «технических» моментов организации политической системы и системы выборов, которая иллюстрирует взаимоотношения между кандидатами и их партиями. В ныне существующей системе эти отношения могут быть описа-

[62] *Rood, Steven.* The Philippines: What Everyone Needs to Know. New York: Oxford University Press, 2019. P. 126–127.
[63] *Kenny, Paul D.* Op. cit.
[64] *Kenny, Paul D.* Op. cit.

ны кратким утверждением: партии вынуждены бороться за то, чтобы дисциплинировать своих членов, призывать их постоянно к порядку. Следующие несколько примеров хорошо иллюстрируют, что имеется в виду.

- «Во-первых, многомандатная система с участием многих членов, используемая для избрания 14 000 из 18 000 должностных лиц на Филиппинах (в Сенат, а также в советы на провинциальном, городском и муниципальном уровнях). Эта система гарантирует высокий уровень внутрипартийной конкуренции, что является верным способом построения политической системы, ориентированной на кандидатов, а не на партию.
- Во-вторых, президент и вице-президент (а также губернаторы / вице-губернаторы и мэры / вице-мэры) избираются отдельно, а не в рамках единого списка. Это разделение очень редко встречается на международном уровне, поскольку оно открывает возможность (часто реализуемую) для двух высших должностных лиц страны (а также провинции, города и муниципалитета) представлять разные политические партии. И снова это способствует формированию политического строя, ориентированного на кандидатов, а не на партии.
- В-третьих, наиболее странным компонентом филиппинской избирательной системы, который, по-видимому, больше нигде не встречается, является система партийных списков (the Party List System or PLS). Его трехместный потолок не только нарушает принцип соразмерности, но и ведет к увеличению числа небольших и неэффективных партий. Это еще

больше усугубляет слабость и непоследовательность филиппинской партийной системы»[65].

Слабость партийной системы порождает важное следствие – в силу того, что в идеале демократия есть правление народа и для народа, а партии являются непосредственными представителями народа, так, сказать, несут волю народа в политику, без действенной партийной системы, которая бы способствовала прогрессу и развитию общества в целом, настоящая демократия существовать и функционировать не способна. Однако, ситуация в филиппинской политике, равно как и условия, в которых работают филиппинские политические институты, приводят к тому, что политические партии своей деятельностью скорее вредят и препятствуют развитию, нежели способствуют ему. Вот как определяют работу политических партий сами филиппинцы: «Одним из основных факторов, делающих наши политические партии слабыми, является зависимость политических партий от личностей, а не от проблем и политических платформ. Традиционные политики используют политические партии только в качестве финансовых инструментов для победы на выборах. Отсутствует партийная лояльность, равно как и приверженность партийным идеологическим принципам, платформам и программам. Можно утверждать, что в стране отсутствует реальная и демократическая партийная система»[66].

Происходит это в том числе потому, что все политические партии на Филиппинах структурно строятся таким образом, что полностью зависят от патрона (т.е. от дей-

[65] Strong patronage, weak parties.
[66] Building the Philippine Political Party System. Office of the Ombudsman. P. 1. URL: https://www.ombudsman.gov.ph/UNDP4/wp-content/uploads/2013/03/KP4.-Primer-1-Building-the-Philippine-Political-Party-System.pdf.

ствующего президента), который обеспечивает их финансированием, принимает практически все решения, которые изначально должны исходить от партий, а исполнительные комитеты полнятся сторонниками партии. Феноменально, но факт – у партий нет своих офисов, и они не ведут никакую деятельность – не проводят собраний, не обсуждают никаких вопросов – в течение года, т.е. функционируют исключительно во время предвыборной кампании и выборов.

«У политических партий на Филиппинах нет однозначно последовательного набора убеждений, который отличал бы одну партию от другой; в лучшем случае они предлагают электорату готовые лозунги и общие фразы, представляющие из себя, по сути, "бабкины сказки", которые подаются как политические доктрины. Их политическая повестка дня предсказуемо направлена на сохранение прерогатив выборных членов, обеспечение постоянного накопления денег и привилегий для них самих, их семей и их союзников. Индивидуальные программы и интересы семьи волей-неволей имеют приоритет над коллективной оценкой политической партией потребностей общества. И как только они получают привилегию управления, государственная политика выстраивается на лету, в рамках традиционных политических практик, их понимания национальных проблем, рассматриваемых субъективно через призму личных и семейных интересов, таким образом увековечивая существующие несовершенные политические институты»[67].

Джой Асерон, академик из Университета Атенео де Манила охарактеризовала партии на Филиппинах как «временные политические союзы», и добавила, что «некоторые эксперты заходят настолько далеко, что выражают

[67] Political Parties – What We Have.

мнение будто в стране нет настоящих партий, а то, что есть это "клуб фанатов политиков"»[68].

Есть ли выход из этого непростого положения в филиппинской политике? Каким образом должно действовать общество, чтобы как-то переломить сложившуюся ситуацию – пусть не сразу, постепенно, шаг за шагом? Какие методы доступны для гражданского общества Филиппин в борьбе за истинную демократию? Все это вопросы, требующие отдельного исследования, здесь же кратко скажем, что, филиппинцам следует бороться за возможность более активного участия в политике, помимо выборов. Это возможно через организацию общественно активных групп, которая сейчас также имеет место быть, однако сильно затрудняется как бюрократическими препонами, так и незаконными методами борьбы, включая насилие. Граждане Филиппин в первую очередь должны заставить свое правительство нести ответственность за проводимую в стране политику.

И если профсоюзы и крестьянские объединения на Филиппинах до сих пор остаются политически достаточно слабыми организациями, то другие организации гражданского общества, такие как неправительственные организации и группы новых общественных движений, включая движение за права женщин и экологические группы, сильны и продолжают наращивать значительный политический потенциал. Инициативы по созданию политических партий нового типа исходят от этой части филиппинского общества. Они также составляют прочную основу для поддержки инициатив по реформированию политики Филиппин, по преобразованию слабого, некомпетентного правительства, в котором доминируют элиты[69].

---

[68] Who to Vote For?

[69] *Rocamora Joel*. Formal Democracy and its Alternatives in the Philippines: Parties, Elections and Social Movements. Paper presented at the conference

Возможно, именно от этих организаций и общественных движений будет зависеть, насколько значительно и быстро изменится политическая система Филиппин в будущем.

Некоторые культурные особенности политической системы Филиппин

Вышеописанные черты и особенности, те нормы и неписанные законы, по которым функционирует политическая система Филиппин, не могут не формировать соответствующие культурные особенности этой системы, достаточно сильно укоренившиеся в менталитете и представлениях филиппинского народа. Автор данной главы хотел бы остановится на некоторых, самых значимых из них.

Первая и самая важная особенность, из которой планомерно вытекают все прочие – *персоналистичность* филиппинской политики. Отличительной чертой политической культуры Филиппин является ее личностный характер, поскольку филиппинцы на первое место ставят личные отношения. Это сказывается и в политике – филиппинские политические деятели подходят к политике с очень личностных позиций, таким образом, что личные отношения, наличие семейных и личностных связей зачастую имеют приоритет над политическими принципами или проблемами управления. Понимание политических конфигураций требует учета настроений, привязанностей, связей и отношений.

Электорат в свою очередь также воспринимает политиков, как часть семьи, как участника личностных отношений, от политика или должностного лица, таким обра-

---

Democracy and Civil Society in Asia: The Emerging Opportunities and Challenges Queens University, Kingston, Ontario, Canada, 19–21 August 2000. Julio 26, 2005. URL: https://www.tni.org/es/node/7396.

зом, ждут примерно такого же поведения и отношения, как от друга или знакомого. И то, насколько избиратели будут довольны тем или иным, выбранным ими кандидатом, будет определяться не только объемом выполняемых им установленных обязательств, но и его соответствием культурным ожиданиям личного характера.

Закономерно, что **вторая** особенность политической культуры на Филиппинах – *это стремление видеть должностными лицами людей, которые хоть в какой-то мере знакомы филиппинцам*. Уровень знакомства может различаться – предпочтения будут отдаваться как члену семьи или родственнику, близкому другу, просто другу, так и знакомому или человеку, который является земляком избирателя. Даже у человека, который говорит на одном диалекте со своим избирателем, уже будет преимущество. Именно поэтому во время выборов кандидаты стараются в полной мере «поднять» все свои знакомства и связи, в расчёте на то, что люди, которые их знают сейчас или даже знали когда-то в прошлом, поддержат их кандидатуру. Здесь также важна открытость, публичность, некоторая фамильярность, побратимство в общении с электоратом, а также поддержка всего клана или семьи, связанных с кандидатом. Поскольку семейные связи играют большое значение в жизни филиппинцев и высоко ими ценятся, простой избиратель скорее проголосует за того кандидата, которого поддерживают все его родные, что должно быть очевидно видно всем. И здесь важна роль супруги или любой другой близкой женщины (матери, дочери и т.д.) рядом с кандидатом. Она не только морально поддерживает его, берет на себя часть организационных функций и заведует финансами кампании, но и формирует положительный семейный образ кандидата у избирателей, создает у филиппинцев ощущение причастности, как если бы она бы-

ла супругой или матерью не только отдельно взятому кандидату, но и всем его потенциальным сторонникам.

Конечно, крупные и давно обладающие влиянием политические семьи или кланы имеют больше шансов на успех, когда выдвигают своего кандидата на должность, хотя бы уже потому, что а) их знают, б) у них больше возможностей и финансов. Но следует помнить, что даже такие влиятельные люди могут замарать себя, испортить свою репутацию обвинениями в коррупции, связях с преступностью, и т.д. Безусловно, что в условиях засилья политических кланов, во властных структурах процветает непотизм, когда предпочтение в выдвижении кандидатов или в назначениях на должность отдается членам семьи, в ущерб равнозначно или даже более компетентным кандидатам. Такая система того, что в наших российских реалиях мы называем «блатом», приводит также к тому, что филиппинцы имеют дело с политической системой, в которой достаточно проблематично поддерживать дисциплину среди ее исполнителей. Чиновники, которые так или иначе все являются родственниками, друзьями или знакомыми более высокопоставленных лиц могут не справляться со своими обязанностями, допускать критические ошибки в работе, и тем не менее не будут подвергаться критике. К их посредственности и некомпетентности будут относиться с терпением, поскольку они «не чужие» люди.

Третья особенность, а именно *персональный подход к политике*, сильно отличается от того, к чему мы привыкли в России, и может показаться невероятной. Но в свете вышесказанного отлично укладывается в общую канву персонализированных отношений в политической системе Филиппин. Для филиппинцев очень важно иметь возможность при необходимости обратиться к политику напрямую, прийти к нему как к другу в дом, получить

финансовую или любую другую помощь или даже просто обещание оной. Даже простого внимания со стороны политика – шутки, улыбки, возможности пожать с ним руки или кивнуть при встрече на улице – уже может быть достаточно для поддержания народной любви к фигуре того или иного политика. Поэтому «правильный» политик должен быть всегда на виду, так сказать, в народном доступе, и ни в коем случае не игнорировать своих избирателей.

Концентрация личностных связей в органах власти провоцирует **четвертую** особенность филиппинской политической культуры – *нехватку профессионализма*. Из-за того, что политические отношения здесь воспринимаются с настолько личных позиций всеми участниками процесса, часто вспыхивают конфликты там, где звучат отказы выполнить политически значимую просьбу, то или иное политическое предложение не получает поддержки и т.д. Это в том числе может даже привести к достаточно серьезному результату: раз отказавший просителю политик может получить статус «заядлого врага», вплоть до того, что его законопроекты могут впоследствии блокироваться исключительно из личной к нему неприязни.

Члены одной и той же политической коалиции или партии также могут чувствовать себя обиженными или обделенными, если станут свидетелями более лояльного отношения к своим со-партийцам со стороны влиятельной политической фигуры внутри партии или ее лидера. Такое положение дел может спровоцировать их начать вести «вредительскую политику» в отношении этих со-партийцев, или даже выйти из партии. А если политик, который может быть хорош в управлении с профессиональной точки зрения, не сможет в достаточной мере уделять внимание своим сторонникам или же не выполнит обращенную к нему просьбу, это может вызвать разочаро-

вание и сказаться на его оценке как политика в худшую сторону.

Не стоит и говорить о том, что концентрация «своих» людей в политике, их приближённость к возможностям, которые предоставляет власть, приводит также к тому, что их родственники (в том числе незаконнорожденные дети), родные, друзья, знакомые, любовники/любовницы, сторонники, поддерживающие политика в ходе политических кампаний, земляки считают себя в праве пользоваться и зачастую злоупотреблять такими *неофициальными личными связями* с политиками. Эта **пятая** особенность, не имея под собой никаких законных оснований, тем не менее, странным образом принимается в обществе как данность.

Как же используется эта «сила связей»? Например, семья (или семьи) президента или законодателя считают себя вправе получить VIP-обслуживание. Они ожидают, что с ними будут обращаться с особым, бо́льшим вниманием чем с другими гостями и участниками того или иного официального мероприятия. Координаторы политической кампании часто рассчитывают на государственные должности или работу. Иногда они расширяют свое влияние, действуют в интересах своих родных, родственников, друзей, которые хотят попросить помощи у человека, находящегося у власти. Друзья могут обратиться с просьбой о заключении государственных контрактов или об использование государственных объектов и ресурсов. Сотрудники и телохранители политика иногда могут действовать так, как будто они обладают законной властью, и даже злоупотреблять этой «властью»[70].

[70] *Montiel, Cristina Jayme*. Philippine Political Culture and Governance. Cultural Aspects of Philippine Governance. Office of the Ombudsman. P. 35. URL: https://www.ombudsman.gov.ph/UNDP4/wp-content/uploads/2012/12/Philippine-Political-Culture-and-Governance.pdf.

Последние две особенности логически связаны и вытекают отчасти одна из другой. Патерналистские отношения в филиппинской политике порождают наш **шестой** пункт в этом списке – *долг благодарности*, который предполагает, что человек, получивший некоторую услугу, обязан «вернуть долг» тому, кто ему эту услугу оказал. Этот культурный аспект идеально передается русским «долг платежом красен». Обычно подразумевается, что «обязывающая» услуга должна выходить за рамки рутинных обязанностей, то есть представлять собой нечто особенное, требующее дополнительных усилий. Люди, обличенные властью, часто злоупотребляют этим принципом в своих интересах. Так, например, видный политик может лично пригласить кандидата баллотироваться в Конгресс от его коалиции, в связи с чем кандидат в свою очередь будет чувствовать себя обязанным своему «благодетелю» и станет его надежным сторонником в будущем из чувства долга, а не по собственному выбору.

В случае с электоратом этот принцип работает «авансом». Это значит, что избиратели, в особенности из бедных слоев населения, отдают свои голоса за политика в надежде на то, что в будущем смогут в благодарность от него рассчитывать на помощь с их базовыми потребностями – питанием, медициной, образованием и т.д. Это в том числе приводит к тому, что многие политики пользуются надеждами своих избирателей и их некоторой беспомощностью, и создают у них *культуру зависимости* – **седьмую**, и последнюю особенность политической культуры в нашей работе. Поскольку народонаселение того и иного района оказывается настолько зависимым от своего патрона-политика, это позволяет ему поддерживать это состояние и таким образом оставаться у власти настолько долго, насколько это возможно в соответствии с филиппинскими законами.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в случае с Филиппинами реализация демократии американского типа при существующем до сих пор типе управления, основанного на личностных связях, пронизывающих всю структуру филиппинского общества, на патерналистских отношениях, из десятилетия в десятилетие поддерживающихся местными властными и экономическими элитами, не выглядит по-настоящему возможной. Да, безусловно, филиппинцы, как нация, и как гражданское общество имеют определенный потенциал дальнейшего демократического развития, стремление к демократии, к ее правам и свободам, которое, возможно, могло бы стать движущей силой общенародной борьбы за менее оторванную от людней власть, за справедливое управление страной, учитывающее и реализующее интересы всех слоёв общества в равной степени. Однако, учитывая сильное имущественное неравенство, классовое расслоение на Филиппинах и в целом недостаточно высокий уровень жизни, процесс такой борьбы *снизу* будет постоянно тормозиться и с вероятностью займет еще годы и годы, прежде чем начнут происходить действительно качественные и при этом долгосрочные изменения. *Сверху* же курс на демократизацию политических и гражданских институтов, на разделение и передачу власти, на возвращение к системе «сдержек и противовесов», представляется маловероятным, поскольку властные элиты за всю историю развития политической системы Филиппин до сих пор не увидели в реформировании старой системы достаточно привлекательных для себя сторон, а значит, будут и дальше всеми силами отстаивать и защищать привычный старый порядок, препятствуя кардинальным изменениям и «ставя палки в колесо демократического прогресса» в стране. Вывод неутешительный, но, к сожалению, закономерный.

Глава 6. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МАЛАЙЗИИ (ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1957 Г. И ДО НАШИХ ДНЕЙ)[1]

Социально-политические процессы в Малайзии отличаются от других стран Юго-Восточной Азии, да и мира в целом, в силу своих исторических особенностей многогранностью и своеобразием. Они играют огромную роль в жизни современного малайзийского общества, и могут служить основной причиной возникновения ряда противоречий между различными социальными группами, разделенными в основном по этническому и конфессиональному признакам, которые и составляют его главную специфику. На эволюцию процессов в социальной и политической жизни Малайзии наибольшее влияние оказали несколько важных факторов.

Первый из них – это особенность политической системы страны, где ислам является государственной религией. При том, что большую часть населения составляют мусульмане, Малайзия не является радикальным ислам-

[1] **Сведения об авторах:**
Кочеткова Екатерина Вячеславовна *– кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: katy17@yandex.ru*
Погадаев Виктор Александрович *– кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков Московского государственного института международных отношений МИД России, Москва, Россия. E-mail: povial@yahoo.com*

ским государством, она гарантирует всем гражданам страны свободу вероисповедания. Вместе с тем, ислам во многом определяет внутреннюю и внешнюю политику в государстве, являясь частью национальной идеологии коренного населения Малайзии.

Второй фактор – многопартийная политическая система, где принадлежность к какой-либо партийной организации в основном ассоциируется с этнической составляющей. Партии, сформированные по коммуналистскому признаку, представляют интересы отдельных национальных групп страны.

Это связано с полиэтничностью малайзийского общества. Проблема этноконфессиональных отношений между тремя основными общинами страны (малайцами, китайцами и индийцами) не теряет своей актуальности и по сей день. Существующее в современной Малайзии положение, когда ключевые позиции в государственно-административном аппарате находятся в руках малайской общины при сохранении доминирующих позиций в экономике у этнических китайцев, является главным препятствием на пути к достижению национального единства в малайзийском обществе. Во многом сплочению малайзийских граждан препятствуют культурные и конфессиональные различия, наличие языкового барьера, территориальная и психологическая отчужденность, которые служат постоянным источником возникновения напряженности в отношениях между этническими группами.

В то же время Малайзия может служить примером для других стран со сложной этноконфессиональной структурой в плане решения проблемы сосуществования и бесконфликтного взаимодействия различных национальных групп и достижения межэтнического баланса в обществе. В целом ей удается находить наиболее приемлемый и эффективный путь развития, способный консо-

лидировать интересы представителей разных рас и конфессий, проживающих там. В конституции Малайзии закреплены положения, провозглашающие равенство всех национальностей и запрещающие дискриминацию по этническому признаку.

Важным достижением в период правления премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада было создание устойчивой политической и парламентской системы, где все основные этнические группы – малайцы, китайцы и индийцы смогли объединяться в коалиции, в которых партии стали получать более широкую электоральную поддержку среди всех национальных групп. Появилась возможность создать правящую коалицию, поддерживаемую абсолютным большинством населения страны.

На внутриполитическую ситуацию в Малайзии большое влияние оказал еще один фактор. Малайзия значительный период своей истории находилась в условиях чрезвычайной ситуации. Сначала с 1948 (когда Коммунистическая партия Малайзии была запрещена) по 1955 гг. (формально до 31 июля 1960 г.), и чтобы держать под контролем оппозиционные силы, после отмены ЧС была принята поправка к ст. 149 Конституции, согласно которой парламент мог принимать законы против «подрывной деятельности и в целях сохранения общественной безопасности»[2]. Немедленно был принят Закон о внутренней безопасности, согласно которому правительство получало право заключать граждан страны в тюрьму без суда и следствия на срок до двух лет и на неограниченный срок подозреваемых в действиях, которые, по мнению властей, могли представлять угрозу для национальной безопасности.

[2] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. С. 257–258.

После трагических событий 13 мая 1969 г. было объявлено общенациональное чрезвычайное положение, которое продолжалось более чем 20 месяцев. Закон о внутренней безопасности продолжал действовать на протяжении 42 лет, и только 5 сентября 2011 г. премьер-министр Малайзии Наджиб Разак заявил, что он будет отменен и заменен двумя новыми законами. Закон о национальной безопасности, который дает широкие полномочия Совету НБ во главе с премьер-министром, был принят парламентом и получил одобрение Верховного правителя 18 июня 2012 г. Закон вступил в силу 31 июля 2012 г.

Согласно новому закону, Совет национальной безопасности может оцепить район, где находится лицо, представляющее опасность, а далее силы безопасности могут вводить комендантский час, производить аресты, обыски и конфискации без ордера[3].

В целом, такое долгое пребывание в условиях чрезвычайного положения и законов, запрещающих любую оппозиционную деятельность по отношению к правительству и существующему строю, не могло не сказаться на всех сферах жизни малайзийского общества, как социально-экономической и этнонациональной, так и политической, и не только внутри страны, но и на международном уровне, в отношениях Малайзии с другими странами.

Политическая система современной Малайзии и основные политические партии страны

В состав Федерации Малайзии входят 13 штатов, девять из которых являются княжествами, и три федеральные территории (столица страны Куала-Лумпур, административная столица Путраджайя и о-в Лабуан). Ее Верховный правитель (Янг ди-Пертуан Агонг) избирается султа-

[3] Новый закон о национальной безопасности в Малайзии, 8 декабря 2015 г. URL: https://cont.ws/@Shraibikus News/

нами штатов из их же числа сроком на пять лет на Совете правителей, также как и его заместитель, который должен исполнять обязанности монарха в случае, если тот не сможет управлять страной по какой-либо чрезвычайной причине. Кроме этого, тринадцать штатов образуют федеральное правительство во главе с премьер-министром, и каждый из них имеет свою автономию.

Султаны являются высшей инстанцией исламского права в своих штатах. Необходимо отметить, что ислам исторически считается неотъемлемой частью малайской этнической идентичности, а султаны и глава государства могут быть только малайцами и приверженцами мусульманской религии.

Государственный строй Малайзии – конституционная выборная монархия, где власть делится на законодательную, исполнительную и судебную. Федеральная конституция является главным законом страны, но также и у каждого из тринадцати штатов есть своя конституция.

Высшим национальным законодательным органом страны является парламент, который состоит из нижней – Палаты представителей (*Dewan Rakyat*) и верхней – Сената (*Dewan Negara*). Парламент Малайзии базируется на Вестминстерской системе, впервые разработанной в Лондоне в середине XIX в.[4]. Парламент вырабатывает и утверждает

[4] Вестми́нстерская систе́ма – демократическая парламентская система государственного управления, построенная на принципах государственной модели Великобритании. Своё название она получила по названию Вестминстерского дворца, в котором проходят заседания парламента Великобритании.

Вестминстерская система характерна для государств Содружества Наций. Начало её использования положили канадские провинции и австралийские колонии Великобритании в середине XIX века.

Ключевые аспекты системы включают: исполнительную власть, состоящую из членов законодательного органа, которая несет ответственность перед законодательным органом; присутствие парламентских

законы, распространяющиеся на всю территорию страны, контролирует финансовую деятельность правительства и является местом выражения общественного мнения по вопросам, имеющим общенациональное значение[5].

Палата представителей избирается путем прямых всеобщих выборов и состоит из 222 членов. Депутаты избираются по одному представителю от каждого федерального избирательного округа. Член *Dewan Rakyat* не должен быть моложе 21 года и не может быть одновременно членом *Dewan Negara*[6]. Председателем Палаты представителей является спикер, который избирается в начале работы каждого парламента или после освобождения должности депутатами.

Для окончательного принятия законов необходимо одобрение обеих палат парламента, но на практике *Dewan Rakyat* обладает значительно большей властью, чем Сенат. Премьер-министр страны должен быть членом Палаты представителей, и чтобы уверенно держаться на своем посту, ему необходимо сохранять поддержку Нижней палаты. Сенат состоит из избираемых членов (два от каждого штата) и членов, которые назначаются Верховным правителем по рекомендации правительства за какие-либо выдающиеся достижения, общественные заслуги или в качестве представителей титульных народов (аборигенов) или национальных меньшинств.

оппозиционных партий; главу государства, обязанности которого в основном состоят в выполнении церемониальных функций, наличие главы правительства, назначаемого главой государства, и являющегося, как правило, главой политической партии, имеющей большинство в парламенте.

[5] Малайзия. Справочник. М., 1987. С. 116.

[6] Dewan Rakyat. December 30, 2021. URL: https://www.wikiru.wiki/blog/en/Dewan_Rakyat.

Границы избирательных округов устанавливаются на основе последней переписи населения каждые десять лет.

Согласно конституции, всеобщие выборы в Малайзии проводятся не реже одного раза в пять лет. Главой исполнительной власти в Малайзии является премьер-министр, который возглавляет федеральное правительство. Он вправе попросить *Ян ди-Пертуан Агонга* распустить парламент в любое время до истечения этого пятилетнего срока. В таком случае всеобщие выборы должны быть проведены не позднее чем через два месяца в Западной Малайзии и через три месяца в Восточной Малайзии (Сабах и Саравак)[7].

Партия, получившая большинство на всеобщих выборах в нижнюю Палату парламента, формирует правительство, а ее лидер становится премьер-министром страны. В свою очередь, если лидер победившей партии лишается поддержки большинства членов Палаты представителей, он может объявить об уходе в отставку (вместе со своим кабинетом) или подать прошение Верховному правителю о роспуске парламента.

В настоящий момент в Малайзии официально зарегистрировано более 40 политических партий. Закон об обществе 1987 г., который регламентирует их деятельность, устанавливает довольно свободные рамки их функционирования. Необходимо только представить в Избирательную комиссию символику и устав партии для ее участия в выборах. Четырнадцать из официально зарегистрированных партий входят в Национальный фронт (*Barisan Nasional*), до 2018 г. правящую коалицию в Малайзии, образованную в 1974 г.

[7] Конституция Малайзии. Конституции государств (стран) мира. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=655.

Лидером НФ стала Объединённая малайская национальная организация (ОМНО), созданная в 1946 г. на Всемалайском конгрессе малайцев. Она является крупнейшей политической партией в Малайзии, представляющей интересы коренного населения страны – малайцев. С середины 1950-х гг. лидеры ОМНО неизменно возглавляли правительства Малайи, а впоследствии и Малайзии. С момента создания ее основные цели остаются прежними – поддержание курса на сохранение конституционной монархии и принципов демократического правления, закрепление за исламом роли официальной религии, малайско-мусульманских этических традиций и ценностей, формирование единой малазийской нации при сохранении межобщинного компромисса, развитие малайской культуры и малайского языка. Вместе с тем партия выступает против радикальных исламских течений. В экономической сфере партия поддерживает развитие рыночного хозяйства при обеспечении привилегий коренного населения в противовес мигрантам (представителям китайской и индийской этнических групп). К концу 2020 г. членов ОМНО в Малайзии насчитывалось 3,35 млн человек[8].

В 1952 г. был заключён политический союз с Китайской ассоциацией Малайзии (КАМ), и единый партийный альянс ОМНО-КАМ получил значительную часть мест на муниципальных выборах в столице. Китайская ассоциация Малайзии (до 1963 г. – Китайская ассоциация Малайи) была основана в 1949 г. китайскими предпринимателями Малайи. Партия стала самой крупной организацией, представлявшей интересы китайской общины в стране. Признавая лидирующую роль ОМНО и малайцев, как титульной нации, КАМ, тем не менее,

[8] Political parties in Malaysia. URL: https://detailedpedia.com/wiki/Category-Political_parties_in_Malaysia.

последовательно отстаивала интересы малайзийцев китайского происхождения.

В октябре 1954 г. к союзу ОМНО-КАМ присоединился Индийский конгресс Малайзии (ИКМ) и было провозглашено создание Союзной партии, защищавшей интересы трех крупнейших национальных общин страны – малайцев, китайцев и индийцев. В 1955 г. партия получила места в Законодательном совете Сингапура. Индийский конгресс Малайзии (ИКМ до 1963 г. – Индийский конгресс Малайи), отстаивающий интересы индийской диаспоры, как ОМНО и КАМ, также был образован в 1946 г.

Помимо ОМНО, КАМ и ИКМ, ведущих свою деятельность на всей территории страны, существует также целый ряд партий и движений, представленных лишь в определённых штатах или группах штатов. Среди них можно отметить следующие.

Партия «Народное движение Малайзии» (*Parti Gerakan Rakyat Malaysia*) была основана в 1968 г. Основной географический ареал ее деятельности – штат Пинанг, населённый преимущественно китайцами. Партия традиционно выступает за поддержание межэтнического баланса и развитие свободных рыночных отношений в сочетании с допустимостью элементов государственного вмешательства в области социального обеспечения. С 1972 г. Партия входила в альянс с Союзной партией, а с 1974 г. входит в НФ. В своих политических взглядах Партия Геракан Ракьят Малайзии придерживается этнического равноправия, будь то политика, экономика, образование или культура. С момента своего основания в 1968 г. борется за подлинно малайзийский нерасовый подход к достижению единой, светской и социально справедливой Малайзии,

хотя формы и способы борьбы могут варьироваться в зависимости от меняющихся обстоятельств[9].

Народная прогрессивная партия (*Parti Progresif Penduduk*), основанная в 1953 г., всегда была многорасовой политической партией в Малайзии, которая с 1973 по 2018 г. также входила в Национальный фронт. Изначально партия ориентировала свою деятельность на штат Перак, что нашло отражение в её первоначальном названии (Прогрессивная партия Перака, до 1956 г.). Впоследствии, однако, зона функционирования партии охватила практически всю полуостровную Малайзию. Одно из основных программных положений партии заключается в построении общества демократического социализма при сотрудничестве всех этнических общин. Партия находилась в составе СП с 1972 г.

В 1969 г., будучи сильной оппозиционной партией, *PPP* практически смогла сформировать правительство штата Перак, но ей не хватило всего 2 мест для формирования государственного собрания, когда два ее члена перешли на другую сторону. Успех был в основном обусловлен голосованием китайцев, хотя многие из ее высших лидеров тогда были индийцами[10]. В 1973 г. она была включена в Национальный фронт, чтобы сохранить голоса индийцев и китайцев, особенно после расовых беспорядков 1969 г.

Исламская партия Малайзии (*PAS*) была образована в 1951 г. Создание партии стало кульминацией растущего желания мусульманских священнослужителей[11] в рамках

[9] Ideology. Parti Gerakan Rakyat Malaysia. URL: https://www.gerakan.my/about-us/ideology#.Yc424GhBzcs.

[10] URL: https://www.hmong.press/wiki/People%27s_Progressive_Party_(Malaysia)

[11] Партия была основана 24 ноября 1951 г. мусульманскими священнослужителями, большинство из которых прошли обучение в Мекке, Ин-

Объединенной малайской национальной организации сформировать отдельное исламское политическое объединение. Однако границы между ОМНО и новой партией были изначально размыты. *PAS* допускала двойное членство в обеих партиях, и многие из ее первых высших руководителей также были членами ОМНО.

Сторонники партии проживают в основном в сельских районах северного и восточного побережья Малаккского полуострова. Вплоть до начала 1970-х гг. партия выступала против СП, однако затем последовал кратковременный период альянса с правящей коалицией (уже в составе НФ). Но с конца 1970-х гг. *PAS* перешла на положение оппозиции, в 1999 г. оказалась во главе оппозиционного блока. Базовыми программными целями *PAS* являются создание исламского государства и пересмотр ряда положений конституции в соответствии с нормами Корана и Сунны, закрепление худуда – исламской системы уголовного правосудия. Эти законы должны будут применяться ко всем мусульманам и не касаются немусульман. В начале 1990-х и 2000-х гг., соответственно, ассамблеи штатов Келантан и Тренгану приняли законы худуда, хотя ни один из них никогда не применялся из-за противодействия со стороны федерального правительства. Надеясь окончательно превратить Малайзию в исламское государство, партия *PAS* выступает также за введение смертной казни для мусульман, которые пытаются обратиться в христианство,

В Сараваке функционирует несколько партий, часть из них входит в НФ: Объединённая народная партия Саравака (*Parti Rakyat Bersatu Sarawak*), Национальная партия Саравака (НПС), Партия коренных народов Саравака (*Parti Bansa Dayak Sarawak (Baru)*), Прогрессивная демокра-

донезии, Индии и, главным образом, в Египте, где познакомились с идеями «Братьев-мусульман» (организация, запрещенная в РФ).

тическая партия Саравака (*Parti Demokratik Progresif*) и ряд других.

В Сабахе Национальный фронт представлен следующими партиями – Объединённой прогрессивной организацией Кинабалу «Пасокмомо-гун кадазандусун мурут» (*Pertubuhan Pasokmomogun Kadazandusun Murut Bersatu*) (представляет интересы коренного населения), многонациональной Прогрессивной партией Сабаха (*Parti Progresif Sabah*) и либерально-демократической партией (*Persatuan Cina Sabah*) – Китайской ассоциацией Сабаха (представляют интересы китайской общины), а также Объединённой партией (*Parti Bersatu Sabah*)[12].

Малайзийская народная партия (*Parti Rakyat Malaysia*) была образована в начале 1960-х гг. как Малайская народная социалистическая партия, в 1989 г. получила современное название. Партия выступает с левых позиций, требует ускоренной демократизации общества, ликвидации всех форм цензуры и увеличения числа гражданских прав и свобод. В отличие от других левых партий МНП опирается прежде всего на малайский электорат. С 1998 г. партия выступает в коалиции с PAS. Но места в Палате представителей партия впервые получила в 2004 г.

Партия демократического действия (*Parti Tindakan Demokratik*), крупная левоцентристская политическая партия Малайзии, которая призывает к социальной демократии и светскости, была основана в 1966 г. в результате выделения из запрещенной в Малайзии сингапурской Партии народного действия. Партия последовательно выступает за создание справедливого социального строя с учётом интересов всех общин. Основные группы населения, поддерживающие ПДД, – малайзийцы китайского проис-

[12] Political parties in Sabah. URL: https://detailedpedia.com/wiki/Category-Political_parties_in_Sabah.

хождения. Партия получает большую часть своей поддержки от либерально настроенных жителей крупных городов, прибрежных районов, профессионального среднего класса и рабочего класса.

Партия демократического действия входит в коалицию Пакатан Харапан (*PH*). В течение 51 года была оппозиционной партией, пока PH не победил на всеобщих выборах в Малайзии в 2018 г. и не сформировал федеральное правительство.

В настоящее время ПДД является самой многочисленной партией в Палате представителей (Деван Ракьят) Малайзии. Ее опорные пункты находятся в основном в городских и пригородных районах Пинанга, Перака, Селангора, Негри-Сембилан, Джохора, Малакки и федеральной территории Куала-Лумпур.

Партия народной справедливости (*Parti Keadilan Rakyat*, часто известная как *KEADILAN* или *PKR*) была создана в 1999 г. Ван Азизой Ван Исмаил, женой видного политического деятеля Анвара Ибрагима. Сам Анвар Ибрагим был осуждён правящим режимом по обвинению в злоупотреблении властью. Носившая до 2003 г. название «Партия национальной справедливости», *KEADILAN* считает себя оппозиционным движением за реформы, которое стремится преодолеть традиционные этнические и религиозные границы. Выступает с центристских позиций, поддерживает процессы демократизации и либерализации в обществе. На выборах 2008 г. завоевала 31-е место в Палате представителей. Партия пользуется большой поддержкой таких штатов, как Селангор, Пинанг и Джохор. Ее позиции сильны также в столице Малайзии Куала - Лумпуре. Основные лозунги партии – социальная справедливость и борьба с коррупцией. Недавно PKR приняла платформу, которая направлена на отмену Новой экономической политики в государстве и замену ее програм-

мой, основанной на неэтническом подходе к искоренению нищеты и выравниванию экономического дисбаланса между общинами. Это одна из трех партий в коалиции Пакатан Харапан, которая выступает в качестве официальной оппозиции в Деван Ракьят.

Также популярностью в Малайзии пользуется Объединенная партия коренных народов Малайзии (*Parti Pribumi Bersatu Malaysia – BERSATU*). 10 августа 2016 г. бывший заместитель президента ОМНО Мухиддин Ясин подал заявку на ее регистрацию. Руководство Прибуми Берсату Малайзия состояло из Мухиддина Ясина в качестве ее президента, Мухриза Махатхира в качестве вице-президента и легендарного Махатхира Мохамада в качестве председателя новой партии.

Формирование БЕРСАТУ было предпринято бывшими членами ОМНО в оппозиции к премьер-министру Наджибу Разаку[13]. Основными лозунгами партии стали – борьба за социальную справедливость, распределение национального богатства, благосостояние народа и искоренение нищеты, укрепление единства и гармонии между людьми различных рас и религий, поддержание политической стабильности и национальной безопасности, а также стимулирование устойчивого экономического развития в интересах народа и всей страны. Малайцам и уроженцам Сабаха и Саравака обещалась поддержка их особого положения, а также соблюдение законных прав всех общин.

В целом партийная система Малайзии отличается своей стабильностью. В стране сложилась правительственная коалиция, которая правит Малайзией (ранее Малайей) с момента её образования. Такая ситуация сохранялась

[13] Parti Pribumi Bersatu Malaysia (PPBM). Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/lcwaN0023133/.

вплоть до самого недавнего времени, когда на выборах 2008 г., помимо Народного фронта, в парламент прошла группа партий, образовавшая так называемый Народный союз (Партия народной справедливости, Исламская партия Малайзии и Партия демократического действия). Некоторые эксперты отмечают, что Народный союз мог бы в перспективе образовать ещё один полюс партийной системы Малайзии[14].

Вместе с тем, монархическая форма правления в Малайзии отличается значительным своеобразием, отражающим исторические особенности складывания этого государства. Чтобы глубже понять особенности государственного устройства современной Малайзии, необходимо взглянуть на истоки формирования ее социально-политического облика.

Обретение независимости и принятие Конституции Малайской Федерации

К моменту появления англичан на Малаккском полуострове и близлежащих островах в конце XVIII в., политическая ситуация там была очень неоднородной. Северная часть полуострова (Патани, Лигор и другие малайские княжества) прочно вошла в состав Сиама[15]. Еще не существовало единого государства, вся территория Малайи (современной Малайзии) представляла собой разрозненные мусульманские княжества, которые возглавляли суверенные правители, и была сильна власть крупных феодалов.

Колонизация Малайи Англией началась в последней четверти XVIII в. и привела к кардинальному изменению численности населения и его этнонационального состава. С конца XIX в. английский монополистический капитал

[14] Малайзия. Особенности партийной системы. Политический атлас современности. URL: http://www.hyno.ru/tom2/996.html/.
[15] *Тюрин В.А.* История Малайзии. М., 1980. С. 69.

стал все более подчинять себе ведущую отрасль промышленности Малайи – оловодобывающую и начал усиленно участвовать в производстве экспортных сельскохозяйственных культур. Создание рынка рабочей силы в стране исторически совпало с формированием современного состава населения Малайи из трех национальностей: малайцев, китайцев и индийцев[16].

Первым территориальным владением Англии в этом районе был остров Пинанг и побережье султаната Кедах, полученные Британской Ост-Индской компанией в 1785 г. за военную помощь султану Кедаха. В 1824 г. между двумя соперничавшими колониальными державами в регионе, Англией и Голландией, был заключен договор, по которому Голландия уступила Англии город и форт Малакку и все зависимые от нее территории на полуострове в обмен на английское владение на Суматре.

Затем колониальная экспансия Британии распространилась и на другие малайские княжества. В 1826 г. все английские владения в Малайе были объединены, образовав четвертое, Восточное президентство Индии Стрейтс Сеттлментс[17]. В 1832 г. ввиду выгодного географического положения центром Стрейтс Сеттлментс объявляется Сингапур, который стал важнейшей стратегической и торговой базой англичан в этом районе.

Одновременно англичане начали закрепляться и на севере острова Борнео (Калимантан). В 1841 г. бывший английский военный и авантюрист Джеймс Брук в обмен на военную помощь, оказанную им султану Брунея, получил титул раджи и пост наместника Саравака. Постепенно он был превращен во владение «белых раджей» из семейства

---

[16] Подробнее см. *Жеребилов В.А.* Иммиграция как средство формирования рынка рабочей силы в Малайе до Второй мировой войны // Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 1959. С. 63–64.

[17] *Тюрин В.А.* Указ. соч. М., 1980. С. 91.

Брук, которые продолжали оставаться подданными британской короны. В 1888 г. Саравак и Сабах (еще одна территория Северного Калимантана) стали английскими протекторатами, а в 1946 г. – коронными колониями Англии. К началу Первой мировой войны Северный Калимантан (Саравак, Сабах и Бруней) был окончательно превращен в английскую колонию: была создана система колониального управления и подавлено сопротивление местного населения, противившегося иноземному вторжению[18].

Перед Первой мировой войной в Малайе сложились три группы колониальных владений:

1. Стрейтс Сеттлментс – колония короны, куда входили Сингапур, Пинанг, Малакка, Провинция Уэлсли и Диндинг – полоса побережья Перака.
2. Федерация малайских государств, объединявшая Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг.
3. Нефедерированные княжества, находившиеся под английским протекторатом, – Кедах, Перлис, Келантан, Тренггану и Джохор.

Все эти владения вместе составили колонию Британская Малайя[19].

Создание Малайского Союза англичанами в 1943 г. с целью введения более централизованной системы управления послужило импульсом к подъему антиколониального движения в Малайе и Сингапуре.

1 февраля 1948 г. из-за оппозиционных настроений Малайский Союз был преобразован в Малайскую Федерацию, и началась подготовка к самоуправлению. Традиционная власть малайских султанов была ограничена, и большое количество выходцев из Китая и Индии получили гражданство в новой Федерации. В свою очередь, Ма-

[18] *Тюрин В.А.* Указ. соч. М., 1980. С. 139.
[19] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* Указ. соч. С. 76.

лайский Союз послужил основанием для создания Объединённой малайской национальной организации и других коммуналистских партий.

До Второй мировой войны политическая активность в Малайе была ограниченной, но японская оккупация и ее последствия принесли народам, ее населяющим, новое политическое сознание. Послевоенные политические партии стремились к независимости, а малайцы стали опасаться засилья представителей пришлых национальностей, особенно экономически более сильных китайцев[20]. Малайская коммунистическая партия, мощная и хорошо организованная, вела вооружённую борьбу против японских, а затем и английских войск. Но в 1948 г. она была объявлена вне закона. В 1952–1955 гг. начались внутриполитические перемены в Федерации. Англичане перешли к более активным действиям по обеспечению поддержки местных элит, а последние стали выдвигать требования допуска к власти взамен этой поддержки[21]. После выборов в 1955 г. в колониальный Законодательный совет начала формироваться определенная структура политических сил, изменились их отношения с Великобританией, которая была вынуждена предоставить Малайе независимость.

Официальная церемония провозглашения Малайской Федерации независимым государством состоялась на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре 31 августа 1957 г.

Выработкой новой конституции занялась комиссия из представителей Англии и ряда других стран Британского содружества – Индии, Австралии, Пакистана. Подготовленный конституционной комиссией доклад был рассмотрен Рабочим комитетом в составе представителей

---

[20] Malaysia – Political Parties. Nations Encyclopedia. URL: https://www.nationsencyclopedia.com/Asia-and-Oceania/Malaysia-POLITICAL-PARTIES.html.

[21] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* Указ. соч. С. 213.

правительства Абдул Рахмана и султанов, а также верховного комиссара Англии, генерального прокурора и главного секретаря правительства, выступавших от английской стороны[22]. При обсуждении проекта новой конституции основные дискуссии развернулись по вопросам предоставления гражданства немалайской части населения в обмен на сохранение статуса и привилегий султанов и особого положения малайцев.

Конституция страны вступила в силу одновременно с провозглашением независимости Малайской Федерации 31 августа 1957 г.

В соответствии с новым законодательством, Малайская Федерация включила в себя 11 штатов: султанаты – Паханг, Джохор, Перак, Келантан, Тренггану, Кедах, Селангор, Негри-Сембилан, Перлис и бывшие сеттелменты – Пинанг и Малакка. Главами первых девяти штатов оставались султаны, два последних – возглавили губернаторы, назначаемые Верховным правителем страны. Внутри каждого штата создавались законодательные ассамблеи и государственные советы, формируемые главными министрами – лидерами тех партий, которые получали большинство мест в законодательных ассамблеях.

Став своеобразным компромиссом для основных этнических общин Малайи, конституция молодого суверенного государства зафиксировала ряд политических и экономических преимуществ за лицами малайской национальности в отличие от китайской и индийской части населения. В соответствии с новым законодательством, политическая власть и управление государством были конституционно закреплены за малайцами, а сфера экономики и бизнеса стала прерогативой пришлых народностей, прежде всего, китайцев. Согласно принятой конституции,

[22] *Колосков Б.Т.* Малайзия вчера и сегодня. М., 1984. С. 115.

верховным правителем (королем) мог стать только малаец по национальности, избираемый на пятилетний срок Советом правителей из числа самих же правителей штатов (султанов)[23].

В обязанности верховного правителя входило обеспечение особого положения малайцев путем резервирования для них должностей на государственной службе, выдачи пособий, стипендий в области образования и обучения; предоставление лицензий или разрешений на «ведение торговой или промышленной деятельности» в тех пропорциях, «какие верховный правитель посчитает разумными»[24].

Согласно 152-й статье новой конституции, с 1967 г. государственным языком становился малайский язык. При этом отмечалось, что «в течение 10 лет после Дня независимости и позднее, пока парламент не установит иное», английский язык может применяться в обеих палатах парламента, в законодательных советах штатов и для других официальных целей. Также никому не запрещалось и не препятствовалось применять для неофициальных целей, преподавать или изучать любой другой язык, а федеральное правительство и главы штатов наделялись правом сохранять применение и изучение языков других общин[25].

Несмотря на то, что в конституции закреплялась свобода вероисповедания, ислам, исповедуемый в основном малайцами, был объявлен государственной религией в Федерации[26].

---

[23] Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960. Ст. 38. С. 264. Прил. 5; Ст. 7. С. 366.
[24] Конституции государств… Ст. 153. С. 333–336.
[25] Конституции государств… Ст. 152. С. 332.
[26] Конституции государств… Ст. 3. С. 245.

Гражданами Малайской Федерации в силу закона, то есть автоматически, становились все малайцы, аборигены (*оранг асли*), лица, родившиеся в бывших владениях британской короны – сеттлментах Пинанг и Малакка и являющиеся английскими подданными, а также все лица, родившиеся в Федерации в День и после провозглашения независимости[27]. Остальные лица, преимущественно китайцы и индийцы, могли получить гражданство путем регистрации или натурализации, что было сопряжено с рядом трудностей. В будущем эти изменения должны были привести к увеличению числа лиц немалайской национальности, имеющих право голоса, и, как следствие, возрастанию политического веса китайской и индийской общин в Малайе. Чтобы не допустить этого, ОМНО решила пересмотреть вопрос о гражданстве уже через несколько лет. 1 октября 1962 г. в парламенте был проведен Закон № 14 о поправках к конституции, существенно ограничивающий права на получение гражданства немалайцами. В частности, одна из поправок указывала, что лицо, родившееся в Малайской Федерации после 1 октября 1962 г., не могло автоматически стать ее гражданином, если таковым (т.е. гражданином) не являлся его отец[28].

Таким образом, правящие круги Малайи стремились ограничить доступ немалайцев, в первую очередь, китайцев к избирательным урнам, пытаясь свести до минимума их влияние как в вопросах внешней, так и внутренней политики страны. Следует подчеркнуть, что противоречивый характер ряда статей малайского законодательства, касающихся национального вопроса, фактически закрепляющего неравноправный статус этнических групп, сам по себе уже изначально предполагал возможность появления разногласий между общинами и стал «камнем пре-

[27] Конституции государств… С. 251–261.
[28] Конституции государств… С. 69.

ткновения» в их взаимоотношениях, повлиявшим на дальнейший ход событий в стране.

Политическое развитие Малайзии после первых парламентских выборов 1959 г.

Первым крупным внутриполитическим событием в жизни молодого суверенного государства стали всеобщие парламентские выборы, проходившие в Малайской Федерации в августе 1959 г. в условиях острой межпартийной борьбы. Появление оппозиционных сил, выступивших против Союзной партии, было вызвано обострением межэтнических отношений и усилением коммуналистских тенденций в политической жизни страны. Главным соперником Союзной партии стала созданная в 1956 г. Панмалайская исламская партия, занявшая по отношению к ней жесткие позиции, основанные на принципах малайского национализма, и критиковавшая проанглийскую политику Альянса.

Необходимо отметить, что по сравнению с 1955 г., численность избирателей увеличилась примерно в два раза. Изменения претерпел также и их национальный состав, так как сильно возросло число немалайцев, получивших право избирательного голоса. Из 2 184 тыс., имеющих такое право, 1 217 тыс. (56,8%) – составляли малайцы, уже 764 тыс. (35,6%) – китайцы и 159 тыс. (7,4%) – индийцы[29].

Несмотря на ожесточенную борьбу оппозиционных партий (Панмалайской партии, Народного социалистического фронта Малайи, Народной прогрессивной партии) за власть, Альянсу удалось удержать большинство в парламенте, получив 74 места из 104[30]. С подавляющим преимуществом Союзная партия победила также на выборах в законодательные советы большинства штатов.

---

[29] *Тюрин В.А.* Указ. соч. М., 1980. С. 191.

[30] *Вахрамеев А.А., Тюрин В.А.* Современная Малайзия. М., 1982. С. 16.

В результате, выборы 1959 г. ознаменовали фактическое превращение Альянса в правящую партию, перед которой встала острая необходимость решения целого комплекса как политических, так и социально-экономических проблем.

Объединенная малайская национальная организация (ОМНО), возглавлявшая коалицию трех партий, смогла добиться еще большего влияния в рядах малайской общины, значительно увеличив свою численность. Чтобы добиться этого, ОМНО пришлось осуществить ряд экономических мер, например, по развитию сельских районов, где в основном проживало малайское население. Взяв курс на реализацию «особых прав» малайцев, руководство партии стремилось заполнить все наиболее важные посты государственного управленческого аппарата своими членами.

31 июля 1960 г. было объявлено об отмене «чрезвычайного положения», направленного на борьбу с левыми силами, которое действовало в стране с июня 1948 г. Его заменил «Закон о внутренней безопасности», принятый с целью подавления коммунистического движения и борьбы с любой другой «подрывной» деятельностью.

Заметно укрепив свои позиции в государстве, правительство Абдул Рахмана решило воплотить в жизнь идею о создании Федерации Малайзии, в состав которой, помимо Малайской Федерации, должны были войти Сингапур, Саравак и Сабах, по-прежнему остающиеся колониальными владениями Англии, и Бруней, имевший статус английского протектората. Идея объединения бывших английских колоний существовала задолго до начала 60-х гг. Еще в 1951 г. британский комиссар в Юго-Восточной Азии М. Макдоналд выступил с предложением создать Малайский Союз. Он же был инициатором проведения ежегодной конференции английских чиновников Саравака, Се-

верного Борнео (Сабаха) и Брунея, которая, по его замыслу, могла бы стать первым шагом на пути к образованию Малайского Союза[31].

В 1958 г., в соответствии с Лондонским соглашением была составлена конституция Сингапура, по которой он получал статус самоуправляющегося государства в рамках Британского содружества наций. Победу на первых парламентских выборах, состоявшихся в мае 1959 г., одержала Партия народного действия (ПНД), а ее лидер Ли Куан Ю был назначен на пост премьер-министра Сингапура. Главой государства стал малаец по национальности Инче Юсуф бин Исхак. Однако вопросы внешней политики, обороны, внутренней безопасности, как и прежде, оставались в ведении британских властей. Неудовлетворенные таким «неполным самоуправлением», жители Сингапура решили вести борьбу за достижение реальной независимости острова, которую возглавило левое крыло ПНД. Противоречия внутри самой партии привели в 1961 г. к ее расколу. Левое крыло Партии народного действия обвинило правительство Ли Куан Ю и его сторонников в прозападном консерватизме и сформировало свою партию – «Барисан Сосиалис» во главе с Лин Цисяном, известным своими прокоммунистическими взглядами. Одним из основных требований новой партийной группы было полное освобождение Сингапура от колониальной зависимости и достижение независимости. В связи с резким обострением политической ситуации и усилением демократических настроений на острове, правящие круги Малайской Федерации были вынуждены согласиться на объединение с Сингапуром. Правительство страны опасалось, что после получения статуса независимого государства, леворадикальные взгляды некоторых сингапурских деяте-

[31] *Сулицкая Т.И.* Англия и Малайзия (1961–1971). М., 1973. С. 40.

лей могут послужить причиной активизации оппозиционных сил, способных выступить против правительства Малайской Федерации. Руководители Малайи посчитали, что присоединение Сингапура к Федерации может предотвратить подобное развитие ситуации.

В 1961 г. Тунку Абдул Рахман (1903–1990), первый премьер-министр Малайи, выступил с предложением создать Федерацию Малайзия с подключением территорий на Борнео (Сабах, Саравак, Бруней) и Сингапура. В сентябре 1963 г. такая Федерация (но без Брунея) была сформирована. 7 августа 1965 г. Сингапур вышел из состава Малайзии. Выход Сингапура оказался относительно безболезненным, поскольку руководство федерации считало, что его пребывание в составе Малайзии сильно нарушает этнический баланс в пользу китайского населения. К тому же Ли Куан Ю, бывший тогда главным министром Сингапура, не скрывал своих амбиций занять высший пост в Малайзии.

Этой цели, например, служило создание филиала правящей сингапурской Партии народного действия (ПНД) на территории Малайи, которая, получив в 1964 г. в соответствии с соглашением о Малайзии 12 мест в парламенте (три места от Сингапура получала партия «Барисан Сосиалис»), решила тем не менее принять участие во всеобщих выборах и с этой целью создала ряд своих отделений в Джохоре и Селангоре[32].

Обосновывая это решение, председатель ПНД, заместитель премьер-министра Сингапура То Чин Чье гово-

[32] *Погадаев В.А.* Партия демократического действия Малайзии: истоки создания // Страны Юго-Восточной Азии: традиции и современность (история, политика, экономика, культура) / отв. ред. Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н.; ред. кол.: Сабиров Р.Т. и др. — монография, электронное издание сетевого распространения / коллектив авторов. М.: «КДУ», «Добросвет», 2018. С.

рил, что «ПНД, сыгравшая ведущую роль в образовании Малайзии, должна рассматривать себя национальной партией. Поэтому жизненно необходимо, чтобы она приняла участие в выборах на территории Малайи. Однако в намерения ПНД не входит борьба против центрального правительства Малайзии или ОМНО. Совсем напротив. Мы намерены сотрудничать с ОМНО и центральным правительством Малайзии, чтобы Малайзия успешно развивалась. Поэтому мы примем лишь символическое участие в выборах»[33].

На самом деле, главной целью ПНД было стать компонентом Союзной партии и заменить в ней Китайскую ассоциацию Малайи. Однако сразу ПНД не могла рассчитывать на большой успех (она не имела массовой базы в стране) и выставила кандидатов только в девяти округах, главным образом в ближайшем к Сингапуру штате Джохор и в Куала-Лумпуре. Только один из девяти кандидатов ПНД прошел в парламент. Им был бывший генеральный секретарь Национального профсоюзного конгресса Сингапура Деван Наир[34].

После выхода Сингапура из Малайзии, отделения ПНД на территории Малайи объявили о том, что они по-

[33] The Straits Times. 02.03.1964.

[34] Ч.В. Деван Наир (1923–2005) – профсоюзный деятель, третий президент Сингапура. Родился в Малакке. Окончил Виктория Скул, работал учителем. В 1949 г. – генеральный секретарь Сингапурского союза учителей. В 1951–1953 гг. содержался под арестом за антиколониальную деятельность. В 1954 был среди основателей Партии народного действия и членом её ЦИК. В 1956–1959 гг. вновь был брошен в тюрьму. В 1961 г. участвовал в создании Национального конгресса профсоюзов – НКП и избран его первым генеральным снкретарём. В 1964 г. – член парламента Малайзии, основатель Партии демократического действия. Вернулся в Сингапур в 1969 г., до 1979 г. оставался генеральным секретарём НКП, способствовал сближению позиций профцентра с правительством. В 1979 г. стал членом сингапурского парламента, а в 1981–1985 гг. был президентом страны.

рывают с ПНД и создают новую партию, которая была зарегистрирована правительством 19 марта 1966 г. как Партия демократического действия. Лидером партии стал Деван Наир.

Правящие круги Малайзии настороженно отнеслись к созданию ПДД, рассматривая ее в качестве рупора идей премьер-министра Сингапура Лин Куан Ю. Опасения не были напрасными, ибо с самых первых дней своего существования ПДД стала отстаивать выдвинутый ПНД в мае 1965 г. лозунг «малайзийской Малайзии», т.е. конституционного равенства прав и возможностей всех граждан Федерации независимо от их национального происхождения[35].

Создание Малайзии не было признано Индонезией, которая провозгласила политику конфронтации, разорвала дипотношения с Малайзией и спровоцировала напряженность в пограничных районах. В этой связи в 1964–1967 гг. в Малайзии было введено чрезвычайное положение, которое во внутриполитическом плане было использовано для подрыва влияния оппозиционных партий – сторонников создания Великой Малайи в составе Малайи, Индонезии и даже Филиппин (Народная партия Малайи, Рабочая партия Малайи, Социалистический фронт). Приход к власти в Джакарте нового режима положил конец конфронтации: в 1966 г. в Бангкоке было подписано соответствующее соглашение.

После всеобщих выборов 1969 г., на которых немалайские партии выступили успешно, лишив СП конституционного большинства, в стране вспыхнули межэтнические столкновения. Успех немалайской оппозиции на выборах вызвал недовольство левацких малайских элементов, которые спровоцировали антикитайские кровавые

[35] *Погадаев В.А.* Малайзийская оппозиция в борьбе за независимость страны и социальный прогресс (1940–1970-е годы). М.: Ключ-С, 2014. С. 110.

выступления, вошедшие в историю как «события 13 мая». Погибло 196 и ранено 149 чел., сожжены 753 дома и 211 машин. Правительство поспешило обвинить в кровопролитии коммунистов и ПДД. Было введено чрезвычайное положение, деятельность парламента приостановлена до 1971 г.[36].

Малайзия после событий 1969 г. и выход из межобщинного кризиса

Новый премьер-министр Тун Абдул Разак (1922–1976), возглавивший правительство в 1970 г. после отставки Абдул Рахмана, объявил о проведении Новой экономической политики, ставившей целью искоренение бедности в целом, но особенно среди малайцев, которые, доминируя в политике, не имели серьезных позиций в экономике. Планировалось, что к 1990 г. малайцы будут контролировать треть всех капиталов страны[37]. Программа не была выполнена, но способствовала росту предпринимательского слоя среди малайцев. Кроме того, число населения, проживающего ниже уровня бедности, уменьшилось с 52 до 17 процентов.

Всемерно содействуя росту имущей и экономически активной прослойки в малайской общине, правящие круги стали проводить мероприятия, направленные и на ослабление межобщинной напряженности[38]. Этой цели служит выдвинутая в 1970 г. идеологическая концепция Рукунегара (основы государства), состоящая из пяти

---

[36] *Погадаев В.А.* Малайский мир (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур). Лингвострановедческий словарь. М.: Восточная книга, 2012. С. 501.
[37] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* Указ. соч. С. 345.
[38] *Кочеткова Е.В.* Тун Абдул Разак – национальный лидер и «отец развития» Малайзии // Многоликая элита Востока. Том 2. Коллективная монография. Отв. редактор и составитель Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. С. 479.

принципов: вера в бога, преданность Верховному правителю и стране, уважение конституции, соблюдение законов, примерное поведение и высокая нравственность. Концепция Рукунегара, отдаленно напоминающая индонезийскую концепцию Панчасила, носит самый общий характер и может служить различным социальным силам в зависимости от ее интерпретации[39].

Поскольку оппозиция в борьбе с правящей партией активно использовала вопросы национального единства, языка, образования и культуры, правящие круги Малайзии в 1971 г. провели в парламенте Закон о поправках к конституции, существенно ограничивший некоторые основные демократические свободы. Поправки запрещают любое публичное обсуждение вопросов, касающихся предоставления гражданства жителям страны, использования малайского и других языков в официальной переписке и для преподавания в школе, особых прав малайцев, прерогатив султанов[40].

Власти расширили также состав Союзной партии. В 1970 г. к ней присоединилась Объединенная народная партия Саравака – ОНПС (осн. 1959), в 1972 г. – партия Народное движение Малайзии – Геракан (1968) и Народно-прогрессивная партия – НПП, в 1973 г. – Панмалайзийская исламская партия – ПМИП, исключенная затем в 1977 г.[41]. В 1974 г. это объединение получило официальное название Национального фронта и постепенно увеличило состав до 13 партий.

Фронт одержал убедительную победу на выборах в 1974 г., а также в 1978 г. уже при новом премьер-министре

[39] Rukunegara // Geiger. Vol. 4, № 1, May 1971; *Погадаев В.А.* Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии // Вопросы истории, № 3. Ярославль: ЯГПУ, 2019. С. 135–139.

[40] *Колосков Б.Т.* Малайзия вчера и сегодня. М.: Мысль, 1984. С. 149.

[41] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* Указ. соч. С. 349.

Хуссейне Онне (1922– 1990), возглавлявшем правительство в 1976–1981 гг. Он побеждал и в дальнейшем вплоть до 2018 г.

После ухода Хуссейна Онна с политической арены по болезни в 1981 г. премьер-министром стал Махатхир Мохамад, который оставался на этом посту до 2003 г. С его именем связаны все достижения страны последнего времени, позволившие Малайзии выйти в разряд азиатских тигров[42].

Провозглашенная им в 1982 г. «Политика равнения на Восток» ставила задачу перенимать опыт «азиатских тигров» (Япония, Южная Корея, Тайвань), их организацию бизнеса, методы менеджмента и трудовую этику и, по существу, вывела страну в число передовых в Азии[43]. Реализация обнародованной в 1991 г. амбициозной программы «Концепция-2020» должна была превратить Малайзию к 2020 г. в индустриально развитое государство. Программа в силу ряда причин не была полностью реализована, но способствовала тому, что экономика Малайзии стала четвертой в Юго-Восточной Азии и 38-й в мире. При доходе на душу населения в 11 373 долл. США (2017) Малайзия является третьей по благосостоянию страной в Юго-Восточной Азии после Сингапура и Брунея[44].

При Махатхире в конце 1990-х в стране стало набирать популярность движение реформ, которое возглавил

---

[42] *Погадаев В.А.* Народный премьер // Доктор Махатхтр Мохпмад. Политик и личность. Автор проекта и сост. В.С. Сычев. М.: Форум, 2001. С. 210.

[43] *Мусаев Т., Джамиля Мохамад.* «Look East Policy» и попытки внедрения японского языкового образования и японской трудовой этики в Малайзии // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XX. К 50-летию Малайско-индонезийских чтений (1967–2017). Редакторы-составители В.А. Погадаев и В.В. Сикорский. М., 2018. С. 33-43.

[44] *Погадаев В.А.* Малайзия // Экономика стран Юго-Восточной Азии. Отв. редактор В.М. Мазырин. М.: 2020. С. 270.

заместитель премьер-министра Анвар Ибрагим. В 1997 гг. разразился Азиатский финансовый кризис, показавший кардинальные расхождения между Махатхиром и Анваром Ибрагимом, в сентябре 1998 г. последний был уволен в отставку и арестован, а в апреле 1999 г. был осуждён за коррупцию и за мужеложество на 15 лет лишения свободы.

Арест и заключение Анвара Ибрагима вызвали большое недовольство среди интеллигенции и последователей начатого им движения реформ, проповедником которых стала созданная его супругой Ван Азизой[45] в апреле

[45] Ван Азиза Ван Исмаил (р. 1952) – политическая деятельница Малайзии, президент Партии народной справедливости. Родилась в Сингапуре, но детство провела в Алор-Сетаре. Была вторым ребёнком из пяти детей. Отец Ван Исмаил Ван Махмуд 30 лет проработал государственным чиновником, дослужившись до поста члена Государственного совета безопасности. Мать – домохозяйка. Дедушка по материнской линии был заморским китайцем. В 1955 г. её родители уехали работать в Лондон и оставили её на попечении дяди Че Рус бин Тахира, который был главным инспектором здавоохранения штатов Кедах и Перлис. В 1978 году окончила с золотой медалью Королевский колледж хирургов в Шотландии. Врач-гинеколог. Проработала 15 лет в Главной больнице Куала-Лумпура и в больнице при Университете Малайя до 1993 г., когда её супруг Анвар Ибрагим был назначен заместителем премьер-министра. Занялась политикой в связи с устранением мужа Анвара Ибрагима с поста заместителя премьер-министра в 1998 г. и осуждением его по обвинению в коррупции и мужеложестве. После его ареста возглавила Движение за реформы, а 4 апреля создала и возглавила Национальную партию справедливости, которая после слияния с Народной партией Малайзии 3 апреля 2003 г. стала называться Партией народной справедливости. В 1999 г. одержала победу на всеобщих выборах от округа Перматанг-Паух и стала членом парламента. Повторила успех в 2004 и 2008 годах. Однако 21 июля 2008 г. покинула парламент, чтобы дать возможность мужу баллотироваться на промежуточных выборах 26 августа 2008, победить на них и стать членом парламента. Анвар Ибрагим не мог участвовать во всеобщих выборах, состоявшихся в марте 2008 г., поскольку к тому времени ещё не истёк пятилетний срок после его освобождения из тюрьмы, в течение которого он,

1998 г. Партия народной справедливости. В Куала-Лумпуре в сентябре 1998 г. на демонстрации в защиту Анвара выходили от 30 до 100 тыс. человек. Полиция для разгона демонстрантов вынуждена была применить силу, были раненые и арестованные. Многих при этом возмущал не столько сам факт заключения, сколько то, как грязно это было сделано и как жестоко обращались первое время с ним в тюрьме – его избивали (29 сентября на первое слушание в суде он появился со следами избиения и синяками на лице), не давали встречаться с родными и т.п.[46].

Правление премьер-министра Абдуллы Бадави (2003–2009) ознаменовалось как возвращением к «старым ценностям», забытым в период власти премьера Махатхира (например развитие рисоводства или традиционных промыслов, включая изготовление ткани «батик»), так и выдвижением новой концепции «ислам хадари» (цивилизованный ислам), подразумевающей открещивание от «исламского терроризма». Эта концепция имела и экономический аспект: сбалансированное и всестороннее экономическое развитие, достойная жизнь для всех, строительство человека, осваивающего современную науку и технику. В девятом пятилетнем плане Малайзии (2006–2010) в соответствии с концепцией «ислам хадари» ставилась задача поиска новых источников развития, повышения производительности во всех сферах экономики и со-

по закону, не имел права баллотироваться кандидатом в члены парламента.

На всеобщих выборах 2013 г. не выставляла свою кандидатуру в члены парламента. После победы альянса «Надежда» в 2018 стала заместителем премьер-министра.

[46] *Погадаев В.А.* Трудная судьба Анвара Ибрагима // Многоликая элита Востока. Том 2. Коллективная монография. Отв. редактор и составитель Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. С. 506.

вершенствования человеческого фактора, включая развитие образования, науки и культуры, т.е. подготовки квалифицированных кадров. При правлении Абдуллы Бадави с Анвара Ибрагима были сняты обвинения в коррупции и мужеложестве, и он был освобождён. Абдулла Бадави, однако, не смог реализовать все намеченные планы, так как ушел со своего поста в 2009 г., взяв на себя ответственность за более слабое, чем обычно, выступление НФ на выборах 2008 г.

Этому способствовало и давление Махатхира, сохранявшего влияние в стране. Он был недоволен таким развитием ситуации, посчитал, что Абдулла Бадави слишком слаб (к тому же выявились противоречия относительно дальнейшего развития экономики Малайзии: Абдулла Бадави свернул ряд начатых Махатхиром крупных престижных проектов и сконцентрировал внимание на развитии сельского хозяйства, в котором заняты в основном малайцы[47]) и стал предпринимать усилия, чтобы он ушел с поста премьер-министра и передал бразды правления в руки своего заместителя Наджиба Разака, сына Абдул Разака, бывшего премьер-министром Малайзии в 1970–1976 гг., благодаря которому в своё время опальный Махатхир вернулся в политику. Для этого он даже восстановил своё членство в ОМНО, которую покинул в период правления Абдуллы Бадави в знак несогласия с его политикой, и одобрительно отнёсся к провозглашённой Наджибом политике «Одна Малайзия», призванной объединить все национальные общины вокруг правящего блока и нейтрализовать влияние оппозиции[48]. Ему это удалось, и

[47] *Погадаев В.А.* Премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави // Тихоокеанское обозрение 2004–2005. М., 2006. С. 127.

[48] Подробнее см. *Погадаев В.А.* Одна Малайзия премьера Наджиба Разака // Азия и Африка сегодня, № 12. М.: РАН, 2009. С. 41–44.

уже в 2009 г. Абдулла Бадави подал в отставку, уступив место Наджибу.

Это, однако, не смогло остановить наступательного движения оппозиции. Из семи промежуточных выборов, состоявшихся после марта 2008 г., правящий Национальный фронт победил только в одних.

Освобождение Анвара Ибрагима существенно изменило политическую ситуацию в стране. После освобождения он стал советником созданной его женой Ван Азизой Ван Исмаил в 1999 г. Партии народной справедливости (ПНС). Как бывший заключенный, он не мог еще участвовать в выборах 2008 г., но сумел создать на базе трех партий (ПНС, ПДД, ПМИП) Народный блок, который значительно потеснил позиции правящего Национального фронта в парламенте и лишил его конституционного большинства, завоевав 82 места из 222 (на предыдущих выборах у оппозиции было всего 21 место) и сформировав правительства в штатах Кедах, Келантан, Селангор и Пинанг. Два фактора сказались на результатах выборов.

Во-первых, более открытая политика, которую стал проводить премьер-министр Абдулла Бадави.

После 22 лет авторитарного правления премьера Махатхира Мохамада, правившего «ежовыми рукавицами», политика Абдуллы Бадави (с октября 2003 г.) с его «цивилизованным исламом» стала как бы свежим глотком воздуха для страны и открыла возможности для плюрализма мнений, в том числе по вопросам дальнейшего развития страны. Он возглавил курс на демократизацию и гласность, усилил борьбу с коррупцией, ослабил нажим на оппозицию, практически прекратив использование Закона о внутренней безопасности, который позволял без суда и следствия арестовывать и содержать в тюрьме до двух лет любое лицо, действия которого угрожают (или могут угрожать) безопасности страны. Этот срок мог мно-

гократно продляться[49]. Закон был принят более 50 лет назад еще при англичанах для борьбы с восставшей в 1948 г. Компартией Малайи, но продолжал существовать до недавнего времени. Конечно, трудно не поддаться искушению использовать его против своих политических оппонентов, что и делал неоднократно Махатхир, который до того, как стать премьером, между прочим, критиковал этот закон.

Во-вторых, сыграла свою роль харизма Анвара Ибрагима, его имидж мученика, пострадавшего в прошлом от правящего режима, но вышедшего из всех передряг уверенным в себе и в своём деле.

Хотя многие политологи (включая российских) похоронили Анвара Ибрагима как «политический труп», он доказал обратное. Он сумел объединить интересы трёх, казалось бы, таких разных партий, побудить их отбросить свои амбиции, выдвинуть привлекательную платформу. Исламская партия, правящая в штате Келантан с 1990 г., согласилась заменить лозунг «исламизации» на лозунг «повышения благосостояния народа». Партия демократического действия, всегда выступавшая за «малайзийскую Малайзию», т.е. против привилегий какой-либо одной общине, и многонациональная формально, но преимущественно китайская по своему составу, проявила гибкость в отношении «особых прав» малайцев как коренной нации», имеющих, по Конституции, различные привилегии. В результате за неё голосовали даже в штатах с преимущественно малайским населением. Что там говорить, если гордость малайской литературы, Национальный писатель Малайзии Абдул Самад Саид заявил о вступлении в ПДД[50]. И, наконец, Народная партия справедливости в своём манифесте «Новое начало для Малайзии» выдвину-

[49] *Погадаев В.А.* Малайский мир. С. 249.
[50] A Samad Said joins DAP / The Star. 14.07.2015.

ла почти что социалистические лозунги: бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, снижение цен на бензин, высокие темпы экономического развития (до 8 процентов), введение минимальной зарплаты в размере 1500 ринггитов (около 400 долл. США), обеспечив себе поддержку беднейших слоев населения.

Таким образом, лидерам оппозиции удалось побудить избирателей поверить им. Как отмечают малайзийские политологи, многие годы население голосовало за Национальный фронт не потому, что полностью одобряло его политику, а потому что не верило оппозиции. Малайцы не голосовали за ПДД, а китайцы боялись ИП. Народная партия справедливости как многонациональная партия стала своеобразным мостом между ПДД и ИП, убедив их в необходимости взаимных компромиссов.

Сам Анвар был избран членом парламента 26 августа 2008 г. на промежуточных выборах и стал лидером оппозиции.

Совершенно очевидно, что в стране стала складываться двухполюсная (двухпартийная) система. С одной стороны, выступал Национальный фронт, тоже являющийся блоковой организацией (объединяет 13 партий при ведущей роли Объединённой малайской национальной организации – ОМНО), а с другой – Народный блок. Но в отличие от Национального фронта, состоящего из партий, построенных по национальному (коммуналистскому) принципу, Народный блок включал формально многонациональные партии, открытые для всех граждан Малайзии. Успех Народного блока на выборах отразил важные изменения в сознании малайзийцев, которые ранее считали, что их интересы могут отстаивать только организации, созданные по национальному признаку.

Внутриполитическое развитие современной Малайзии

Поскольку Малайзии пришлось пройти через несколько мировых финансовых и экономических кризисов, стало очевидным, что «Концепция-2020» не может быть реализована в установленные сроки. В этой связи премьер-министр Наджиб Разак (2009–2018) в 2010 г. заявил о необходимости внесения коррективов в «Концепцию-2020», а в 2016 г. вообще выдвинул собственный план, назвав его Программой национальной трансформации. Её целью ставилось вывести Малайзию к 2050 г. в число 20 ведущих экономик мира.

Наджибу, однако, пришлось столкнуться с серьезными вызовами как внутри НФ, так и со стороны оппозиции. Чтобы не допустить Анвара Ибрагима к дальнейшему участию в политике, против него было сфабриковано новое дело по тому же обвинению, и в 2014 г. его приговорили к пяти годам заключения. Но и без него, но с его именем блок продолжал успешно идти вперед.

Тенденция укрепления оппозиции, начавшаяся на выборах 2008 г., сохранилась и на выборах 5 мая 2013 г. Национальный фронт пришёл в парламент, потеряв семь мест. Цель, которую он ставил накануне выборов – восстановить своё большинство в две трети голосов[51] – оказалась недостигнутой. На выборах потерпели поражение все пять помощников премьер-министра Наджиба, четыре министра и четыре заместителя министров федерального правительства.

Оппозиция в лице Народного блока получила 89 мест в парламенте (на 7 мест больше, чем на выборах 2008 г.) и сохранила контроль над важными с точки зрения развития страны штатами Селангор, Пинанг и Келан-

[51] Berita Harian. 29.04.2013.

тан. Не победив в целом в стране, она тем не менее улучшила своё представительство в Законодательных собраниях ряда штатов, в том числе в Джохоре, который всегда считался неприступной цитаделью Фронта. И самое главное – она опередила Фронт по числу поданных за неё голосов – 52 процента избирателей отдали предпочтение ей, а не правящему Национальному фронту[52]. Лишь следование мажоритарной системе не позволило оппозиции получить большинство в парламенте. «Малайзийская весна», которую так ждали сторонники оппозиции, тогда не состоялась.

Оппозиция, действовавшая под лозунгом «Народный блок – надежда народа», подчёркивала достижения, достигнутые ею в подконтрольных ей штатах (бóльшие темпы развития, чем в целом по стране, активное строительство, в том числе домов для бедных, экономия средств и т.п.), но главный упор делала на планах по будущему устройству страны. В своём предвыборном манифесте она обещала ввести бесплатное образование в государственных вузах и бесплатное базовое медицинское обслуживание, отменить взимание платы за пользование дорогами, снизить цены на бензин, электричество, легковые автомобили. Конечно, это тоже привлекало к ним избирателей. Особенную активность в пользу оппозиции проявляла молодёжь, которая вела кампанию под лозунгом «Мы хотим перемен!» и «Теперь или никогда!».

Решающим для результатов выборов, однако, оказался государственный ресурс, которым обладал правящий фронт и которого не было у оппозиции. Все средства массовой информации, включая центральную прессу и телевидение, находящиеся под монопольным контролем правительства, были поставлены на службу пропаганды

[52] Malaysian Insider. 06.05.2013.

достижений Фронта и дискредитации оппозиции, победа которой, по их мнению, была бы «катастрофой для страны».

Пресса пыталась показать отсутствие единства в Народном блоке, невыполнимость обещаний оппозиции, запугать малайцев «китайской угрозой» в лице Партии демократического действия. Не прекращались попытки дискредитации лидеров оппозиции, особенно Анвара Ибрагима, в том числе путём обвинения в содомии, хотя высокий суд уже давно освободил его от всяких обвинений подобного рода.

Неисчерпаем был у правящего блока и финансовый ресурс. Накануне выборов посыпались обещания новых ассигнований программы «Одна Малайзия», ключевой в деятельности правящего фронта (единовременные выплаты, ваучеры на книги студентам, средства для писательских организаций и т.п.), миллионными тиражами издавались листовки и брошюры, плакаты, флаги, транспаранты, широко использовался для предвыборной кампании транспорт (агитационные машины, автобусы). «Деньги посыпались, как конфетти», – отмечал один из местных политических наблюдателей. Предвыборный манифест Национального фронта иронически назвали «денежным манифестом» (*от англ.* money fest).

Успеху оппозиции способствовала и деятельность созданной в 2006 г. общественной коалиции 62 общественных организаций за чистые и справедливые выборы (Берсих), которая, несмотря на запрет, проводила массовые демонстрации в столице и других городах. Противостояние сил безопасности с участниками массовых демонстраций, устроенных организацией «Берсих» 9 июля 2011 г., получивших название «марша демократии», практически парализовало жизнь столицы, а действия Наджиба (применение слезоточивого газа и водяных пушек для разгона демонстрации, арест многих видных деятелей оппозиции

и деятелей культуры, в том числе Национального писателя Абдула Самада Саида) в этой ситуации отнюдь не способствовали повышению его авторитета. «Многие считают, – отмечал обозреватель «Уолл Стрит Джорнэл», что кардинальное реформирование системы выборов привело бы к поражению правящего блока, поэтому ОМНО так боится организации «Берсих»[53].

Уже на следующий день после выборов лидер Национального фронта Наджиб Абдул Разак был приведён Верховным правителем Малайзии к присяге в качестве премьер-министра. Он заявил, что обеспокоен признаками поляризации населения страны, ибо, по его мнению, китайская община проголосовала в основном за оппозицию, а малайская – за правящую коалицию. Он назвал этот феномен «китайским цунами» и подчеркнул, что считает необходимым разработать программу «национального примирения».

Политические обозреватели расценили это заявление как провал политики «Одна Малайзия», ибо выборы показали наличие «двух Малайзий»: одна из них поддерживала правительство, а другая – оппозицию.

За время, прошедшее до выборов 9 мая 2018 г., ситуация в стране существенно изменилась. Лидер оппозиции Анвар Ибрагим был устранен властями из политики – после нескольких судебных процессов его снова упрятали в тюрьму. Народный блок прекратил существование из-за выхода 16 июня 2015 г. Панмалайзийской исламской партии, в которой произошла смена руководства. Но другие оппозиционные партии не отказались от совместных действий. Вместо Народного блока 22 сентября 2015 г. был со-

[53] *Malott, John R.* Running Scared in Malaysia / Wall Street Journal. 08.07.2011.

здан Альянс «Надежда» в составе ПДД, НПС и отколовшейся от ПМИП группировки «Аманах» (Доверие)[54].

Значительные перемены произошли и в стане правящего Национального фронта. Коррупционный скандал, в котором оказался замешан премьер-министр Наджиб, изменил к нему отношение Махатхира и вызвал протестные движения в партии ОМНО – главном компоненте НФ. Махатхир, отмечают обозреватели, ужаснулся, когда от верных ему людей в правительстве получил документы, говорившие о масштабах коррупции (из документов следовало, что Наджиб похитил из контролируемого им в качестве министра финансов государственного инвестиционного фонда 1MDB ни много ни мало 700 млн долл. США[55]), и стал открыто требовать прозрачного расследования и призывать Наджиба уйти с поста премьер-министра[56]. Но эти призывы были проигнорированы Наджибом.

Положение Наджиба в НФ, однако, стало шатким, особенно после того, как заместитель премьера Мохиддин Яссин потребовал от него реальных доказательств незамешанности в коррупции[57]. Наджиб в ответ заменил Генерального прокурора Абдула Гани Патаила, который сомневался в его невинности, и заменил его своим человеком Мохамадом Апанди Али, заявившим вскоре, что ничего преступного в деятельности премьер-министра не обнаружено. Деньги на личном счету премьера, по его сло-

[54] *Goh, Melissa.* Malaysia's opposition band together under new Pakatan Harapan alliance. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/asia/malaysia-s-opposition-band-together-under-new-pakatan-harapan-al-8240190.

[55] Malaysian taskforce investigates allegations $700m paid to PM Najib / The Guardian. 06.07.2015.

[56] Malaysia's Mahathir says 1MDB funds vanished, demands PM resign / Reuters. 23.04.2015.

[57] *Goh, Melissa.* Malaysia's opposition…

вам, – это «частные пожертвования» от королевской семьи Саудовской Аравии, которые были переведены в конце марта – начале апреля 2013 г. на нужды выборов[58].

Мохиддин за его нелояльность был снят со своего поста. Он, однако, вообще вышел из ОМНО и вместе со своими последователями создал 8 сентября 2016 г. новую Объединенную партию сынов земли – ОПСЗ (Берсату), которую согласился возглавить Махатхир[59]. Эта партия пошла на сотрудничество с альянсом «Надежда» и даже решила выступать на выборах под эмблемой ПНС. Махатхир и Анвар Ибрагим (в его отсутствие лидером оппозиции стала его супруга) «зарыли топор войны» и решили объединить усилия против Наджиба. Попытки последнего дискредитировать Махатхира ссылками на его «диктаторские замашки» в прошлом, на то, что его предки – не коренные малайцы, а выходцы из Индии, и т.п., не имели успеха.

В отсутствие общепризнанного лидера оппозиции Анвара Ибрагима, остававшегося в тюрьме, Махатхир сыграл его роль, объединив оппозицию (за исключением ПМИП), и использовав недовольство народа политикой Наджиба (в частности, введением налога на добавочную стоимость, повышением цен на бензин, на проезд по платным дорогам и т.п.), а также коррупционным скандалом, к расследованию которого присоединились к тому времени США, Австралия, Швейцария, через которые, как подозревалось, отмывались похищенные деньги.

На выборах 9 мая 2018 г. Национальный фронт впервые за свою историю потерпел поражение. Эти выборы политические обозреватели называют «народным цу-

---

[58] Former Malaysian PM accused of blocking 1MDB investigation / The Guardian. 14.05.2018.

[59] *Mazwin Nik Anis.* Zahid: RoS approves Muhyiddin's party, will be known as PPBM / The Star. 08.09.2016.

нами», смывшим находившийся более 60 лет у власти правящий Национальный фронт и приведший оппозиционный альянс «Надежда» к власти. У Альянса стало в парламенте 113 мест (к ним можно добавить еще 8 мест Сабахской партии наследия, которая, выступая самостоятельно, тем не менее, шла на выборы в сотрудничестве с Альянсом) из 222, а у правящего ранее Национального фронта лишь 79[60]. Кроме того, «Надежда» установила контроль над 9 из 13 штатов Малайзии (в Сараваке местные выборы не проводились)[61]. Но цунами этот, в отличие от природного катаклизма, носил очистительный характер. Страна впервые сбросила с себя цепи страха и проголосовала за изменения и реформы.

После небольшой заминки, связанной с тем, что альянс «Надежда» не был официально зарегистрирован как отдельная партия и тем, что по существующему законодательству только лидер партии, получившей большинство в парламенте (а им была председатель ПНС супруга Анвара Ибрагима Ван Азиза Ван Исмаил) может, заручившись поддержкой других партий, сформировать правительство, Махатхир получил аудиенцию у Верховного правителя (короля) Малайзии и принял присягу в качестве седьмого премьер-министра страны, снова вернувшись, таким образом, в политику. В своей инаугурационной речи Махатхир заявил: «Народ нашей страны совершил то, что казалось до сих пор невозможным. Вчера мы выбирали, чтобы вернуть достоинство и величие нашей страны. Спасибо всем. Мы выполним предвыборные обещания и готовы работать во имя народа»[62]. Ван Азиза Ван

[60] Pilihan Raya Umum Malaysia 14. Suruhanjaya Pilihan Raya Malaysia. URL: http://pru14.spr.gov.my/.
[61] Suruhanjaya Pilihan Raya Malaysia (Election Commission of Malaysia). URL: www.spr.gov.my/.
[62] The Wall Street Journal. 10.05.2018.

Исмаил была назначена заместителем премьер-министра, став первой женщиной, занявшей этот ответственный пост. Анвар был освобожден решением Верховного правителя о помиловании. Махатхир пообещал уступить ему свой пост через два года[63].

Время шло, а Махатхир, судя по всему, своего обещания выполнять не собирался. 21 февраля 2020 г. президентский совет блока «Надежда» на своем заседании потребовал от Махатхира назвать конкретную дату передачи власти, в частности вскоре после встречи АТЭС в ноябре 2020 г. Это побудило Махатхира пойти на шаги, которые спровоцировали политический кризис. 24 февраля он заявил об отставке кабинета. Верховный правитель оставил его временно исполнять обязанности до разрешения кризиса.

Тем временем ситуация в блоке «Надежда» изменилась коренным образом. Из него вышла часть махатхирской ОПСЗ во главе с Мухиддином Яссином и отколовшаяся от Народной партии справедливости фракция под руководством заместителя президента Азмина, и блок потерял большинство в парламенте. Фракция ОПСЗ во главе с Мухиддином Яссином, объединившись с оппозиционными партиями ОМНО, Исламской партией и несколькими партиями Сабаха и Саравака, создала новое объединение Национальный альянс, который смог убедить Верховного правителя, что имеет большинство в парламенте. 1 марта Верховный правитель назначил премьер-министром Мухиддина Яссина и поручил ему сформировать новое правительство[64].

Новое правительство действовало в сложной ситуации пандемии, и не все были довольны принимаемыми

---

[63] *Goh, Melissa.* Malaysia's opposition…

[64] Teks penuh ucapan Perdana Menteri, Tan Sri Muhyiddin Yassin / Berita Harian, Mac 2, 2020.

мерами. Из-за потери большинства в парламенте 16 августа 2021 г. Мухиддин Яссин, пробыв на своем посту всего 17 месяцев, подал в отставку[65]. 20 августа 2021 г. ОПСЗ и другие партии НС решили поддержать в качестве нового премьер-министра Исмаила Сабри Якоба из ОМНО, хорошо известного в Малайзии опытного политика, ранее занимавшего пост министра обороны в кабинете Мухиддина Яссина[66].

Выборы в Законодательное собрание штата Малакка 20 ноября 2021 г., на которых Национальный фронт получил 21 из 24 мест (ОМНО – 18)[67] подтвердили новую тенденцию во внутриполитической жизни Малайзии: возвращение доверия к ОМНО. Население, уставшее от политических треволнений в условиях пандемии, вновь отдает свои голоса Национальному фронту, прежде всего опытной и обновленной ОМНО, которая, находясь у власти до 2018 г., успешно справлялась с управлением страной в кризисных ситуациях.

[65] Muhyiddin pulang dari Putrajaya / Berita Harian, Ogos 16, 2021.
[66] Agong berkenan Ismail Sabri dilantik Perdana Menteri / Berita Harian, Ogos 20, 2021.
[67] Keputusan Pilihan raya Melaka 2021: Result Pilihanraya PRN / Berita Harian, November 22, 2021.

Глава 7. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИНГАПУРА: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ [1]

«Мы живем в мире, созданном империями. Действительно, большая часть современного мира – это пережиток империй: колониальных и доколониальных… Его история и культура пронизаны воспоминаниями, стремлениями, институтами и обидами, оставленными этими империями. Самой крупной, если не самой величественной из них была империя, с трудом собранная британцами на протяжении более чем трех столетий. Не менее четверти современных суверенных государств были вырезаны из её ткани.»

John Darwin, *Unfinished Empire, 2012.*

Все успехи и достижения независимой Республики Сингапур на современном этапе безусловно связаны с бессменным политическим руководством Партии Народного Действия и её основателя – первого премьер-министра Сингапура – Ли Куан Ю, но важно помнить о той роли, которую сыграла Британская империя в «закладке основ закона и порядка, а также в базовом государственном

[1] **Сведения об авторе:** ***Астафьева Екатерина Михайловна,*** *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва, katy-ast@yandex.ru*

управлении [Сингапура]»[2]. Без всякого преувеличения можно сказать, что и политическая, и бюрократическая, и социальная системы сингапурского общества зиждутся в настоящем на фундаменте, заложенном английской колониальной системой управления в прошлом. Да и сама партия власти – ПНД – закрепилась у власти еще в 1959 г., задолго до обретения страной независимости. Административная структура и, собственно, сами властные институты, заимствованные из других британских колониальных владений, были адаптированы к сингапурским условиям. На начальном этапе – в XIX в. – их основной задачей являлось поддержание устойчивого коммерческого успеха Сингапура, но несмотря на то, что большинство этих институтов были трансформированы, основы, заложенные ими, продолжают оказывать влияние на современное сингапурское постколониальное общество и составляют костяк многих социальных, административных и политических структур.

Роль колониальных институтов в формировании социально-политической системы Сингапура

Да простит читатель, ожидающий непосредственного перехода к изложению характерных черт современной политической системы Сингапура, но делать это без экскурса в историю развития политической и социальной системы не представляется возможным, поскольку, как было указано выше, социально-политическое и экономическое развитие Сингапура основано во-многом на его прошлом и, безусловно, определено его уникальным географическим положением в регионе Юго-Восточной Азии – Сингапур расположен на южной оконечности Малаккского полуострова, на севере он отделен от Малайзии Джохор-

[2] The Legacy of Empire in Singapore. P. 2. URL: https://www.british empire.co.uk/maproom/singapore/legacysingapore.pdf.

ским проливом, а на юге от Индонезии – Малаккским и Сингапурским проливами. Площадь острова невелика, но с каждым годом она увеличивается за счет засыпки прибрежного мелководья[3].

Предыстория Сингапура до 1819 г. – прихода на остров английской Ост-Индской компании (АОИК) – весьма фрагментарна. Сначала Сингапур находился под властью Шривиджаи, затем входил с империю Маджапахит, после был частью Малаккского султаната, а в период начала активной колониальной экспансии Португалии находился во владении султаната Джохор. На острове периодически строились торговые порты и поселения, которые разрушались в результате войн, несколько столетий остров находился в запустении и был прибежищем морских пиратов.

Коренным образом судьба Сингапура изменилась с приходом в регион Юго-Восточной Азии английской Ост-Индской компании (АОИК), которая во второй половине XVIII в. развернула поиски военно-морской и торговой базы в Малаккском проливе. В 1795 г. Малакка становится английским владением, а 28 января 1819 г. представитель АОИК Томас Стэмфорд Раффлз прибыл на остров Сингапур, где, по договору с султанатом Джохора от 6 февраля 1819 г. англичане получили разрешение создать торговую факторию у устья реки Сингапур, и с этого момента ведется отсчет новой истории Сингапура.

На остров начинают прибывать рабочие-мигранты из Китая, Малакки и Индии. Население растет небывалыми темпами. Приехавший на остров в 1822 г. Раффлз оказался весьма недоволен самовольной застройкой и периодически возникающими трениями между этнически многообразным населением молодой колонии. По его пору-

[3] 728,3 кв. км. (декабрь 2020).

чению от ноября 1822 г. под руководством лейтенанта Филипа Джексона, инженера и землемера колонии, начал разрабатываться план развития Сингапура, получивший название «План Джексона» или «План города Раффлза». Городской план 1822 г. под названием «План города Сингапура» был окончательно составлен в конце 1822 (или в начале 1823 г.) и опубликован в 1828 г. Безусловно, это была идеализированная схема, другими словами, полностью нереализованная, тем не менее, она служила ориентиром для развития Сингапура, и её влияние заметно и по сей день. Этнические жилые кварталы были разделены на четыре района. Жителями европейской части города являлись европейские торговцы, евразийцы и богатые азиаты; этнические китайцы размещались в современном китайском квартале и к юго-востоку от реки Сингапур. Этнические индийцы, а также мусульмане – этнические малайцы и арабы, мигрировавшие в Сингапур, селились, соответственно, в *кампонге*[4] Чулия к северу от китайского квартала и *кампонге* Гелам.

В июне 1823 г. английская Ост-Индская компания подписала с султаном Джохора новое соглашение, по которому англичане получали полный контроль над торговлей Сингапура[5]. По Лондонскому договору от 17 марта 1824 г. Голландия отказалась от своих претензий на Сингапур, а Малайя полностью вошла в сферу влияния Англии. А в августе 1824 г., согласно очередному договору с джохорским султанатом, султан и *тементунг* (премьер-министр) отказались от прав владения на Сингапур и близлежащие острова[6].

Необходимо отметить, что сразу после заключения первого договора 1819 г. Сингапур был передан под юрис-

[4] Кампонг (мал.) – община (территориальная).
[5] *Лю Ю.* Современный Сингапур… С. 28.
[6] *Труфанов И.П.* Сингапур. М.: Наука, 1967. С. 11.

дикцию Бенкулена (Суматра) генерал-губернатором коего являлся Раффлз, который, в свою очередь, должен был отчитываться перед своим начальством в Калькутте. Возможно, понимая, насколько несовершенна данная система, с точки зрения фактического отправления правосудия, британцы решили перевести Сингапур под прямой административный контроль Бенгалии и юрисдикцию судов в Калькутте.

С 1826 г. всё английское право, то есть общее право (включая закон о торговле) и статутное право стали частью правовой системы Сингапура, которая и сегодня демонстрирует большое влияние принципов, установленных британской правовой системой[7].

Общие положения британского права были применимы ко всем жителям Сингапура в равной степени, «…независимо от племени или нации…», но «...в зависимости от местных обстоятельств и условий...». В частности, «во всех случаях, касающихся религиозных обрядов, браков и правил наследования, законы и обычаи малайцев будут соблюдаться, если они не противоречат разуму, справедливости или гуманности. Во всех других случаях законы британской власти будут применяться с должным учетом обычаев и привычек людей…»[8]. Это положение, выдвинутое Раффлзом еще в 1823 г., чётко закрепило основы особого положения малайцев в Сингапуре, что нашло своё отражение как в административных структурах, так и в конституционном праве современного Сингапура. Также это положение предусматривало отделение религии от государственных вопросов, особенно в том, что касается ислама. Это положение продолжает оставаться важным фактором при толковании действующих законов

[7] The Legacy of Empire in Singapore… P. 4.
[8] The Legacy of Empire in Singapore… P. 3.

Сингапура и позволяет малайцам сохранять свою религиозную свободу, будучи частью светского общества.

В 1826 г. Сингапур, Пинанг и Малакка были объединены в Стрейтс-Сеттельментс («Поселения на проливах»), а в 1832 г. Сингапур стал их административным центром[9]. Полномочия в принятии законов для Стрейтс-Сеттельментс имело верховное правительство Индии и парламент Соединенного Королевства. В 1856 г. Сингапур получает статус города. В 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс попадают в ведение специальной колониальной администрации в Лондоне[10]. 1 апреля 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс получили статус колонии короны, и в Сингапур прибыл первый губернатор – генерал-майор сэр Гарри Сент-Джордж Орд.

В соответствии с письмом о патентах[11] от 4 февраля 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс была предоставлена колониальная конституция в обычной форме. 1 апреля того же года был учреждён Законодательный совет, в состав которого входили члены исполнительного совета (губернатор, командующий войсками Стрейтс-Сеттельментс и шестеро высших должностных лиц, в т.ч. секретарь колонии, лейтенант-губернатор Пинанга, генеральный прокурор и инженер колонии) и главный судья (официальные члены), а также четверо неофициальных членов, назначаемых губернатором. Инициатором законотворчества обычно выступал губернатор, он же имел право одобрять или налагать вето на законопроекты.

Опираясь на Стрейтс-Сеттельментс, Англии удалось захватить ряд малайских феодальных государств на Малаккском полуострове. Новые территории вместе со Стрейтс-Сеттельментс образовали Британскую Малайю с

---

[9] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век…. С. 17–20.

[10] *Лю Ю.* Современный Сингапур. М.: Наука, 1976. С. 28.

[11] Тип юридического документа в форме опубликованного письменного распоряжения, изданного монархом.

центром в Сингапуре. Губернатор колонии одновременно являлся английским верховным комиссаром в Малайе. Несмотря на то, что номинально в малайских султанатах сохранялась власть местных феодалов, реальная власть сосредоточилась в руках английских наместников-резидентов[12].

Колониальные власти, нуждаясь в дешевой рабочей силе на территории всей Британской Малайи, поощряли иммиграцию из Китая и Индии в свои владения. Однако британская администрация проводила сознательный курс на отведение каждой этнической группе своей политической, экономической, территориальной и социальной ниши. Такая политика привела к развитию антагонистических отношений не только между коренным (малайцы считают себя коренными жителями Сингапура) и иммигрантским населением, но и внутри самих этнических общин.

В первой четверти XIX в. в населении острова численно преобладали малайцы, однако в дальнейшем положение резко изменилось за счет увеличения миграции из южных провинций Китая, которая, в конечном итоге, привела к доминированию китайской этнической группы в населении Сингапура[13], к 1931 г. численность китайцев составляла почти 75%, такое соотношение сохраняется и сейчас[14].

Сформировавшуюся китайскую общину Сингапура возглавили *баба (баба-перанакан),* неизменно сохранявшие лояльность к колониальным властям. Причин тому было несколько: они получали университетское (английское)

---

[12] *Лебедев И.* Сингапур. М: «Соцэгиз», 1959. С. 7.

[13] *Лю Ю.* Современный Сингапур. М.: Наука, 1976. С. 17.

[14] Singapore Department of Statistics. URL: http://www.singstat.gov.sg/publications/publications_and_papers/cop2010/census_2010_release2/cop2010sr2.pdf.

образование, принимали протестантизм, отправляли своих детей на учебу в английские сингапурские школы и британские университеты[15]. Параллельно с этим слоем существовала и другая часть сингапурской китайской общины, которая укрепляла свои связи с материковым Китаем. Таким образом, внутри самой китайской общины произошло расслоение и расхождение интересов. «... Семьи *баба* ... имели очень мало контактов с китайской общиной в эти дни … отчасти из-за ... внушения, которое они получили от британцев или, скорее, английского образования, полученного в английских школах»[16]. *Баба* являли собой вестернизированную часть китайского населения Сингапура, а богатые торговцы, недавно прибывшие в страну, замкнулись в рамках самой общины.

17 августа 1900 г. по инициативе *баба* была создана Китайско-Британская ассоциация проливов, непосредственно связанная с торговыми китайскими палатами. Этот шаг позволил в 1931 г. добиться от колониальной администрации расширения представительства для китайской этнической группы в Законодательном совете Сингапура с трех членов – назначаемых правительством, до шести – трое из которых также назначались, а трое были выборными[17]. В октябре 1900 г. Китайско-Британская ассоциация проливов открыла филиал в Малакке, а в 1920 г. – в Пинанге[18].

---

[15] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 94.

[16] *Morrison, James H.* Japanese Occupation of Singapore // Canadian Oral History Association Journal, Vol. 14, 1994. P. 89.

[17] Straits Chinese British Association. URL: http://eresources.nlb.gov.sg/INFOPEDIA/articles/SIP_496_2004-12-20.html.

[18] 7 декабря 1964 г., в связи с получением Сингапуром независимости от Британии и вхождением в состав Федерации Малайзия, Китайско-Британская ассоциация проливов была переименована в Ассоциацию сингапурских китайцев перанакан.

Примечательно, что именно лидер *баба* – Тань Чэн Лок, выдвинул идею «объединенной самоуправляющейся нации Малайи», в которой все постоянные жители обладали бы равными правами, другими словами, богатое китайское меньшинство могло бы получить доступ и к политической власти[19].

Необходимо отметить, что специфической особенностью китайской миграции по всему миру является обязательное поддержание своей культурной общности при помощи различного рода клановых ассоциаций, землячеств и тайных обществ. Именно так вместе с китайскими переселенцами в Сингапуре появились и традиционные китайские организации, в том числе и тайные (Триада). Несмотря на то, что уже в 1840 г. британская администрация признала деятельность тайных обществ незаконной[20], роль этих организаций в замещении родственных (территориальных) связей для новых иммигрантов была очень значима. При этом, стремясь держать под своим контролем деятельность этнических общин, британские колониальные власти кооптировали их лидеров в систему обеспечения социального контроля, установив, таким образом, важные симбиотические отношения[21]. И данная система отношений действует и в настоящее время – примером чему может служить Народная Ассоциация (о составе, функциях и деятельности будет рассказано позже).

Катализатором возникновения коммунистического движения в Британской Малайе стали революционные события в Китае, хотя немаловажную роль здесь сыграла и

---

[19] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 140.

[20] *Freedman M.* Immigrants and Associations: Chinese in Nineteenth-Century Singapore // Comparative Studies in Society and History, 3(1), 1960. P. 30.

[21] *Ong J.H.* Community Security / in K.S. Sandhu and P. Wheatley (eds) Management of Success: The Moulding of Modern Singapore, Singapore, Institute of Southeast Asian Studies., 1989. P. 940.

Коммунистическая партия Индонезии (КПИ). Вероятно, при содействии КПИ в 1925 г. Коммунистическая партия Китая (КПК) установила связь с радикально настроенными китайцами в Малайе, а в Сингапур приехал Фу Дацин – руководитель Революционного комитета Гоминьдана Малайи[22]. В 1926 г., в период сотрудничества КПК и Гоминьдана, в Сингапуре были созданы Лига коммунистической молодежи и Наньянский всеобщий рабочий союз, тесно связанный с Секретариатом Тихоокеанского профсоюза, находившегося в Шанхае[23].

В 1927 г. из-за переворота Чан Кайши[24], КПК и Гоминьдан разорвали свои отношения, и в Сингапуре была организована Коммунистическая партия Южных морей, а в 1930 г. на ее базе была создана Коммунистическая партия Малайи (КПМ)[25], которая оставалась по своему составу преимущественно китайской[26].

Малайскую (мусульманскую) общину Сингапура возглавили выходцы из *джави-перанакан*[27], получившие европейское образование, и богатые арабы. Легче всего к жизни в Сингапуре приспосабливались индонезийцы, однако достичь успеха смогли лишь немногие из них. Большинство малайцев работали слугами, сторожами и садовниками. В 1900 г. *джави-перанакан* и арабы основали Сингапурскую исламскую ассоциацию – *Персекутуан ислам*

---

[22] *Hanrahan G.Z.* The Communism Struggle in Malaya. Kuala Lumpur, 1971. P. 29.

[23] *de Onraet R.H.* Singapore: A Police Background. L., 1947. P. 108–110.

[24] Чан Кайши (1887–1975) возглавил партию Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена в 1925 г., в 1950–1975 гг. – президент Китайской Республики.

[25] *Chean Boon Kheng.* From PKI to the Comintern. 1924–1941: The Apprenticeship of the Malayan Communist Party. Selected Documents and Discussion Compieled and Edited with Introduction. Ithaca, 1992. Pp. 16–17.

[26] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 140.

[27] Джави-перанакан – потомки арабских переселенцев.

Сингапура, вслед за этим стали возникать различные организации (клубы и общества), главное внимание уделявшие сохранению обычаев и развитию малайского языка[28].

В 1926 г. была создана первая общественная малайская организация – Союз малайцев Сингапура[29], главой которого стал Мохаммад Юнос бин Абдуллах. Союз поставил перед собой цель привлечь малайцев к политической жизни, а также выступать защитниками интересов малайской общины перед колониальной администрацией. Постепенно деятельность Союза, тесно сотрудничавшего с колониальными властями, начала приобретать антикитайскую направленность. Союз малайцев Сингапура стал родоначальником одного из малайских националистических движений.

Уже к началу XX в. в Сингапуре сформировалось значительное индийское население. Индийцы были главным образом плантационными рабочими, торговцами и предпринимателями, кроме сикхов, которые служили в полиции. Индийская община в Сингапуре практически никогда не выступала инициатором каких-либо межобщинных конфликтов. Единственным серьезным инцидентом с их участием стал так называемый Сингапурский мятеж 1915 г. 5-го полка легкой пехоты, направленный против колониальных властей[30].

В 1924 г. система политической власти была изменена таким образом, что два неофициальных члена Законодательного совета назначались губернатором в состав Исполнительного совета. Кроме того, количество членов За-

---

[28] *Birch. E.W.* The Vernacular Press in Singapore // JMBRAS. 1969, Vol. 42, Pt. 1. P. 93.

[29] Кесатуан Малаю Сингапура

[30] Подробнее см.: *Астафьева Е.М.* Сингапурский мятеж 1915 г. и сингапурский бунт 2013 г.: трагическое стечение обстоятельств? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.2014, № 25. С. 158–159.

конодательного совета было увеличено до 26 с равным представительством должностных и неофициальных членов. Губернатор сохранил за собой решающий голос. Пинангская и Европейская торговая палаты выдвинули по одному неофициальному представителю, а губернатор назначил остальных по этническому признаку: пять европейцев, в том числе по одному из Пинанга и Малакки, троих китайцев – британских подданных, одного малайца, одного индийца и одного евразийца. Эта система действовала до тех пор, пока Сингапур не пал под натиском японской армады в 1942 г. во время Второй мировой войны.

К началу Второй мировой войны Британская Малайя представляла собой весьма сложный организм под единым управлением английского губернатора в Сингапуре, функционирующий в рамках трех типов колониальных владений и семи систем управления, а именно: Стрейтс-Сеттельментс, Федерации малайских государств (ФМГ) и пяти Нефедерированных малайских государств (НМГ).

Влияние распада мировой колониальной системы на политические процессы в Сингапуре

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. молниеносно повлияло на Британскую Малайю. В стране начался новый экономический бум, повысился уровень занятости населения. Однако недовольство низким уровнем заработной платы привело к росту забастовочного движения под руководством КПМ и профсоюзов. С октября 1939 г. по сентябрь 1940 г. в Малайе прошло свыше 150 забастовок. 1 сентября 1940 г. мощная демонстрация прошла в Сингапуре[31].

С середины 1940 г. все более явной становилась угроза британским владениям в Юго-Восточной Азии со стороны Японии, тщательно готовившейся к нападению.

[31] *Blascheke W.* Freedom for Malaya. Sydney, 1949. P. 11.

Японцы проводили у берегов Малайи учения и морские маневры, страну наводнили японские шпионы[32]. В сентябре 1940 г. Япония начала оккупацию Северного Вьетнама, создав, таким образом, плацдарм для удара в южном направлении. Именно тогда между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт, который поощрял японскую агрессию в странах Южных морей.

Однако британцы довольно вяло реагировали на эти провокационные действия. Оплотом безопасности своих владений в регионе, «Бастионом британского могущества» Британия считала сингапурскую военно-морскую базу, строительство которой было завершено только к 1941 г.[33].

В ноябре 1940 г. в Сингапур прибыл новый командующий британскими силами на Дальнем Востоке Генри Роберт Мур Брук-Попэм, а в мае 1941 г. командующим войсками в Малайе был назначен генерал-лейтенант Артур Персивал. При этом оба командующих были ограничены в своих полномочиях, поскольку флот, гражданская оборона и вся сфера гражданского управления оказались вне их компетенции.

Шла война, но Сингапур жил своей жизнью, следствием экономического бума стала нехватка рабочих рук. Губернатор Сингапура Шентон Томас отказал предоставить рабочих для строительства оборонительных сооружений, сославшись на приоритет «развития мирной экономики»[34]. Британские власти весьма оптимистично оценивали свое положение, рассчитывая, что Япония в первую очередь нападет на СССР, а никак не на Малайю. В своем стремлении не раздражать Японию, колониальные власти продолжали преследовать коммунистов несмотря на то, что еще в сентябре 1940 г. Коммунистиче-

---

[32] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 152.

[33] *Miller E.* Strategy at Singapore. N.Y., 1942. P. 123.

[34] *Swinson A.* Defeat in Malaya: The Fall of Singapore. L., 1970. P. 33.

ская партия Малайи отказалась от своих антибританских действий и предложила сотрудничество в рамках Антияпонского мобилизационного комитета заморских китайцев[35].

В октябре 1941 г. Брук-Попэм громогласно заявил, что Британия не нуждается в американской военно-морской поддержке. Восторг и вера в незыблемость британского владычества достигли своего пика 2 декабря 1941 г., когда жители Сингапура стали свидетелями, как им казалось, мощи Британской империи: на Сингапурскую базу прибыли линкор «Принц Уэльский» и тяжелый крейсер «Рипалз».

А уже 8 декабря на Сингапур были сброшены первые японские бомбы. Уничтожив американский флот в Перл-Харбор, японские войска высадились на восточном побережье Малаккского полуострова и начали свое стремительное продвижение. Британцы теряли свои позиции одну за другой.

Против Британской Малайи была брошена 25-я японская армия под командованием генерал-лейтенанта Ямасита Томоюки, которая молниеносно – в течение 70 дней захватила всю территорию Малайи и Сингапур.

К концу января 1942 г. оставшиеся британские части были оттеснены на южный край Полуострова и были вынуждены эвакуироваться на остров Сингапур. 31 января 30 тысяч человек перешли по дамбе из Джохора в Сингапур и соединились с его гарнизоном. Город подвергался ежедневным воздушным налетам, трупы не успевали убирать с улиц. Больницы и отели были переполнены ранеными. Власти окончательно растерялись. Губернатор Сингапура не вводил военное положение. Военно-морская база опустела.

---

[35] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 155.

Утром 15 февраля Персивал собрал последний военный совет, на котором было принято решение о сдаче Сингапура. В тот же день он отправился в штаб-квартиру Ямасита и принял требование о безоговорочной капитуляции. Ямасита согласился ввести войска в Сингапур на следующий день. Бомбардировки и обстрел города прекратились.

16 февраля в Сингапуре появились подразделения *кэмпэйтай*, а на следующий день всё европейское население (за исключением немцев и граждан нейтральных держав) было согнано на площадь и затем отправлено в лагеря, куда попали и военнопленные. Британская армия сдалась. Местная полиция самораспутилась. На несколько дней в Сингапуре воцарилось беззаконие. Японцы быстро восстановили порядок, расстреляв на месте и обезглавив нескольких мародеров. Подавив беспорядки, японцы начали «зачистки» среди китайского населения Сингапура. Только с 18 по 22 февраля 1942 г. было убито 6 тыс. молодых китайцев. После войны комитет Китайской торговой палаты эксгумировал множество массовых захоронений в Сиглапе, Пунголе и Чанги. По оценкам, число убитых составило от 50 тыс. до 100 тыс. человек[36].

К началу 1945 г. стало очевидно, что падение «Зоны процветания Большой Восточной Азии», которую хотели создать японцы, – это вопрос времени. Когда известия об американской ядерной бомбардировке Японии и последующей капитуляции распространились по всему острову, из-за значительного японского контингента в Сингапуре воцарилось некое «дипломатическое молчание»[37]. Император Японии объявил о капитуляции 15 августа 1945 г., но новость об этом не появлялась на страницах га-

[36] *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story… P. 54.

[37] *Morrison, James H.* Japanese Occupation of Singapore // Canadian Oral History Association Journal, Vol. 14, 1994. P. 91.

зеты *Syonan Shimbun* до 20 августа, когда был опубликован весь «Императорский рескрипт». Война закончилась для Сингапура без дальнейших боев.

Однако англичане не возвращались на остров еще в течение трех недель, только в начале сентября 1945 г. британские войска вернулись в Сингапур и состоялась официальная капитуляция японских войск лорду Луис Маунтбэттену.

Война и принесенные ею тяготы и лишения стали своеобразным катализатором формирования сингапурской идентичности. Население страны, уже к концу 1930-х гг. состояло по большей части не из китайских иммигрантов, а из их потомков – местных уроженцев, которые в годы японской оккупации начали ощущать себя именно сингапурцами, а не «местными китайцами» – *баба* или «заморскими китайцами» (*хуацяо*)[38].

Новая международная обстановка, сложившаяся в мире после окончания Второй мировой войны, обусловленная распадом колониальной системы, вынудила Англию к проведению реформы колониального управления в Малайе.

Необходимо указать, что еще в период Второй мировой войны – 14 августа 1941 г., Великобритания подписала Атлантическую хартию, в которой признавалось право «всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить» и содержалось обещание «восстановления суверенных прав и самоуправления народов». Однако, У. Черчиль, премьер-министр Великобритании, дал разъяснение, в котором указал, что подписанная хартия имеет отношение, в первую очередь, к государствам Европы, а никак не к подданным английской короны[39].

---

[38] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 172.

[39] Национальный вопрос в Малайзии. М.: Наука, 1977. С. 36–37.

Несмотря на то, что политика колониальных властей «разделяй и властвуй» была крайне эффективна в Малайе и негативно влияла на уровень национально-освободительного движения, после окончания войны у Англии уже не оставалось другого выхода, кроме проведения реформы колониального управления.

Примечательно, что планы по реорганизации колониального управления начали разрабатываться в министерстве колоний Великобритании еще в 1943 г., однако попытки принять участие в их обсуждении представителей европейского и китайского населения Стрейтс-Сеттельментс были встречены британской администрацией весьма раздраженно[40].

23 января 1946 г. английским правительством была опубликована Белая книга по реформе колониального управления в Малайе. 1 апреля 1946 г. девять малайских султанатов и Стрейтс-Сеттельментс Пинанг и Малакка официально сформировали Малайский Союз, а Сингапур стал отдельной колонией короны[41]. При этом в Сингапуре была сохранена организационная структура Стрейтс-Сеттельментс во главе с губернатором. 3 апреля 1946 г. первым губернатором Сингапура был назначен Франклин Гимсон. Несмотря на разделение двух территорий – Малайи и Сингапура, их судьба все еще была тесно связана.

Создание Малайского Союза, согласно планам британской администрации, должно было повысить эффективность административного управления, а также подготовить Малайю и Сингапур к возможному самоуправлению[42]. Сингапур не был включен в Малайский Союз из-за экономического и стратегического значения его порта и

---

[40] *Turnbull C.M.* A History of Singapore… P. 221.

[41] *Chew E., Lee E.* (Eds.). A history of Singapore. Singapore: Oxford University Press, 1991. P. 117.

[42] *Sopiee M.N.* From Malayan Union… Pp. 16–17.

военно-морской базы для англичан[43]. Кроме того, учитывая, что все лица, родившиеся или проживающие в Малайе, приобретали право на получение гражданства Малайского Союза, англичане посчитали, что включение Сингапура с его китайским большинством, может усложнить принятие положительного решения с малайской стороны[44].

Единое гражданство Малайского Союза предусматривало доступ всем гражданам к образованию и государственной службе. Выдача свидетельств о гражданстве была в компетенции губернатора Малайского Союза.

Гражданство распространялось на лиц, родившихся и проживавших в Малайе и Сингапуре на момент вступления в силу положения (1 апреля 1946 г.); лиц, родившихся в Малайе или Сингапуре или за их пределами после этой даты, если отец имел гражданство Малайского Союза; лиц в возрасте от 18 лет и старше, постоянно проживавших в Малайе и Сингапуре не менее 10 из 15 лет до 15 февраля 1942 г.[45]. Гражданином также признавалось любое лицо, родившееся за пределами Малайского Союза и Сингапура в день или после даты вступления в силу положения, отец которого являлся гражданином Малайского Союза. Японцы не имели права на получение малайского гражданства[46].

Согласно этому положению Конституции, губернатор Малайского Союза мог выдать свидетельство о граж-

---

[43] *Lau A.* The Malayan Union controversy 1942–1948. Singapore: Oxford University Press, 1991. P. 44.

[44] *Yeo K.W.* Political development in Singapore, 1945–55. Singapore: Singapore University Press, 1973. Pp. 12–14.

[45] *Ratnamn K.J.* Communalism and the political process in Malaya. Kuala Lumpur, 1965. Pp. 73–74.

[46] *The Straits Times*, 18 April 1946. National Library Board – NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19460418-1.2.18. (микрофильм NL 478).

данстве заявителям, проживавшим в Малайском Союзе или Сингапуре в течение одного года до подачи заявления, и еще четыре года (всего 5 лет) в течение последних 8 лет до подачи заявления, пользовавшимся хорошей репутацией и владевшим малайским или английским языками[47]. Однако в этой части положение так и не было реализовано. Сначала эти решения откладывались, впоследствии в это положение были внесены изменения, усложнившие для многих китайцев и индийцев получение малайского гражданства.

Положение о едином гражданстве вызвало бурную реакцию как малайских, так и сингапурских социально-политических сил. Своими решениями британская администрация разрушала структуру малайского общества, основанную на системе подданства малайцев султанам. Возможность равного доступа к гражданской службе означала неизбежное вытеснение малайцев более образованными китайцами и индийцами. Самым пугающим становилась перспектива выборов, в ходе которых 83% китайцев и 75% индийцев, проживавших в Малайе, получали избирательное право, а малайцы становились избирательным меньшинством[48]. Земли, которыми ранее распоряжались султаны, могли стать доступными для немалайского населения. Наряду с доминированием китайцев и индийцев в экономической сфере, все это подрывало позиции малайцев в политической жизни[49].

Китайская и индийская общины восприняли положение о гражданстве весьма позитивно, но выступили против отделения Сингапура. Малайская элита была, напротив, очень удовлетворена таким решением, что бы-

---

[47] The Straits Times. 18.04.1946.

[48] *Ratnamn K.J.* Communalism and the political process in Malaya. Kuala Lumpur, 1965. P. 75.

[49] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 180.

ло обусловлено численным преобладанием китайцев в населении Сингапура.

Малайский Союз, задуманный британскими властями как эффективная система эксплуатации и опора в закреплении их господства, не оправдал надежд колонизаторов. Создание Союза дало мощный толчок к подъему антиколониального движения как в Малайе, так и в Сингапуре. Главной силой этого движения стала Коммунистическая партия Малайи (КПМ). И в Малайе, и в Сингапуре стали восстанавливаться профсоюзы, по обеим территориям прокатились забастовки.

Расширялось и крепло национальное движение – сформировались левобуржуазные и мелкобуржуазные политические силы. Во главе этого движения встала интеллигенция (в основном, получившая английское образование), но само движение было весьма неоднородным, поскольку объединяло различные классы общества.

Конец 1945 г. ознаменовался созданием двух основных политических партий, стоящих на позициях радикального национализма. Сингапурская средняя и мелкая буржуазия и интеллигенция стала опорой Малайского демократического союза (МДС)[50]. Партия была многонациональной, но все же большинством в ней были китайцы. В политическом манифесте партии, опубликованном в декабре 1946 г. главными положениями были: «самоуправление в рамках Британского содружества, созыв Законодательной ассамблеи на базе всеобщего избирательного права, свобода личности, слова, печати и собраний, реформа образования, создание системы социального

[50] Малайский демократический союз (MDU) – первая партия, созданная в Сингапуре 21 декабря 1945 г., партия распалась 24 июня 1948 г. после того, как не смогла достичь своих целей, а также после объявления «чрезвычайки». Singapore General Election 1948. URL: http://singapore-elections.com/general-election/1948/.

обеспечения, повышение жизненного уровня широких масс, вхождение Сингапура в Малайский Союз»[51]. МДС требовал независимости Малайи и Сингапура как единого целого[52].

Опорой Малайской националистической партии – еще одной силы национально-освободительного движения, – стала мелкая малайская буржуазия и интеллигенция. Их политической целью было получение независимости путем создания Великой Индонезии (т.е. Малайя должна была присоединиться к Индонезии)[53].

Одной из главных сил, положившей начало политическому расколу по национально-общинному принципу, стала Объединенная малайская национальная организация (ОМНО). Основной причиной создания ОМНО было недовольство малайской аристократии и чиновников ущемлением интересов имущих слоев малайцев. Еще в период подготовки к созданию Малайского Союза по всей Малайе начали функционировать различные малайские организации в защиту прежнего положения султанов[54]. Решение об объединении малайских ассоциаций в ОМНО было принято на Всемалайском конгрессе малайцев в Куала-Лумпуре 1 марта 1946 г. Избранный президентом конгресса Дато Онн бин Джафар призвал к бойкоту Малайского Союза.

С самого начала своего существования ОМНО вступила в борьбу за пересмотр реформы управления Малайей и требовала признания исключительных прав малайцев. Очень быстро эта организация получила поддержку широких слоев малайского населения. Однако требований

---

[51] *Turnbull C.M.* History of Singapore... P. 230.
[52] *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story… P. 88.
[53] *Bedlington S.S.* Malaysia and Singapore. The building of New States. Ithaca and London, 1978. Pp. 71–72.
[54] *Sopiee N.M.* From Malayan Union… P. 25.

о независимости ОМНО не выдвигала, их целью была единая Малайя под колониальным управлением, но с расширением привилегий малайской знати, чиновничества и буржуазии.

Такие требования в глазах британской администрации были наименьшим из зол, поскольку ОМНО не провозглашала антиколониальных лозунгов и могла сдерживать малайских полицейских и чиновников, составлявших более 70% административного аппарата[55].

Бойкот малайскими султанами церемонии провозглашения Малайского союза 1 апреля 1946 г. и отказ семи малайцев – членов Совещательного совета явиться на заседание 2 апреля, возымели свое действие.

Губернатор Малайского Союза Э. Гент направил в Лондон письмо, сообщавшее, что малайцев не устраивает унитарное устройство и они согласны лишь на федеративное[56]. Окончательное решение о пересмотре реформы было принято после того, как генерал-губернатор М. МакДональд после первой недели пребывания в Сингапуре (он приехал 21 мая 1946 г.), направил телеграмму, в которой он «заклинал заменить Малайский Союз федерацией и изменить правила гражданства в пользу малайцев»[57].

В условиях расширения антиколониального движения и межэтнических столкновений английское правительство пошло на переговоры с лидерами ОМНО и султанами. Переговоры начались в середине июля 1946 г. и завершились 25 июля. По итогам был создан Англо-Малайский рабочий комитет для обсуждения проекта нового устройства Малайзии, в который вошли шесть пред-

[55] Federation of Malaya. Annual Report 1949. Kuala Lumpur, 1950. P. 8.
[56] *Allen J.* The Malayan Union. New Haven, 1967. Pp. 48–49.
[57] *Allen J.* The Malayan Union… P. 55.

ставителей британской администрации, четыре султана и два представителя ОМНО[58].

КПМ и МНП, занятые забастовочным движением и выдвижением общедемократических лозунгов, упустили из виду действия английской администрации и ОМНО. И планы о воссоединении Малайи и Сингапура, как и гражданские права для значительной части китайской и индийской этнических групп, «растаяли как дым». Оппозиция очнулась только после объявления 12 декабря 1946 г. о завершении работы Англо-Малайского рабочего комитета и о готовности к консультациям «со всеми заинтересованными этническими общинами в Малайе без промедления»[59].

МДС немедленно приступил к действиям. Под его эгидой был образован Панмалайский совет объединенных действий (ПСОД), в который вошли МДС, Ассоциация ветеранов ААНМ, Китайско-Британская ассоциация проливов и Индийский конгресс Малайи. Председателем был избран Тань Чэн Лок, а секретарем – вице-президент МДС – Джон Эбер. ПСОД выдвинула свои требования: объединение Малайи и Сингапура, самоуправление, единое гражданство, и начала борьбу против создания Малайской Федерации. Однако малайское население оставалось в стороне, пока в феврале 1947 г. на политической сцене не появилось объединение малайских организаций Путера, в которую кроме МПН вошли еще несколько левых малайских движений.

Уже в марте ПСОД и Путера образовали коалицию и начали совместные действия, выдвинув совместные требования и создав проект «Народной Конституции», в противовес Конституции Малайской Федерации. Но эти шаги не принесли никаких результатов.

---

[58] *Sopiee N.M.* From Malayan Union… P. 37.
[59] *Sopiee N.M.* From Malayan Union… P. 33.

24 июля 1947 г. было объявлено, что английское правительство принимает проект Конституции Малайской Федерации, не предусматривавший объединение с Сингапуром и резко ограничивавший количество представителей немалайских этнических групп в получении гражданства. Это вызвало огромное недовольство со стороны Ассоциации китайских торговых палат (АКТП), которая представляла интересы консервативно настроенных китайских националистов в Малайе и Сингапуре. Возникла новая коалиция между ПСОД-Путера и АКТП. В августе, по настоятельному требованию АКТП, ПСОД поменял свое название на Всемалайский совет объединенных действий (ВСОД). Новая коалиция начала активные действия путем проведения *харталов* – всеобщих забастовок[60]. 20 октября 1947 г. одновременно прошли харталы на территории Малайи и Сингапура. Забастовка удалась, но имела печальные последствия для оппозиции, поскольку усилила малайско-китайское противостояние и решимость английских властей, действующих в союзе с ОМНО, не идти на уступки оппозиции. В конце 1947 г. коалиция ВСОД-Путера-АКТП развалилась. К весне 1948 г. единственной оппозицией английским властям осталась КПМ.

1 февраля 1948 г. было провозглашено создание Малайской Федерации. Сингапур остался колонией короны. Все идеи о «едином гражданстве» для жителей Малайи и Сингапура, выдвинутые в рамках создания Малайского Союза, не были реализованы[61]. Создание Малайской Федерации вместо Малайского Союза позволило сохранить малайское большинство среди лиц, получивших гражданство Федерации. Пойдя на определенные уступки малайской элите, английские власти, тем не менее, в целом со-

[60] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век... С. 188–189.

[61] Конституция Малайской Федерации. URL: http://constitutions.ru/?p=54.

хранили колониальную систему управления и не ушли с лидирующих позиций в политической и экономической сферах.

20 марта 1948 г. в Сингапуре прошли первые выборы в Законодательный совет. Голосование не было обязательным и в нем могли принимать участие только британские подданные, которые проживали в Сингапуре не менее года, они составляли около 2% населения Сингапура, насчитывавшего в то время более 940 тыс. жителей. Прогрессивная партия (ПП)[62] стала единственной, принимавшей участие в выборах, поскольку МДС объявил бойкот. Всего было зарегистрировано 22 334 избирателей, явка составила 14 126 чел. (63,2%). ПП получила 3 места из 6.

Вторые выборы в Законодательный совет состоялись 10 апреля 1951 г. Государственный секретарь Великобритании по делам колоний одобрил предложение об увеличении числа мест, избираемых на национальном уровне, на три (с 6 до 9), подняв общее число мест с 22 до 25. Голосование вновь не было обязательным и являлось привилегией только определенных граждан. Было зарегистрировано 48 155 избирателей, явка составила 25 065 (52,1%). Руководителем кампании вице-председателя ПП Джона Лейкока был Ли Куан Ю, который в то время занимал должность помощника юриста в юридической фирме Лейкока[63]. Прогрессивная партия получила 6 мест из 9[64].

---

[62] Прогрессивная партия (ПП) была основана 25 августа 1947 г. тремя юристами – Тан Чье Ченгом, Джоном Лейкоком и Назиром Ахмадом Маллалом. Все они получили образование в Лондонском университете и были тремя из шести первых в истории избранных членов Законодательного совета. Эта партия была первой политической партией Сингапура. Singapore Elections. URL: http://singapore-elections.com/political-parties/pp.html.

[63] Singapore General Election 1951. http://singapore-elections.com/general-election/1951/.

С 18 июня 1948 г. до 31 июня 1960 г. – под руководством КПМ в Малайе происходит вооруженная партизанская война против английских колонизаторов, затронувшая и Сингапур. Этот период вошел в историю под названием «Чрезвычайка»[65]. Однако, из-за всеобъемлющего характера противостояния, повлиявшего на все стороны жизни, его нельзя оценивать только с точки зрения военного противостояния британских властей и партизан-коммунистов[66].

КПМ обладала реальной военной силой и широкой социальной базой, причем, по этническому составу в ней преобладали китайцы. Малайская элита выражала откровенные антикитайские настроения, и, соответственно, антикоммунистические. В условиях расширения антиколониального движения, англичане приняли решение пойти на компромисс с малайской элитой и, таким образом, коллаборационистские силы стали главной опорой английских властей в борьбе с бывшими союзниками по антияпонской борьбе – коммунистами[67].

Обстановка начала накаляться в мае–июне 1948 г. – английские власти силой подавляли забастовки, проводили аресты и высылку своих противников; КПМ в джунглях создавала склады оружия, и боевики нападали на управляющих плантациями. Число жертв росло, и 18 июня на всей территории Малайской Федерации было введено чрезвычайное положение. Полиция получила право ареста и содержания под стражей без предъявления обвине-

---

[64] Parliament of Singapore. URL: https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

[65] «The Emergency».

[66] *Тюрин В.А.* «Чрезвычайка»: гражданская война в форме этнического противостояния // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Выпуск 11, 2008. С. 298.

[67] *Тюрин В.А.* «Чрезвычайка»… С. 298.

ния (на срок до года), конфискацию транспортных средств, обыска без ордеров. Вводилась смертная казнь за несанкционированное владение оружием. Армия должна была помогать полиции.

Ситуация обострялась и 24 июня 1948 г. чрезвычайное положение было введено и в Сингапуре. Через месяц – 23 июля власти запретили деятельность КПМ, Ассоциации ветеранов, Новодемократической лиги молодежи и Всемалайской федерации профсоюзов в Малайской Федерации и в Сингапуре[68].

«Чрезвычайка» и партизанское движение явились катализатором движения к независимости Малайской Федерации. Английские власти, несмотря на все усилия, не могли подавить возглавляемую КПМ вооруженную борьбу, и им все больше приходилось идти на уступки национальным элитам. Последние при этом использовали сложившуюся ситуацию в своих целях – добиваясь от колониальных властей расширения своих экономических и политических прав. Для консолидации сил политические партии местной буржуазии и феодалов объединились, создав коалицию ОМНО и Китайской ассоциации Малайи (КАМ)[69], к которой присоединилась партия индийской буржуазии – Индийский конгресс Малайи (ИКМ)[70]. Так на политической сцене появился *Альянс*, это стало окончательным оформлением блока феодально-буржуазной малайской верхушки и чиновничества с буржуазией (преимущественно крупной и средней) китайского и индийского происхождения[71].

---

[68] *Тюрин В.А.* «Чрезвычайка»... С. 302.

[69] Китайская ассоциация Малайи возникла 27 февраля 1949 г. под руководством Тань Чэн Лока.

[70] *Тюрин В.А.* «Чрезвычайка»... С. 310.

[71] *Тюрин В.А.* «Чрезвычайка»... С. 310.

На выборах в Законодательный совет Малайской Федерации в 1955 г. Альянс под руководством лидера ОМНО Тунку Абдул Рахмана получил большинство, и были начаты англо-малайские переговоры о предоставлении независимости, которая была провозглашена 31 августа 1957 г. на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре.

На политической арене Сингапура после введения чрезвычайного положения основную роль стали играть три социальные силы. Во-первых, крупная буржуазия, которую представляли Китайская, Индийская и Европейская торговые палаты. В период с 1946 по 1955 г. каждая из них занимала по три места в Законодательном собрании. Во-вторых, европейски образованная интеллигенция и представители мелкой и средней буржуазии всех основных этнических групп. В-третьих, рабочий класс Сингапура и мелкобуржуазные городские слои.

Главной особенностью политического развития Сингапура стало выдвижение на первый план лейбористских и мелкобуржуазных партий, в отличие от Малайи, где лидирующие позиции заняли консервативные силы. Это было обусловлено особенностями населения Сингапура, в котором преобладали пролетарские и мелкобуржуазные слои, а также абсолютное доминирование китайской этнической группы.

Колониальные власти, в попытке расколоть национально-освободительное движение в Сингапуре, разрешили в начале 1950-х создание различных политических партий и профсоюзов. Однако эти организации довольно быстро встали на путь борьбы за независимость.

В 1950 г. был организован Сингапурский конгресс профсоюзов (СКП). В стране ширилось забастовочное движение. За четыре года – с 1953 по 1957 гг. количество профсоюзов увеличилось с 171 до 205, а количество их

членов с 69 тыс. до 125,5 тыс. человек[72]. Именно профсоюзы стали опорой двух политических партий, возникших в 1954 г. – Партии народного действия (ПНД) и Трудового фронта (ТФ). Внутри этих партий проходила борьба между активно выступавшими с антиимпериалистических позиций левыми и консервативными силами, ориентированными на сотрудничество с английскими властями и крупной буржуазией.

Колониальным властям пришлось пойти на уступки, пообещав Сингапуру ограниченное самоуправление. Для реализации обещанного в 1953 г. британской администрацией была назначена конституционная комиссия, которую возглавил Джордж Рэндэл. В комиссию вошли три европейца (по назначению губернатора), три китайца, индиец и малаец (по представлению Законодательного совета)[73]. Конституция Рэндэла внесла изменения в положение о гражданстве, несколько его расширив – из 1,1 млн человек 282 тыс. получили право голоса. Была учреждена Законодательная ассамблея из 32 человек, 25 из которых – избирались, четверо – назначались, также в нее входили три должностных лица. Лидер партии, которая завоевала на выборах большинство, получал право назначать шестерых членов кабинета министров. Однако под контролем колониальной администрации оставались министерства иностранных дел, финансов, обороны и внутренней безопасности[74]. За губернатором осталось закреплено право вето на любой предложенный закон[75].

В апреле 1955 г. в Сингапуре состоялись выборы в Законодательную ассамблею, в которых приняли участие

---

[72] *Тюрин В.А.* История Малайзии. С. 201.

[73] *Тюрин В.А. Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 263.

[74] *Mills L.A.* Malaya… Pp. 120–121.

[75] Parliament of Singapore. URL: https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

шесть политических партий. Интересы крупной европейской и китайской буржуазии представляли Прогрессивная и Демократическая партии[76]. Причем, если первая являлась «частью британского колониального истеблишмента», то вторая была «вне магического круга»[77].

Трудовой фронт и ПНД выдвигали схожие программы с требованием предоставления Сингапуру независимости, отмены чрезвычайного положения, построения «общества социальной справедливости» и пр. Опорой обеих партий стали профсоюзы, в особенности, Трудового фронта, поскольку один из его руководителей – Лим Ю Хок, был президентом Сингапурского конгресса профсоюзов (СКП). Во главе партии встал известный адвокат Дэвид Маршалл.

В ПНД во главе с Ли Куан Ю большую роль играли тайные коммунисты и члены других запрещенных законом о чрезвычайном положении организаций. ПНД опиралась на профсоюзы, не входившие в СКП, и учащихся китайских школ[78]. Также в выборах приняли участие Рабочая партия и коалиция ОМНО и КАМ – Сингапурский Альянс.

В выборах приняли участие только 53% избирателей[79]. Трудовой фронт получил 10 мест, Прогрессивная партия – 4, Демократическая – 2, ПНД – 3, Альянс – 3, независимые партии – 3 места. Лидер Трудового фронта Дэ-

---

[76] Демократическая партия (ДП) имела недолгую историю, в основном в нее входили члены китайской торговой палаты. Была зарегистрирована 11 февраля 1955 г. 5 февраля 1956 г. объединилась с Прогрессивной партией и была сформирована Либерально-социалистическая партия (ЛСП).

[77] *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story… P. 190.

[78] Malayan Monitor, 1955, N 4. P. 5.

[79] Parliamentary General Elections 1955. URL: http://singapore-elections.com/
general-election/1955/.

вид Маршалл заключил союз с Альянсом и при поддержке губернатора Джона Никола, который назначил двух членов Трудового фронта в Законодательную ассамблею, сформировал и возглавил (как главный министр) правительство[80].

С 23 апреля по 15 мая 1956 г. в Лондоне проходили переговоры о предоставлении Сингапуру независимости, в которых принимал участие Дэвид Маршал. Но Англия не согласилась передать в ведение сингапурского правительства дела внутренней безопасности. Переговоры не удались, и Дэвид Маршалл был вынужден подать в отставку, а пост главного министра занял Лим Ю Хок.

Лейбористское правительство возглавило три общепартийные миссии в Лондон в 1956, 1957 и 1958 гг. с целью установления скорейшего самоуправления. Переговоры завершились соглашением о предоставлении Сингапуру этих функций.

Лим Ю Хок пошел на уступки английским властям, согласившись на создание Совета по внутренней безопасности, в который входили по три представителя от Англии и Сингапура и один от Малайской Федерации. Проявляя свою готовность к сотрудничеству с англичанами, Лим Ю Хок начал преследование ПНД и поддерживавших ее профсоюзов. Был запрещен Сингапурский союз учащихся средних школ (сентябрь 1956 г.). В августе 1957 г. прошла волна арестов как рядовых членов, так и руководства ПНД[81].

Англия, в свою очередь, удовлетворенная действиями Лим Ю Хока, в марте–апреле 1957 г. в Лондоне возобновила англо-сингапурские переговоры, в результате чего на свет появился проект Конституции Сингапура, согласс-

[80] *Mills L.A.* Malaya… P. 122–123.
[81] Malayan Monitor, 1956, N 11. P. 2.

но которой Сингапур становился «самоуправляющимся государством», а его правительству предоставлялись полномочия контроля над внутренними делами. В ведении Англии оставались вопросы обороны и внешних сношений. Вопросы внутренней безопасности, как уже говорилось выше, были в компетенции Совета по внутренней безопасности, возглавляемого английским комиссаром. Действие Конституции могло быть приостановлено по решению английского правительства в случае, если внутреннее положение Сингапура, по его мнению, могло поставить под угрозу «выполнение британских обязательств в области внешних сношений и обороны»[82]. Главой государства *(янг дипертуан негара)* по назначению Англии должен был быть представитель малайской этнической группы (малаец). Совет министров, во главе с премьер-министром, несли ответственность перед Законодательной ассамблеей, члены которой, в составе 51 члена, избирались гражданами Сингапура[83].

После очередного раунда переговоров в Лондоне в мае 1958 г. условия получения Сингапуром независимости окончательно были согласованы. Основой Конституции самоуправляющегося государства Сингапур в рамках Британского содружества стал проект конституции, обсуждавшийся на переговорах весной 1957 г. Самоуправление должно было вступить в силу после проведения в 1959 г. парламентских выборов. Англия сохраняла за собой военно-морскую базу на острове.

В 1957 г. сингапурское гражданство предлагалось родившимся в Сингапуре или Федерации, а также британским гражданам, прожившим здесь два года. Жителям,

[82] *Тюрин В.А. Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 264–265.
[83] Malayan Monitor, 1957, N 4. P. 1.

прожившим в колонии 10 лет и готовым присягнуть в верности Сингапуру, была предложена натурализация[84].

В конце 1957 – начале 1958 гг. в Сингапуре на фоне ухудшения экономического положения усилилась внутриполитическая борьба. Преследования профсоюзов и учащихся правительством Лим Ю Хока, а также его проанглийская ориентация, вызвали недовольство широких слоев населения.

Дэвид Маршалл возглавил недовольных политикой Лим Ю Хока бывших членов Трудового фронта и в конце 1957 г. создал Рабочую партию (РП), которая выступила с резкой критикой Конституции 1958 г. Партия выдвигала требования воссоединения Малайи и Сингапура, а также ликвидации иностранных военных баз[85].

ПНД во главе с Ли Куан Ю стала главным соперником Трудового фронта. Ее программа «независимого, демократического, некоммунистического, социалистического Сингапура» получила поддержку широких слоев населения, недовольных политикой Лим Ю Хока. В тот период в ПНД была сильная группа под руководством Лим Цинь Сяна, ориентированная на КНР. На выборах в городской совет Сингапура в декабре 1957 г. ПНД выиграла 13 мест из 32. Мэром Сингапура стал Он Ен Гуань – один из лидеров ПНД[86].

В попытке перегруппировать силы перед парламентскими выборами Лим Ю Хок призвал правые политические партии к объединению. В результате Либерально-социалистическая партия (объединенная Демократиче-

---

[84] Parliament of Singapore. URL: https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

[85] *Руднев В.С.* Малайя 1945–1963. С. 83.

[86] The Straits Times. 23.12.1958. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19581223-1, (микрофильм NL 1804).

ская и Прогрессивная партии) и правые фракции Рабочей партии и Трудового фронта создали Сингапурский народный союз (СНС).

На прошедших 30 мая 1959 г. выборах ПНД одержала неоспоримую победу, получив 53,4% голосов и, соответственно, 43 места из 51 в парламенте. СНС получил 4 места, Альянс – 3, также в парламент был избран один независимый депутат. Ли Куан Ю как лидер партии, победившей на выборах, потребовал от губернатора Сингапура Уильяма Гуда освободить арестованных членов руководства ПНД, а затем сформировал правительство[87].

Придя к власти в результате победы на всеобщих выборах 1959 г., правительство ПНД во главе с Ли Куан Ю взяло курс на борьбу с коррупцией, в которой оно видело одно из основных препятствий на пути развития страны. «Наша первая цель в Сингапуре, – писал Ли Куан Ю, – сформировать такое правительство, чтобы оно было эффективным инструментом политики. Для этого необходимы сильные, справедливые, и беспристрастные лидеры, которые имели бы моральную силу руководить людьми с уважением. ... Ответственность за людей, находящихся под их руководством, требует, чтобы [лидеры] не предавались роскошной жизни, в то время как народ погряз в нищете и отсталости. Мы обеспечили полную подотчетность и разграничение между личными активами и государственными средствами. Коррупция, как раковая опухоль, должна быть искоренена сразу же после выявления»[88]. Одной из первостепенных задач стало изменение отношения общества к коррупции. «Принимая присягу, – писал Ли Куан Ю, – … мы все надели белые рубашки и брюки, что долж-

[87] *Turnbull C.M.* A History of Singapore. P. 270.

[88] *Lee Kuan Yew.* Can Singapore's Experience be Relevant to Africa? Singapore: Singapore International Foundation, 1994. P. 5.

но было символизировать честность и чистоту нашего поведения в личной и общественной жизни»[89].

Самоуправление Сингапура было провозглашено 3 июня 1959 г. Еще в течение полугода последний губернатор У. Гуд оставался в должности первого главы государства, после его отъезда из Сингапура главой государства (*янг дипертуан негара*) был назначен Инче Юсуф бин Исхак, при этом правом назначения главы государства по Конституции обладала английская королева[90].

Перед правительством Сингапура стоял ряд проблем, связанных с экономическим положением в стране, отношениями с Малайзией и внутрипартийной борьбой в ПНД.

Проблема занятости населения была одной из ключевых. Согласно официальным данным безработицей было охвачено 13,5% всего трудоспособного населения. Постоянный приток населения и отток иностранных капиталов сильно усугубляли ситуацию. Решить экономические трудности путем сближения с Малайской Федерацией не удалось, поскольку последняя выступала против создания общего рынка из-за явного превосходства сингапурской буржуазии.

Правительству ПНД приходилось бороться с коммунистическими элементами как внутри партии, так и за ее пределами. В июле 1961 г., после того как ПНД проиграла довыборы в округе Ансон, премьер-министр Ли Куан Ю потребовал вотума доверия. Дебаты бушевали всю ночь, и в конечном итоге 27 депутатов парламента проголосовали за правительство ПНД, а 24, в том числе 13 членов левого крыла ПНД, либо воздержались, либо проголосовали против вотума доверия. Воздержавшиеся 13 депутатов ПНД

---

[89] *Ли Куан Ю*. Сингапурская история… С. 154.

[90] *Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И.* Внешняя политика Сингапура. М.: Наука, 1989. С. 15.

были исключены из партии, и именно они сформировали оппозицию – Барисан Сосиалис (Социалистический фронт – СФ)[91].

Внутри самой ПНД произошел раскол. Фракция Лим Цинь Сяна, ориентированная на КНР, пыталась подтолкнуть развитие Сингапура в сторону создания пропекинского государства, и к началу 1961 г. отношения между сторонниками Ли Куан Ю и Лим Цинь Сяна обострились до предела.

В сложившейся ситуации правительство под руководством Ли Куан Ю попыталось найти выход путем объединения с Малайей в рамках Федерации Малайзии, план создания которой был выдвинут в мае 1961 г.

Внутриполитическая борьба и межпартийные противоречия в Федерации Малайзия, как путь к независимости Сингапура

27 мая 1961 г. премьер-министр Малайской Федерации Тунку Абдул Рахман в Сингапуре в речи на завтраке, устроенном Ассоциацией иностранных корреспондентов в Юго-Восточной Азии, выдвинул план создания Федерации Малайзии, которая включила бы в свой состав Малайскую Федерацию, Сингапур, Саравак, британское Северное Борнео (Сабах)[92] и Бруней[93]. В августе 1961 г. на встрече премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю и премьер-министра Малайской Федерации Абдул Рахмана было достигнуто принципиальное соглашение об объединении

[91] Parliament of Singapore. URL: https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

[92] После вхождения в состав Малайзии на правах штата, эта территория получила независимость и была переименована в Сабах. *Махатхир Мохамад.* Доктор своей страны: Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. В 2-х томах. Том 1. М. МГИМО-Университет, 2015. С. 200.

[93] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 274.

двух территорий[94], основные условия которого были утверждены правительствами Малайи и Сингапура 11 ноября того же года[95].

Однако планы по созданию Федерации не всеми были приняты положительно. Возражения прозвучали не только со стороны представителей территорий будущей Малайзии, но и от Индонезии и Филиппин. Индонезия была против укрупнения Федерации, поскольку она имела свои виды на Саравак и британское Северное Борнео, как и Филиппины, которые издавна претендовали на Северное Борнео.

Выступление малайского премьера в мае 1961 г. не было чем-то революционно-новаторским, поскольку идеи об объединении Малайи и Сингапура периодически выдвигались различными политическими силами. Активные переговоры между правящими кругами частей будущей Федерации начались летом 1961 г. Руководство Малайи рассчитывало, что включение в состав Федерации Сингапура с его портом мирового значения сможет укрепить экономическое положение страны, вследствие чего Федерация, в которой Малайя являлась бы руководящим центром, стала бы одним из ключевых государств в ЮВА. Нежелание объединяться только с Сингапуром, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это были и весьма обоснованные опасения со стороны малайской буржуазии, прекрасно осознававшей сложность конкуренции с более сильной сингапурской буржуазией. Во-вторых, объединение с Сингапуром, большинство населения которого составляли этнические китайцы, могло привести к кардинальному изменению соотношения этнических групп в составе будущей Федерации в пользу китай-

[94] *Sopiee M.N.* From Malayan Union to Singapore Separation. Political Unification to the Malaysia Region 1945–65. Kuala-Lumpur, 1976. Pp. 159–160.
[95] *Сулицкая Т.И.* Англия и Малайзия (1961–1971). М., 1973. С. 50.

цев. Решением данной проблемы могло стать включение в Федерацию территорий Северного Калимантана (Саравака, Сабаха и Брунея) с его многочисленным малайским и даякским населением. Такой союз, по мнению малайского руководства, мог несколько уравновесить баланс – китайцы в будущей Федерации составили бы меньше половины (42,8%) [96] всего населения. Однако Абдул Рахман не учел, что в то время численность населения Сингапура была больше, чем в Сараваке и Северном Борнео вместе взятых[97].

Третьим, не менее важным фактором, стала внутриполитическая ситуация в Малайской Федерации и Сингапуре, сложившаяся к середине 1961 г. В конце апреля 1961 г. ПНД потерпела поражение на выборах в Законодательную ассамблею Сингапура на оказавшееся вакантным место депутата по округу Хон Лим[98]. Это событие стало результатом некоторого ослабления позиций Ли Куан Ю и активизации деятельности левых прокитайских сил в Сингапуре. Все это породило опасения со стороны правящих кругов Малайской Федерации, что Сингапур может стать «второй Кубой» и это приведет к непредсказуемым последствиям для Федерации[99]. А объединение Малайи и Сингапура могло, по мнению Абдул Рахмана и Ли Куан Ю, помочь удержать прежний политический курс и нейтрализовать их противников.

Еще одним немаловажным фактором в пользу объединения стал целый комплекс причин, связанных с тем, что вступление в Федерацию Малайзия освобождало Сингапур от колониальной зависимости. Правящие круги Сингапура надеялись, что это объединение поможет ре-

[96] *Tregonning K.G.* A History of Modern Malaya. Singapore, 1964. P. 54.
[97] *Махатхир Мохамад.* Доктор своей страны… С. 203.
[98] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 275.
[99] *Sopiee M.N.* From Malayan Union… P. 123.

шить экономические проблемы страны, связанные с ростом безработицы, зависимостью от внешней торговли и реализацией планов индустриализации.

Однако без главного условия, а именно, крайней заинтересованности Англии в создании Федерации, этот процесс не получил бы своего развития. Во-первых, Англия, во что бы то ни стало, должна была сохранить свои стратегические позиции к «востоку от Суэца». Во-вторых, английские правящие круги были весьма обеспокоены резким усилением левого движения в Сингапуре и началом «пробуждения» Северного Калимантана. Таким образом, Великобритания была вынуждена поддерживать, а иногда и инициировать, шаги Малайи, направленные на создание нового сильного государства, которое еще долго могло бы находиться в сфере влияния Англии[100].

Несмотря на то, что вхождение в Федерацию Малайзии приносило Сингапуру независимость, не всеми в Сингапуре эти планы объединения были встречены с одобрением. Оппозицию возглавила группа руководителей Сингапурского конгресса профсоюзов, которая заявила о несогласии с условиями создания Малайзии и политикой Ли Куан Ю. Лим Цинь Сян, возглавлявший эту группу, в июле 1961 г. вышел из ПНД, создав в августе новую политическую партию – Барисан Сосиалис (СФ), которая выдвигала требования полной независимости Сингапура к 1963 г., и уже после этого – объединения с Малайей. Такие условия вхождения в Федерацию могли бы дать Сингапуру пропорциональное представительство в федеральном парламенте. Для решения вопроса о вхождении в Федерацию Малайзии было решено провести референдум, ини-

[100] The Straits Times. 19.10.1961. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19641019-1, (микрофильм 12126).

циатором которого выступила ПНД, обладавшая после раскола парламентским большинством в один голос.

Этот единственный референдум в истории Сингапура должен был определить условия слияния с Малайзией. Начиная с 14 августа 1962 г. политическим партиям Сингапура было разрешено проводить кампанию за различные варианты. ПНД продвигала вариант «А», при котором Сингапур сохранял автономию в области образования, труда и языковой политики, в то время как все граждане автоматически должны были стать гражданами Малайзии, а Сингапур должен был иметь фиксированное количество мест в Федеральном парламенте. Вариант «В» предусматривал, что статус Сингапура будет таким же, как у других малайских штатов и бывших Стрейтс-Сеттельментс – Пинанга и Малакки, а места в Федеральном парламенте будут распределяться на основе пропорционального представительства. Хотя ПНД заявляла, что этот вариант был основан на предложении СФ, руководство партии категорически это отрицало. Альянс Сингапура, который был дружественен правящему Альянсу Малайзии, выступал за вариант «С», при котором Сингапур должен был войти в состав Федерации на таких же условиях, как и Борнео, Сабах и Саравак. При этом, по вариантам «В» и «С» только те, кто родился в Сингапуре, и их потомки могли стать гражданами Малайзии. Поскольку не было предложено варианта против слияния, оппозиционные партии назвали референдум «обманом». Противостояние было очень серьезным, но в итоге, вариант «А» получил одобрение парламентариев, что стало символом победы ПНД[101].

Референдум состоялся 1 сентября 1962 г. Из участвовавших в голосовании 90% имевших право голоса, 71%

[101] Singapore National Referendum 1962. URL: http://www.singapore-elections.com/national-referendum/1962/.

поддержали правительственный вариант объединения, 25% опустили по призыву оппозиции пустые бюллетени, протестуя против референдума, в котором не содержалось ответа «нет» созданию Малайзии, а речь шла лишь об условиях объединения[102]. Так или иначе, позиции ПНД во главе с Ли Куан Ю после референдума упрочились[103].

В целях реализации планов по созданию Федерации была проведена серия переговоров не только между частями будущей Федерации, но и между Малайей и Англией. Причем переговоры между малайской делегацией, которую возглавил Абдул Рахман, и английской во главе с премьер-министром Г. Макмилланом, начались в Лондоне еще в конце ноября 1961 г. По их итогам было подписано соглашение, в котором Англия одобрила создание Малайзии и начало переговоров между Малайей и Сингапуром. Особое внимание было уделено вопросу сохранения англо-малайского Договора об обороне, и в результате было принято решение, что условия Договора распространятся на всю территорию будущей Федерации. Положения соглашения, касавшиеся использования Англией сингапурских военных баз, были дополнительно уточнены в марте 1962 г. на переговорах в Куала-Лумпуре между английским и малайским министрами обороны[104].

Переговоры между Англией, Малайей, Сингапуром и Брунеем продолжались в течение всей первой половины 1963 г. Особую сложность представляли малайско-сингапурские переговоры. Сингапурское правительство настаивало на создании общего рынка в Малайзии, который бы предоставил значительные преимущества сильной сингапурской буржуазии по сравнению с ее более слабыми партнерами в других частях Федерации. Камнем пре-

[102] *Lee Kuan Yew. The Singapore Story…* P. 452.
[103] *Sopiee M.N.* From Malayan Union… Pp. 163–165.
[104] *Сулицкая Т.И.* Англия и Малайзия… С. 50–51.

ткновения стал также вопрос об отчислении части доходов Сингапура в федеральный бюджет. Лишь 5 июля 1963 г. делегации Малайи и Сингапура, ведшие переговоры в Лондоне, достигли соглашения, по которому 40% доходов Сингапура шло центральному правительству, а остальное оставалось в распоряжении местных властей[105]. Проходившие в тоже время малайско-брунейские переговоры в Куала-Лумпуре закончились неудачей[106].

Соглашение о создании 31 августа 1963 г. Федерации Малайзии было подписано в Лондоне 8 июля 1963 г. представителями Англии, Малайской Федерации, Сингапура, Саравака и Сабаха[107].

Раздел Соглашения, содержащий законодательные предложения, которые требовалось внести в качестве дополнений в Конституцию Малайской Федерации, именовался Актом о Малайзии. Этот Акт вместе с Конституцией Малайской Федерации 1957 г. составил Конституцию Малайзии[108].

Федерация Малайзии состояла из 14 штатов, но штаты Сингапур, Саравак и Сабах обладали значительно большей автономией, чем 11 штатов, составлявших Малайскую Федерацию. Правитель государства – *янг дипертуан агунг* (верховный правитель) – избирался из числа малайских султанов. Нижняя палата парламента (Палата представителей) состояла из 159 депутатов: 104 от Малайи, 24 от Саравака, 16 от Сабаха и 15 от Сингапура. В Сенате

---

105 FEER, 1963, No. 4. P. 207. Цит. по: *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 284.

106 *Sopiee M.N.* From Malayan Union… Pp. 180–181.

107 Malaysia. Agreement Concluded between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Federation of Malaya, North Borneo, Sarawak, and Singapore. Singapore, 1963.

108 *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 284.

каждый штат имел двух представителей. Государственным языком провозглашался малайский.

На первый взгляд, государственное устройство Федерации выглядит довольно демократичным, однако при более детальном рассмотрении условий автономии и представительства в федеральном парламенте от Сингапура, такая уверенность пропадает. Сам факт, что малайский язык стал государственным для Федерации, поставил значительную часть немалайского населения Малайзии в затруднительное положение.

Не будет преувеличением сказать, что при разработке Соглашения о создании Малайзии лидеры Малайской Федерации руководствовались желанием максимально снизить влияние китайской этнической группы в Федерации в целом и в Сингапуре, в частности. Условия вхождения Сингапура в состав Федерации, утвержденные британскими и малайскими властями, заведомо содержали в себе элементы потенциальных конфликтов, поскольку не обеспечивали Сингапуру равноправного положения[109].

Сингапуру, в котором проживало 16,7% от общей численности населения Федерации, было выделено только 15 мест в федеральном парламенте, в то время Сараваку (7,7%) – 24 места, а Сабаху (4,7%) – 16 мест[110]. Кроме того, в соответствии с положением о гражданстве Соглашения Малайзии, граждане Сингапура могли принимать участие в выборах только в Сингапуре, а прочие граждане Федерации – только на материковой части Малайзии.

Только 624 тыс. человек, родившихся в Сингапуре, при объединении автоматически становились гражданами

---

[109] Подробнее см: *Астафьева Е.М.* Сингапур в составе Малайзии (1963–1965) // Восток, № 6. М.: ИВ РАН, 2014. С. 67.

[110] Malaysia. Agreement Concluded between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Federation of Malaya, North Borneo, Sarawak, and Singapore. Singapore, 1963. P. 13.

Федерации, а примерно 327 тыс. сингапурцев, родившихся в Китае, Индии и даже Малайе должны были сначала пройти специальную процедуру квалификации и сдать экзамен на знание малайского языка, прежде чем получить гражданство Федерации[111].

Сингапуру был оставлен статус свободного порта, сохранялась автономия в сфере образования, здравоохранения и трудовой политики. Однако функции и полномочия Законодательного собрания, кабинета министров и премьер-министра Сингапура в решении вопросов обороны, внешних сношений, безопасности и других федеральных вопросов были ограничены[112]. Согласно пункту 6 Соглашения о Малайзии, Англия сохраняла все свои военные базы на территории Малайзии и могла их использовать по своему усмотрению без предварительной консультации с правительством Федерации, включая английскую военную базу в Сингапуре и 36 ракетных баз и других военных сооружений на территории Малайи[113].

Создание общего малайзийского рынка, на развитие которого так рассчитывали власти Сингапура, растягивалось на 12 лет. Другими словами, федеральное правительство Малайзии, используя административные рычаги, пыталось сдерживать инициативы Сингапура, направленные на ускорение экономического развития[114].

Соглашение о создании Малайзии оставило многие жизненно важные политические вопросы без ответа, в том числе и вопрос о роли политических партий Сингапура в новой политической системе. Лидеры ПНД посчитали, что Соглашение, при всех своих ограничениях, предостав-

---

111 *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story… Pp. 407–408.
112 Ibid. P. 406.
113 *Чуфрин Г.И.* Сингапур. М.: Мысль, 1970. С. 33.
114 *Пахомова Л.Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: ИВ РАН, 2007. С. 21.

ляет им возможность расширить политическое влияние на полуостров, а руководители Альянса были уверены в обратном.

Такая позиция Альянса была обусловлена тем, что колониальные власти согласились на предоставление независимости только при условии, что во взаимоотношениях трех основных этнических общин (малайской, китайской и индийской) будут достигнуты «согласие и гармония». Чтобы удовлетворить эти требования Англии, ОМНО, КАМ и ИКМ, составившие Альянс, заключили между собой рабочее соглашение, которое предполагало, что политическая власть останется в значительной степени в руках малайцев, а экономическая в руках немалайцев. В дальнейшем планировалось новое политическое и экономическое равновесие, при котором китайцы и индийцы могли бы более активно участвовать в политической жизни страны, а малайцы стали бы играть бóльшую роль в экономической сфере[115]. Таким образом, можно сказать, что был достигнут «компромисс, направленный на достижение баланса между политической властью малайцев и экономическим могуществом китайцев»[116].

Сохранение системы малайского султаната, принятие ислама в качестве государственной религии и малайского языка в качестве государственного (и единственного официального языка после 1967 г.), конституционные положения, обеспечивающие особое положение малайцев, все это свидетельствовало о привилегированном положении малайцев в политической жизни. Абдул Рахман и другие члены правительства Альянса рассчитывали сохранить такую расстановку политических сил в Малайзии

---

[115] *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia. Reprinted from International Studies, Vol 11, No. 1, July 1969. P. 3.

[116] *Milne R.S.* Politics and Government in Wang Gungwu, ed., Malaysia (London, 1964), P. 329.

с включением Борнео и при поддержке коренных малочисленных народов Сабаха и Саравака[117]. И, что более важно, с точки зрения отношений между правительством Сингапура и центральным правительством, последнее предполагало, что ПНД ограничит свою политическую деятельность территорией Сингапура и будет довольствоваться ролью «Нью-Йорка Малайзии». Однако такое предположение выглядит довольно опрометчивым, если обратиться к Манифесту ПНД 1954 г., который гласил: «Хотя из-за разделения Малайи на две территории технически мы политическая партия, действующая в Сингапуре, мы должны во всех наших подходах к проблемам этой страны игнорировать конституционное разделение. Мы так же активно интересуемся проблемами наших соотечественников – малайцев в Федерации, как и в Сингапуре. Когда малайцы в Федерации, согласные с нашими целями, присоединятся к нам, мы будем работать по всей Малайе»[118]. Но попытка ПНД расширить свое политическое влияние в Малайе привела к усугублению страхов и предрассудков малайцев по отношению к ПНД и стала одной из причин разделения Малайзии и Сингапура.

Абдул Рахман пытался убедить ПНД не вмешиваться в политику за пределами Сингапура, но это не возымело действия. «Он просил влиятельнейшую сингапурскую партию ограничить свою активность тем уголком страны, где она уже властвовала. Его просьба не была юридически обоснованной и не имела бы значения для любой другой партии…»[119]. Так или иначе, но впоследствии Абдул Рахман неоднократно заявлял, что ПНД нарушила «устные

[117] Government and Politics in Malaysia. Boston: Mass., 1967. P. 71.
[118] Manifesto of the People's Action Party, in Our First Ten Years. Singapore, 1964. P. 287.
[119] *Махатхир Мохамад*. Доктор своей страны… С. 205.

договоренности» о сферах политической деятельности[120], а руководители ПНД настойчиво отрицали существование каких-либо соглашений.

Конфликт, возникший между КАМ и ПНД в результате попытки первой расширить свое политическое влияние в Сингапуре, также не прибавил стабильности ситуации. За несколько месяцев, непосредственно предшествующих образованию Малайзии, руководители КАМ активизировали свою политическую деятельность в Сингапуре. С целью заручиться поддержкой консервативных китайских сил КАМ отправила в Сингапур двух сенаторов для проведения встреч с китайскими бизнесменами. Ли Куан Ю очень резко раскритиковал эти действия[121]. Конфликт этот возник в период, когда обсуждение финансовых договоренностей между Сингапуром и федеральным правительством достигло критической стадии. По словам Ли Куан Ю, решение КАМ расширить сферу своего влияния в Сингапуре стало первопричиной тупика, в который затем зашло обсуждение финансовых расчетов с правительством Федерации[122]. Конфликт КАМ и ПНД был осложнен еще и тем, что Тан Сью Син, председатель КАМ, занимал пост министра финансов в Малайской Федерации. Он заявил, что выступит в Федеральном сенате про-

[120] The Straits Times. 21.09.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19640921-1, (микрофильм NL 12149).

[121] The Straits Times. 27.05.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630527-1, (микрофильм NL 12145).

[122] The Straits Times. 18.05.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630518-1, (микрофильм NL 12145); 22.05.1963. URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630522-1, (микрофильм NL 12145).

тив вступления Сингапура в Малайзию, если Ли Куан Ю продолжит препятствовать переговорам[123].

Нельзя не указать, что кардинальные различия в политических взглядах руководителей Сингапура и Малайской Федерации имели место еще до образования Малайзии. Во время переговоров в Маниле в августе 1963 г., где филиппинской стороной была предложена концепция создания конфедерации трех государств – Малайзии, Филиппин и Индонезии – Мафилиндо, Ли Куан Ю выступил резко против этого предложения и предостерег против «происков президента Сукарно»: «Это время для Малайзии, чтобы встать и бороться за свои позиции. Мы не можем уступить международному шантажисту [т.е. Сукарно]». Он открыто раскритиковал концепцию Мафилиндо, и сказал, что хотя у него нет никаких возражений против более тесного экономического и культурного сотрудничества между тремя странами, он считает Мафилиндо «расистским заговором» против зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии[124].

Идея Мафилиндо была обречена на провал с самого начала, поскольку в обстановке острых противоречий между тремя государствами такая конфедерация просто не могла появиться. Разногласия между Индонезий, Филиппинами и Малайей привели к отсрочке официального провозглашения Федерации Малайзии. На Манильском совещании глав трех правительств 6 августа 1963 г. Абдул Рахман согласился отложить провозглашение Малайзии до окончания опроса комиссии ООН по поводу вхождения Саравака и Сабаха в состав Федерации[125]. Комиссия рабо-

[123] The Straits Times. 20.05.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630520-1 (микрофильм NL 12145).
[124] The Guardian (London). 09.08.1963.
[125] *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story… P. 493.

тала с 26 августа по 5 сентября 1963 г. и пришла к выводу, что большинство населения Саравака и Сабаха поддерживают вхождение в Малайзию[126].

Провозглашение Малайзии состоялось 16 сентября на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре. В Федерацию Сингапур вступил независимым государством, так как 31 августа 1963 г. на торжественном митинге у мэрии Ли Куан Ю в одностороннем порядке объявил Сингапур таковым[127]. Сабах и Саравак провозгласили внутреннее самоуправление в тот же день[128]. Эти события явились неприятной неожиданностью для Куала-Лумпура и вызвали волну критики с его стороны. На экстренном заседании кабинета было заявлено, что это провозглашение не может считаться «ни правовым, ни конституционным»[129]. В ответ на это Ли Куан Ю ответил, что Сингапур не давал своего согласия на перенос даты слияния на 16 сентября[130] и, соответственно, несвязанное с этим событием получение независимости. Кроме того, для объявления Сингапуром независимости именно 31 августа существовали и объективные внутриполитические причины. Ли Куан Ю опасался открытых действий со стороны Социалистического фронта и давления Сукарно на Малайскую Федерацию. Поэтому было принято решение – объявить о независимости как планировалось ранее[131].

Правительство Федерации было возмущено еще больше после заявления Ли Куан Ю о том, что Сингапур,

---

126 *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 287.
127 *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 498.
128 State of Singapore Annual Report, 1963. Government of Singapore. P. 21.
129 The Straits Times. 03.09.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630903-1, (микрофильм NL 12149).
130 *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 496.
131 Ibid. P. 497.

в отличие от Малайи, будет бороться за свою независимость. Одним из «печальных обстоятельств», по его словам, стал «наивный подход» некоторых лидеров, которым власть была передана британской короной «на серебряном блюде с красными лентами»[132]. В ответ на это заявление сингапурского премьера Абдул Рахман, выступая на митинге ОМНО в Малакке, сказал: «Я надеюсь, что г-н Ли не будет слишком поспешным в своих заявлениях и будет осмотрительней в выражениях в будущем. Он не должен делать заявлений, которые задевают чувства людей Малайи. ... Я боюсь, что хорошие отношения будут разорваны, если г-н Ли будет продолжать делать поспешные заявления, не принимая во внимание их последствия»[133].

Всеобщие выборы в местный парламент – Законодательную ассамблею Сингапура, которые состоялись в сентябре 1963 г. сразу же после образования Малайзии, только обострили отношения между центральным правительством и правительством Сингапура. Борьба на выборах развернулась между тремя политическими силами: стоявшей у власти Партией народного действия, Социалистическим фронтом и Альянсом Сингапура[134]. Каждая из трех партий имела свою четкую политическую платформу: ПНД стояла на промалайзийских позициях, Социалистический фронт на антималайзийских, а Альянс Сингапура был консервативной альтернативой им обеим. Лидеры Альянса рассчитывали заручиться поддержкой консервативно настроенных китайцев и малайцев, которые

---

[132] The Straits Times. 04.09.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630904-1, (микрофильм NL 12149).

[133] The Straits Times. 08.09.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630908-1, (микрофильм NL 12149).

[134] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 292.

традиционно оказывали поддержку ОМНО, но эти ожидания не оправдались, даже несмотря на то, что накануне выборов в Сингапур прилетел Абдул Рахман.

ПНД одержала на выборах убедительную победу. Она получила 47% голосов и 37 мест в парламенте. Социалистический фронт – 35% голосов и 13 мест. Альянс Сингапура получил лишь 8% от общего числа голосов. Таким образом, ни один кандидат от Альянса не прошел в парламент[135].

Абдул Рахман был обескуражен этим поражением: «Насколько я знаю, малайцы в Сингапуре всегда поддерживали ОМНО.... Я думаю, что такие перемены в сердцах малайского народа – это вина нескольких предателей». Он также добавил, что выборы в Сингапуре были «наспех организованы», и что у Альянса не было времени соответственно подготовиться[136]. На митинге ОМНО в Сингапуре, состоявшемся сразу же после выборов, он призвал малайцев объединиться. А победа ПНД, по его словам, стала результатом политики правительства Сингапура по запугиванию населения угрозой коммунизма[137]. Дабы расширить свое политическое влияние в Сингапуре, руководство ОМНО приняло решение об активизации своей деятельности на острове.

Правительство Сингапура прекрасно сознавало, что открытое противостояние федеральному центру может привести к печальным последствиям. Поэтому, премьер-министр Ли Куан Ю заявил, что ближайшей задачей его правительства станет восстановление хороших отношений с центральным правительством и завоевание его доверия.

---

[135] Singapore Government Gazette. Vol. 5, No. 104. 24.09.1963.

[136] The Straits Times. 23.09.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Issue/straitstimes19630923-1, (микрофильм NL 12149).

[137] Malayan Times (Kuala Lumpur). 28.09.1963.

«Мы понимаем, – сказал он, – что в ближайшие два десятилетия премьер-министром Малайзии должен быть малаец. Но мы помогаем центральному правительству понять то, что они в настоящее время не понимают – проблемы китайского городского населения». Он добавил, что проблему можно было быть решить при «разумной оценке», и утверждал, что, так как именно в Сингапуре проживает основная часть китайцев Малайзии, его правительство сможет сделать эту оценку[138].

Попыткой «восстановления хороших отношений» стали выборы представителей от Сингапура в сенат Федерации. На одно из двух мест в сенате, был выбран Ко Тек Кин (президент Китайской торговой палаты в Сингапуре), вторую кандидатуру было предоставлено выбрать Абдул Рахману, который предложил Инче Ахмед бин Таффа, одного из лидеров сингапурского филиала ОМНО[139]. В Палату представителей ПНД выдвинула двенадцать кандидатов и позволила Социалистическому фронту выбрать трех из них. Ли Куан Ю, говоря о роли ПНД в федеральной законодательной власти, всячески старался продемонстрировать благонамеренность: «Мы лояльная оппозиция, целью которой является улучшение работы демократической системы»[140].

На некоторое время разногласия между правительством Сингапура и федеральным правительством отошли на второй план. Причиной этого стала политика правительства Индонезии в отношении Малайзии, получившая название «конфронтация», которая была объявлена министром иностранных дел Индонезии Субандрио еще 20

---

138 The Times (London). 30.09.1963.

139 *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… P. 10.

140 The Straits Times. 31.10.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19631031-1, (микрофильм NL 12150).

января 1963 г. (т.е. до официального образования Малайзии). В течение первой половины 1963 г. были сделаны попытки как-то урегулировать это противостояние, в частности, путем выдвижения проекта конфедерации Мафилиндо. Но, как указывалось выше, эта идея провалилась. На следующий день после объявления о создании Федерации, Индонезия прервала дипломатические отношения с Малайзией.

«Конфронтация» нанесла серьезный удар по экономике Сингапура, который потерял почти 9% своего национального дохода из-за прекращения торговли с Индонезией. Общие убытки Малайи и Сингапура составили 327 млн мал. долл. – примерно 3% их внешней торговли[141].

Однако «конфронтация» стала стимулом расширения внутрималайзийской торговли, особенно между Сингапуром, Сабахом и Сараваком. Для поддержания местных предпринимателей, пострадавших от прекращения торговли с Индонезией, Палата экономического развития Сингапура предоставила им возможность участия в государственных предприятиях и стала поощрять создание смешанных предприятий[142].

Таким образом, политика Индонезии в отношении Малайзии стала стимулом к укреплению Федерации и усилению позиций правящего блока, и, соответственно, ослаблению оппозиции. Лидеры двух правительств на время забыли о своих разногласиях, чтобы выступить единым фронтом против внешней опасности, и «железной рукой» противостоять оппозиционным партиям. Абдул Рахман, выступая в малайзийском парламенте, сказал: «...противостояние было благом, ибо оно объединило лю-

---

[141] *Руднев В.С.* Малайзия. Политическое развитие… С. 75.

[142] FEER, 1963, № 13. P. 653. Цит. по: *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 298.

дей в этой стране…»[143]. Аналогичное мнение выразил С. Раджаратнам, министр культуры Сингапура, подчеркнув, что индонезийская агрессия помогла сплотить разные народы Малайзии[144].

В условиях растущей конфронтации с Индонезией Ли Куан Ю рассчитывал, что все промалайзийские стороны будут сотрудничать и работать вместе, и появилась реальная возможность новой расстановки политических сил в Малайзии. Однако все оказалось иначе. Руководители Федерации считали любую новую расстановку политических сил нежелательной и недопустимой[145].

ПНД оказалась перед выбором дальнейшего пути по расширению своего политического влияния на материк. Для осуществления этих планов существовало только две возможности. Первая – стать оппозиционной партией в Малайзии, выдвинув свою собственную социально-экономическую программу, а вторая – попытаться стать партнером в Альянсе в качестве проводника интересов китайского населения. Первый вариант действий был связан с большими трудностями, поскольку любая прямая оппозиция к центральной власти, особенно в период «конфронтации» с Индонезией, могла ослабить Малайзию и ухудшить отношения между правительствами двух территорий. Такие действия могли быть истолкованы как антинациональные. Также появлялась опасность возникновения среди малайского населения недовольства попыткой немалайской политической партии захватить власть в Малайзии. Таким образом, единственным приемлемым вариантом, предпочтительным для ПНД, было добиться поддержки со стороны китайцев в Малайе и занять

[143] Malaysia, Parliamentary Debates, Vol.5, 1 December 1963, col. 1967.
[144] *Rajaratnam S.* Solution to the Communal Problem. Petir, Singapore, March 1965. Pp. 5, 7.
[145] *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… P. 11.

место Китайской ассоциации Малайи в Альянсе. Было очевидно, что многие из китайцев, проживающих в городах Малайи, разочаровались в КАМ и ее политике. С 1959 г. Народный социалистический фронт начал активно действовать в городских районах, и ему удалось заручиться поддержкой среди молодого поколения китайцев[146].

В своей первой речи в парламенте Малайзии Ли Куан Ю сказал, что политическое устройство Малайзии на основе союза между партией, представляющей «неимущих» в сельских районах (ОМНО) и партией «имущих» в городских районах (КАМ) не является благом для Малайзии и в конечном итоге должно измениться[147].

ПНД начала критику КАМ и ее председателя Тан Сью Сина, при этом выражая поддержку руководству ОМНО и общей политике правительства Альянса. В сентябре 1963 г. Ли Куан Ю заявил, что ПНД не собирается принимать участие в федеральных выборах, намеченных на 1964 г. При этом, он отмечал, что у КАМ нет шансов одержать победу на выборах и всячески подчеркивал лояльность к ОМНО, а также высказывал предположения, что в недалеком будущем ПНД заменит КАМ в Альянсе[148].

Выступая на заседании Законодательного собрания в Сингапуре, Ли Куан Ю заявил, что выборы 1964 г. на Полуострове будут иметь решающее значение для будущей роли ПНД в Малайе. Отмечая, что победа ОМНО в сельских районах неоспорима, он высказывал сомнения по по-

---

146 *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… P. 12.

147 Singapore, Legislative Assembly, Debates, Vol. 22, 9 December 1963, cols 141–2.

148 The Straits Times. 10.09.1963. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19630910-1 (микрофильм NL 12149).

29 сентября 1963 г. Ли Куан Ю повторил, что ПНД не заинтересована в федеральных выборах 1964 года в Малайе. Malayan Times. 30.09.1963.

воду позиций КАМ в городских районах и центральных городах Малайи. Намек был очевиден – если КАМ потерпит поражение на выборах в городских районах, то политический характер Альянса обязательно должен измениться, и в интересах Малайзии было бы необходимо заменить коалицию ОМНО-КАМ-ИКМ на более рациональное устройство, которое будет отражать потребности страны, а именно союз между ОМНО и ПНД.

Реакция ОМНО на эти высказывания была довольно прохладной. ОМНО находилась в гармоничных отношениях с КАМ с 1952 г., и лидеры ОМНО не считали разумным нарушать эти отношения ради партии, которая еще не определила свои политические и экономические цели. В конце сентября 1963 г. Абдул Рахман выступил с публичным заявлением, в котором подчеркнул, что он полностью уверен в позиции КАМ и возмущен любыми заявлениями, которые могут привести к расколу в Альянсе[149].

Вопреки заявлениям о том, что ПНД не будет принимать участие в выборах в Малайе, То Чинь Чи, председатель ПНД, заместитель премьер-министра сингапурского правительства 1 марта 1964 г. на церемонии открытия тамильской газеты в Сингапуре заявил, что ПНД, сыгравшая важную роль в формировании Малайзии, считает себя национальной партией и, следовательно, должна принимать участие в выборах. При этом он подчеркнул, что этот шаг не отражает намерения ПНД вступать в борьбу с центральным правительством и руководством Федерации[150]. «Наша цель – сотрудничать с ОМНО и центральным правительством Малайзии, чтобы помочь Малайзии добиться успеха. Если мы довольствуемся ролью политической партии только в Сингапуре, то наши возможности по построению счастливой и процветающей Малайзии

[149] Malayan Times. 30.09.1963.
[150] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 540.

будут ограничены»[151]. Ли Куан Ю, комментируя это решение партии, добавил, что «в то время как действующее малайское руководство во главе с Тун Абдул Разаком и ОМНО имеет важное значение для выживания и успеха Малайзии, китайское руководство в Альянсе в лице КАМ не является незаменимым. Это правда, что некоторые в ОМНО предпочитают китайских партнеров, которые являются политически гибкими. Но действительно ли это в интересах Малайзии?»[152].

Однако необходимо отметить, что участие в выборах 1964 г. даже в самой ПНД вызвало разногласия. Кен Сви (министр экономики Сингапура) был настроен решительно против, полагая, что этот шаг испортит отношения между Куала-Лумпуром и Сингапуром и поставит под угрозу планы индустриализации Сингапура в рамках Федерации[153].

В свете заявлений, сделанных ранее ПНД, решение об участии в выборах стало неожиданностью для федеральных властей. Объясняя свое решение, Ли Куан Ю заявил, что после нарушения «устного обязательства» не участвовать в выборах в Сингапуре, он больше не считал себя связанным никакими обязательствами[154].

Манифест ПНД гласил, что, принимая участие в выборах, партия преследует две цели. Первая – долгосрочная цель, которая состояла в оказании помощи «в создании единой демократической и социалистической Малайзии, основанной на принципах социальной справедливости и необщинности». Второй была краткосрочная, ближайшая

---

[151] The Straits Times. 02.04.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19640302-1, (микрофильм NL 12155).

[152] *Lee Kuan Yew*. The Winds of Change. Singapore, 1964. P. 9.

[153] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story... P. 540.

[154] Ibid. P. 540.

цель, которая заключалась в том, чтобы Народный социалистический фронт не смог извлечь выгоду из голосов против КАМ[155]. Увеличение голосов за НСФ, несомненно, могло интерпретироваться в Индонезии как поддержка политики «конфронтации», потому что Социалистический фронт – прокоммунистическая, проиндонезийская партия и является плацдармом в Малайе для индонезийского расизма[156].

Таким образом, в свете манифеста ПНД и выступлений Ли Куан Ю в ходе избирательной кампании, можно предположить, что действия ПНД были обусловлены двумя причинами. Первой было опасение, что в отсутствие достойной альтернативы КАМ, городской электорат в Малайе (в городском населении преобладали китайцы, малайцы проживали в основном в сельской местности) будет голосовать за антималазийский и прокоммунистический НСФ. А второй была надежда, что, если на выборах 1964 г. победят кандидаты, выдвинутые в городских районах от ПНД, это докажет Абдул Рахману, что ПНД может лучше представлять потребности городского населения, чем КАМ. Более того, местные и федеральные выборы должны были состояться одновременно, и у ПНД не было другой возможности проверить до выборов 1969 г. степень ее народной поддержки в Малайе[157].

Решение ПНД об участии в выборах и попытка привести к расколу в Альянсе вызвали резкий протест со стороны руководства Союзной партии. ОМНО выразила свою поддержку КАМ, указывая на то, что любое нападение на КАМ – это нападение на ОМНО. Абдул Рахман заявил, что партнеры по Альянсу «будут плыть или тонуть вместе». Он похвалил КАМ, «оставшуюся верной» принципам

[155] Ibid. P. 541.
[156] Election Manifesto of the PAP. Singapore, 1964.
[157] *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… Pp. 14–15.

честности и искренности, и за то, что они «всегда лояльны к партии Альянса в качестве партнера» в отличие от других партий[158]. Руководство Союзной партии обвинило ПНД в намерении нарушить ее единство и попытке занять место КАМ в Альянсе[159].

В разгар предвыборной кампании, заместитель премьер-министра Малайзии Тун Абдул Разак, выступая в телевизионном интервью, сказал: «ПНД – это новая партия, и мы в Федерации не знаем, что такое ПНД на самом деле, я имею в виду, в частности, для малайцев. Мы сомневаемся в искренности ПНД по отношению к малайцам, и я чувствую, что ПНД не принесет единства в эту страну»[160].

Результаты парламентских выборов 1964 г. для ПНД оказались провальными – только один из девяти выставленных ею кандидатов одержал победу с минимальным перевесом. Альянс получил 89 мест из 104, улучшив показатели предыдущих выборов[161].

ПНД набрала лишь 2% от общего числа голосов, в шести избирательных округах она потерпела поражение от КАМ, и в двух – от НСФ и Объединенной демократической партии. На выборах в Совет Федерации результаты были еще хуже. ПНД претендовала на пятнадцать мест, но получила только 0,9% от общего числа голосов, не получив ни одного места[162].

---

158 The Straits Times. 29.03.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19640329-1, (микрофильм NL 12155).

159 The Straits Times. 15.03.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19640315-1, (микрофильм NL 12155).

160 Press Statement issued by the Deputy Prime Minister's Office (D.P.M), 9 April 1964.

161 *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 547.

162 *Suryanaryan V*. Singapore in Malaysia… P. 17.

Обращаясь к результатам выборов 1964 г., необходимо учитывать тот факт, что основной проблемой, стоящей перед электоратом в то время, была «конфронтация» с Индонезией, а ПНД не могла предложить ничего нового для решения этого вопроса. Вторым фактором, ставшим причиной политического провала ПНД, было то, что партия не смогла четко представить свою социально-экономическую программу, создавалось впечатление, что у ПНД нет четкой предвыборной платформы.

Серьезной ошибкой лидеров ПНД стали просчеты в политическом поведении городских избирателей Малайи. Одержав убедительную победу в Сингапуре, они, видимо, считали, что аналогичные призывы в Куала-Лумпуре, Пинанге, Малакке, Серембане и Джохоре принесут им победу. ПНД полностью просчиталась в оценке позиций КАМ, и той неизменной поддержки, которую она получила от своих партнеров в малайском Альянсе[163].

Анализируя поражение своей партии на выборах, Ли Куан Ю выделил три основные причины. Во-первых, на территории Малайи не было отделений партии и местных лидеров. Во-вторых, у партии отсутствовал опыт проведения предвыборных кампаний в Федерации. В-третьих, агитаторы партии не указали веских причин для того, чтобы население отдало предпочтение ПНД перед КАМ[164].

Прямой выход ПНД на малайскую политическую сцену ознаменовал собой четкий поворотный момент в отношениях между Сингапуром и Куала-Лумпуром. Этот шаг ПНД повлек за собой ряд событий, которые привели в конечном итоге к выходу Сингапура из Малайзии.

Лидеры ПНД не могли не понимать, что их политическая деятельность в Федерации будет восприниматься

[163] Ibid.
[164] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 547.

малайцами как угроза их особому положению в Малайзии. К тому же нельзя забывать о том, что малайцы составляли лишь 13,6% населения Сингапура и не пользовались всеми особыми привилегиями, которые Конституция гарантировала им в Малайе. В Соглашении Малайзии специально оговаривалось, что привилегии малайцев в Малайской Федерации не распространяются на Сингапур. Конституция Сингапура признавала «особое положение» малайцев, но она не предоставляла им особые права, такие как резервирование рабочих мест в гражданской службе и льгот в выдаче разрешений и лицензий[165]. Многие малайцы, естественно, рассчитывали, что после образования Малайзии, с доминированием малайцев в центральном правительстве, они оказались бы в лучшем положении в Сингапуре, чем раньше, но их надежды не оправдались[166].

Как уже отмечалось выше, ОМНО, после поражения на выборах 1963 г. в Сингапуре, активизировала свою деятельность с целью оказать давление на правительство ПНД в предоставлении определенных привилегий малайцам. С ее стороны начали звучать обвинения в ущемлении прав малайцев.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать общественные беспорядки, которые разразились в июле 1964 г. Непосредственной причиной беспорядков стали действия, предпринятые правительством Сингапура по переселению двухсот семей из малайского Джуронга. ОМНО Сингапура обвинило ПНД в том, что это преднамеренные действия по перераспределению малайских избирателей, дабы «рассеять» их в среде многочисленного китайского и индийского населения. Они заявили, что правительство Сингапура пытается разрушить малайские

[165] Our First Ten Years. №. 10. Singapore, 1964. Pp. 109–114.
[166] Ibid. Pp. 125–127.

традиционные *кампонги* и заставить малайцев платить более высокую арендную плату[167].

С целью разрядить обстановку Ли Куан Ю принял решение организовать конференцию для представителей различных малайских социальных и культурных организаций, но не включил ОМНО в число ее участников. От ОМНО в адрес ПНД последовали обвинения в попытке разобщения малайцев, и в качестве ответной меры 12 июля 1964 г. ОМНО организовала Малайскую Конвенцию, на которой были выдвинуты «малайские требования». В Конвенции приняли участие представители 150 малайских организаций, в том числе ОМНО, Панмалайская исламская партия и Союз Малайского полуострова[168]. Был избран комитет, состоявший из двадцати трех членов-представителей малайской общины Сингапура. В своем обращении к Конвенции, Али бин Ахмад (заместитель генерального секретаря ОМНО) обвинил ПНД в попытке создать «государство Израиль» в Сингапуре, целью которого является подавление малайцев: «тактика угнетения мусульман израильтянами в Израиле идентична тому, как в Сингапуре малайцы угнетаются ПНД»[169].

Конференция, организованная правительством Сингапура 19 июля 1964 г., не решила поставленных перед нею проблем. Ли Куан Ю заверил делегатов, что предоставит малайцам все условия для того, чтобы они могли конкурировать с немалайцами в поиске работы, но он ясно дал понять, что не будет ни системы квот в распределения работы или выдаче лицензий, ни резервирования земли для малайцев[170].

---

[167] New Confrontation // Far Eastern Economic Review, 6 August 1964. Pp. 225–226.
[168] Peninsular Malay Union.
[169] Daily Press Summary. 13.07.1964.
[170] Daily Press Summary. 20.07.1964.

В такой взрывоопасной атмосфере разжечь общественные беспорядки не составило особенного труда. Все началось 21 июля 1964 г., беспорядки были хорошо организованы и быстро распространились по территории Сингапура. В Паданге (центральный район Сингапура) собралось более 25 тысяч малайцев для празднования дня рождения Пророка Мухаммеда. Малайские лидеры выступили с критикой ПНД, обвиняя ее в жестоком обращении с малайцами. В ходе процессии был избит полицейский, начались нападения на китайцев, столкновения между китайцами и малайцами вспыхнули в разных районах Сингапура. Был введен комендантский час, который отменили только 2 августа 1964 г. В результате беспорядков было убито 23 человека и 454 получили ранения. После непростого шестинедельного перемирия в первую неделю сентября 1964 г. беспорядки возобновились. 13 человек погибли, 106 получили ранения.

Беспорядки обнажили опасный потенциал межнациональной напряженности и шаткость основных положений, на которых строилась вся концепция Малайзии. Это прекрасно понимали как лидеры Сингапура, так и лидеры Малайи. «Ситуация очень опасна, если люди идут на разжигание межобщинных проблем, Сукарно нет никакой надобности отправлять партизан. Мы раздавим сами себя...»[171], сказал заместитель премьер-министра Малайзии Тун Абдул Разак после беспорядков. Премьер-министр Абдул Рахман во время этих событий находился в США. Почти сразу же по возвращении в Куала-Лумпур он выступил с заявлением, в котором полностью поддержал высказывание Разака: «нация должна быть единой», – сказал он[172].

[171] Daily Press Summary. 09.09.1964.
[172] Indian Express (New Delhi). 15.08.1964.

Когда в сентябре 1964 г. вновь вспыхнули массовые межнациональные столкновения, Ли Куан Ю находился в поездке по Европе, в ходе которой он выступил со множеством речей по проблемам, стоящим перед Малайзией. В частности, выступая перед малайзийскими студентами в Лондоне 10 сентября 1964 г., он сказал, что беспорядки в Сингапуре связаны с поражением ОМНО на выборах в Сингапуре и с различным отношением правительства Федерации и правительства Сингапура к национальному вопросу. «Малайзия выживет или падет, – сказал Ли Куан Ю, – в зависимости от того, что мы намереваемся создать – малайзийскую нацию или малайскую нацию»[173].

Руководители Альянса Малайзии были очень недовольны выступлениями Ли Куан Ю, представлявшего себя главным выразителем интересов китайского населения в многонациональной Малайзии, и его попытками повлиять на либеральные мнения в Англии.

Статьи в британских газетах были весьма критическими по отношению к Абдул Рахману и центральному правительству. Например, влиятельная британская газета *The Daily Telegraph* высказала мнение, что «самая серьезная угроза» для Малайзии – не конфронтация с Индонезией, а «разжигание расового недоверия» между малайцами и китайцами. И что эта угроза может быть решена только «срочными и далеко идущими» правительственными мерами, направленными на то, чтобы успокоить китайскую часть населения. Она призывала британское правительство повлиять на Абдул Рахмана, чтобы правительство Малайзии построило «нерасовое единое общество»[174]. Такая откровенная поддержка выступлений Ли Куан Ю поз-

[173] Some Problems in Malaysia. Ministry of Culture, Government of Singapore (Singapore n.d.). Pp 12–18.
[174] Sunday Telegraph (London). 13.09.1964. Cit. on: *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… P. 23.

волила лидерам Альянса прийти к выводу, что британское правительство, вдохновленное его выступлениями, окажет давление на Абдул Рахмана, чтобы тот включил ПНД в центральное правительство[175].

После беспорядков центральное правительство назначило комиссию для расследования обстоятельств происшедшего[176]. Руководители Сингапура встретились с Абдул Рахманом и заключили соглашение, которое впоследствии получило название «перемирие». Председатель ПНД То Чинь Чи заявил, что лидеры Альянса и ПНД согласились публично не затрагивать любые чувствительные национальные и партийные вопросы в течение ближайших двух лет[177].

Однако положения «перемирия» были настолько расплывчаты, что вскоре разногласия вновь обострились. Мохаммад Хир Джохари, федеральный министр сельского хозяйства и кооперации, заявил, что Альянс Сингапура

---

[175] В июле 1966 г., Ли Куан Ю заявил, что премьер-министр Великобритании Алек Дуглас Хоум сказал Абдул Рахману в Лондоне, что путь к консолидации Малайзии после межобщинных беспорядков в Сингапуре – только в коалиции между ПНД и Альянсом. Он сделал это заявление в ответ на статью, написанную Тун Абдул Разаком по случаю двадцатой годовщины ОМНО. Описывая разделение Сингапура и Малайзии, Разак заявил, что после межобщинных беспорядков в Сингапуре Ли Куан Ю, «призвал и меня, включить ПНД в правительство Альянса. Он заявил, что только на этом пути может быть обеспечена общая гармония. Мы отклонили его просьбу сразу». Кроме того, он утверждал, что даже после второй вспышки межобщинных беспорядков в Сингапуре в сентябре 1964 г., ПНД прибегала к каждой возможности, чтобы войти в Кабинет. Straits Budget (Kuala Lumpur). 03.08.1966.

[176] The Straits Times. 10.10.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19641010-1, (микрофильм 12162).

[177] The Straits Times. 27.09.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19640927-1, (микрофильм 12161).

получит на выборах достаточное число голосов и сформирует новое правительство в Сингапуре[178]. Это вызвало немедленную реакцию со стороны председателя ПНД То Чинь Чи, расценившего это высказывание как нарушение «перемирия». В ответ Хир Джохари заявил, что он не в курсе какого-либо «перемирия», и что ПНД должна быть готова к конкуренции со стороны других политических партий[179]. В результате ПНД было принято решение «перепрофилировать и реорганизовать» партию таким образом, чтобы добиться успеха в Малайе.

Решение ПНД активизировать свою деятельность на материке и стать одной из основных политических сил оппозиционных Альянсу, привело к резкому ухудшению отношений между Сингапуром и Куала-Лумпуром. Абдул Рахман в своей речи в университете Сингапура в декабре 1964 г. выразил глубокую озабоченность в связи с деятельностью ПНД и попросил политиков Сингапура сосредоточить свое внимание на том, что Сингапур «бизнес-центр Малайзии, а не очаг политических ссор и склок». Предостерегая ПНД от любых попыток выйти за рамки политической деятельности в пределах Сингапура, он заявил, что, если бы ПНД сделала такую попытку, это было бы только начало проблем – «пострадает вся Малайзия». «Если политики в Сингапуре не согласятся со мной, – сказал он, – единственным решением будет разделение…»[180].

---

[178] The Straits Times. 26.10.1964. NLB (Singapore). URL; http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19641026-1, (микрофильм 12162).

[179] The Straits Times. 28.10.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19641028-1, (микрофильм 12162).

[180] The Straits Times. 10.12.1964. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19641210-1, (микрофильм 12164).

К концу февраля 1965 г. политические разногласия между ПНД и Альянсом достигли своего пика. Ли Куан Ю заявил, что «политика консервативных малайских традиционалистских лидеров, сотрудничающих с китайскими компрадорами и капиталистами в интересах взаимной выгоды», не решает социальных, экономических и политических проблем Малайзии. С другой стороны, отметил он, принципы ПНД – «мультирасизм и малайзийский национализм», вера в «демократический социалистической путь к более равному и справедливому обществу» и одинаковая забота о «неимущих малайцах и немалайцах» может лучше служить делу Малайзии[181].

В ноябре 1964 г. на юбилейном съезде, посвященном десятилетию ПНД, Ли Куан Ю выдвинул концепцию «малайзийской Малайзии»[182]. Объясняя ее смысл, Ли Куан Ю отметил, что старая политика и отношения, которые были так успешны в Малайской Федерации, не соответствуют ситуации в многонациональной Малайзии. Он отмечал, что лидеры экстремистов в ОМНО – «ультрас», как он их называл, – вместо того чтобы изменить свое отношение и политику в соответствии с потребностями Малайзии, хотят «запихнуть Малайзию в малайскую схему». Чтобы Малайзия могла добиться успеха, она должна иметь необщинное государственное устройство и политическое равенство между разными национальными группами, населяющими страну. В противном случае, предупреждал он, Малайзия распадется на составные части[183].

В подходах лидеров Альянса и ПНД к проблемам нациестроительства в Малайзии существовали фундамен-

---

[181] Turning Point in Malaysia. Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965.

[182] *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии XX век… С. 305.

[183] Are There Enough Malaysians to Save Malaysia? Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965.

тальные различия. Политика Альянса предусматривала довольно длительный период межнационального сотрудничества, предшествовавший конечной необщинной стадии. Это было связано с тем, что они отчетливо понимали невозможность просить граждан Малайзии забыть свое различное национальное происхождение в один миг, что для достижения подлинной национальной гармонии и прочной политической стабильности, лидеры трех национальностей должны сначала научиться работать вместе[184]. Они утверждали, что Альянс – межобщинная организация, в которой представлены интересы малайцев (ОМНО), китайцев (КАМ) и индийцев (ИКМ), и что их эксперимент многонационального сотрудничества не только позволил им добиться независимости от Британии, но и обеспечить национальную гармонию в Малайе. Лидеры ПНД, с другой стороны, утверждали, что общинные партии, входящие в Альянс, только укореняют межобщинные различия, и поэтому необходимо принять срочные меры, чтобы сломать межобщинные барьеры и обеспечить рост необщинных и многонациональных политических партий[185].

Радикально различались подходы Альянса и ПНД и к обсуждению межобщинных проблем. Обе партии признавали шаткость национального баланса в Малайзии и опасные последствия его нарушения. Однако со стороны лидеров Альянса существовало нежелание обсуждать межнациональные проблемы открыто, потому что они считали их потенциально разрушительными. В результате все важные решения по межнациональным вопросам принимались лидерами ОМНО, КАМ, и ИКМ в кулуарах.

Лидеры ПНД действовали диаметрально противоположно. Они делали упор на свободное, неограниченное

[184] *Suryanaryan V.* Singapore in Malaysia… P. 27.
[185] Ibid. Pp. 27–28.

и открытое обсуждение межнациональных проблем, одним из путей их решения предлагая создание необщинных политических партий, представляющих интересы классов, а не интересы отдельных национальных групп. В результате, парадокс заключался в том, что Альянс был партией с коммуналистской структурой, которая считала, что слишком частое открытое обсуждение межнациональных проблем ведет к эскалации межнациональных противоречий. ПНД была партией с необщинной структурой, полиэтнической по своему составу (хотя большинство ее членов были китайцы), которая, тем не менее, считала, что межнациональные проблемы должны подвергаться постоянному анализу[186].

В мае 1965 г. Ли Куан Ю заявил, что ни одна из трех национальных групп в Малайзии не может считать себя нациеобразующим народом более, чем другие, так как все их предки пришли в Малайю не более тысячи лет назад[187]. «Малайцы начали мигрировать в Малайю в заметном количестве только около семисот лет назад. Из 39% малайцев в Малайзии сегодня, примерно треть – сравнительно новые иммигранты [из Индонезии]. Таким образом, неправильно и нелогично для конкретной национальной группы думать, что они имеют больше оснований называть себя малайзийцами, и что другие могут стать малайзийцами только с их одобрения»[188].

Лидеры ОМНО восприняли это заявление не с точки зрения академического интереса, а как серьезный вызов

---

[186] *Milne R.S.* Politics and Government… P. 216.

[187] *Махатхир Мохамад*. Доктор своей страны… С. 208.

[188] Asian Almanac (Singapore). Vol. 3, 1 August – 7 August, 1965. P. 1218. Однако необходимо отметить, что в своих мемуарах Ли Куан Ю пишет, что он никогда не утверждал, что малайцы не являются коренным народом Малайзии. *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story. Memories of Lee Kuan Yew. P. 607.

политической системе в Малайе, которая была основана на том, что малайцы являются коренным населением страны. Англичане, а позднее независимая Малайская Федерация, признали положение малайцев как коренного народа. Как «дети земли» (*бумипутра*), малайцы всегда пользовались определенными правами и привилегиями, и эти права и привилегии были позднее гарантированы Конституцией Малайзии. Тун Абдул Разак заявил, что высказывание Ли Куан Ю является «вредным и опасным», и, «если народ Сингапура хочет поддерживать хорошие отношения с центральным правительством, он должен найти себе другого лидера…»[189]. Вслед за этим последовала целая череда акций и выступлений против премьер-министра Сингапура. Группа молодежной организации ОМНО в Куала-Лумпуре сожгла его чучело. Звучали призывы «арестовать Ли Куан Ю»[190].

Складывалась ситуация, при которой любые действия Ли Куан Ю стали негативно восприниматься центральным правительством Малайзии. Поездка премьер-министра Сингапура в Австралию и Новую Зеландию с целью заручиться поддержкой этих стран в противостоянии с Индонезией вызвала много споров и неприязни в Малайзии. Визит Ли Куан Ю был широко освещен в средствах массовой информации обеих стран. Это вызвало недовольство руководителей центрального правительства, поскольку, по их мнению, Ли Куан Ю представлял исключительно свою партию и принижал центральное правительство. Тун Абдул Разак в малайзийском парламенте сказал, что Ли Куан Ю попытался «очернить образ центрального правительства» за границей[191].

---

189 *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 607.
190 Ibid.
191 *Suryanaryan V*. Singapore in Malaysia… P. 30.

Заседания восемнадцатой Генеральной Ассамблеи ОМНО в Куала-Лумпуре 15 и 16 мая 1965 г. выявили не только степень ухудшения отношений между Сингапуром и Куала-Лумпуром, но и глубину различий между умеренным крылом и экстремистами внутри самой ОМНО. Абдул Рахман в своем вступительном слове обратился к делегатам с просьбой уладить разногласия с правительством Сингапура[192]. «Экстремисты» остались весьма недовольны его речью и выдвинули резолюцию, призывающую центральное правительство арестовать Ли Куан Ю за его высказывания в адрес малайцев. Министр внутренних дел Тун Исмаил обратился к делегатам с призывом сохранять спокойствие и сдерживать себя. «Мы должны действовать конституционно. Г-н Ли ограничил свои атаки выступлениями, и мы должны отвечать таким же образом. Использовать силу в этих обстоятельствах неправильно и недемократично». В результате резолюция была смягчена, и была принята новая, призывающая центральное правительство принять «серьезные меры» против Ли Куан Ю[193].

В такой напряженной атмосфере состоялось заседание федерального парламента 26 мая 1965 г. В обращении к парламенту говорилось, что существует угроза безопасности Малайзии не только извне, т.е. из Индонезии, но и внутри страны[194]. Участвуя позднее в дебатах, Ли Куан Ю попросил конкретизировать, что имеется ввиду под «угрозой изнутри». Он сказал, что считает это завуалированным обвинением ПНД, и зачитал выдержки из малайских газет *Utusan Melayu* и *Malay Merdeka*. Он повторил, что ПНД подписалась под основополагающими принципами кон-

[192] Asian Almanac. Vol. 3, 1 August – 7 August, 1965. Pp. 1215–1216.
[193] The Straits Times. 16.05.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650516-1 (микрофильм 12169).
[194] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 1 June 1965, col. 31.

ституции Малайзии, но отметил, что выступления лидеров Альянса заставили его сомневаться в намерениях центрального правительства[195].

Речь Ли Куан Ю вызвала бурю протеста со стороны Альянса. Тан Сяо Син, министр финансов Федерации, назвал ПНД и премьер-министра Сингапура «величайшей разрушительной силой за всю историю Малайи и Малайзии»[196]. Тун Исмаил, министр внутренних дел, обвинил ПНД в разрушении межнациональной гармонии «коварными, не совестными и беспощадными» методами и предложил Ли Куан Ю привести «примеры или признаки малайского господства вместо того, чтобы делать расплывчатые и косвенные заявления»[197]. Член парламента Махатхир Мохамад (премьер-министр Малайзии в 1981–2003 гг.), заявил, что ПНД, «за внешним блеском некоммунализма», практикует «коммунализм в самой неистовой форме». Он утверждал, что ПНД – «прокитайская, прокоммунистическая и абсолютно антималайская» партия, и, если ПНД не изменит свою политику, это разрушит страну[198]. Однако, завершая дебаты, Тун Абдул Разак, заместитель премьер-министра Малайзии, разъяснил, что под «угрозой изнутри» имелась в виду не ПНД, а коммунистическая угроза. Тем не менее, по его заявлению, Ли Куан Ю делал «именно то, что делали враги Малайзии, создавая сомнения, подозрения и путаницу в умах людей, подрывая единство и решимость народа перед угрозами

[195] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 1 June 1965, cols. 537–568.
[196] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 1 June 1965, cols. 839–840.
[197] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 31 May 1965, cols. 703–718.
[198] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 26 May 1965, cols. 71–85. В своих мемуарах Махатхир Мохамад писал: «Иной раз, дабы призвать его [Ли Куан Ю] к соблюдению регламента, а иногда из вредности, я прерывал его вопросами и просьбами о разъяснении. Ли Куан Ю еле сдерживал свое недовольство моими частными репликами…». *Мохатхир Мохамад*. Мемуары. С. 220.

безопасности и выживания»[199]. Ли Куан Ю попросил время, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против него. Спикер дал согласие, но потом отменил свое решение. Ли Куан Ю собрал пресс-конференцию, где повторил обвинения против экстремистов и зачитал выдержки из малайской прессы, чтобы доказать свою позицию[200].

Вскоре стало ясно, что Ли Куан Ю готов пойти на крайние меры и не отступать ни на шаг от своей кампании «малайзийской Малайзии» и практики политического балансирования на грани войны. Он говорил о возможности «альтернативного варианта» в случае использования неконституционных методов против «малайзийской Малайзии», подчеркивая, что Сабах и Саравак на стороне Сингапура, и, возможно, к ним присоединятся Малакка и Пинанг[201]. Это заявление Ли Куан Ю вызвало ожесточенные споры в Малайзии. Министры по делам Сабаха и Саравака выступили с категоричными заявлениями, что Сабах и Саравак будут по-прежнему находиться в Малайзии[202]. Сенатор Т.Х. Тан в федеральном сенате, обвинил Ли Куан Ю в «разжигании эмоций и вызывании разногласий», его «антималайском и непатриотичном поведении». Он сказал, что центральное правительство должно принять меры и либо исключить Сингапур из Малайзии, либо «устранить подальше Ли Куан Ю, чтобы отрезвить его»[203].

---

[199] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 3 June 1965, cols. 991–1011.
[200] The Battle for a Malaysian Malaysia. Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965.
[201] The Straits Times. 01.06.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes196500601-1 (микрофильм 12170).
[202] The Straits Times. 05.06.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes196500605-1, (микрофильм 12170).
[203] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 621.

Кульминацией попытки лидеров ПНД свести оппозиционные партии вместе и образовать широкую основу для объединенной оппозиции в малайзийском масштабе стало создание в мае 1965 г. Объединения малайзийской солидарности. В Объединение вошли: Партия народного действия Сингапура, Народная прогрессивная партия (НПП) и Объединенная демократическая партия (ОДП) Малайи, Партия объединенного народа Саравака (ПОНС) и Партия Мачинда Саравака.

6 июня 1964 г. Объединением единогласно была принята концепция построения «демократической малайзийской Малайзии» и подписана декларация, которая гласила: «Малайзийская Малайзия означает, что нация и государство не отождествляются с верховенством, благополучием и интересами какой-либо конкретной общины или расы. Малайзийская Малайзия является антитезой малайской Малайзии, китайской Малайзии, даякской Малайзии, индийской Малайзии или кадазанской Малайзии и так далее. Специальные и законные интересы различных общин должны быть надежно защищены и обеспечены в рамках коллективных прав, интересов и ответственности всех рас»[204]. В декларации отмечалось, что недавние заявления, сделанные руководством Федерации, противоречат духу и целям Малайзии. «Нарушение этих основных принципов, а не конфронтация с Индонезией и коммунистическая угроза, представляют наибольшую угрозу для Малайзии» [205]. Декларация заканчивалась призывом ко всем жителям Малайзии поддержать ее.

Однако необходимо иметь в виду, что правительство ПНД приняло конституционные положения, касающиеся прав малайцев и национального языка, а другие партнеры

[204] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 606.
[205] Declaration by the Convenors of the Malaysian Solidarity Convention. Singapore, 1965.

по Объединению, в особенности НПП, были категорически против особых прав малайцев и языковой политики центрального правительства. Так, Дарма Раджа Сеенивагасам, лидер НПП обвинял Альянс в использовании 153 статьи Конституции о специальных правах малайцев для «запугивания немалайцев». Онг Ки Хуэй из Объединенной народной партии Саравака (позже министр федерального правительства) отмечал: «Мы видим отношение нетерпимости и растущие признаки отказа в политическом равенстве людям, не являющимся малайцами. Ради нашей страны и ради нас это должно быть прекращено, и гражданство, чтобы искоренить расизм, должно быть обеспечено всем, кто живет здесь и превращает эту страну в свой дом, независимо от расового происхождения»[206].

Не менее важно и то, что четыре участника Объединения – ПНД, НПП, ПОНС, и ОДП зависели, несмотря на их многорасовую идеологию, в основном от поддержки китайского населения. Следовательно, сама природа кампании «малайзийской Малайзии» была такова, что вряд ли можно было бы рассчитывать на поддержку малайцев. Таким образом, создание Объединения малайзийской солидарности только усилило межнациональную напряженность в Малайзии[207].

Обстановка продолжала накаляться. В заявлении для прессы, накануне своего отъезда в Лондон для участия в конференции премьер-министров Содружества, Абдул Рахман сказал, что, если бы он в свое время не дал Ли Куан Ю убедить себя в необходимости расширения Федерации, «Малайя все еще была бы прекрасной Малайей, никакой конфронтации, ничего», но добавил, что централь-

[206] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 617.
[207] *Suryanaryan V*. Singapore in Malaysia… P. 32.

ное правительство готово обсудить с Ли Куан Ю пути решения возникших проблем[208].

Последней каплей, переполнившей чашу конфликтов между Куала-Лумпуром и Сингапуром стали перевыборы в сингапурском округе Хон Лим. Онг Ен Гуань, член Законодательного собрания от избирательного округа Хон Лим, подал в отставку. Он обвинил правительство ПНД в том, что оно «подавляет все эффективные средства массовой информации, через которые оппозиционные партии могут нести свое послание людям»[209], и Законодательное собрание Сингапура «не служит более благой цели». На следующий день после объявления о своем уходе он попросил правительство не затягивать с перевыборами. Лидеры ПНД были уверены, что Онг Ен Гуань подал в отставку под давлением федерального правительства, цель которого состояла в том, чтобы проверить народную поддержку ПНД. Если бы Социалистический фронт одержал победу, то «они могли нейтрализовать лидеров ПНД с использованием Закона о внутренней безопасности…».

30 июня были выставлены два кандидата – от ПНД – Ли Хун Чой и от Социалистического фронта – Онг Чан Сэм. Альянс Сингапура принял решение не участвовать в выборах. Предвыборная кампания была короткая. Выборы состоялись 10 июля. Перед избирателями был поставлен выбор между концепцией ПНД «малайзийской Малайзии» и инициативой «сокрушить Малайзию» Социалистического фронта. Ли Хун Чой получил 59% голосов, бо-

[208] The Straits Times. 12.06.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650612 (микрофильм 12170).
[209] The Straits Times. 17.06.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650617-1 (микрофильм 12170).

лее чем в два раза улучшив результаты выборов 1963 г., когда ПНД получила лишь 26%[210].

Выборы 1961 и 1965 гг. по округу Хон Лим являются важными вехами в отношениях между Сингапуром и Малайзией. Поражение кандидата ПНД в апреле 1961 г. было одной из важных причин, побудивших Абдул Рахмана предложить формирование Малайзии. С 1963 по 1965 г. ПНД удалось вернуть большую часть утраченных позиций в Сингапуре. Победа на выборах 1965 г. стала безусловным доказательством ее возрастающего влияния. Ли Куан Ю провозгласил победу ПНД как свидетельство общественной поддержки выдвинутой им концепции «малайзийской Малайзии», и добавил: «Вердикт Хон Лим ясен и убедителен. Почти 60% в пользу малайзийской Малайзии... Когда [Абдул Рахман] возвратится из Лондона, нам предстоит решить фундаментальные проблемы... это либо малайзийская Малайзия, либо развал Малайзии»[211].

Все эти события происходили во взрывоопасной атмосфере повышенной межнациональной напряженности и сложных отношений между Сингапуром и Куала-Лумпуром. Абдул Рахман в это время находился в Лондоне на конференции премьер-министров Содружества. После конференции он заболел и 25 июня 1965 г. был помещен в больницу. Как он впоследствии вспоминал, там он взвесил в уме все плюсы и минусы разделения и пришел к выводу, что «для благополучия и безопасности Малайзии и Сингапура, территории должны расстаться»[212]. После предварительных переговоров с Лим Ким Саном (министр Сингапура, который был в Лондоне в то время), он написал Тун Абдул Разаку о своем решении об отделении Сингапура. Тун Абдул Разак, Тун Исмаил и Тан Сяо

---

[210] *Lee Kuan Yew*. The Singapore Story… P. 622.

[211] Ibid. P. 624.

[212] Sunday Times. 16.08.1965.

Син поддержали это решение. В конце июля Абдул Рахман уполномочил Тун Абдул Разака разработать необходимые конституционные изменения. В течение этого периода «совершенно секретных переговоров», холодная война между лидерами ПНД и Альянсом продолжалась.

Абдул Рахман вернулся в Малайзию после длительного пребывания за границей 5 августа и встретился с Ли Куан Ю два дня спустя. Ли Куан Ю пытался предложить определенный компромисс в формировании сравнительно свободной Федерации[213]. Однако было слишком поздно. Абдул Рахман принял решение. Премьер-министру Сингапура не осталось выбора кроме, как согласиться на разделение.

Страх насилия в обществе стал одним из важнейших факторов, повлиявших на Абдул Рахмана в его решении отделить Сингапур от Малайзии. В своем выступлении в парламенте Малайзии 9 августа 1965 г. он назвал такое решение «самым болезненным и душераздирающим». Абдул Рахман подчеркнул, что есть только два пути выхода из сложившейся ситуации. Первый – применить силу против правительства Сингапура и второй – пойти на разделение с Сингапуром. Далее он отметил, что считает первый вариант неприемлемым, и что такие меры не решат всех проблем[214]. Единственным выходом, по его мнению, являлось отделение Сингапура.

Драматические события, предшествовавшие отделению Сингапура от Малайзии, продемонстрировали, что Ли Куан Ю и его коллеги в ПНД недооценили Абдул Рахмана. Ли Куан Ю никогда серьезно не рассматривал возможность того, что Абдул Рахман прибегнет к разделению

[213] The Straits Times. 10.08.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650810-1 (микрофильм 12172).
[214] Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 9 August 1965, cols. 1459–59.

в качестве средства решения проблемы ухудшения отношений между двумя территориями[215].

В правительстве Сингапура возникли серьезные разногласия по вопросам выхода Сингапура из состава Федерации, в частности, ни То Чин Чи, ни С. Раджаратнам, до последнего момента не желали подписывать соглашение[216]. Но окончательно убедившись в том, что Абдул Рахман не намерен рассматривать никакие альтернативы, они присоединились к своим коллегам по кабинету в принятии решения о разделении территорий[217].

Подводя определенный итог, необходимо отметить, что опыт Сингапура в формировании политической системы и характер политических процессов, происходивших в стране до обретения независимости в 1965 г. в своем роде уникален. Сингапурская политическая система формировалась извне – усилиями британской колониальной администрации: постепенное введение парламентской системы, великодержавное разрешение на создание и деятельность политических партий, всё это заложило основу современной политической системы Сингапура. Бурные политические процессы, особенно в 1963–1965 гг. в период нахождения Сингапура в составе Малайзии, стремительное появление на политической арене и, зачастую, такое же стремительное исчезновение политических партий, альянсов, откровенная слабость оппозиции и прочее, всё это привело, в конечном итоге, к неоспоримой доминанте

---

[215] *Lipski S.* Lee Kuan Yew's Singapore: The Birth of Nation // The Bulletin, 21 August, 1965. Pp. 21–23.

[216] The Straits Times. 10.08.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650810-1, (микрофильм 12172).

[217] The Straits Times. 11.08.1965. NLB (Singapore). URL: http://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/Digitised/Article/straitstimes19650811-1, (микрофильм 12172).

ПНД и её закреплению у власти на долгие годы. В результате, решительность и настойчивость в достижении поставленных политических целей стали залогом высочайшей поддержки ПНД и возглавляемого ею правительства со стороны избирателей, так что партия возвращалась к власти на всех 13-ти прошедших в стране всеобщих выборах с подавляющим большинством. К сожалению, формат данной коллективной монографии не позволит в полной мере раскрыть все грани внутренней политики, проводимой правящей партией Сингапура, превратившей бывшую отсталую колонию в процветающее высокоразвитое государство, но, как нам кажется, прекрасной иллюстрацией успешности этой политики может стать анализ предпочтений сингапурского электората.

Политическое устройство Республики Сингапур

9 августа 1965 г. одновременно в Сингапуре и Куала-Лумпуре было официально объявлено о создании нового суверенного независимого государства Республики Сингапур. 22 декабря 1965 г. на заседании парламента Сингапур был официально объявлен Республикой.

Отделение Сингапура от Малайзии было закреплено в трех важных документах: Конституции и Законе о Малайзии (поправка о Сингапуре), Законе о Конституции Сингапура (поправка) и Законе о независимости Республики Сингапур 1965 года. Закон о независимости был принят парламентом для обеспечения преемственности существующих законов и принятия некоторых положений Конституции Малайзии после того, как Сингапур покинул Федерацию[218]. В марте 1980 г. был опубликован текст действующего Основного закона.

[218] Singapore Parliament. URL https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

Сингапур – парламентская республика, высший орган государственной власти – однопалатный парламент и президент. Председательствует на заседаниях парламента спикер, избранный из членов парламента. Исполнительная власть осуществляется правительством, формируемым по результатам парламентских выборов. Правительство формирует глава партии, одержавшей победу на выборах, причем сам он должен быть избранным депутатом.

Правоустанавливающие основы всеобщих выборов депутатов парламента и президента Сингапура

Высший орган законодательной власти – однопалатный парламент, избирается путём прямого голосования. Срок полномочий парламента составляет 5 лет, но он может быть распущен в любое время до истечения 5-летнего срока президентом по рекомендации премьер-министра. Состав парламента формируется из избираемых депутатов, депутатов, не представляющих избирательный округ – NCMPs [219] и назначаемых депутатов[220].

Процедура проведения выборов регулируется Конституцией Республики Сингапур (Законодательный орган – Часть VI), Законом о парламентских выборах (Глава 218), Законом 2020 г. о парламентских выборах (Специаль-

[219] В 1984 г. был введён институт так называемых Non-constituency Member of Parliament (NCMPs) – представителей партий, не прошедших в парламент, но пользующихся большинством прав депутатов парламента, кроме права голоса при внесении изменений в Конституцию страны или вотума доверия правительству. Constitution of the Republic of Singapore (Amendment) Act 1984 (No. 16 of 1984), in force on 10 August 1984; and the Parliamentary Elections (Amendment) Act 1984 (No. 22 of 1984), in force on 22 August 1984.

[220] В 1990 г. (поправка в Конституцию) был введён институт назначаемых депутатов парламента – квота депутатов парламента, не принадлежащих к политическим партиям, назначаемых лично президентом Сингапура, чтобы увеличить число независимых голосов в парламенте.

ные мероприятия по COVID-19), Законом о политических пожертвованиях (Глава 236) и ключевыми подзаконными актами[221]. Координацией выборного процесса занимается специальный Департамент по выборам, находящийся под контролем Канцелярии премьер-министра. Одной из задач Департамента является контроль над пожертвованиями в пользу кандидатов, принимающих участие в президентских или парламентских выборах.

С 1959 г. граждане Сингапура, достигшие 21 года, обязаны участвовать в выборах, если гражданин без уважительной причины не принимает участия в голосования, то он исключается из избирательных списков и при повторной регистрации обязан заплатить штраф.

Избираемые депутаты (по одномандатным – SMC и групповым округам – GRC) составляют большинство в парламенте и избираются по системе «один человек – один голос», основанной на простом большинстве.

Каждый одномандатный округ представляет один депутат, в то время как в каждом групповом округе может быть от трех до шести депутатов, один из которых должен быть представителем малайской, индийской или других общин меньшинств. Такая система введена для обеспечения представительства национальных меньшинств в парламенте. На выборах 2020 г. в Сингапуре было зарегистрировано 14 одномандатных и 17 групповых округов, всего в парламенте заседают 93 депутата.

Члены парламента, не представляющие избирательные округа (NCMPs), выбираются (назначаются) из числа кандидатов политической партии или партий, не формирующих правительство. С учетом последних поправок к Конституции, максимальное количество NCMPs, разрешенное в парламенте в любой момент времени, составля-

[221] Parliamentary Elections / Elections Department, Singapore. URL: https://www.eld.gov.sg/elections_parliamentary.html.

ет: 12 (мест) «минус» общее количество избранных оппозиционных депутатов в парламенте[222]. Места NCMPs объявляются избранными среди кандидатов оппозиционных партий, участвующих во всеобщих выборах, на основе наибольшего процента голосов, набранных этими кандидатами.

Как того требует Закон о парламентских выборах, процедура выборов начинается с того, что президент по рекомендации премьер-министра распускает парламент и издает приказ о проведении выборов, в котором указывается дата, когда должно быть принято решение о выдвижении кандидатов (не ранее, чем через пять дней и не позднее, чем через один месяц с даты приказа) и места выдвижения.

Потенциальные кандидаты должны представить документы о выдвижении своих кандидатур и специальные сертификаты уполномоченному по выборам в двух экземплярах лично в центре выдвижения кандидатур с 11 утра до 12 часов дня в сопровождении лиц, их выдвигающих, помощников и не менее четырех лиц их поддерживающих. В период завершения процедуры выдвижения уполномоченный по выборам может объявить о том, что кандидат или группа кандидатов были избраны и будут зарегистрированы в качестве депутата (депутатов). Другими словами, если в избирательном округе выдвинут один кандидат (группа кандидатов), то он автоматически является победителем выборов.

В тех случаях, когда выдвигаются более одного кандидата по одномандатному округу (SMC) или более одной группы кандидатов по групповому округу (GRC), уполномоченный по выборам начинает подготовку документов к

[222] Parliamentary Elections / Elections Department, Singapore. URL: https://www.eld.gov.sg/elections_parliamentary.html.

проведению голосования. Вышеозначенное должностное лицо издает уведомление о проведении оспариваемых выборов (не ранее 10-го и не позднее 56-го дня после принятия документов) с подробной информацией о кандидатах и месте расположения всех избирательных участков.

Кандидаты могут вести предвыборную кампанию после обнародования уведомления об оспариваемых выборах вплоть до дня «тишины» (то есть за день до дня голосования они должны прекратить всякую агитацию). Ни одному кандидату не разрешается размещать рекламу на телевидении, в газетах, журналах или периодических изданиях или в общественных местах, если он не уполномочен на это сотрудником по выборам.

Максимальная сумма, которую кандидат может потратить на предвыборную кампанию на каждого избирателя в каждом избирательном округе составляет: в одномандатном – 4,00 синг. долл., в многомандатном – 4,00 долл. деленные на количество кандидатов в группе (от 3 до 6).

Канун дня голосования – день «тишины» (введен в 2001 г.). Это день, когда предвыборная агитация запрещена. Данный 24-часовой период «молчания» предоставляется избирателям для принятия решения о своих предпочтениях.

В день голосования избиратели могут отправиться на отведенные им избирательные участки, чтобы проголосовать в любое время с 8 утра до 8 вечера[223]. Граждане Сингапура, проживающие за границей, могут проголосовать на специально организованных избирательных участках за рубежом.

[223] Исключение было сделано на выборах 2020 г., когда из-за пандемии коронавируса гражданам старшего возраста было рекомендовано посетить участки с утра, и время голосования было продлено до 10 часов вечера.

Из-за разницы во времени голосование на некоторых зарубежных избирательных участках может состояться до начала голосования в Сингапуре. Однако все зарубежные избирательные участки должны закрыться до окончания голосования в Сингапуре. После закрытия голосования за рубежом урны для голосования должны быть доставлены в Сингапур для подсчета голосов в течение 10 дней после дня голосования. Сотрудник, ответственный за эту процедуру, имеет право по своему усмотрению продлить еще на 7 дней время, необходимое для того, чтобы урны для голосования достигли Сингапура, если общее число избирателей из-за рубежа имеет значение для результатов выборов, и вышеозначенный сотрудник уверен в том, что какая-либо из урн для голосования из-за рубежа не достигнет Сингапура в течение первоначального 10-дневного периода.

После закрытия избирательных участков в Сингапуре урны для голосования опечатываются и доставляются в соответствующие центры подсчета голосов.

В начале процесса подсчета голосов проводится предварительный подсчет выборочных бюллетеней, чтобы заранее получить представление о возможных результатах выборов. Поскольку это выборка, окончательный результат голосования может быть другим.

Кроме всеобщих парламентских выборов в Сингапуре действует система довыборов. Дополнительные выборы проводятся, когда освобождается место в парламенте по одномандатному избирательному округу или когда все члены парламента (депутаты) по округу с групповым представительством освобождают свои места.

В соответствии с Конституцией главой государства является **президент.** До 1991 г. президент назначался на должность решением парламента и выполнял преимущественно церемониальные функции. С 1992 г. президент

избирается всеобщим прямым голосованием на срок 6 лет, его функции расширились и стали более значимыми.

Однако избрание главы государства считается в Сингапуре менее важной процедурой, чем парламентские выборы. Функции президента носят в основном представительский характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством. Полномочия главы государства в формировании кабинета министров на практике имеют номинальное значение. Право назначения президентом гражданских и военных чиновников также лишено реального смысла, поскольку это делается правительством, хотя и от имени главы государства. Такие важные права президента, как роспуск парламента, досрочный перерыв сессии, издание указов и т.п., осуществляются правительством, хотя и от имени главы государства. Но именно президенту принадлежит право помилования и амнистии.

Процедура избрания президента регулируется Конституцией Сингапура (Часть V, Глава 1); Законом о президентских выборах; Актом о политических взносах и другими законодательными документами.

Дату и место номинации президента назначает премьер-министр. Заявление о выдвижении подписывает сам кандидат в президенты, а также лицо, выдвигающее кандидата, лицо, поддерживающее кандидата, и ещё не менее четырех доверенных лиц. После этого кандидат в президенты обязан внести денежный депозит. Кандидат делает официальное заявление о своей квалификации и о том, что на дату выдвижения он не состоит ни в какой политической партии, представляет сертификат о политическом взносе, который он получает от Регистрационной палаты по политическим взносам. И главное, кандидат должен представить сертификат об одобрении его кандидатуры Отборочным комитетом.

Для того чтобы выдвинуться на пост президента, гражданин Сингапура должен обратиться в Президентский отборочный комитет, который осуществляет проверку квалификаций кандидата, необходимых для исполнения функций президента страны. Главой комитета является председатель Комиссии гражданской службы. Членами назначаются глава Службы по финансовому и корпоративному регулированию и член Совета при премьер-министре по делам этнических меньшинств.

Кандидат в президенты должен быть не моложе 45 лет и иметь не менее чем трехлетний опыт практической деятельности на важном государственном посту – министра правительства, главного судьи, спикера парламента, гражданского чиновника высшего ранга, председателя или члена правления крупной корпорации с капиталом не менее 100 млн синг. долл. Кандидат в президенты не может быть членом парламента, должен быть беспартийным и порвать все связи с партией, если он в ней состоял. Первый раз президентские выборы состоялись в августе 1993 г.

Кандидат лично в сопровождении выдвинувшего его лица, лица, поддерживающего кандидата, и ещё не менее четырех доверенных лиц, представляет все необходимые документы специальному уполномоченному по выборам в день выдвижения строго с 11 до 12 часов утра.

По истечении этого срока, если документы подал только один кандидат, уполномоченный по выборам объявляет его избранным президентом Республики Сингапур. Если кандидатов несколько, назначается день голосования. Каждому кандидату присваивается определенный символ.

После этого кандидаты могут начинать предвыборную агитацию, которая прекращается за один день до даты голосования. Агитационная кампания может прохо-

дить в формате посещения домов избирателей, распространения памфлетов, листовок, расклейки плакатов, использования интернета, а также проведения митингов и собраний. Радио и телевидение, а также прессу можно использовать только после получения специального разрешения уполномоченного по выборам.

Кандидат в президенты имеет право потратить на предвыборную агитацию максимум 600 тыс. синг. долл., или 30 центов в расчете на каждого зарегистрированного избирателя.

Заблаговременно до дня голосования зарегистрированные избиратели получают по месту жительства уведомление о выборах. Голосование проводится в период с 8 утра до 8 вечера в пунктах для голосования по месту жительства.

По окончании голосования избирательные урны с бюллетенями запечатываются и направляются в счетные центры. Находящие за границей сингапурские граждане могут проголосовать в специальных пунктах сингапурских зарубежных представительств.

Уполномоченный по выборам подводит окончательные итоги голосования и обнародует результаты выборов.

На пост президента в 1993 г. претендовали только 2 отобранных комитетом кандидата. В 1999 и 2006 гг. у кандидата вообще не было конкурентов. В 2011 г. впервые на пост президента претендовали 4 кандидата, причем три из них ранее были членами правящей ПНД. Победил бывший член ПНД Тони Тан.

13 сентября 2017 г. в Сингапуре прошли очередные президентские выборы. Примечательно это событие двумя фактами: во-первых, впервые в истории Сингапура президентом стала женщина – Халима Якоб, а во-вторых, эти выборы стали первыми после внесенных в Конституцию поправок, согласно которым, пост президента резер-

вируется за определенной национальной группой. Изменения вступили в силу 9 ноября 2016 г., после одобрения законопроекта в парламенте Сингапура 77 голосами, при этом все 6 членов парламента от оппозиционной Рабочей партии[224] проголосовали «против», предложив провести по этому вопросу референдум[225].

В соответствии с новыми положениями Конституции, пост президента может занять представитель национальной группы, не занимавший до этого в течение пяти лет вышеобозначенную должность. Отсчет ведется с первого избранного президента Сингапура – д-ра Ви Кима Ви, занимавшего этот пост в 1985–1993 гг. Поясним, что до этого кандидатура президента Сингапура выдвигалась и утверждалась парламентом, поправки о всенародном избрании на этот пост были внесены в Конституцию только в 1991 г.

Поправки в Конституцию 2016 г. вызвали широкие дебаты в обществе, но не пошатнули уверенности сингапурских властей в правильности принятого решения. В ответ на критику, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун ответил, что президент Сингапура является символом многорасовой нации, и если президентом из срока в срок будет представитель только одной национальности, то «он не только перестанет быть надежным символом нашей нации, но и сам многорасовый характер нации будет под вопросом» [226].

---

[224] Астафьева Е.М. Сингапур: всеобщие выборы 2015 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015, № 26. С. 106.

[225] WP proposes referendum on Presidency, Senate to safeguard reserves URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/wp-proposes-referendum-on-presidency-senate-to-safeguard-reserve-7719578

[226] Elected Presidency: Amendments to Constitution passed in Parliament/ URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/elected-presidency-amendments-to-constitution-passed-in-parliame-7719282

Таким образом, пост президента на выборах 2017 г. был зарезервирован за представителем малайской этнической группы, представители которой не занимали этой должности с 1970 г.[227]. Юсуф Исхак[228] – малаец по происхождению, был первым президентом Сингапура и занимал этот пост с 9 августа 1965 г. – дня провозглашения независимости, до своей кончины в 1970 г.

В преддверии выборов, Тони Тан, занимавший пост президента с 1 сентября 2011 г., сложил свои полномочия 31 августа 2017 г. Выборы президента должны были состояться 23 сентября. Однако, уже 11 сентября 2017 г. Избирательная комиссия сделала заявление, что претендентом на президентский пост зарегистрирован единственный кандидат – бывший спикер парламента Халима Якоб. Уточним, что всего на пост президента было подано пять заявок, однако два претендента были исключены автоматически, поскольку один из них заявил о своей принадлежности к китайской этнической группе, а второй о том, что не считает себя принадлежным к какой-либо этнической общности. Два других кандидата – Фарид Кхан и Мохамед Саллех Марикан, получившие, как и Халима Якоб, мандаты от малайской общины, не были зарегистрированы как несоответствующие квалификационным критериям.

Таким образом, 13 сентября (дата окончания регистрации кандидатов в президенты) Халима Якоб была объявлена избранным 8-м президентом Сингапура и была приведена к присяге на следующий день в Истане[229]. Для справки уточним, что до выдвижения на пост президента г-жа Якоб имела весьма богатый послужной список, в котором не раз звучало «первая». В частности, с января

[227] The Straits Times, 8 November 2016.
[228] Янг-ди-Пертуан-Негара Сингапура с 1959 г.
[229] CNA. URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/halimah-yacob-declared-president-elect-9211392?view=DEFAULT

2013 г. она исполняла обязанности спикера парламента – и была первой женщиной на этом посту за всю историю Сингапура. Она сложила полномочия спикера 6 августа 2017 г., а незадолго до того вышла из состава ПНД, членом которой была с 2001 г.[230]

Политический процесс в Сингапуре через призму парламентских выборов 1965–2020 гг.

Первый парламент независимой Республики был созван 8 декабря 1965 г. – через четыре месяца после отделения Сингапура от Малайзии. Члены главной оппозиционной партии – Социалистического Фронта – не желали признавать легитимность объявления независимости Сингапуром, называя это решение «фальшивкой», поскольку считали, что решение о выходе из состава Федерации Малайзии должно было обсуждаться в парламенте. Председатель СФ Ли Се Чо объявил, что партия бойкотирует парламент, и поручил своим членам не посещать заседания, а вывести свою борьбу за демократию на улицы. В декабре 1966 г. был введен запрет на связи местных сингапурских партий с иностранными, что непосредственно повлияло на горстку небольших партий, связанных с Малайзией, большинство из которых переименовали себя и разорвали официальные зарубежные связи. Череда волны отставок в парламенте членов от СФ привела к проведению довыборов в январе, марте и ноябре 1966 г., а также в 1967 г. После отставки 11 депутатов от СФ (еще 2 депутата от этой партии покинули Сингапур, чтобы избежать ареста Департаментом внутренней безопасности), в законодательном органе остались только члены от ПНД.

[230] Подробнее см.: Астафьева Е.М. Безальтернативные президентские выборы в Сингапуре в 2017 г. и первая женщина президент: а была ли возможна альтернатива? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017, №36, С. 140-145.

Первый парламент был распущен 8 февраля 1968 г. На 17 февраля был назначен день выдвижения кандидатур. Предвыборная кампания этих первых выборов была самой продолжительной за всю историю Сингапура – 56 дней. После проведения голосования 13 апреля, менее чем через месяц – 5 мая к работе приступил 2-й парламент независимой Республики Сингапур[231]. Начиная с этих выборов и вплоть до 1981 г. Партия народного действия занимала все места в парламенте.

Нельзя говорить о том, что оппозиционные политические партии ушли из сферы политической борьбы, отнюдь. В 1970-х гг. были образованы семь новых партий, в том числе Партия справедливости Сингапура (ПСС) и Объединенный фронт (ОФ), предшественник сегодняшней Демократической прогрессивной партии (ДПП). В Рабочей партии произошла смена руководителя – место её бывшего лидера (экс-премьер-министра Сингапура) Дэвида Маршала занял Дж. Б. Джейаретнам. К участию в выборах вернулся СФ, но в целом оппозиция была слаба и не могла составить достойной конкуренции правящей ПНД.

На выборах, проходивших в 1972 г., оппозиция попыталась активно включиться в политическую борьбу за места в парламенте. Практически в половине округов своих кандидатов выставил ОФ, выдвинул своих кандидатов и СФ, но, несмотря на более жесткую конкуренцию, ПНД во второй раз заняла все места в парламенте. Сложившуюся ситуацию в ПНД объяснили отсутствием доверия к оппозиционным партиям из-за их нерешительных политических маневров – с одной стороны, и прогрессом Сингапура под руководством ПНД – с другой. Лидеры ПНД настаивали, что избиратели не видят необходимости в

[231] Parliamentary General Election 1968. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1968/.

парламентском разнообразии, ну или не хотят видеть у власти безответственную оппозицию, которая может препятствовать эффективному управлению и действенным, хотя и не всегда популярным решениям.

Третьи выборы состоялись в 1976 г. Примечательны они тем, что на них состоялся «дебют» Го Чок Тонга, который впоследствии сменил на посту премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, а также Чиама Си Тонга, баллотировавшегося в качестве независимого кандидата, который в конечном итоге стал известным оппозиционным членом парламента.

По мере всё большего укрепления ПНД некоторые оппозиционные партии заняли позицию, которая уже в большей степени была ориентирована не на их собственные амбициозные планы занять места в парламенте в качестве оппозиции, а согласовалась с настроениями электората. Эта позиция выражалась в том, что, независимо от того, насколько эффективна правящая партия, присутствие оппозиционных депутатов в парламенте может служить сдерживающим фактором, препятствующим авторитаризму ПНД. Четыре оппозиционные партии – Социалистический фронт, Партия справедливости Сингапура, Малайская национальная организация Сингапура (МНОС)[232] и Объединенный фронт, сформировали в целях сотрудничества на выборах Совместный оппозиционный совет[233], но и этот маневр не принес им желаемых мест в парламенте.

Следующие – четвертые выборы, состоялись в конце декабря 1980 г. Почти в половине избирательных округов альтернативы кандидатам от ПНД выставлено не было, в день выдвижения ПНД была всего в «одном шаге» (месте)

[232] *Pertubuhan Kebangsaan Melayu Singapura – PKMS.*

[233] Parliamentary General Election 1976. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1976/.

от формирования правительства. На этих выборах состоялся дебют недавно организованной Демократической партии Сингапура (ДПС)[234]. Впервые не было выставлено ни одной независимой кандидатуры. В результате, четвертый раз подряд ПНД заняла все места в парламенте. Два года спустя, в 1982 г., несколько членов СФ, МНОС, ОФ и РП, некоторые из которых баллотировались на выборах 1980 г., были задержаны в соответствии с Законом о внутренней безопасности за участие в незаконной Организации народного освобождения Сингапура, которая, согласно выдвинутым обвинениям, «стремилась свергнуть правительство, ссылаясь на общественные настроения»[235].

Пятые выборы, состоявшиеся в конце декабря 1984 г., принесли неожиданные результаты – популярность ПНД среди избирателей снизилась на 10%, при этом 70% всё же отдали именно ей своё предпочтение. Как утверждается многими исследователями, это было связано с речью премьер-министра Ли Куан Ю, произнесенной им на митинге в честь Национального дня 1983 г., в которой он посетовал на проблему снижения рождаемости и нежелание женщин, получивших высшее образование, выходить замуж за равных себе (по интеллекту) или вообще заводить семью, что, по его словам, «может повлиять на будущий кадровый резерв Сингапура». Правительством ПНД даже была запущена специальная программа «матери-выпускницы», которая должна была стимулировать женщин к созданию семьи и рождению детей.

На этих выборах состоялся дебют сына премьер-министра Ли Куан Ю – Ли Сянь Луна, и выход на пенсию ветеранов ПНД – Го Кен Сви и Онг Пан Буна. Впервые в члены парламента были выбраны женщины, все они были

[234] Singapore Democratic Party – SDP.

[235] Parliamentary General Election 1980. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1980/.

кандидатами от ПНД. Одно место в парламенте занял лидер Рабочей партии Дж. Б. Джейаретнам и впервые на политической арене как руководитель Демократической партии Сингапура появился Чиам Си Тонг (ранее он баллотировался как независимый кандидат). Социалистический фронт выставил тех же четырех кандидатов, что и в 1980 г.[236].

25 июля 1984 г. в Конституцию были внесены поправки, включающие схему членства в парламенте без избирательных округов. Согласно этим поправкам, если одна партия выигрывает на выборах все места, в парламенте гарантированы минимум три места для представителей оппозиции без представительства от избирательных округов, при этом, по рекомендации Кабинета министров и окончательному решению президента Сингапура количество таких мест может быть увеличено до шести. Эти места могут быть предложены побежденным кандидатам от оппозиции, получившим наибольшее количество голосов избирателей, но не менее 15%. Оппозиционные партии выразили свое недовольство этой схемой и отвергли её, поскольку считали, что это вводит избирателей в заблуждение, заставляя их думать, что они могут иметь в парламенте оппозиционных депутатов, не голосуя за них.

В сентябре 1988 г. состоялись шестые всеобщие выборы, можно сказать, что они стали одними из самых знаменательных в истории Сингапура. Если ранее в преддверии каждых выборов изменения границ избирательных участков вносились в виде законопроекта, то с 1986 г. было принято решение о том, что право утверждения границ будет иметь Канцелярия премьер-министра. Комитет по установлению границ избирательных участков был пере-

[236] Parliamentary General Election 1984. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1984/.

именован в Комитет по пересмотру границ избирательных участков.

В 1986 г. были освобождены два места, которые ранее занимал глава Рабочей партии Дж. Б. Джейаретнам (он был дисквалифицирован после осуждения за ненадлежащее декларирование учетных записей РП), и член парламента от ПНД, но довыборов назначено не было.

Это был последний год, когда премьер-министр Ли Куан Ю возглавлял ПНД, по числу отданных за него голосов в округе Танджонг Пагар он в пятый раз возглавил таблицу рекордов. Еще двое старейших членов ПНД – бывший заместитель премьер-министра То Чинь Чи и старший министр С. Раджаратнам, ушли в отставку. Рабочая партия поглотила Социалистический фронт и Объединенный фронт Сингапура и стала крупнейшим оппозиционным лагерем с небывалым числом кандидатов[237].

7-й парламент приступил к работе 9 января 1989 г., однако уже 14 августа 1991 г. он был распущен, буквально через неделю был назначен день выдвижения кандидатур, а уже 31 августа состоялось голосование, при этом новый парламент 8-го созыва приступил работе только спустя полгода – 6 января 1992 г. и был распущен 16 декабря 1996 г.

Инициатором проведения досрочных выборов выступил Го Чок Тонг, сменивший Ли Куан Ю на посту премьер-министра и генерального секретаря ПНД в 1990 г. Результаты этих выборов стали для ПНД неожиданными – партия потеряла 4 места, что стало самым значительным её проигрышем с 1963 г, снизилась и доля голосов, отданных за неё, причем уже в третий раз подряд. Демократическая партия Сингапура заняла позиции ведущей оппозиционной партии, добавив еще двух парламентариев к

[237] Singapore Elections. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1988/.

месту, успешно удерживаемому её лидером Чиамом Си Тонгом. Восемь из девяти ее кандидатов вошли в первую десятку по популярности среди избирателей. Место в парламенте удалось занять и представителю Рабочей партии Лоу Тиа Хиангу, который много лет спустя стал генеральным секретарем и лидером партии. На пресс-конференции премьер-министр Го Чок Тонг мрачно объяснил потерю мест своим «открытым и консультативным стилем правления» и пообещал пересмотреть свой подход[238].

Выборы в парламент 1997 г. открыли для премьер-министра Го Чок Тонга новую возможность заручиться «сильным мандатом» после не самых лучших результатов ПНД на выборах 1991 г. Одним из маркеров чего можно считать убедительную победу ПНД на довыборах 1992 г., которые состоялись после образования вакансий в двух одномандатных округах из-за смерти одного депутата и инаугурации бывшего заместителя премьер-министра Онг Тен Чонга в качестве пятого (и первого избранного) президента Сингапура.

Эти выборы стали первыми, когда день выдвижения кандидатов и день голосования приходились на разные календарные годы: 23 декабря 1996 г. и 2 января 1997 г. соответственно.

Внутри основной оппозиционной Демократической партии Сингапура происходили серьезные распри. Её бывший лидер – Чиам Си Тонг подал в суд за клевету и выиграл дело против центрального исполнительного комитета своей партии, которую после его ухода возглавил Чи Сун Хуан. Всего за несколько дней до выдвижения кандидатур в парламент Чиам Си Тонг вышел из ДПС и

[238] Parliamentary General Elections 1991. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1991/.

перешел в отколовшуюся от нее Народную партию Сингапура (НПС)[239]. Два кандидата от оппозиции – Чи и Тан Лян Хонг, попали под сильную критику ПНД, при этом последний был обвинен в том, что он «антихристианский китайский чавунист». Вновь было скорректировано количество мест по групповым избирательным округам от трех до шести членов. Демократическая прогрессивная партия (ДПП)[240] выдвинула двух кандидатов – отца и сына, последний, Тан Лид Шейк, стал самым молодым кандидатом на этих выборах. Весьма примечательным событием, можно сказать «веянием времени», стало выдвижение кандидатом в депутаты директора коммерческой компании Чиа Ши Тека.

На волне обещаний обновления в секторе жилищного строительства (HDB) правящей ПНД удалось переломить тенденцию снижения собственной популярности, отвоевав у оппозиции два места, которые она потеряла в борьбе с ДПС на прошлых выборах, при этом, после ухода Чиама Си Тонга ДПС впервые с 1984 г. не получила представительства в парламенте.

Рабочая партия вернула в парламент двух депутатов, Лоу Тиа Кхианга (в настоящее время помощника генерального секретаря), и Джейаретнама, который после потери своего места в 1986 г., возвратился в парламент в качестве депутата не по избирательному округу.

В июне 1997 г. число депутатов не от избирательных округов было увеличено с шести до девяти.

6 сентября 1999 г. законодатели переехали в новое здание парламента[241], и часть Хай-стрит, где оно расположено, была переименована в «Парламент Плейс». Старое

[239] Singapore People's Party – SPP.

[240] Democratic Progressive Party – Parti Demokratik Progresif – DPP.

[241] Parliament House Singapore. URL: https://www.holidify.com/places/singapore/parliament-house-singapore-sightseeing-121359.html.

здание парламента, построенное в 1827 г. и служившее домом для бывшего Законодательного собрания, стало музеем – «Домом искусств при Старом парламенте», прилегающий Парламентский переулок стал называться «Старый парламентский переулок».

Открытие 9-го парламента состоялось 26 мая 1997 г.[242], распущен он был 18 октября 2001 г.

Новые выборы в парламент 2001 г. происходили в сложной международной обстановке. Мир изменился после террористических атак на США 11 сентября и эти изменения не обошли стороной и Сингапур, который столкнулся со сложными экономическими проблемами. День выдвижения кандидатур был назначен на 25 октября 2001 г., день голосования на 3 ноября 2001 г. По итогам этих выборов премьер-министр Го Чок Тонг в последний раз вступил в свою должность и, соответственно, главы правящей ПНД. После всеобщих выборов 2001 г. он заявил, что уйдет с поста премьер-министра после того, как выведет страну из рецессии[243].

Впервые за 38 лет на выборах 2001 г. у оппозиции появился официальный «политический зонтик». 28 июня 2001 г. был создан Демократический Альянс Сингапура (ДАС)[244], его возглавил Чиам Си Тонг. Изначально Альянс состоял из возглавляемой им НПС, а также Партии национальной солидарности (ПНС)[245], ПСС и МНОС. Альянс

---

[242] Parliamentary General Election 1997. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1997/.

[243] *Mauzy, Diane K., Milne R.S.* Singapore Politics Under the People's Action Party. Routledge, 2002. ISBN 0-415-24653-9.

[244] Singapore Democratic Alliance – SDA.

[245] National Solidarity Party – NSP. Партия была образована в 1987 г. и присоединилась к политической Альянсу в 2001 г., вышла из которого в 2007 г. На сегодняшний день ни один член партии не выиграл выборы, чтобы претендовать на место в парламенте по избирательному округу, хотя один член, тогдашний генеральный секретарь партии Стив Чиа,

четырех партий участвовал в выборах 2001 и 2006 гг. РП, ДПС, ДПП и Национальный фронт Сингапура (НФС)[246] отказались присоединиться к альянсу.

Бывший член парламента от РП Дж. Б. Джейаретнам, который потерял свое место за три месяца до выборов, вышел из партии, сославшись на разногласия с руководством. Единственный депутат от Рабочей партии Лоу Тиа Хианг занял пост генерального секретаря и стал представителем третьего поколения РП.

Парламент был распущен на следующий день после того, как 17 октября 2001 г. Комитет по пересмотру избирательных границ опубликовал свой доклад. Лидеры оппозиции были недовольны тем, что из-за новой демаркации у них было всего несколько дней на подготовку. Премьер Го Чок Тонг в защиту своего решения завил об острейшей необходимости провести всеобщие выборы до катастрофического обострения экономического кризиса.

В день выдвижения кандидатур единственная команда из 5 членов РП по групповому избирательному округу Альджуниед была дисквалифицирована за подачу неполного пакета документов. В конечном итоге оппозиционные партии оспаривали только треть мест, что привело к наибольшему числу побед кандидатов от ПНД с 1968 г. 10-й парламент приступил к работе 25 марта 2002 г.[247].

12 августа 2004 г. премьер-министром Сингапура и генеральным секретарем ПНД стал сын Ли Куан Ю – Ли

был избран в качестве члена парламента без избирательного округа (NCMP) с 2001 по 2006 г.

[246] Singapore National Front – SNF. Малайская политическая партия, созданная членами фракции выходцев из членов Малайской национальной организации Сингапура 15 августа 1991 г.

[247] Parliamentary General Election 2001. http://www.singapore-elections.com/general-election/2001/.

Сянь Лун, сменив, таким образом на этих постах Го Чок Тонга. На праздновании Национального дня Сингапура 22 августа 2004 г. Ли Сянь Лун произнес речь, в которой он изложил планы, реализацию которых он наметил на период нахождения в должности премьер-министра. Свое выступление он начал с благодарности своему предшественнику – Го Чок Тонгу, отметив, что г-ну Го удалось выработать свой собственный стиль, более мягкий (за что он неоднократно подвергался критике своих же соратников по партии), по сравнению с Ли Куан Ю, консультативный и всеобъемлющий, но твердый и ясный[248].

Под руководством Ли Сянь Луна ПНД сохранила свое доминирующее положение завоевав большинство голосов на всеобщих выборах в 2006, 2011, 2015 и 2020 гг.

Необходимо отметить, что к выборам, назначенным на 2006 г., оппозиционные партии стали готовиться заранее и выставили достаточное количество кандидатов в надежде отвоевать у ПНД лидирующие позиции.

Обновленная Рабочая партия во главе с генеральным секретарем и единственным членом парламента Лоу Тиа Хиангом и первой женщиной-председателем Сильвией Лим, опубликовала свой предвыборный манифест раньше ПНД. Несмотря на то, что Сильвии Лим не удалось победить на выборах, она получила место как назначаемый член парламента, став, таким образом, первой женщиной-депутатом от оппозиции в Сингапуре после обретения независимости. В борьбу за места вновь включился ДАС, несмотря на явное недовольство его лидером Чиамом Си Тонгом как внутри Альянса, так и в его собственной НПС. Лидер Демократической партии Сингапура Чи Сун Хуан был отстранен от участия в выборах.

---

[248] Подробнее см.: *Астафьева Е.М.* Ли Сянь Лун – достойный сын великого отца // Многоликая элита Востока. Том 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 308–309.

Отчет Комитета по пересмотру избирательных границ, направленный 16 февраля 2006 г. в Канцелярию премьер-министра, был обнародован 3 марта 2006 г., более чем за месяц до дня выдвижения кандидатов.

Помимо проведения процедуры голосования для проживающих за рубежом сингапурцев, в этом году впервые количество кандидатов по групповым округам было увеличено до шести человек, и это были вторые в истории всеобщие выборы без независимых кандидатов, что могло быть связано с новыми законами о выборах.

10-й парламент был распущен 20 апреля 2006 г., день выдвижения кандидатур назначен на 27 апреля, а день голосования на 6 мая. 2 ноября 2006 г. парламент в составе 84 депутатов приступил к работе[249].

Несмотря на образование трех вакансий в групповых избирательных округах в 2008 и 2010 г. (после смерти трех депутатов от ПНД), правительство ПНД не стало проводить довыборы.

В 2009 г. в политическую систему были внесены дальнейшие изменения. Количество мест членов парламента не по избирательному округу было увеличено до девяти, при этом назначение этих депутатов стало обязательным (а не как раньше – по решению парламента). Эти изменения гарантировали увеличение числа депутатов от оппозиции.

11-й парламент был распущен 19 апреля 2011 г. Согласно решению Комитета по пересмотру избирательных границ, опубликованному 24 февраля 2011 г., количество одномандатных округов было увеличено с 9 до 12. Кроме того, был введен день «тишины» перед днем голосования. День выдвижения был назначен на 27 апреля, день голосования на 7 мая 2011 г.

[249] Parliamentary General Election 2006. http://www.singapore-elections.com/general-election/2006/.

Во второй раз ПНД вступила в серьезную политическую борьбу на выборах под руководством премьер-министр Ли Сянь Луна. Основная проблема состояла в том, что кампания правящей ПНД под лозунгом «Обеспечение нашего совместного будущего» столкнулась с рядом проблем, таких как рост расходов, увеличение разрыва в доходах, недостаточное предложение на рынке жилья, большой приток иностранцев, финансовые потери, понесенные национальными корпорациями, и несколько серьезных просчетов в области безопасности. В результате ПНД впервые потерпела поражение в округах, традиционно считавшихся её «крепостью».

По сравнению с предыдущим выборами, на этот раз лагерь оппозиции был более раздробленным. В борьбу за места включились Партия национальной солидарности и Народная партия Сингапура, которые покинули Демократический альянс Сингапура и впервые с 1997 г. вернулись к своим собственным знаменам, а также недавно сформированная Партия реформ. В совокупности оппозиция оспаривала почти все места, за исключением неудачной заявки в групповом избирательном округе Танджонг Пагар, возглавляемом министром-наставником Ли Куан Ю.

Ветеран оппозиции Дж. Б. Джейаретнам скончался вскоре после создания Партии реформ в 2008 г., его место занял его старший сын Кеннет Джейаретнам. Рабочая партия выросла, став, возможно, крупнейшей оппозиционной партией, но волна отставок до выборов снова сократила её численность. Несколько бывших членов Партии реформ присоединились к Партии национальной солидарности.

Самые беспрецедентные шаги были предприняты двумя действующими депутатами от оппозиции, которые покинули свои «безопасные» места, чтобы оспорить места

в многомандатных округах. Генеральный секретарь Рабочей партии Лоу Тиа Кхьянг объединил усилия с Сильвией Лим, чтобы выдвинуться в групповом округе Альджуниед. Чиам Си Тонг, бессменно представлявший округ Потонг Пасир в течение 28 лет, передал место своей жене Лине Лох, чтобы возглавить команду Народной партии Сингапура в групповом округе Бишан-Тоа Пайо.

Однако судьбы Рабочей партии и Народной партии Сингапура пошли разными путями, РП впервые в истории оппозиции удалось одержать победу в групповом округе, НПС не удалось достичь цели.

С момента обретения независимости это было самое сокрушительное поражение ПНД, когда оппозиционная партия и объединенный оппозиционный лагерь получили наибольшее количество мест с 1991 г. – 6. Сразу же после всеобщих выборов, министр-наставник Ли Куан Ю и старший министр Го Чок Тонг объявили о своем уходе из нового кабинета, ознаменовав тем самым конец эпохи. Го был удостоен звания «Почетный старший министр»[250]. Новый парламент в составе 87 депутатов начал свою работу 10 октября 2011 г.

12-й парламент был распущен 25 августа 2015 г., день выдвижения был назначен на 1 сентября, а 11 сентября 2015 г. в Сингапуре прошли двенадцатые всеобщие выборы, убедительная победа Партии народного действия в которых стала неприятным сюрпризом для оппозиции и в очередной раз доказала силу правящей партии.

2015 год – юбилейный для Сингапура. Девятого августа в стране с небывалым размахом была отпразднована 50-летняя годовщина обретения независимости (SG50), а всего через месяц – состоялись выборы в парламент, в результате которых ПНД получила 83 из 89 мест.

[250] Parliamentary General Election 2011. http://www.singapore-elections.com/general-election/2011/.

Можно обозначить несколько факторов, обусловивших успех ПНД. Во-первых, тактически верным явилось решение премьер-министра Ли Сянь Луна о времени проведения выборов. С большой долей уверенности можно сказать, что подъем духа национального единения на волне юбилейных торжеств стал одной из составляющих убедительной победы ПНД. Во-вторых, надежды некоторых скептиков на то, что с уходом Ли Куан Ю партия утратит свои позиции, не оправдались. Напротив, убежденность в том, что именно благодаря «мужеству и решимости Ли Куан Ю и других отцов-основателей» Сингапур добился своего процветания, еще более укрепилась в умах сингапурцев. В-третьих, роковую ошибку совершила оппозиция, которая приняла решение претендовать на все 89 мест в парламенте, выдвигая своих кандидатов даже в тех округах, где они заведомо не имели шансов на победу.

Впервые в истории Сингапура оппозиция выставила своих кандидатов во всех избирательных округах. В борьбу за места в парламенте включились: Рабочая партия, выставившая своих кандидатов в десяти избирательных округах; Демократическая партия Сингапура – в пяти; Народная партия Сингапура – в четырёх; Партия реформ (ПР)[251] и Партия национальной солидарности – в трёх; Сингфёрст[252] – в двух; Демократический альянс Сингапура и Партия народной власти[253] – в одном, а также два независимых кандидата – в двух одномандатных округах.

Однако можно предположить, что если бы оппозиция действовала более продуманно и воздержалась от выдвижения 45 из 89 кандидатов, автоматически предоставив ПНД достаточно мест для формирования правительства, то электорату было бы проще отдать свои голоса достой-

[251] Reform Party – RP.
[252] SINGFIRST.
[253] People's Power Party – PPP.

ным представителям оппозиционных партий. Но оппозицией было принято другое решение.

Предвыборные дебаты были довольно острыми, хотя выступления оппозиционных кандидатов не отличались особым разнообразием и сводились, в основном, к обвинению ПНД в элитарности, требованиям к правительству о выплате гражданам накоплений из Центрального сберегательного фонда (ЦСФ), а также необходимости кардинального решения проблем образования, транспорта и обеспечения более доступного жилья. Часто звучали упреки в том, что, несмотря на экономический успех и высокий уровень образования в стране, политика Сингапура застыла во времени. Однако, и это очень важно, не было обвинений в коррупции, в присвоении крупных денежных средств, повальном злоупотреблении властью или национальной или религиозной нетерпимости. Конечно, не обошлось и без обычного вздора и несправедливых обвинений, особенно в интернете, но этого можно ожидать в ходе любых выборов.

Самой сильной и представительной партией оппозиции является Рабочая партия – единственная оппозиционная партия, представителям которой удалось одержать победу в двух избирательных округах и получить 6 мест в парламенте.

ПНД, претендуя на 89 мест в парламенте, как обычно выставила мощную команду технократов, действующих министров и депутатов, а также новых кандидатов. Можно утверждать, что огромный вклад в успех ПНД внесла личная популярность её руководителя, премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна, который выступал на митингах как в округах, традиционно отдающих предпочтение ПНД, так и в округах, поддержавших на выборах 2011 г. кандидатов от оппозиции. «ПНД имеет четкое видение и конкретные планы развития Сингапура», – заяв-

лял он. «Оппозиционные партии говорят: "Голосуйте за нас, мы будем торговаться в ваших интересах. Чтобы правительство ни делало, мы будем просить больше". Это безответственный подход...»[254]. В целом же предвыборные обещания ПНД сводились к заверениям в том, что партия и правительство будут двигаться в том же направлении, что и в предыдущие годы, и приложат максимальные усилия к улучшению жизни народа и дальнейшему процветанию Сингапура.

Прошлые парламентские выборы, в результате которых оппозиционные партии получили почти 40% голосов избирателей, а ПНД потеряла 6 мест в парламенте, получив 81 из 87 мандатов, заставили правительство внимательнее отнестись к «болевым точкам», вызвавшим такое падение доверия населения. Был предпринят ряд шагов для решения проблем, касающихся жилья, иммиграции и транспортной инфраструктуры Сингапура. За истекший после выборов 2011 г. период, во-первых, был увеличен объем предложений по государственному жилью и, таким образом, «охлажден» перегретый рынок собственности. Во-вторых, было снижено количество привлекаемых иностранных рабочих. В-третьих, было предпринято много усилий для развития системы наземного общественного транспорта и метро.

Пусть и запоздало, как язвительно отмечали представители оппозиции, но правительство ПНД признало «пионеров и их вклад в созидание Сингапура», и это признание затронуло сердца многих пожилых граждан. Были запущены специальные программы поддержки старшего поколения сингапурцев – *Pioneer Generation Package*, *MediShield Life* и *Silver Support Scheme*. По оценке посла по

[254] *Lim, Lydia.* Return of political contest for hearts and minds / The Straits Times. 10.09.2015.

особым поручениям МИД Сингапура Томми Коха, «большинство из полумиллиона избирателей старше 65 лет проголосовали за ПНД»[255].

Можно сказать, что эти выборы, в год пятидесятилетней годовщины независимости Сингапура, стали своего рода «возвращением политики», иначе говоря, возобновления активной борьбы между партиями за влияние в национальной политике, которая в течение десятилетий сдерживалась в Сингапуре двумя факторами. Во-первых, высоким качеством технократического руководства ПНД, а во-вторых, структурами, специально созданными чтобы препятствовать политической конкуренции. По словам политолога Чан Чи Хэна было создано «административное государство», которое заботилось «о стабильности и систематической деполитизации политически активных и агрессивных граждан». Действительно, с 1968 по 1981 г. ПНД занимала все места в парламенте, а самое большое поражение потерпела на выборах 2011 г. Эти выборы стали своеобразным поворотным пунктом, водоразделом, и, хотя ПНД проиграла только 6 из 87 мест в парламенте, процесс реполитизации был уже запущен[256].

Итак, одержав убедительную победу, уже на следующий день после выборов, ПНД приступила к созданию новых отделений партии для проведения еженедельных встреч с населением (*Meet-the-People Sessions*). Председатель ПНД, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун традиционно направил письмо депутатам от ПНД, так называемый кодекс поведения «*Rules of Prudence*», в котором основной упор был сделан на необходимости соблюдения репутации, честности и неподкупности: «…всегда помни-

[255] Ten reflections on GE 2015. URL: http://www.straitstimes.com/opinion/ten-reflections-on-ge-2015.

[256] *Lim, Lydia.* Return of political contest for hearts and minds / The Straits Times. 10.09.2015.

те, что мы слуги народа, а не хозяева»[257]. Рабочая партия, несмотря на то, что молодые члены РП не попали в парламент, приняла решение обновить свои руководящие кадры. Остальная часть оппозиционного лагеря тем временем восприняла результаты выборов как сигнал к тому, чтобы обсудить возможный вариант слияния или коалиции[258]. 15 января 2016 г. 13-й парламент в составе 89 депутатов начал свою работу.

Следующие парламентские выборы были назначены на 2020 г. и несмотря на пандемию COVID-19, кардинальным образом изменившую весь механизм взаимодействия как во внешнеполитической, так и во внутриполитической жизни в Сингапуре, решения об их отмене или переносе не последовало. 13-й парламент был распущен 23 июня 2020 г., день выдвижения был назначен на 30 июня, а день голосования на 10 июля 2020 г.

В предвыборную гонку за 93 места в парламенте, наряду с правящей ПНД под руководством Ли Сянь Луна, выдвинувшей 93 кандидатов, вступили 10 оппозиционных партий, выставив в общей сложности 98 кандидатов, также баллотировался 1 независимый кандидат.

С момента выборов 2015 г. количество избирательных округов в Сингапуре было увеличено с 29 до 31, соответственно, увеличилось количество оспариваемых мест в парламенте страны с 89 до 93. Одна из причин таких изменений – рост числа избирателей на 134 тыс. человек[259].

---

[257] PM Lee Hsien Loong sends letter to PAP MPs on rules of prudence and proper conduct. URL: http://www.straitstimes.com/politics/pm-lee-hsien-loong-sends-letter-to-pap-mps-on-rules-of-prudence-and-proper-conduct.
[258] One month after GE2015 / The Sunday Times. 11.10.2015.
[259] Key changes to the electoral boundaries what you need to know / CNA. 13.03.2020. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/key-changes-to-the-electoral-boundaries-what-you-need-to-know-12535208.

В 2020 г., как и в предыдущие годы, ПНД выдвинула кандидатов по всем округам, претендуя на 93 места в парламенте. Хочется напомнить, что всеобщие выборы 2015 г. проходили в год 50-летней годовщины образования Сингапура, после грандиозных торжеств, проведенных в честь этого события, другими словами, на волне всеобщего торжества, а выборы 2020 г. – в тяжелых условиях борьбы с пандемией коронавируса – совсем в иной атмосфере, поскольку, несмотря на все антикризисные меры, предпринимаемые правящей ПНД, население Сингапура ощущало на себе пагубные последствия режима ограничений, введенных в связи с COVID-19.

Старейшая оппозиционная Рабочая партия оспаривала 21 место. Что касается предвыборных лозунгов, то они, в основном, носили социальный характер и касались увеличения минимальных доходов, реформы системы образования, улучшения защиты пожилых людей, против увеличения налоговой нагрузки на население и пр.

Далее в списке оппозиционных партий, явных аутсайдеров выборного процесса (все эти партии на предыдущих выборах получили от 1,13 до 3,76% голосов избирателей), следовали: Демократическая партия Сингапура (выставила 11 кандидатов), Партия национальной солидарности (10), Партия реформ (6), Сингапурский демократический альянс (6), Сингапурская народная партия (8), Партия народной власти (1).

Среди новых участников политического процесса необходимо, прежде всего, упомянуть созданную в 2019 г. Партию прогресса Сингапура (ППС). Её основатель – Тан Чен Бок – в прошлом член ПНД, решил создать собственную партию, главный лозунг которой – «единый Сингапур, основанный на принципах инклюзивности и недискриминации». Партия претендовала на 24 места.

Еще одна новая партия – Голос Народов (ГН), основана в 2018 г., выставила 10 кандидатов[260]. Лозунги, выдвигаемые партией, откровенно популистские, например: «государство богатеет за счет простых людей» и пр.

Новая партия Red Dot United (RDU), была создана в 2020 г. и оспаривала 5 мест. Интересно происхождение названия этой партии. «Маленькой красной точкой» (Little Red Dot) Сингапур назвал в 1998 г. бывший президент Индонезии Б.Ю. Хабиби. Многие увидели в этом пренебрежительное отношение к Сингапуру, хотя Хабиби впоследствии опровергал эти утверждения. Несмотря ни на что, это название Сингапура прижилось и в самой стране, и за её пределами, став своего рода символом успеха такого маленького (в масштабе политической карты мира) государства.

Что касается предвыборных программ, лозунгов и обещаний, то, можно сказать, что они были традиционны как для правящей ПНД, так и для оппозиционных партий, единственно, с поправкой на преодоление последствий пандемии коронавируса.

Особенности предвыборной кампании 2020 в условиях пандемии COVID-19

Главные изменения в этой предвыборной кампании коснулись, в основном, механизмов и форм агитации.

Что касается поддержки кандидатов, то их сторонникам было строжайше запрещено собираться возле центров выдвижения. Процедура выдвижения кандидатов освещалась в прямом эфире на национальном телевидении и на онлайн-каналах. При этом была разрешена агитация «от двери до двери», но агитгруппа могла состоять не более чем из пяти человек. Всем участникам предвы-

[260] Singapore general election: Parties / CNA. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/specialreports/sg-votes/parties.

борных процессов было предписано строжайше соблюдать масочный режим и меры безопасного дистанцирования. Также для проведения предвыборной кампании было разрешено использование транспортных средств, однако самим кандидатам запрещалось «говорить, транслировать музыку или видео в прямом эфире из автомобиля».

Что касается избирательных собраний и митингов, то они, как и шествия после дня голосования, были строжайше запрещены в соответствии с действующими руководящими принципами Министерства здравоохранения.

Так как же в таких довольно сложных условиях проводилась предвыборная кампания? Выход был найден в предоставлении кандидатам и политическим партиям большего количества эфирного времени для агитации на национальных бесплатных теле- и радиоканалах. При этом каждому кандидату, участвующему в выборах по одномандатному избирательному округу, было предоставлено 3 минуты эфирного времени на национальном телевидении. Каждой группе кандидатов, участвующих в выборах в групповом избирательном округе, было предоставлено 12 или 15 минут, в зависимости от того, является ли этот округ 4-х или 5-мандатным. Все кандидаты могли выбрать для выступления любой из четырех официальных языков.

Поскольку проведение собраний было запрещено, кандидаты получили право проводить прямые трансляции электронных митингов, путем подачи заявок по квотам (место и время), выделенным правительством по субсидируемой ставке. При этом использование субсидируемых объектов являлось необязательным. Кандидаты могли вести предвыборную кампанию в прямом эфире за пределами предоставленных площадок и временных интервалов.

Что касается представителей общественности, то им рекомендовалось смотреть политические передачи дома и

не собираться в группы, превышающие размеры, разрешенные действующими руководящими принципами Министерства здравоохранения.

В день выборов на участках были предприняты меры для выявления лиц, страдающих лихорадкой или респираторными симптомами. Для регистрации и отслеживания контактов каждый гражданин должен был использовать приложение *SafeEntry*. Ну и, безусловно, обязательным было соблюдение социальной дистанции и масочного режима.

Чтобы распределить избирателей по часам голосования, каждому был выделен рекомендуемый 2-часовой диапазон времени голосования. Избирателям в возрасте 65 лет и старше было предоставлено рекомендованное 2-часовое время голосования утром.

Принципиальным нововведением стало увеличение количества избирательных участков с 880 до 1 100 для сокращения числа избирателей на каждом участке в среднем с 3 000 до 2 400 человек[261].

Результаты выборов были официально обнародованы 11 июля 2020 г. Несмотря на надежды правящей Партии народного действия на получение в столь непростых условиях безоговорочной поддержки электората, за кандидатов от ПНД было отдано 61,2% голосов избирателей – 83 места в парламенте, 10 мест (11,22% голосов) получила Рабочая партия во главе с Притамом Сингхом. Необходимо также указать, что несмотря на то, что Партия прогресса Сингапура не заняла ни одного места в парламенте, за нее отдали свои голоса 10,18% избирателей. Остальные

[261] FREQUENTLY ASKED questions / CNA. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/specialreports/sg-votes/faq#collapseNineteen.

оппозиционные партии получили незначительное число голосов[262].

Теперь обратимся к анализу причин столь низкой, по сравнению с ожидаемой, поддержкой кандидатов правящей ПНД, – уровень поддержки партии и действующего правительства снизился почти до показателей 2011 г.[263], что после победоносных выборов 2015 г.[264] было весьма неожиданным. Немалую роль, как оказалось, в этом сыграла сложная эпидемиологическая ситуация в стране, поскольку большая часть агитационных мероприятий была перенесена в интернет и на вещательные средства массовой информации[265]. Однако этот фактор, сыгравший против ПНД, как ни парадоксально, обеспечил успех Рабочей партии, в распоряжении которой были прекрасно отлаженные механизмы агитации через социальные сети. Также внимание электората сумели привлечь еще две оппозиционные партии – Партия прогресса Сингапура и Сингапурская демократическая партия (получила 4,45% голосов). Таким образом, можно сделать вывод о том, что прошедшие выборы показали явное отставание ПНД от оппозиционных партий в сфере связей с общественностью, в способности донести свои сообщения до целевой аудитории, что в конечном итоге отразилось на результатах.

[262] Channel News Asia. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/specialreports/sg-votes/results.

[263] Today Online. 13.07.2020. URL: https://www.todayonline.com/commentary/ge2020-what-next-pap-and-singapore-politics?cid=emarsys-today_TODAY%27s%20evening%20briefing%20for%20July%2013,%2020 20%20%28INACTIVE%29_newsletter_13072020_today.

[264] Подробнее см.: *Астафьева Е.М.* Сингапур: всеобщие выборы 2015 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 28. М.: ИВ РАН, 2015. С. 104–118.

[265] Подробнее см.: *Астафьева Е.М.* Сингапур: предвыборная кампания 2020 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Том I, № 1 (46). М.: ИВ РАН, 2020. С. 407–412. DOI:10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-407-412.

Именно лучшую связь с кандидатами, как один из факторов их выбора, указали избиратели в округах, где победила оппозиционная Рабочая партия.

14-й парламент начал свою работу 24 августа 2020 г. В общем и целом, можно говорить о том, что эти парламентские выборы подняли многие актуальные вопросы, касающиеся будущего политической жизни в Сингапуре. В условиях обещанного ПНД перехода власти к команде так называемого «руководства 4G» («четвертого поколения») встает вопрос, сможет ли в будущем правящая партия изменить схему своей политической игры, в полной мере используя все рычаги влияния на электорат в Сингапуре. Сейчас в стране подрастает совершенно новое поколение, и всем без исключения политическим партиям придется вовлекать это поколение в политическую жизнь, говоря при этом на понятном им языке, на темы, которые их интересуют, и на платформах, на которых они взаимодействуют. Правящей партии придется глубоко задуматься о том, как вернуть себе сердца и умы избирателей, если она не примет снижение своей популярности и потерю большего числа избирательных округов как неизбежную будущую тенденцию. Очевидно, что отказ от некоторых «старомодных» тактик может привести к завоеванию электората[266].

Результаты этих выборов обнажили вопрос доверия сингапурцев к «руководству 4G». Проигрыш кандидатов от ПНД в групповом округе Сенгкан привел к потере правящей партией трех политических должностных лиц из команды «4G». Для намеченного Ли Сянь Луном процесса передачи власти это был сильный удар. И возникает во-

[266] Today Online. 13.07.2020. URL: https://www.todayonline.com/commentary/ge2020-what-next-pap-and-singapore-politics?cid=emarsys-today_TODAY%27s%20evening%20briefing%20for%20July%2013,%2020 20%20%28INACTIVE%29_newsletter_13072020_today.

прос, передаст ли премьер-министр бразды правления в течение следующих двух лет, как он указывал ранее, дав обещание помочь Сингапуру пережить кризис пандемии коронавируса, прежде чем передать эстафету своему преемнику?

Некоторая утрата позиций ПНД побудила лидера партии Ли Сянь Луна пойти на весьма важный шаг – своего рода институциализацию сингапурской оппозиции – признание Притама Сингха, руководителя Рабочей партии, официальным лидером оппозиции. Заявленная цель этого шага – желание правящей ПНД предоставить оппозиции ресурсы и поддержку для выполнения ее работы, по сути, для построения более сильной и лучшей оппозиции, что в некоторой степени вызывает недоумение, поскольку противоречит здравому смыслу, ведь цель каждой партии – стремиться улучшить свое положение по сравнению со своими оппонентами. Может быть, это своего рода попытка поставить оппозицию под свой контроль? Хотя, по мнению самих сингапурцев, с точки зрения улучшения политической ситуации в стране, это весьма мудрое решение в интересах страны и ее народа. Есть мнение, что таким образом возможно сформировать единый политический фронт для решения стоящих перед Сингапуром задач. Необходимо, однако, указать, что пока не совсем понятно, какие привилегии, поддержка и ресурсы будут предоставлены Притаму Сингху, каким образом сможет оппозиция принимать участие в законодательной и управленческой деятельности. Налицо необходимость принятия специального закона, регулирующего как деятельность самой официально признанной оппозиции, так и действия правительства по государственной поддержке этой структуры.

Сам Притам Сингх заявил о готовности работать с другими оппозиционными партиями и ПНД на благо

страны. Прошедшие выборы стали самыми успешными для Рабочей партии: она не только сохранила свои позиции в округах Хуганг и Альджуниед, но и выиграла у ПНД в округе Сенгкан, укрепив свое положение в качестве ведущей оппозиционной партии. Для ПНД эта победа Рабочей партии – повод задуматься не только об ошибках, допущенных в период проведения предвыборной кампании, но и в целом о периоде нахождения у власти с 2015 по 2020 г. Как представляется, основная проблема состоит в постоянном стремлении ПНД к политическому доминированию, что всё больше расходится с растущей потребностью электората в политической конкуренции, как важнейшем компоненте прочной системы управления. Все больше избирателей, особенно тех, кто родился после 1980 г., недовольны однопартийным доминированием и патерналистским стилем правления ПНД[267].

При всем этом, несмотря на потерю голосов избирателей, всё же можно говорить о том, что сингапурцы в целом отдают предпочтение ПНД и признают технократические способности её представителей. Хотя видна серьезная озабоченность электората по поводу того, способна ли партия управлять с ориентацией на потребности народа, а не на свои представления о том, что и как должно происходить в стране. Как подчеркивает Юджин Тан, «то, как осуществляется политика, часто оставляет у сингапурцев впечатление, что правительство ПНД настолько убеждено в своих добрых намерениях и результатах политики, что игнорирует более глубокие проблемы народа. Речь идет не только о хорошем управлении, которое ожидается или даже требуется, но и о том, как управлять таким образом, чтобы учитывать интересы сингапурцев как по форме, так

[267] Today Online. 13.07.2020. URL: https://www.todayonline.com/commentary/ge2020-assessment-message-voters-PAP-other-parties-watershed-poll?cid=h3_referral_inarticlelinks_03092019_todayonline.

и по существу»[268]. Поясним, здесь речь идет о первых безальтернативных президентских выборах в 2017 г.[269] и весьма жестком Законе о защите от онлайн-лжи и манипуляций (2019)[270]. И проведенные выборы, и принятие вышеупомянутого закона стали своего рода демонстрацией того, что ПНД не доверяет сингапурцам самим делать выбор и решать для себя что правда, а что нет. Решение избирателей в поддержку оппозиции на этих выборах стало ответной реакцией на настроения, сложившиеся в сингапурском обществе. С одной стороны, налицо поддержка правящей партии, но с другой – желание создать систему сдержек и противовесов ПНД путем введения в парламент представителей оппозиции.

Обращаясь к анализу предвыборного Манифеста ПНД[271] очевидно, что главное внимание в нём было уделено проблеме противодействия пандемии коронавируса, однако интересы избирателей, выходящие за рамки насущных потребностей, явно не были учтены. ПНД попыталась использовать кризис, вызванный коронавирусом, в своих интересах, однако пандемия обнажила многие проблемы сингапурского общества, такие как нера-

[268] Today Online. 13.07.2020. URL: https://www.todayonline.com/commentary/ge2020-assessment-message-voters-PAP-other-parties-watershed-poll?cid=h3_referral_inarticlelinks_03092019_todayonline.
[269] Подробнее см.: *Астафьева Е.М.* Безальтернативные президентские выборы в Сингапуре в 2017 г. и первая женщина президент: а была ли возможна альтернатива? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 36. М.: ИВ РАН, 2017. С. 140–145.
[270] Подробнее см.: The Straits Times. 01.04.2019. URL: https://www.straitstimes.com/politics/parliament-up-to-10-years-jail-for-individuals-and-1-million-fine-for-firms-under-draft-law.
[271] См.: PAP Manifesto 2020 – with Sign Language. 27.06.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s42eJTmYopo&feature=youtu.be; URL: https://s3-ap-southeast-1.amazonaws.com/pap-dr-wp/2020/06/pap-manifesto-2020-our-lives-our-jobs-our-future.pdf.

венство доходов, проблемы, с которыми сталкиваются семьи и отдельные люди в системе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выборы 2020 г. стали переломными для Сингапура. Безусловно, делать долгосрочные прогнозы сейчас довольно сложно, и пока еще рано говорить о формировании двухпартийной, а тем более многопартийной системы в Сингапуре, при том, что оппозиция заняла лишь 10 мест в парламенте страны. Но эти выборы показали, что политическое развитие Сингапура получило новый импульс, и правящей партии придется учитывать мнение не проголосовавших за неё избирателей и корректировать свою политику с учетом их интересов, поскольку времени на отвоёвывание позиций к следующим выборам у ПНД не так уж и много – они назначены на 2023 г. Сможет ли ПНД эффективно сотрудничать с Рабочей партией в парламенте, покажет время, но уже сейчас можно сказать, что от гибкости позиции ПНД будет зависеть многое, в том числе и её политическое будущее и, вообще, будущее всей политической системы Сингапура.

В заключение хотелось бы отметить, что, анализируя политические процессы в Сингапуре нельзя согласиться с утверждениями некоторых представителей «демократического» сообщества о том, что в этой стране нет демократического процесса. Процесс есть. Безусловно, оппозиция пока слаба, но она набирает силу. Как было уже сказано выше, подрастает новое поколение сингапурцев, за умы и сердца которых уже разворачивается нешуточная борьба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ[1]

Настоящая коллективная монография посвящена теме актуальной и злободневной, что обусловлено важностью внешнеполитических процессов сотрясающих весь мир, когда со стороны западных держав не только звучат непрекращающиеся упреки в отсутствии демократии, демократических процессов, «неправильной» работе институтов власти в странах Востока, но и совершаются попытки вмешаться во внутренние дела суверенных государств, не только методами санкционного давления, но и открытой поддержкой антиправительственных сил, пытающихся дестабилизировать обстановку в собственных странах в угоду западным покровителям.

Авторы данной коллективной монографии постарались проанализировать не только систему политических институтов, сложившихся к настоящему времени в странах Юго-Восточной Азии – Индонезии, Мьянме, Камбодже, Таиланде, Филиппинах, Малайзии и Сингапуре, но и детально изложить специфику политических процессов в этих странах, обусловленную и их собственными культурно-цивилизационным особенностями, и глобальными факторами исторического развития.

Книга открывается Введением ***Д.В. Мосякова***, в котором автор подробно анализирует концепцию так называемого «незападного политического процесса», высказы-

---

[1] **Сведения об авторе:** ***Астафьева Екатерина Михайловна,*** *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва, katy-ast@yandex.ru*

вая мнение, что эта концепция, сформулированная еще в середине 50-х годов XX века, сегодня устарела. Дело в том, что после активной фазы процесса глобализации и значительных изменений в политической, экономической и социальной структуре восточных обществ за прошедшие более чем полвека, различия между тем как делается политика на Западе и на Востоке фактически исчезли. Д.В. Мосяков доказывает, что в настоящее время существует некий универсальный механизм власти, который одинаково интенсивно используется как в западных, так и в восточных обществах и государствах.

Автор справедливо отмечает, что сущность и содержание отдельно взятого политического процесса определяется исходя из особенностей политической системы и характера рассматриваемого политического режима, но наиболее важно то, что и само понятие политической системы, и определение политического процесса носят универсальный характер. Д.В. Мосяков подчеркивает, что нельзя согласиться со сторонниками так называемого «незападного политического процесса», утверждающими, что и политические системы, и политический процесс на Востоке сущностно иные, чем на Западе.

В первой главе «*Политическая система Индонезии: между прошлым и будущим*» ***А.Ю. Другов*** подробно анализирует особенности политической системы современной Республики Индонезии, рассматривает важные поправки, внесенные в Конституцию 1945 г. в начале 2000-х гг. Особое внимание автор уделяет религиозному фактору и его влиянию на общественную и политическую жизнь страны. Важным аспектом работы является подробный анализ государственной идеологии панча сила. Как и во многих других странах Юго-Восточной Азии, в индонезийской политике особую роль играют вооруженные силы, о чем автор детально рассказывает в данной главе. А.Ю. Другов

отмечает, что политическая система Республики Индонезия в настоящее время находится в процессе демократизации и модернизации, которые начались в мае 1998 г. с падением военного авторитарного режима «Нового порядка». Однако реализация этих реформ сталкивается с существенными трудностями, связанными с монополией государственной идеологии, подъемом радикального ислама и тем фактом, что престиж политических партий и парламента по-прежнему ниже, чем авторитет исполнительных органов власти и армии. В заключение, автор делает вывод о том, что, несмотря на все сложности и противоречивость развития политической системы Республики Индонезии в последние десятилетия, содержание и направление этого процесса можно считать позитивным.

В главе второй *«Особенности политической системы и политических процессов в независимой Бирме/Мьянме»* ***А.А. Симония*** указывает, что на формирование нынешней политической системы Мьянмы оказали влияние исторические особенности развития страны, в частности, колониальное прошлое и вооруженная борьба за независимость. Именно эти факторы привели к созданию национальной армии Бирмы, которая взяла на себя функции основного политического института страны. Несмотря на то, что в Бирме/Мьянме существуют все атрибуты современной политической системы, управление страной, начиная с первого военного переворота 1962 г., находится в руках армии. Лишь на пять лет военные уступили бразды правления избранному гражданскому правительству, вновь вернув себе власть путем переворота 1 февраля 2021 г. и заключив под арест всю гражданскую политическую элиту.

Автор справедливо замечает, что в исследовании политического устройства и политических процессов в Бирме/Мьянме трудно применить метод компаративизма. Не

подходит этой стране термин «незападный» политический процесс, но он и не «восточный», поскольку и на Востоке невозможно подыскать страны со сходными политическими путями развития. Как ни парадоксально, но и с ближайшими соседями по региону Юго-Восточной Азии у Мьянмы лишь один общий признак – географический, даже религиозная общность существует лишь с немногими. Некоторые исследователи пытаются провести сравнение мьянманского режима с военными режимами Таиланда или Индонезии, но, по мнению автора, где это сходство начинается, там же оно и заканчивается.

Подводя итоги, автор указывает, что страны региона в последние 70 лет очень изменились, и процессы трансформации и развития продолжаются. Но Мьянма после февральского переворота 2021 г. в один миг была отброшена на 20–30 лет назад, и снова оказалась в еще более глубокой изоляции.

Н.Н. Бектимирова в третьей главе *«Особенности функционирования политической системы в Камбодже в XXI веке»* указывает, что на формирование и функционирование современной политической системы Королевства Камбоджи важное воздействие оказали исторические особенности складывания государства, религиозный фактор, специфика колониального французского правления, эволюция политической системы в постколониальный период, а также внешние факторы, связанные как с ситуацией в регионе, так и с общими глобальными трендами развития. Сложное взаимодействие местной среды и внешнего влияния предопределило неоднозначный характер как современного политического процесса, так и отдельных институтов политической системы страны.

В заключение автор делает вывод о том, опыт демократизации Камбоджи, который был определяющим фактором сущности политического процесса в XXI в. и основ-

ные направления модернизации политической системы, показали, что внедрявшиеся политические нормы и институты, как и их содержательное наполнение, фактически не отличались от других стран, в том числе, западных. Однако, как и в каждой из рассматриваемых в этой монографии стран, в Камбодже своя специфика политического процесса, которая заключается в целенаправленной деятельности правящих элит по консервации норм традиционной политической культуры, в первую очередь, патронажных отношений, как структурообразующей основы общества. В результате, – делает вывод автор, – в Камбодже современная политическая система пока представляет собой гибридную модель. По набору политических институтов и практик она полностью соответствует западной модели, однако в реализации политической власти через эти структуры еще сильно ощущается «кхмерская/восточная» специфика.

В главе четвертой *«Политическая система Таиланда: особенности и эволюция»* ***Е.А. Фомичева*** рассматривает современное состояние политической системы Таиланда, указывая, что эта система сложилась, пройдя долгий путь от феодальной наследственной монархии до конституционной монархии, с институтом королевской власти, конституцией, парламентом, политическими партиями, парламентскими выборами, а также выборами на других уровнях. Автор указывает, что система власти в Таиланде обладает как определенными достоинствами, так и существенными недостатками. В настоящее время, в начале XXI в., политическая система развивается, в нее вносятся новые элементы, смещаются акценты. Трансформация происходит в результате борьбы традиционных и новых, стремящихся к власти, элит, а также под воздействием новаций в политической теории и политических воззрениях. В политику вносятся новые понятия, используются совре-

менные политтехнологии. Несмотря на общие принципы, лежащие в основе современной буржуазной демократии во всех странах, где они применяются, в Таиланде, как и повсюду, государственное устройство имеет характерные особенности, обусловленные географическим положением, историей, условиями существования и развития государства, морально-нравственными принципами данной общности – нации, ее политической культурой. По форме политическая система Таиланда западная, она была заимствована у Запада, была принята местным обществом, пересмотрена в соответствии с национальными условиями. По содержанию политическая система Таиланда имеет много особенностей местного происхождения. По сути дела, аналогичным образом можно рассматривать современные политические системы в других странах региона – западные по форме, национальные – по содержанию.

Глава пятая *«Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире»* ***Д.С. Панариной*** раскрывает основные особенности филиппинской политической системы, описывает работу местных органов власти, их структуру, включая мельчайшую административную единицу Филиппин – барангаи. Отчасти анализируется Конституция страны 1987 г., в ходе исследования автор обращает особое внимание на отдельные пункты Конституции. Еще один раздел главы посвящен политическим партиям на Филиппинах, их работе, той роли, которую они играют в политическом процессе. Кроме того, автор останавливается на том, какими путями и насколько успешно на Филиппинах реализуется идея американской демократии, на том, какие изъяны и отступления от демократии здесь присутствуют в связи с наличием на Филиппинах таких явлений как политические кланы или семьи, патернализм и высокий уровень персоналистичности в политике. Д.С. Панарина так же обращается к анализу некоторых

культурных черт, которые сформировались в филиппинском обществе на фоне существующей политической системы, и которые играют важную роль в политических процессах в стране.

В заключение автор делает вывод о том, что в случае с Филиппинами реализация демократии американского типа, при существующем до сих пор типе управления, вряд ли возможна. Д.С. Панарина указывает, что у филиппинцев, как нации, и как гражданского общества есть определенный потенциал дальнейшего демократического развития, однако, учитывая в целом недостаточно высокий уровень жизни, процесс демократизации будет постоянно тормозиться и пройдет немало времени, прежде чем начнут происходить действительно качественные и при этом долгосрочные изменения. Надеяться же на то, что курс на демократизацию политических и гражданских институтов будет осуществлен сверху, также не приходится, поскольку властные элиты до сих пор не увидели в реформировании старой системы достаточно привлекательных для себя сторон, а значит, будут и дальше всеми силами отстаивать и защищать привычный старый порядок, препятствуя кардинальным изменениям.

В шестой главе «*Социально-политические процессы в Малайзии (после обретения независимости в 1957 г. и до наших дней)*» ***Е.В. Кочеткова*** и ***В.А. Погадаев*** подробно анализируют особенности государственного устройства Малайзии, деятельность ее основных политических партий, социально-политические процессы, происходившие в Малайзии после обретения независимости в 1957 г. и до наших дней, а также историю формирования этноконфессионального и политического облика страны.

Авторы выделяют некоторые специфические особенности политической системы страны, где ислам является государственной религией. При том, что большую

часть населения составляют мусульмане, Малайзия не является радикальным исламским государством, на конституционном уровне всем гражданам гарантирована свобода вероисповедания. Вместе с тем, ислам во многом определяет внутреннюю и внешнюю политику в государстве, являясь частью национальной идеологии коренного населения Малайзии. Еще одним важным фактором развития политической системы является то, что принадлежность к какой-либо партийной организации в основном ассоциируется с этнической составляющей, другими словами, партии, сформированные по коммуналистскому признаку, представляют интересы отдельных национальных групп страны. Авторы отмечают, что во многом сплочению малайзийских граждан препятствуют культурные и конфессиональные различия, наличие языкового барьера, территориальная и психологическая отчужденность, которые служат постоянным источником возникновения напряженности в отношениях между этническими группами.

В заключительной 7 главе «*Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем*» ***Е.М. Астафьева*** представляет подробный анализ процесса складывания политической системы современного Сингапура и особенностей политических процессов в длительной исторической ретроспективе. Автор указывает, что характерной чертой сингапурской политической системы является то, что ее основы были заложены в период колониальной зависимости, а также во время нахождения Сингапура в составе Федерации Малайзия. Е.М. Астафьева проводит анализ политических процессов в современном Сингапуре через призму 13-ти парламентских выборов, проведенных в период с 1965 по 2020 гг. В заключение автор отмечает, что нельзя согласиться с утверждениями некоторых представителей

«демократического» сообщества о том, что в этой стране нет демократического процесса. Процесс есть. Безусловно, оппозиция пока слаба, но она набирает силу. Подрастает новое поколение сингапурцев, за умы и сердца которых уже разворачивается нешуточная борьба между бессменно правящей Партией народного действия и оппозиционными партиями.

Подводя итог, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что содержание этой коллективной работы еще раз подтверждает необходимость тщательного осмысления политических процессов применительно к каждой конкретной стране в соответствующий период её исторического развития. Параллельно возникает вопрос, а так ли хороша та система демократии, которую страны коллективного Запада пытаются навязывать другим? Может ли «идеальная» модель западной демократии работать в странах Востока? Ответ однозначный – нет. Любая система опирается на базис, сформированный особенностями исторического развития и, безусловно, менталитета, разного по своей сути в странах Запада и Востока. Чисто формально структуры политических систем и тенденции политических процессов могут быть универсальны, но их содержание всегда будет разным.

ABSTRACTS

Political Systems and Political Process in the Southeast Asia Countries

Introduction

About the author: ***Dmitry V. Mosyakov*** *- Doctor of History, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. E-mail: mosyakov.d@gmail.com*

The chapter is devoted to criticism of the concept of the so-called "non-Western political process". Author expresses the opinion that this concept, formulated back in the mid-50s of the 20th century, is outdated today. The fact is that after the active phase of the globalization process and huge changes in the political, economic and social structure of Eastern societies over the past 60 years, the differences between how politics is done in the West and the East have virtually disappeared. The article provides evidence that now we can see a certain universal mechanism of power, which is equally intensively used in both Western and Eastern societies and states.

Chapter 1. *Political System of Indonesia – Between the Past and the Future*

About the author: ***Aleksey Yu. Drugov*** *- Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru*

The political system of the Republic of Indonesia is now in the process of democratization and modernization which started in May 1998 with the fall of military authoritarian "New Order" regime. Several radical reforms were realized,

including some principal democratically oriented changes of the Constitution, permission for creation of new political parties, limitations for the role of the army in politics. Political, civil and human rights of the people were included in the Constitution. Openness of the mass media became quite significant.

Still the realization of these reforms is facing substantial difficulties connected with the monopoly of the state ideology, rise of radical Islam. The prestige of political parties and the parliament is still lower than that of executive institutions and the army.

Chapter 2. *Features of the political system and political processes in independent Burma/Myanmar*

About the author: ***Aida A. Simoniya*** *– PhD in Economics, Leading Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. E-mail: aida.simonia@gmail.com*

The chapter notes that the formation of the current political system of Myanmar was influenced by the historical features of the country's development, in particular, the colonial past and the armed struggle for independence. These factors led to the creation of the National Army of Burma, which assumed the functions of the main political institution. Although de jure the country has all the attributes of a political system, the de facto army has ruled the country since the first military coup of 1962. Having conceded only the reins of government to the elected civilian government for five years, the military could not accept another triumphant victory of the National League for Democracy, and carried out a military coup on February 1, 2021, arresting the entire civilian political elite.

Chapter 2. *Features of the Functioning of the Political System in Cambodia in the 21 Century*

About the author: ***Nadezhda N. Bektimirova,*** *Doctor of History, Professor, Head of Department of History of the Far East and Southeast Asia IAAS MSU, Moscow, Russia. E-mail: nabektimirova@yandex.ru*

The chapter indicates that the formation and functioning of the modern political system of the Kingdom of Cambodia had an important impact on the historical features of the folding of the state, the religious factor, the specifics of colonial French rule, the evolution of the political system in the post-colonial period, as well as external factors associated with both the situation in the region and general global development trends. The complex interaction of the local environment and external influence predetermined the ambiguous nature of both the modern political process and individual institutions of the country's political system.

Chapter 4. *Thailand's political system, features and evolution*

About the author: ***Elena A. Fomicheva*** *– PhD in History, Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. E-mail: elen-fomicheva@yandex.ru*

The author describes the model of the political system of modern Thailand, paying attention to its most important elements. It is noted that 29 constitutions have been adopted in the country, which is connected with the current system of military coups. Changes in the functions of individual institutions of state power, such as the institution of the monarchy, the Senate, are traced. The features of the party-political sys-

tem are analyzed. The historical development of the political system of Thailand is traced.

Chapter 5. *Philippine Political System: Western Democracy in Asian World*

About the author: *Daria S. Panarina, Candidate of Cultural Sciences, Senior Fellow, Centre for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: daria2002panarina@gmail.com.*

The chapter shortly examines main features of the Philippine political system, touches upon local government units' structure, including barangays. Moreover, the 1987 Constitution of the country is being partially analyzed, paying special attention to particular sections. Political parties' general characteristics, the way political parties work in the Philippines, what role they play in political process – all these items represent another part of the research. Rather large portion of the chapter considers how American form of democracy is being realized on Filipino land, what atrocities appear to come in the front in "Filipino democracy" due to such local peculiarities as political clans or families, paternalism, and high level of personalization of politics in the country. Finally, the author speculates on some of the cultural features which have developed on the background of Philippine political system and play great role in political process in the country.

Chapter 6. *Socio-political processes in Malaysia (after independence in 1957 and up to the present day)*

About the authors:
Ekaterina V. Kochetkova *– PhD in History, Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. E-mail: kati17@yandex.ru*

Victor A. Pogadaev *– PhD in History, Senior Lecturer, Moscow State Institute of International Relations. Moscow, Russia. E-mail: v.pogadaev@my.mgimo.ru*

The chapter examines the features of the state structure of Malaysia, the activities of its main political parties, the socio-political processes that took place in Malaysia after independence in 1957 to the present day, as well as the history of the formation of the ethno-confessional and political image of the country.

Chapter 8. *The Formation of the Political System of Singapore: Features of the Processes in the Past and Present*

About the author: ***Ekaterina M. Astafyeva*** *– PhD in History, Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, Russia. E-mail: katy-ast@yandex.ru*

The chapter detail examines the process of formation the modern Singapore political system and the features of the processes in the duration of their application retrospectively. The author noted that the characteristic feature of the Singaporean political system was it foundation during the period of colonial dependence, as well as during the Singapore journey at the Federation of Malaysia. Basically, the identified features of inter-party competition in Singapore are analyzed and the main stages of the authorities People's Action Party are identified.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Литература и источники на русском языке

Астафьева Е.М. Безальтернативные президентские выборы в Сингапуре в 2017 г. и первая женщина президент: а была ли возможна альтернатива? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017, №36, С. 140-145.

Астафьева Е.М. Ли Сянь Лун – достойный сын великого отца / Многоликая элита Востока. Том 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 308–309.

Астафьева Е.М. Сингапур в составе Малайзии (1963–1965) // Восток, № 6. М.: ИВ РАН, 2014. С. 67.

Астафьева Е.М. Сингапур: всеобщие выборы 2015 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 28. М.: ИВ РАН, 2015. С. 104–118.

Астафьева Е.М. Сингапур: предвыборная кампания 2020 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Том I, № 1 (46). М.: ИВ РАН, 2020. С. 407–412. DOI:10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-407-412.

Астафьева Е.М. Сингапурский мятеж 1915 г. и сингапурский бунт 2013 г.: трагическое стечение обстоятельств? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.2014, № 25. С. 158–159.

Бектимирова Н.Н. Камбоджа и Запад: особенности взаимодействия на рубеже веков / Губеровские чтения. Выпуск 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и Современность. М., 2013. С. 95–109.

Бектимирова Н.Н. Королевство Камбоджа // Политические системы стран Юго-Восточной Азии. М., 2015. С. 29–31.

Бектимирова Н.Н. Межпартийное противостояние в Камбодже в 2017 г.: тенденции и перспективы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017, № 36. С. 110–123.

Бектимирова Н.Н. Механизм партийной мобилизации в современной Камбодже // Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. М., 2015. С. 233–262.

Бектимирова Н.Н. Особенности процесса демократизации в Камбодже и его будущее в XX в. // Восточная аналитика. 2012, № 3. С. 39–46.

Бектимирова Н.Н. Политическая культура кхмеров и ее отражение в политико-экономическом развитии Камбоджи на рубеже веков // Политическая культура и деловая этика стран Востока / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Вост. Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. - Москва : Ключ-С, 2006 (М. : ООО "Галлея-Принт"). – 350 с. – С. 193–211.

Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития, (1980-2000). Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – Москва : Гуманитарий, 2007. – 224 с.

Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А. Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. М.: Тезаурус, 2016. – 284 с.

Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н. Королевство Камбоджа: политическая история (1953-2002) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки при МГУ. – М. : Гуманитарий, 2002. – 349 с.

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.

Бутрос Бутрос Гали. Организация Объединенных Наций и Камбоджа. Информационный Центр ООН в Москве, 1996. 96 с.

Вахрамеев А.А., Тюрин В.А. Современная Малайзия. М., 1982. 64 с.

Государственное устройство Филиппин / Best Country. August 3, 2019. URL: http://www.best-country.com/ru/asia/Philippines/political_structure.

Гуревич Э.М., Чуффрин Г.И. Внешняя политика Сингапура. М.: Наука, 1989.

Жеребилов В.А. Иммиграция как средство формирования рынка рабочей силы в Малайе до Второй мировой войны // Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 1959. С. 61–87.

Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М.: Мысль, 1984. 304 с.

Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана [Текст] : [Тексты конституций и конституционных актов] / Пер. под ред. З. И. Луковниковой ; [Вводные статьи Л. А. Филатова и др.]. - Москва : Изд-во иностр. лит., 1960. – 738 с.

Конституция Малайзии. Конституции государств (стран) мира. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=655.

Кочеткова Е.В. Тун Абдул Разак – национальный лидер и «отец развития» Малайзии // Многоликая элита Востока. Том 2. Коллективная монография. Отв. редактор и составитель Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. С. 469–493.

Лебедев И. Сингапур. М: «Соцэгиз», 1959.

Ли Куан Ю. Сингапурская история: из "третьего мира - в первый" / Ли Куан Ю ; [пер. с англ. А. В. Боня]. - Москва : МГИМО-Ун-т МИД России, 2005 (Калуга : ГУП Облиздат). – 654 с.

Лю Ю. Современный Сингапур. М.: Наука, 1976. –165 с.

Малайзия. Особенности партийной системы. Политический атлас современности. URL: http://www.hyno.ru/tom2/996.html/.

Малайзия: Справочник / АН СССР, Ин-т востоковедения; [Ю. Г. Александров и др.]. - Москва : Наука, 1987. – 361 с.

Махатхир Мохамад. Доктор своей страны: мемуары четвёртого премьер-министра Малайзии : [в 2 т.] / Махатхир Мохамад ; [пер.: Г. И. Гладков и др.] ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России, Центр АСЕАН. - Москва : МГИМО-Ун-т, 2015. - Т 1. - 2015. – 490 с.

Махатхир Мохамад. Доктор своей страны: мемуары четвёртого премьер-министра Малайзии : [в 2 т.] / Махатхир Мохамад ; [пер.: Г. И. Гладков и др.] ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России, Центр АСЕАН. - Москва : МГИМО-Ун-т, 2015. - Т. 2 . - 2015. – 505 с.

Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. – Москва : ИВ РАН, 2010. – 739 с.

Мусаев Т., Джамиля Мохамад. «Look East Policy» и попытки внедрения японского языкового образования и японской трудовой этики в Малайзии // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XX. К 50-летию Малайско-индонезийских чтений (1967–2017). Редакторы-

составители В.А. Погадаев и В.В. Сикорский. М., 2018. С. 33-43.

Национальный вопрос в Малайзии / В.В. Гордеев; АН СССР, Ин-т востоковедения. - Москва : Наука, 1977. - 147 с.

Панков А.Н. Конституционно-правовое развитие республики Филиппины // Вестник МГИМО-Университета. 2013; № 4 (31). С 275–281. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1306/1047; https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-275-281.

Панков А.Н. Особенности конституционного регулирования организации и деятельности высших органов государственной власти республики Филиппины. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГИМО МИД РФ, Москва, 2016. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2016/pankov_diss.pdf.

Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: ИВ РАН, 2007.

Погадаев В.А. Малайзийская оппозиция в борьбе за независимость страны и социальный прогресс (1940–1970-е годы). М.: Ключ-С, 2014. 157 с.

Погадаев В.А. Малайзия // Экономика стран Юго-Восточной Азии. Отв. редактор В.М. Мазырин. М.: 2020. С. 266–293.

Погадаев В.А. Малайский мир (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур). Лингвострановедческий словарь. М.: Восточная книга, 2012. 978 с.

Погадаев В.А. Народный премьер // Доктор Махатхир Мохамад : Политик и личность / [Сост. сб. В. С. Сычев]. - М. : Форум, 2001. - 301 с.

Погадаев В.А. Одна Малайзия премьера Наджиба Разака // Азия и Африка сегодня, № 12. М.: РАН, 2009. С. 41–44.

Погадаев В.А. Партия демократического действия Малайзии: истоки создания // Страны Юго-Восточной Азии: традиции и современность (история, политика, экономика, культура) / отв. ред. Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н.; ред. кол.: Сабиров Р.Т. и др. — монография, электронное издание сетевого распространения / коллектив авторов. М.: «КДУ», «Добросвет», 2018. https://bookonlime.ru/

lecture/23-partiya-demokraticheskogo-deystviya-malayzii-istoki-sozdaniya-0

Погадаев В.А. Премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави // Тихоокеанское обозрение = Asia Pacific outlook / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона; под ред. В. М. Мазырина, О. В. Новаковой, П. Ю. Цветова. - Москва : Ключ-С, 2006. – 197 с.

Погадаев В.А. Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии // Вопросы истории, № 3. Ярославль: ЯГПУ, 2019. С. 135–139.

Погадаев В.А. Трудная судьба Анвара Ибрагима // Многоликая элита Востока. Том 2. Коллективная монография. Отв. редактор и составитель Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. С. 494–516.

Руднев В.С. Малайзия. Политическое развитие (1963–1968). М., 1969, 299 с.

Симония А.А. Военный переворот в Мьянме 2021: причины и сценарии дальнейшего развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, № 1 (50). С. 166−180.

Симония А.А. Глава II. Бирма/Мьянма // Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. Коллективная монография. М.: Тезаурус, 2016. С. 113−204.

Симония А.А. Кризис в Мьянме как момент истины для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021, № 3 (52). (в печати)

Симония А.А. Мьянма 2021: военный переворот как трагическое повторение старого сценария // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, №2 (51). С. 155−165.

Симония А.А. Мьянма: восемнадцать месяцев президентства Тейн Сейна // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012, Вып. 18. С. 161–185.

Симония А.А. Мьянма-2020: всеобщие парламентские выборы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020, № 3 (48). С. 129–144.

Сукарно. Индонезия обвиняет [Текст] : Сборник статей и речей: Пер. с индонез. и англ. - Москва : Изд-во иностр. лит., 1956. – 363 с.

Сулицкая Т.И. Англия и Малайзия (1961–1971). М., 1973. 182 с.

Труфанов И.П. Сингапур. М.: Наука, 1967.

Тюрин В.А. «Чрезвычайка»: гражданская война в форме этнического противостояния // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Выпуск 11, 2008. С. 298-314.

Тюрин В.А. История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980, 264 с.

Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 670 с.

Чуффрин Г.И. Сингапур. М.: Мысль, 1970. – 110 с.

Литература и источники на иностранных языках

Allen J. The Malayan Union. New Haven, 1967. 181 pp.

Are There Enough Malaysians to Save Malaysia? Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965. 24 p.

Atienza, Maria Ela L. Local Government and Devolution in the Philippines // Philippine Politics and Governance. An Introduction. Ed. by Noel M. Morada, Teresa S. Encarnacion Tadem. Department of Political Science, College of Social Sciences and Philosophy, University of the Philippines. Diliman, Quezon City, 2006. URL: https://polisci.upd.edu.ph/philippine-politics-and-governance-full-text/.

Bedlington S.S. Malaysia and Singapore. The building of New States. Ithaca and London, 1978. 285 pp.

Bernas, Joaquin G. The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines: a commentary. 2009 ed. Manila, Philippines: Rex Book Store, 2009. xxxiii, 1410 pp.

Birch. E.W. The Vernacular Press in Singapore // JMBRAS. 1969, Vol. 42, Pt. 1.

Blascheke W. Freedom for Malaya. Sydney, 1949.

Brinkley J. Cambodia's Curse. The Modern History of a Troubled Land. New York, 2011. P. 161.

Bueza, Michael. LIST: New Congressional Districts in the 2022 Elections / Rappler. June 24, 2021. URL: https://www.rap

pler.com/nation/elections/list-new-congressional-districts-philippines-2022-polls/.

Building the Philippine Political Party System. Office of the Ombudsman. URL: https://www.ombudsman.gov.ph/UNDP4/wp-content/uploads/2013/03/KP4.-Primer-1-Building-the-Philippine-Political-Party-System.pdf.

Chambers P., Ufen A. Causes, Effects and Forms of Fctionalism in Southeast Asia // Journal of Current Southeast Asian Affairs. No 39 (1). SAGE Journals, 2020. P. 3–16. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1868103420916044 doi:10.1177/1868103420916044.

Chean Boon Kheng. From PKI to the Comintern. 1924–1941: The Apprenticeship of the Malayan Communist Party. Selected Documents and Discussion Compieled and Edited with Introduction. Ithaca, 1992. 147 pp.

Chew E., Lee E. (Eds.). A history of Singapore. Singapore: Oxford University Press, 1991. 442 pp.

Craig D., Pak Kimchoeun. Learning from Party Financing of Local Investment Projects in Cambodia: Elite and Mass Patronage, Accountability and Decentralized Governance. A discussion paper. 2009. URL: https://www.cambridge.org/core/books/international-intervention-and-local-politics/0437ED93337C7BD10E3B9A0B2A34F468

de Onraet R.H. Singapore: A Police Background. L., 1947. Declaration by the Convenors of the Malaysian Solidarity Convention. Singapore, 1965.

Edleman, Paul R. Philippine Government Structure with a Focus on the Philippine Barangay. Sauk Valley Community College. URL: https://www.niu.edu/clas/cseas/_pdf/lesson-plans/fulbright-hays/philippine-political-structure.pdf.

Elected Presidency: Amendments to Constitution passed in Parliament. URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/elected-presidency-amendments-to-constitution-passed-in-parliame-7719282

Election Manifesto of the PAP. Singapore, 1964. URL: https://eresources.nlb.gov.sg/history/events/31e9b4cb-e3ed-4c82-8a50-71adb33a6a1f

Federation of Malaya. Annual Report 1949. Kuala Lumpur, 1950.

Freedman M. Immigrants and Associations: Chinese in Nineteenth-Century Singapore // Comparative Studies in Society and History, 3(1), 1960.

Gini Coefficient by Country 2021. World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country.

Goh, Melissa. Malaysia's opposition band together under new Pakatan Harapan alliance. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/asia/malaysia-s-opposition-band-together-under-new-pakatan-harapan-al-8240190.

Gottesman E. Cambodia after the Khmer Rouge. Inside the Politics of Nation Building. New Haven & London, 2003. P. 299–300.

Gottesman E. Cambodia after the Khmer Rouge. L., 2002. P. 299.

Government and Politics in Malaysia. Boston: Mass., 1967. Pp. viii, 259. Index Maps.

Hanrahan G.Z. The Communism Struggle in Malaya. Kuala Lumpur, 1971.

Hicken A. Party and Party System Institutionalization in the Philippines // Hicken A., Kuhonta EM. (eds). Party System Institutionalization in Asia: Democracies, Autocracies, and the Shadows of the Past. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 307–327.

Highlights of the Population Density of the Philippines 2020 Census of Population and Housing (2020 CPH) / Philippine Statistic Authority. July 23, 2021. URL: https://psa.gov.ph/population-and-housing/node/164857.

House Bill No 2981. Fifteenth Congress. First Regular Session. House of Representatives. URL: https://hrep-website.s3.ap-southeast-1.amazonaws.com/legisdocs/basic_15/HB02981.pdf.

Hun Sen. Selected Impeomptu Comments during the Inauguration of the NR 214 and the Launch of the Construction of the Cambodian-Chinese Friendship Bridge over Mekong River at Stoeng Treng Province. 05.05.2012. URL: http://cnv.org.kh/selected-impromptu-comments-during-the-inauguration-of-the-nr-214-and-the-launch-of-the-construction-of-the-cambodian-chinese-friendship-bridge-over-the-mekong-river-at-stoeng-treng-province/.

Hun Sen. Statement at the Kicking off Campaign for the 6th Legislature General Election and 67th Anniversary of the Cambodian People's Party. 07.07.2018. URL: http://cnv.org.kh/statement-kicking-off-campaign-6th-legislature-general-election/.

Ideology. Parti Gerakan Rakyat Malaysia. URL: https://www.gerakan.my/about-us/ideology#.Yc424GhBzcs.

Jacobsen T., Stuart-Fox M. Power and Political Culture in Cambodia. Asia Research Institute. Working Paper Series N 200. 2013.

Jose Ramon G. Albert, Angelo Gabrielle F. Santos, Jana Flor V. Vizmanos. Defining and Profiling the Middle Class // Policy Notes. No. 2018-18 (December 2018). Philippine Institute for Development Studies. URL: https://pidswebs.pids.gov.ph/cdn/publications/pidspn1818.pdf.

Jose Ramon G. Albert, Angelo Gabrielle F. Santos, Jana Flor V. Vizmanos. Unmasking the Middle-class: Profile and Determinants / Philippine Statistics Authority. URL: https://psa.gov.ph/sites/default/files/1.1.3%20Unmasking%20the%20Middle%20Class%20in%20the%20Philippines%20Aspirations%2C%20Lifestyles%2C%20and%20Prospects%20for%20Sustainable%20Consumption.pdf.

Kendall, Dave. Explainer: The appointed Senate / Bangkok Post. 28.01.2020.

Kenny, Paul D. Why Is There No Political Polarization in the Philippines? / Carnegie Endowment for International Peace. August 18, 2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/08/18/why-is-there-no-political-polarization-in-philippines-pub-82439.

Lande, Carl H. The Philippine Political Party System // Southeast Asian History Journal. No. 5. (March). International Studies Center for East Asian Studies. The University of Kansas. Lawrence, Kansas, 1967. Pp. 19–39. URL: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/1186/CEAS.1967.n5.pdf;jsessionid=A8D479732735367FDDC7071410CD7A20?sequence=1.

Lau A. The Malayan Union controversy 1942–1948. Singapore: Oxford University Press, 1991. 308 pp.

Lee Kuan Yew. Can Singapore's Experience be Relevant to Africa? Singapore: Singapore International Foundation, 1994.

Lee Kuan Yew. The Singapore Story. Memoris of Lee Kuan Yew. 680 p.

Lee Kuan Yew. The Winds of Change. Singapore, 1964.

Lorenzana Lito Monico C. Political Parties – What We Have / The Manila Times. July 14, 2021. URL: https://www.manilatimes.net/2021/07/14/opinion/columns/political-parties-what-we-have/1806897.

Lust Ellen, Waldner David. Theories of Democratic Change: Phase 1: Theories of Democratic Backsliding. USAID. May 13, 2015. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/2496/Theories%20of%20Democratic%20Change%20Phase%201--Democratic%20Backsliding.pdf.

Malaysia – Political Parties. Nations Encyclopedia. URL: https://www.nationsencyclopedia.com/Asia-and-Oceania/Malaysia-POLITICAL-PARTIES.html.

Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 1 June 1965.

Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 26 May 1965.

Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 3 June 1965.

Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 31 May 1965.

Malaysia, Parliamentary Debates, vol. 11, 9 August 1965.

Malaysia, Parliamentary Debates, Vol.5, 1 December 1963.

Malaysia. Agreement Concluded between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Federation of Malaya, North Borneo, Sarawak, and Singapore. Singapore, 1963.

Malott, John R. Running Scared in Malaysia / Wall Street Journal. 08.07.2011.

Manifesto of the People's Action Party, in Our First Ten Years. Singapore, 1964.

Mauzy, Diane K., Milne R.S. Singapore Politics Under the People's Action Party. Routledge, 2002. ISBN 0-415-24653-9.

Mazwin Nik Anis. Zahid: RoS approves Muhyiddin's party, will be known as PPBM / The Star. 08.09.2016.

McCoy, Alfred W. ed. An Anarchy of Families: State and Family in the Philippines. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1998.

Miller E. Strategy at Singapore. N.Y., 1942. 145 p.

Milne R.S. Politics and Government in Wang Gungwu, ed., Malaysia (London, 1964).

Montiel, Cristina Jayme. Philippine Political Culture and Governance. Cultural Aspects of Philippine Governance. Office of the Ombudsman. URL: https://www.ombudsman.gov.ph/UNDP4/wp-content/uploads/2012/12/Philippine-Political-Culture-and-Governance.pdf.

Morrison, James H. Japanese Occupation of Singapore // Canadian Oral History Association Journal, Vol. 14, 1994.

Myanmar's 2008 Constitution cannot be abolished, can only be amended: Senior General Min Aung Hlaing. 02.10.2021. URL.: https://elevenmyanmar.com/news/myanmars-2008-constitution-cannot-be-abolished-can-only-be-amended-senior-general-min-aung.

Myanmar's Constitution of 2008. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Myanmar_2008.pdf?lang=en

NDI Report on Constituency Dialogues in Cambodia: October 2012 to March 2013.

Noren-Nilsson A. Cambodia's Second Kingdom. New York, 2016. P. 46–49.

Office of The Election Commission of Thailand. URL: https://www.ect.go.th/ect_en/.

Ong J.H. Community Security / in K.S. Sandhu and P. Wheatley (eds) Management of Success: The Moulding of Modern Singapore, Singapore, Institute of Southeast Asian Studies., 1989.

Parliament House Singapore. URL: https://www.holidify.com/places/singapore/parliament-house-singapore-sightseeing-121359.html.

Parliament of Singapore. URL: https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

Parliamentary Elections / Elections Department, Singapore. URL: https://www.eld.gov.sg/elections_parliamentary.html.

Parliamentary General Election 1968. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1968/.

Parliamentary General Election 1976. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1976/.

Parliamentary General Election 1980. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1980/.

Parliamentary General Election 1984. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1984/.

Parliamentary General Election 1997. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1997/.

Parliamentary General Election 2001. http://www.singapore-elections.com/general-election/2001/.

Parliamentary General Election 2006. http://www.singapore-elections.com/general-election/2006/.

Parliamentary General Election 2011. http://www.singapore-elections.com/general-election/2011/.

Parliamentary General Elections 1955. URL: http://singapore-elections.com/general-election/1955/.

Parliamentary General Elections 1991. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1991/.

Parti Pribumi Bersatu Malaysia (PPBM). Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/lcwaN0023133/.

Party List Representatives. House of Representatives. 18th Congress. Third Regular Session. December 2021. URL: https://www.congress.gov.ph/members/?v=pl.

Philippine Political System / Department of Philippines. URL: https://sites.google.com/site/departmentofphilippines/philippine-political-system.

Pilihan Raya Umum Malaysia 14. Suruhanjaya Pilihan Raya Malaysia. URL: http://pru14.spr.gov.my/.

PM Lee Hsien Loong sends letter to PAP MPs on rules of prudence and proper conduct. URL: http://www.straitstimes.com/politics/pm-lee-hsien-loong-sends-letter-to-pap-mps-on-rules-of-prudence-and-proper-conduct.

Political parties in Malaysia. URL: https://detailedpedia.com/wiki/Category-Political_parties_in_Malaysia.

Political parties in Sabah. URL: https://detailedpedia.com/wiki/Category-Political_parties_in_Sabah.

Poverty Data: Philippines/ Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/countries/philippines/poverty.

Press Statement issued by the Deputy Prime Minister's Office (D.P.M), 9 April 1964.

Proclamation No. 1081, s. 1972. Proclaiming a state of martial law in the Philippines. Malacañang, Manila / Official Gazette. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/1972/09/21/proclamation-no-1081/.

Proclamation No. 2045, s. 1981. Proclaiming the termination of the state of martial law throughout the Philippines. Malacañan Palace, Manila / Official Gazette. URL: https://www.officialgazette.gov.ph/1981/01/17/proclamation-no-2045-s-1981/.

Quimpo NG. Contested Democracy and the Left in the Philippines After Marcos. Quezon City: Ateneo de Manila University, 2008. 444 pp.

Rajaratnam S. Solution to the Communal Problem. Petir, Singapore, March 1965.

Ratnamn K.J. Communalism and the political process in Malaya. Kuala Lumpur, 1965.

Republic Act No. 7160. An Act Providing for a Local Government Code of 1991. Government of the Philippines. URL: http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/phi93246.pdf.

Robertus Robet. Antinomi Pancasila // Prisma (Jakarta). Vol. 37, No. 2, 2018.

Rocamora, Joel. Formal Democracy and its Alternatives in the Philippines: Parties, Elections and Social Movements. Paper presented at the conference Democracy and Civil Society in Asia: The Emerging Opportunities and Challenges Queens University, Kingston, Ontario, Canada, 19–21 August 2000. Julio 26, 2005. URL: https://www.tni.org/es/node/7396.

Rood, Steven. The Philippines: What Everyone Needs to Know. New York: Oxford University Press, 2019. 272 pp.

Rukunegara // Geiger. Vol. 4, № 1, May 1971.

San Yamin Aung. Myanmar Military Regime Rewrites Laws to Stifle Dis-sent, 'Justify' Power Grab / The Irrawaddy. 18.02.2021.

Singapore Department of Statistics. URL: http://www.singstat.gov.sg/publications/publications_and_papers/cop2010/census_2010_rele ase2/cop2010sr2.pdf.

Singapore General Election 1951. http://singapore-elections.com/general-election/1951/.

Singapore general election: Parties / CNA. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/specialreports/sg-votes/parties.

Singapore General Elections 1988. URL: http://www.singapore-elections.com/general-election/1988/.

Singapore National Referendum 1962. URL: http://www.singapore-elections.com/national-referendum/1962/.

Singapore Parliament. URL https://www.parliament.gov.sg/history/historical-development.

Singapore, Legislative Assembly, Debates, Vol. 22, 9 December 1963.

Sopiee M.N. From Malayan Union to Singapore Separation. Political Unification to the Malaysia Region 1945–65. Kuala-Lumpur, 1976.

State of Singapore Annual Report, 1963. Government of Singapore.

Straits Chinese British Association. URL: http://eresources.nlb.gov.sg/INFOPEDIA/articles/SIP_496_2004-12-20.html.

Strangio, Sebastian. Myanmar Coup Opponents Announce 'Unity Govern-ment', Interim Constitution / The Diplomat. 01.04.2021. URL: https://thediplomat.com/2021/04/myanmar-coup-opponents-announce-unity-government-interim-constitution/.

Strong Patronage, Weak Parties: The Case for Electoral System Redesign in the Philippines. Asia Foundation. URL: https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/02/Strong-Patronage-Weak-Parties-Briefer.pdf.

Suruhanjaya Pilihan Raya Malaysia (Election Commission of Malaysia). URL: www.spr.gov.my/.

Survey of Cambodian Public Opinion. IRI, July 12 – August 6, 2010. P. 11–12; November 30 – December 25, 2011. P. 10–11

Suryanaryan V. Singapore in Malaysia. Reprinted from International Studies, Vol 11, No. 1, July 1969.

Swinson A. Defeat in Malaya: The Fall of Singapore. L., 1970.

Tancangco L. The Electoral System and Political Parties in the Philippines // De Guzman R., Reforma M. (eds). Government and Politics of the Philippines. Singapore: Oxford University Press, 1988. Pp. 77–112.

Teehankee JC. Factional Dynamics in Philippine Party Politics, 1900–2019 // Journal of Current Southeast Asian Affairs. Volume 39. Issue 1. SAGE Journals, 2020. P. 98–123. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1868103420913404. https://doi.org/10.1177/1868103420913404.

Teehankee JC. House of Clans: Political Dynasties in the Legislature // Thompson, MR., Batalla, EVC. (eds) Routledge Handbook

of the Contemporary Philippines. London and New York: Routledge, 2018. Pp. 85–96.

The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution.

The Battle for a Malaysian Malaysia. Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965.

The Constitution of the Kingdom of Thailand, 1997: A Bluprint for Participatery Democracy. James R. Klein Representative of The Asia Foundation in Thailand Working Paper, No 8, March 1998.

The Electoral Integrity Project. The Year in Elections, 2015. P. 22, 91. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2753416: Оценке подверглись 23 страны АТР, где в 2013–2015 гг. состоялись выборы в высшие органы власти.

The Filipino Middle Class. Infographic / The World Bank. October 19, 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2020/10/19/philippines-the-filipino-middle-class.

The Legacy of Empire in Singapore. P. 2. URL: https://www.britishempire.co.uk/maproom/singapore/legacysingapore.pdf.

Third Quarter 2018 Social Weather Survey: 84% are satisfied with the way democracy works; 59% always prefer democracy to any other kind of government / Social Weather Stations. October 4, 2018. URL: https://www.sws.org.ph/swsmain/artcldisppage/?artcsyscode=ART-20181004232016.

Timberman, David G. Philippine Politics Under Duterte: A Midterm Assessment / Carnegie Endowment for International Peace. January 10, 2019. URL: https://carnegieendowment.org/2019/01/10/philippine-politics-under-duterte-midterm-assessment-pub-78091.

Tregonning K.G. A History of Modern Malaya. Singapore, 1964.

Turner, Mark. Conclusion: Learning from the Case-Studies // Central-Local Relations in Asia-Pacific: Convergence or Divergence? London: Palgrave Macmillan, 1999. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27711-7.

Turning Point in Malaysia. Ministry of Culture, Government of Singapore. Singapore, 1965.

Who to Vote For? Get To Know the Political Parties in the Philippines / By Pauline Macaraeg. Esquire. January 27, 2019. URL: https://www.esquiremag.ph/politics/news/political-parties-in-the-philippines-a00287-20190127-lfrm.

Winichakul Thongchai. Remembering/Silencing the Traumatic Past: The Ambivalent Memories of the October 1976 Massacre in Bangkok; Cultural Crisis and Social Memory: Modernity and Identity in Thailand and Laos / Ed. Charles F. Keyes and Shigeharu Tanabe. L.; N.Y.: Routledge/Curzon, 2002. Pp. 243–283.

Yeo K.W. Political development in Singapore, 1945–55. Singapore: Singapore University Press, 1973.

Конституция Королевства Камбоджа. Пномпень. 1947. (на кхмерском языке).

Конституция Королевства Камбоджи. Пномпень. 1993. (на кхмерском языке).

Оун Пун. Противоречия и сложности в продвижении Камбоджи по демократическому пути. Пномпень, 1993. (на кхмерском языке).

Периодические издания

Antara News
Asian Almanac (Singapore)
Berita Harian
Channel News Asia
Daily Press Summary
Detik News
Dewan Rakyat
Far Eastern Economic Review
Indian Express (New Delhi)
Kompas (Jakarta)
Malayan Monitor
Malayan Times
Malayan Times (Kuala Lumpur)
Malaysian Insider
Nikkei Asia
Prisma (Jakarta)
Republika
Reuters
Singapore Government Gazette
Suara Pembaruan (Jakarta)
Suarakarya Online
Sunday Telegraph (London)
Sunday Times
Tempo (Jakarta)
The Bulletin
The Cambodia Daily
The Guardian
The Guardian (London)
The Irrawaddy
The Jakarta Post
The Nation Thailand
The Phnom Penh Post
The Star
The Straits Times
The Sunday Times
The Times (London)
The Wall Street Journal
Today Online.
Неак Кхусана (на кхмер. яз.)
Пном Пень Пост (на кхмер. яз.)

СПИСОК АВТОРОВ

АСТАФЬЕВА Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН. Россия, Москва, E-mail: katy-ast@yandex.ru

БЕКТИМИРОВА Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ. Россия, Москва, E-mail: nabektimirova@yandex.ru

ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Россия, Москва. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru

КОЧЕТКОВА Екатерина Вячеславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Россия, Москва. E-mail: kati17@yandex.ru

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, заведующий Центром ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН. Россия, Москва, E-mail: mosyakov.d@gmail.com

ПАНАРИНА Дарья Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва. E-mail: daria2002panarina@gmail.com

ПОГАДАЕВ Виктор Александрович, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, Россия, Москва. E-mail: v.pogadaev@my.mgimo.ru

СИМОНИЯ Аида Алексеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН. Россия, Москва. E-mail: aida.simonia@gmail.com

ФОМИЧЕВА Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва. E-mail: elen-fomicheva@yandex.ru

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

коллективная монография

Редакторы: *Е.М. Астафьева, Д.С. Панарина*
Верстка, обложка *Е.М. Астафьева*

Подписано *22.12.2021*
Формат 60x90/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 29,38 Уч.-изд. 19,8
Тираж 500 экз. Заказ № 491

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5